

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ
ЛЕНИНЕ

ТОМ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ГИИЗМАССОБ

**ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ
СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

ЛЕНИНЕ

В ДЕСЯТИ
ТОМАХ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

**ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ
ЛЕНИНЕ**

ТОМ

1

**А. И. УЛЬЯНОВА-
ЕЛИЗАРОВА**

Д. И. УЛЬЯНОВ

М. И. УЛЬЯНОВА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1989**

Редакционная коллегия:

М. П. МЧЕДЛОВ, А. П. ПОЛЯКОВ,
А. М. СОВОКИН

Составитель первого тома —
С. У. МАНБЕКОВА

Scan: Ershov V. G., 2006

В77 **Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т.**
Т. 1. Воспоминания родных / Ин-т марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС.— М.: Политиздат, 1989.— 351 с.: ил.
ISBN 5—250—01018—0 (т. 1)
ISBN 5—250—01019—9

В первый том десяти томного собрания воспоминаний о В. И. Ленине вошли воспоминания его родных — сестер А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. И. Ульяновой, брата Д. И. Ульянова. Наряду с уже известными публикуются материалы, впервые увидевшие свет в 20—30 годы и с тех пор не переиздававшиеся. Большой интерес представляет раздел «Приложения», в котором собраны критические замечания родственников Владимира Ильича на книги о нем, их высказывания о необходимости правдивого изображения образа В. И. Ленина.

Издание иллюстрировано, рассчитано на массового читателя.

В 0103020000—212
079(02)—89 Подписное

ББК 13.5

ISBN 5—250—01018—0 (т. 1)

ISBN 5—250—01019—9

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

К ЧИТАТЕЛЮ

Имя Ленина, которому посвящены собранные в настоящем издании воспоминания родных, соратников и очевидцев его деятельности,— символ победы Великого Октября, крупнейших революционных свершений XX века, определивших облик современного мира.

Всю свою жизнь без остатка Ленин посвятил борьбе за освобождение трудового народа от угнетения, нищеты и бесправия. Верным компасом к победе пролетариата над эксплуататорами, к полному человеческому счастью всех трудящихся было для В. И. Ленина марксистское учение, творчески развитое им в новой исторической ситуации.

С момента вступления молодого студента Ульянова на путь борьбы против самодержавия и деспотизма прошло более ста лет. Став марксистом, Ленин вместе с тем унаследовал здоровое и ценное ядро искреннего, боевого демократизма своих революционных российских предшественников, идеалом и целью которых была народная революция. Кровь старшего брата Александра озарила, по словам Анны Ильиничны Ульяновой, заревом революционного пожара путь следующего за ним брата, Владимира. Оценивая его жизненный путь, мы вслед за поэтом можем сказать: «Коротка и до последних мгновений нам известна жизнь Ульянова, но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново». Эта глубокая по содержанию мысль была высказана Маяковским вскоре после смерти Владимира Ильича. Именно тогда, в 20-е годы, было написано большинство проникновенных, исторически точных воспоминаний об Ильиче, которые ныне являются бесценным источником сведений о создателе Коммунистической партии, руководителе великой пролетарской революции, государства рабочих и крестьян, вожде мирового пролетариата.

Счастливая, но нелегкая жизнь В. И. Ленина, начатая на берегах великой русской реки Волги, органически слилась с историей российского пролетариата. Он разделил участь тысяч и тысяч сибирских политических ссыльных, а затем эмигрантов по милости царских властей. Эти страницы жизни Владимира Ильича нашли отражение в воспоминаниях его родных, товарищей по борьбе, очевидцев его конспиративной деятельности. К сожалению, многие из его соратников не успели поделиться своими воспоминаниями, а громадное число написанных и опубликованных вскоре после смерти В. И. Ленина мемуаров по вине Сталина и его ближайшего окружения было на долгие годы изъято из обращения и стало

недоступно читателям. Среди них воспоминания В. А. Антонова-Овсеенко, А. С. Бубнова, Н. П. Горбунова, М. С. Кедрова, С. В. Ко-сиора, Г. И. Ломова (Оппокова), В. И. Невского, И. А. Пятницкого, Ф. Платтена, В. Я. Чубаря, А. В. Шотмана и многих, многих других. Только теперь мы знакомимся с воспоминаниями Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, В. Н. Каюрова, Н. Н. Кре-стинского, К. А. Мехоношина, Н. Осинского (В. В. Оболенского), К. Б. Радека, Ф. Ф. Раскольников, А. И. Рыкова, И. Т. Смильги, И. А. Теодоровича, И. С. Уншлихта, А. Г. Шляпникова, Б. З. Шумяч-кого. Этот список надо бы продолжить, но мы надеемся, что наши читатели сами убедятся, какие драгоценные сведения и мысли прятали от нас на протяжении десятилетий, духовно обедняли нас, тормозя развитие общественных наук, и в первую очередь лениноведение — науку о жизни и деятельности В. И. Ленина, его трудах, его теоретическом наследии, о воздействии его идей на революционное преобразование мира.

После XX съезда КПСС начался процесс возвращения этого богатства в открытые фонды, переиздания ранее запрещенных мемуаров представителей ленинской гвардии коммунистов. Этот процесс пока не завершен, он продолжается, и особенно активно в последние годы.

Одна из задач настоящего издания — опубликование неизвестных или забытых воспоминаний о В. И. Ленине, которые позволят читателю восполнить недостающие звенья в ленинской биографии, уточнить многие ее факты, преодолеть ранее созданные стереотипы, расширить представление о целой плеяде революционеров, рядом и вместе с Лениным шедших на штурм самодержавия, устанавливавших и отстаивавших власть Советов, начинавших закладывать фундамент социализма. На этом можно было бы, по существу, и закончить наше обращение к читателю. Но поскольку все 10 томов он получит не сразу, то хотелось бы, хотя бы эскизно, представить будущее издание, содержание воспоминаний соратников и сподвижников В. И. Ленина.

Отдавая себе отчет в том, что, как бы объемно ни было настоящее издание, мы не сможем включить в него все воспоминания о работе в подполье, во время трех российских революций, в годы Советской власти. К тому же по известной причине мы предпочита-ли воспоминания, напечатанные в 20— начале 30-х годов. Поэтому за рамками этого издания останется многое, на что наверняка обратят внимание исследователи и внимательные читатели.

Громадное число сведений о Ленине, как известно, разбросано в разного рода статьях, брошюрах, книгах, автобиографиях, которые и мемуарами в прямом смысле слова не назовешь. Составители данного издания учитывали и это обстоятельство. К примеру, весьма показательны автобиографии и авторизованные биографии деятелей Октябрьской революции и гражданской войны, написанные для Энциклопедического словаря братьев Гранат. Среди них интерес представляет автобиография Ивана Адольфовича Теодоровича, который, связав свою судьбу с революционным марксизмом в 1895 г.,

прожил, говоря его словами, «жизнь профессионального революционера, жизнь рядового ленинской когорты». Он, в частности, пишет: «И в практической работе и в литературной деятельности я служил одной цели — пропаганде идей великого революционера, моего учителя. И если чем я горжусь, так только тем, что одним из первых я почувствовал гений Ленина и стал под развернутое им знамя»¹. Иван Адольфович рассказал, как в 1895 г. ему попался сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», запрещенный царским правительством, но тайно распространявшийся социал-демократами. «Из ряда авторов этого сборника, — рассказывает И. А. Теодорович, — я выделил одного — К. Тулина (впоследствии я узнал, что это был В. И. Ульянов). Его статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», как раз оказалась тем произведением, в котором я нуждался для ясного и глубокого теоретического ответа на все сомнения, какие еще у меня оставались. Тонкое развенчание «легального марксизма», чеканное отмежевание от эпигонов народничества и вместе с тем признание «лучших сторон старого русского народничества, к которым в некоторых отношениях примыкает марксизм» (стр. 2 сборника, II т.) — это было как раз то, к чему ошупью и не совсем отчетливо склонялся я сам. С этой поры «Тулин» стал моим светочем, учителем, авторитетом. Я зорко следил за его работами, познакомился с его биографией и с участием его брата А. И. Ульянова и в общем и целом разделяя все его взгляды»².

Весьма интересен с точки зрения взаимоотношений Ленина со своими товарищами по партии тот раздел биографии Теодоровича, в котором он рассказывает о трех случаях его несогласия с Лениным — о левом блоке в 1906 г., о роли крестьянства в период реакции и о соотношении военного коммунизма и новой экономической политики. В последнем случае, вспоминает Теодорович, я «скоро убедился в том, что прав был Ленин, который, отнюдь не идеализируя методов военного коммунизма, ясно видел его неизбежность в условиях ужасающей разрухи, вызванной империалист[ической] войной в условиях отчаянного сопротивления эксплуататорских классов»³.

Только из воспоминаний мы узнаем подробности эмигрантской жизни В. И. Ленина, его деятельности по созданию и укреплению большевистской партии. Судьба бросала В. И. Ленина фактически по всем странам Европы. Ему и его семье приходилось жить в тяжелейших условиях. Но главным для него был его идеал — народная, социалистическая революция, счастье для всех трудящихся, всего человечества.

Характерен такой случай, рассказанный Н. К. Крупской. В Цюрихе во время империалистической войны квартира, которую

¹ Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 41. Ч. III. Приложение. Стлб. 145.

² Там же. Стлб. 142.

³ Там же. Стлб. 145.

сняли Ульяновы у сапожника Т. Каммерера, оказалась малоудобной, и они думали о ее замене. Но однажды, когда на кухне многонаселенного, многонационального дома около газовой плиты собрались все женщины и жена Каммерера воскликнула: «Солдатам нужно обратить оружие против своих правительств!» — Ленин и слышать не хотел о том, чтобы менять квартиру. В этом доме он прожил почти до самого отъезда в Петроград в апреле 1917 г.

Ярко описал быт краковской квартиры Ульяновых, отношение Владимира Ильича к приезжавшим к нему Н. И. Бухарин. «Краковская квартирка, помнится, из двух комнат. Кухня — она же гостиная. Простой, белый, чисто вымытый кухонный стол. Ильич режет хлеб, наливает чаю, усаживает, расспрашивает. Как ловко и как незаметно! С каким вниманием и с какой простотой! Выходишь — и знаешь: да ты, батенька, у него весь как на ладони. И никакого нажима, никакой неловкости перед великим человеком! Помню, что ушел я от «Ильичей» как зачарованный, летел домой, точно за спиной крылья выросли, перспективы раздвинулись, миры новые открылись...»¹

Видный польский социал-демократ, член Главного правления СДКПиЛ, активный участник Октябрьской революции, известный чекист, крупный деятель Советского государства, неоднократно бывавший у Ленина в Кракове и Поронине, Иосиф Станиславович Уншлихт вспоминал: «Самая скромная обстановка. Самый простой образ жизни. Вся комната полна книгами, на столе журналы, материалы, рукописи. Ленин всегда за работой. Но это не мешало ему, однако, внимательно выслушивать посещающих его товарищей, задавать вопросы, помогать советом, давать конкретные указания, ругать за колебания. Поражала его работоспособность, систематичность, теплое товарищеское отношение»².

Да, о теплом товарищеском отношении пишут многие, в том числе А. М. Горький, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин. Но они же вспоминают, как он их критиковал, отчитывал за колебания, ошибки, как он шел даже на разрыв с ними, если этого требовали интересы дела, интересы революции. Известно, что Горький, которого В. И. Ленин очень высоко ценил как пролетарского писателя, во время революции и в ходе гражданской войны не раз принимал неверную, полуменьшевистскую позицию, обстоятельную оценку которой В. И. Ленин дал в ответе на письмо Горького, в котором тот говорил о том, что Ленин якобы его не понимает.

Владимир Ильич писал Горькому: «Что касается Ваших настроений, то «понимать» я их понимаю (раз Вы заговорили о том, пойму ли я Вас). Не раз и на Капри и после я Вам говорил: Вы даете себя окружить именно худшим элементам буржуазной интеллигенции и поддаетесь на ее хныканье... Вполне понимаю, вполне, вполне понимаю, что так можно дописаться не только до того, что-де «красные такие же враги народа, как и белые» (борцы за свержение капи-

¹ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 116—117.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1984. Т. 4. С. 73.

талистов и помещиков такие же враги народа, как и помещики с капиталистами), но и до веры в боженьку или в царя-батюшку. Вполне понимаю»¹.

Известно, как Ленин решительно осудил Каменева и Зиновьева за их штрейкбрехерское поведение накануне Октябрьского вооруженного восстания, за их бегство из ЦК после победы революции. Но затем сумел сохранить их в партии, на руководящих партийных и государственных постах. Он считал и говорил, что большевики без надобности не вспоминают прошлых ошибок, что «умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет легко и быстро исправлять их»². О том, как Ленин вел себя, как относился к крупным политическим ошибкам, ярко описал испытывший все это на себе Н. И. Бухарин. «Прекрасен был Ильич в минуты штурма. Но он был прекрасен и в минуты опасности, когда вражеский меч был совсем, совсем близко от наших голов,— вспоминал Бухарин.— В памяти всплывают брестские дни. Мы, «молодые», «левые», уже сделали ошибку, помешав заключить мир сразу, и продолжали упорствовать. И вот на решающее заседание Цека вбегает Ильич. Он — как громадный лев, запертый мальчишками в клетку. Он бежит по комнате, гневный, с суровой решимостью в лице, на котором подобралась и сжались все мускулы. «Больше я не буду терпеть ни единой секунды. Довольно игры! Ни единой секунды!»... И Ильич ломает прежнее решение. И Ильич — могучий, грозный, железный, всевидящий — спасает революцию от страшных врагов: от революционной фразы и от революционной позы, которые чуть было не выдали республику немецким палачам...»³ Как далека эта реальная историческая картина, нарисованная одним из главных «леваков» того времени, от многих и многих современных писаний на эту тему.

В публикуемых воспоминаниях воссоздается живой образ Ленина — ученого, революционера, партийного и государственного деятеля, публициста, оратора. Мы не раз обращались к прекрасным строкам Джона Рида и Альберта Риса Вильямса, но фактически забыли, как мастерски рисует образ Ленина-оратора Валериан Валерианович Оболенский (Н. Осинский): «На трибуну быстро выходит небольшой, крепкий человек, и в то время, как по залу несет ураган аплодисментов и криков, стихающий только для того, чтобы разразиться снова, он обеими руками приглаживает свой череп, точно до сих пор не снял парика, который носил в сентябре 1917 года, разбирает листки записей, всовывает в них голову, поворачивая ее туда и сюда,— словом, старается как-нибудь укрыться от неизбежного, но — отнимающего время! — звукового дождя, который на него сыплется. Вот наконец он стих, и Ленин начинает голосом отчетливым и размеренным, хотя с некоторым ударением в нос и как будто пришептыванием — особенно в тех местах, где

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 49.

² Там же. Т. 41. С. 18.

³ Бухарин Н. И. Избранные произведения. С. 118—119.

речь доставляет удовольствие ему самому. Этот последний оттенок берется, вероятно, от обильного чтения и частых разговоров на самых различных языках.

Пока Ленин находится в начале речи, обе руки его бездействуют и иногда спрятаны в карманах. Но вот появляется на поверхность правая рука, и ее энергичный жест начинает ставить точки, запятые, тире в речи, начинает подчеркивать слова и фразы. Дальше уже и левая рука не может утерпеть, и обе вместе начинают иллюстрировать усложняющийся ход мысли. Они находятся в быстром движении, и вся речь развивается быстро, и все быстрее яснее в умах слушателей, и все больше растет в них наслаждение оттого, что сознание проясняется в основном вопросе, что «решающий пункт» всплывает с полной отчетливостью, что «основное звено цепи ухвачено», что теперь и они и миллионы людей за стенами сумеют «вытащить всю цепь». Тут уже и для Ленина речь достигает апогея. Уже сделали руки свое дело. Откинувшись назад туловищем, он закладывает обе руки большими пальцами в прорезы жилета, распахнув пиджак. Точно при этом руки и захватили как раз те главные звенья, которые надо тащить. И почти неподвижный, незаметно, но с невероятной энергией жестикулируя уже только одним корпусом, Ленин ведет людей к выводам простым и точным, бросая те слова, точно определяющие задачи и объем действия... Слушатели испытывают великое наслаждение, великую радость оттого, что этот человек ухватывает жизнь так, как она есть, в той ее простоте, которую, однако, так трудно раскрыть, и, раскрыв, обнажив до конца ее простые движущие силы, указывает простые — как сама жизнь! — решения, именно те, которые могут и должны двинуть миллионы»¹. Прочтешь эти воспоминания, и оживает перед тобой образ Ильича — гениального, видящего глубинные причины процессов и намечающего реальные перспективы, доброго, заботливого, простого.

До самых последних дней В. И. Ленин вопреки болезни интересовался жизнью страны, международными делами. Иосиф Аронович Пятницкий, который вместе с Иваном Ивановичем Скворцовым (Степановым) за три месяца до трагического дня — смерти Владимира Ильича был у него, рассказывал ему о новостях, вспоминал: «Мы ушли от Владимира Ильича в полной уверенности, что скоро-скоро Ильич вернется к работе.

Возвращаясь обратно из Горок, мы еще говорили между собой, что, когда Ильич вернется к работе, надо будет настоять, чтобы он не так много работал, как до болезни»². Не на это ли рассчитывал и сам Владимир Ильич, не давая хода своему письму к съезду, в котором он предлагал заменить Сталина на посту генсека.

С именем Ленина, с его деятельностью связано начало истории III Интернационала, вступления международного коммунистического движения в новую эпоху, открытую Великим Октябрем. Два

¹ О Ленине: Сборник воспоминаний. М., 1925. С. 20—21, 22.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 454.

тома десяти томника будут отведены воспоминаниям зарубежных современников Ленина. Причем в отличие от предшествующих изданий, в них будут включены и воспоминания идейных противников большевизма, таких как К. Каутский, который, несмотря на резкую критику его взглядов со стороны В. И. Ленина, высоко оценил руководителя партии большевиков и Советского государства.

В издании найдут также место воспоминания российских социал-демократических деятелей, которые расходились с Лениным и идейно и организационно, например, Ю. Мартова, Н. Суханова и др. Советский читатель вполне подготовлен самостоятельно разобраться с вопросом, кто есть кто, какие из приводимых в воспоминаниях фактов отражают реальную жизнь, а какие интерпретируются в соответствии с мировоззрением автора воспоминаний.

Предпринимая по многочисленным просьбам читателей новое, десяти томное издание воспоминаний о В. И. Ленине, его составители и редакторы поставили перед собой цель не только обновить состав прежних изданий, но и вернуть читателю драгоценные строки воспоминаний друзей и сподвижников В. И. Ленина, безвинно погибших в годы сталинских репрессий; восстановить тексты по первоисточникам, снабдить их современными, отвечающими исторической правде комментариями и справками.

А. М. Совокин

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В первый том десяти томного издания «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине», подготовленного к 120-летию со дня рождения В. И. Ленина, включены воспоминания родных Владимира Ильича — сестер Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой и Марии Ильиничны Ульяновой, брата Дмитрия Ильича Ульянова. Их мемуары насыщены богатейшими фактическими данными, живыми деталями, которые воссоздают великий и вместе с тем бесконечно обаятельный образ Ленина. Значительная часть материалов публиковалась в 20—30-е годы и ныне стала библиографической редкостью.

В разделе «Приложения» собраны отзывы, рецензии родных Владимира Ильича на книги о Ленине, замечания к рукописям, беседы с работниками музеев. Рецензирование литературы о Ленине его сестры и брат считали своим партийным делом, средством борьбы за правдивое изображение жизни и деятельности Ильича. В одной из рецензий М. И. Ульянова отмечала: «Воспоминания о Ленине нужно писать. Каждый факт, каждый штрих из его жизни, описанный его современниками, будет иметь значение для будущего биографа Ленина. Но только факты строго проверенные». Эти требования имеют большое методологическое значение и сегодня для всех работающих по ленинской теме. И с этой точки зрения особенно ценны указания родных В. И. Ленина на ошибки, неточности, небрежности, допущенные авторами воспоминаний, книг о Ленине.

Воспоминания и Приложения печатаются по последним прижизненным изданиям, сверенным с рукописями (в тех случаях, когда они имеются на хранении в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС). Для того чтобы материалы, содержащиеся в рукописных вариантах и представляющие интерес, но не вошедшие в прижизненные издания, стали известны читателю, они даются в конце соответствующей страницы в виде сносок. Воспоминания каждого автора сгруппированы вместе, по возможности в хронологическом порядке. В конце каждого материала указывается источник, по которому он печатается. Примечания авторов воспоминаний подписаны их инициалами, остальные даны составителем и подписаны «Ред.». В конце книги приводятся биографические сведения об авторах воспоминаний, а также указатель имен.

**АННА ИЛЬНИЧНА
УЛЬЯНОВА-
ЕЛИЗАРОВА**

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЛЬЧЕ

I. СЕМЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА

(Родители В. И. Ульянова-Ленина и их время)

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов, был родом из бедных мещан города Астрахани. Семи лет лишился он отца. Своим образованием — а он получил не только среднее, но и высшее — он обязан всецело своему старшему брату Василию Николаевичу. Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, и нам, детям своим, говорил, как обязан он брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер¹ и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору и оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если самому ему учиться не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последним гимназии отправил его в Казань, в университет, и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам содержать себя уроками.

Василий Николаевич не имел своей семьи и всю жизнь отдал матери, сестрам и брату.

Студенческие годы Ильи Николаевича пришлось в тяжелое царствование Николая I, когда родина наша страдала под игом крепостного права, большая часть населения была рабами, которых владельцы их, помещики, могли сечь, ссылать в Сибирь, продавать, как скотину, разрознивать семьи, женить по своему усмотрению. Задавленная, забитая крестьянская масса была совсем некультурной, безграмотной. Там и сям вспыхивали бунты против особо жестоких помещиков, пускались им «красные петухи» (поджоги), но все это было неорганизованно, сурово подавлялось, и опять в деревнях стояли беспросветная тьма и отчаяние, заливаемые единственным утешением, единственным спасением — водкой. А для самых непокорных, для тех, кто не мог подчиниться, оставалось одно: бежать в степи, леса и жить разбоем.

Знать, в старинный тот век
Жизнь не радость была.
Коль бежал человек
Из родного села,

¹ Мать — Анна Алексеевна Ульянова (Смирнова), сестры — Мария Николаевна и Федосья Николаевна. *Ред.*

Отчий дом покидал,
Расставался с женой
И за Волгой искал
Только воли одной.

Так пелось в одной народной песне.

Тяжкий гнет над большинством населения, «низшим» сословием, как тогда говорилось, не давал жить спокойно и счастливо честно и искренно любящим свою родину людям сословия «высшего». Они возмущались бесправием своей страны, откликались на западноевропейские революции, говорили о необходимости свободы слова, печати, собраний, о преимуществе выборного начала в управлении и прежде всего о необходимости отмены крепостного права — этого позора, которого ни в одной европейской стране давно уже не было. Те, которые выступали особенно смело, гибли на каторге и виселицах (процесс декабристов 1825 года, петрашевцев 1848 года¹ и др.); остальные затихали и шептались по углам и опять, по выражению поэта:

Лежит вокруг мгла предрабсветная,
Вихрь злобы и бешенства носится.
Над тобою, страна безответная;
Все живое, все честное косится.

Особенно тяжел стал этот гнет после революции 1848 года, прокатившейся по всей Европе. Как общеевропейский жандарм, стоял тогда на страже самодержавия Николай I, посылая русских солдат проливать кровь, усмиряя революцию в Венгрии. Так сильно еще было тогда самодержавие, что могло позволить себе роскошь подавления восстаний не только в своей стране, но и в соседних.

А в своей было задавлено всякое проявление свободной мысли. Тяжелый гнет лежал и на студенчестве. Лишь в тесных кружках решалась молодежь отводить душу разговорами, петь свои запрещенные песни на слова Рылеева и др. Эти песни слышали потом от Ильи Николаевича его дети вдали от города, в прогулках по лесам и полям².

Надо было пережить то трудное время, чтобы почувствовать огромное облегчение, когда, со смертью Николая I и со вступлением на царство его сына Александра II, началась для России полоса реформ. Прежде всего, решено было отменить крепостное право. Решение это вызывалось, конечно, главным образом необходимостью получить свободные рабочие руки для развивающейся капиталистической промышленности и возраставшим недовольством и бун-

¹ Петрашевцы — члены кружка русской дворянской и разночинной интеллигенции, существовавшего в 1845—1849 гг. в Петербурге под руководством М. В. Петрашевского. Петрашевцы были последователями идей утопического социализма, сторонниками уничтожения самодержавия и крепостничества. В 1849 г. петрашевцы были арестованы. Часть из них была сослана на каторгу в Сибирь, другие отправлены в арестантские роты и в действующие полки на Кавказе. *Ред.*

² И. Н. Ульянов любил песни на слова поэта А. Н. Плещеева. *Ред.*

тами крепостных. Недаром Александр II сказал: «Надо торопиться дать свободу сверху, пока народ не возьмет ее снизу». Освобождение крестьян было таким большим сдвигом, что общее ликование стояло в стране. Это настроение хорошо выражено Некрасовым:

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,
Так... Но распутать их легче народу.
Муза, с надеждой приветствуй свободу.

Конечно, скоро началось отрезвление. Первым ударил в набат наш великий провидец Чернышевский, заплативший за это целой жизнью в тюрьмах глухой Сибири; начали возникать и революционные организации молодежи. Но для людей типа мирных, культурных работников открылось все же широкое поле деятельности после тисков николаевского режима, и они с жаром устремились туда. Новые суды, несравненно большая свобода печати, наконец, народное образование — все это звало к себе передовых людей того времени. Народное образование — возможность просвещать вчерашних рабов — это было увлекательно для многих и многих.

Илья Николаевич был из их числа. Он с радостью пошел на вновь открывшуюся должность инспектора народных училищ в Симбирской губернии. До того он был учителем гимназии и был очень любим своими учениками. Внимательно и терпеливо объяснял он им уроки, снисходительно относился к их шалостям, бедных учеников готовил бесплатно к экзаменам. Он был педагогом в душе, любившим свое дело. Но ему хотелось поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов.

И поле открылось действительно широкое. В Симбирской губернии было очень немного школ, да и те старинного типа: ютились они в грязных и тесных помещениях, учителя были малообразованные и вколачивали учебу больше тумаками. Надо было насаждать все снова: убеждать крестьян на сходах, чтобы строили новые школы, добывать и другими путями средства для них, устраивать для молодых учителей педагогические курсы, чтобы обучить их преподаванию по новым требованиям педагогики. Надо было всюду поспевать, а Илья Николаевич был один на всю губернию. Затрудняли очень работу тогдашние дороги: тряские, непролазные в грязь или распутицу, ухабистые зимою. Приходилось уезжать из дому на недели и даже месяцы, питаясь и ночуя в грязных въезжих избах. А здоровье у Ильи Николаевича было некрепкое. Но любовь к делу и большая исполнительность и настойчивость побеждали все, и за 17 лет работы Ильей Николаевичем было построено в губернии около 450 школ, были открыты курсы, воспитавшие новых учителей, которые так и звались «ульяновскими».

Дело разрасталось. Илье Николаевичу стали понемногу подбавлять помощников — инспекторов, а сам он был назначен директо-

ром. Ему пришлось уже больше руководить делом, но он оставался таким же усердным работником, таким же простым в образе жизни и обхождении человеком. Учителя приходили к нему за просто советом, в школах он заменял иногда заболевших педагогов. Большая семья, воспитание детей поглощали весь его заработок, на себя он тратил очень мало, не любил большого общества и удовольствий. Для отдыха от дела любил разговоры с людьми, которых это дело интересовало, любил отдыхать в семье, следя за воспитанием детей, любил игру в шахматы. Требовательный к себе и к другим во время работы, он умел быть увлекательным, веселым собеседником во время отдыха, шутил с детьми, рассказывал им сказки и анекдоты. В разговорах и играх (шахматы, крокет) держал себя с детьми по-товарищески, увлекаясь не меньше их.

Он рано сгорел на большой работе и умер внезапно от кровоизлияния в мозг 12 января 1886 года на 55-м году от роду.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача¹, очень передового по своему времени человека. Большую часть своего детства и юности она провела в деревне. Средства у отца были очень ограниченные, семья большая, и молодая девушка, воспитанная строгой теткой², рано привыкла к труду и бережливости. Отец воспитывал дочерей³ по-спартански: девочки носили лето и зиму ситцевые платья с короткими рукавами и открытой шеей, и платьиц таких было только по две смены на каждую. Пища была простая: даже взрослыми они не получали ни чаю, ни кофе, которые отец считал вредными. Это воспитание закалило здоровье Марии Александровны, сделало ее очень выносливой. Она отличалась ровным, твердым, но в то же время веселым и приветливым характером. Одаренная хорошими способностями, она изучала иностранные языки и музыку и много читала.

Страстно хотелось ей учиться больше, и она всю жизнь вспоминала с сожалением, что отсутствие средств не дало ей этой возможности.

Не находя интереса в нарядах, сплетнях и пересудах, составлявших в то время содержание дамского общества, Мария Александровна замкнулась в семье и отдалась со всей серьезностью и чуткостью воспитанию детей. Подмечая недостатки детей, она терпеливо и настойчиво боролась с ними. Никогда не возвышала она голоса, почти никогда не прибегала к наказаниям и умела добиться большой любви и послушания детей. Любимым удовольствием ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. И дети любили засыпать под ее музыку, а позднее — работать под нее.

Не было также между родителями, жившими очень дружно, споров или несогласий в вопросах воспитания, что действует всегда так вредно на детей. Всякие сомнения на этот счет обсуждались

¹ Александра Дмитриевича Бланка. *Ред.*

² Екатериной Ивановной Эссен. *Ред.*

³ У. А. Д. Бланка было пять дочерей: Анна, Любовь, Екатерина, Мария, Софья. *Ред.*

ими обычно наедине, и дети видели всегда перед собой «единый фронт».

Чувствуя искреннюю любовь, видя, что их интересы всегда на первом плане у родителей, дети и сами приучились отвечать тем же. Дружной, спаянной была наша семья. Жила она очень скромно, только на жалованье отца, и лишь при большой экономии матери удавалось сводить концы с концами, но все же ни в чем необходимом дети не нуждались, и их духовные запросы, по возможности, удовлетворялись.

Мы видим, таким образом, что семейная обстановка и условия воспитания были очень благоприятны для развития ума и характера детей. Детство Владимира Ильича и его братьев и сестер было светлое и счастливое.

II. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Владимир Ильич родился в Симбирске 10(22) апреля 1870 года. Он был третьим ребенком в семье¹.

Живой, бойкий и веселый, он любил шумные игры и беготню. Он не столько играл игрушками, сколько ломал их². Лет пяти он выучился читать, затем был подготовлен приходским учителем³

¹ А. И. Ульянова-Елизарова в книге «Детские и школьные годы Ильича» (М., 1935. С. 6—7, 16, 25) писала: «Он был третьим ребенком, очень шумным — большим крикуном, с бойкими, веселыми карими глазками. Ходить он начал почти одновременно с сестрой Олей, которая была на полтора года моложе его. Она начала ходить очень рано и как-то незаметно для окружающих. Володя, наоборот, выучился ходить поздно, и если сестренка его падала неслышно — «шлепалась», по выражению няни (няня — Сарбатова Варвара Григорьевна, почти 20 лет прожила в семье Ульяновых и скончалась в возрасте 70 лет. *Ред.*), — и поднималась, упираясь обеими ручонками в пол, самостоятельно, то он хлопался обязательно головой и поднимал отчаянный рев на весь дом. Вероятно, голова его перевешивала. Все сбегались к нему, и мать боялась, что он серьезно разобьет себе голову или будет дурачком. А знакомые, жившие в нижнем этаже, говорили, что они всегда слышат, как Володя головой об пол хлопается. «И мы говорим: либо очень умный, либо очень глупый он у них выйдет»... Бойкий и шумный везде, Володя кричит громко и на пароходе, куда вся семья забралась, чтобы ехать на лето в деревню Казанской губернии.

— На пароходе нельзя так громко кричать, — говорит ему мама.

— А пароход-то ведь и сам громко кричит, — отвечает не задумываясь и так же громко Володя...

...Володя любил петь; слух и способность к музыке у него были хорошие... Мама показала ему начальные упражнения, дала ему разыграть несколько простеньких детских песенок и песок, и он стал играть очень бойко и с выражением. Мать жалела потом, что он забросил музыку, к которой проявлял большие способности... *Ред.*

² Анна Ильинична привела такой пример: «Так как мы, старшие, старались удерживать его от этого, то он иногда прятался от нас. Помню, как раз, в день его рождения, он, получив в подарок от няни запряженную в сани тройку лошадей из папье-маше, куда-то подозрительно скрылся с новой игрушкой. Мы стали искать его и обнаружили за одной дверью. Он стоял тихо и сосредоточенно крутил ноги лошади, пока они не отваливались одна за другой» (*Ульянова-Елизарова А. И. Детские и школьные годы Ильича. С. 7.*). *Ред.*

³ К первому классу гимназии Володю Ульянова готовили две зимы народные учителя. Зимой 1877/78 г. занятия вел Василий Андреевич Калашников. Через два

Симбирска к гимназии, куда и поступил в 1879 году осенью, девяти с половиной лет, в первый класс.

Учение давалось ему легко. С младших классов шел он лучшим учеником и, как таковой, получал при переходе из класса в класс первые награды. Они состояли в то время из книги с вытисненным на переплете золотом «За благонравие и успехи» и похвального листа. Кроме прекрасных способностей, лучшим учеником его делало серьезное и внимательное отношение к работе. Отец приучал к этому с ранних лет его, как и его старших брата и сестру, следя сам за их занятиями в младших классах¹. Большое значение имел также для маленького Володи пример отца, матери, постоянно занятых и трудящихся, и особенно старшего брата Саши. Саша был на редкость серьезный, вдумчивый и строго относящийся к своим обязанностям мальчик. Он отличался также не только твердым, но и справедливым, чутким и ласковым характером и пользовался большою любовью всех младших. Володя подражал старшему брату настолько, что мы даже посмеивались над ним, — с каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно одно: «Как Саша». А если пример важен в детстве вообще, то пример несколько старших по возрасту братьев важнее примера взрослых².

Вследствие привычки серьезно относиться к делу, Володя, как он ни был шаловлив и боек, на уроках слушал внимательно. Эта большая внимательность, как отмечали в то время его учителя, вместе с бойкими способностями давала ему возможность хорошо усваивать еще в классе всякий новый урок, так что ему почти не приходилось повторять его дома. Помню, как быстро оканчивал он уроки в младших классах, а потом начинал шалить, ходил колесом и мешал нам, старшим, учившимся в той же комнате. Отец уво-

месяца его сменил Иван Николаевич Николаев. Завершила подготовку Володи к поступлению в гимназию учительница Вера Павловна Прушакевич. *Ред.*

Об учебе брата в гимназии старшая сестра писала и следующее: «Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках, из чего его спрашивали и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, — то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять». Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я нахожусь также в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной кепи рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна, получалась обычно одна отметка — 5.

Отец говорил в те годы матери, что Володе все слишком легко дается и он боится, что в нем не выработается трудоспособность. Мы знаем теперь, что опасения эти оказались излишними, что Володя сумел выработать в себе трудоспособность, из ряда вон выходящую» (*Ульянова-Елизарова А. И. Детские и школьные годы Ильича. С. 22—23*). *Ред.*

² О важности примера Саши для младшего брата Анна Ильинична писала так: «Володя был с детства вспыльчивым, и пример Саши, его всегдашней ровности и большой выдержки, имел для всех остальных детей, в том числе — и особенно — для Володи, большое значение. Сначала подражая старшему брату, Володя потом и сознательно стал бороться с этим недостатком, и в более зрелые годы мы совсем — или почти совсем — не замечали вспыльчивости в нем» (*Ульянова-Елизарова А. И. Детские и школьные годы Ильича. С. 20*). *Ред.*

дил его иногда к себе в кабинет, чтобы проверить уроки, и спрашивал латинские слова по всей тетради, но обычно Володя все знал. Много также читал он в детстве. Отцу присылали все вновь выходящие детские книги и журналы; подписывались мы и в библиотеке ¹.

Постоянной подругой игр Володи была сестра Оля (родилась 4 ноября 1871 г.). Очень способная, живая и бойкая девочка, она четырех лет выучилась около него читать и училась тоже очень легко и охотно. Кроме того, напоминая некоторыми чертами характера брата Сашу, Оля была чрезвычайно трудолюбива. Помню, как в одном из последних классов гимназии Володя, слушая из соседней комнаты бесконечные этюды Оли на фортепиано, сказал мне: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать». Сознав это, Володя стал развивать и в себе трудоспособность, которой все мы удивлялись в его позднейшие годы и которая, наряду с его прекрасными способностями, помогла ему достичь таких блестящих результатов.

Охотно делился Владимир Ильич своими познаниями с товарищами по школе, объясняя им трудные уроки, задачи, сочинения и переводы с греческого и латинского ². А в последних двух классах гимназии он, кроме своих уроков, занимался с одним учителем чувашенином ³, подготавливая его к выпускному экзамену для поступления в университет. Занимался бесплатно, так как платить последнему было нечем. И Владимир Ильич подготовил-таки своего ученика, несмотря на его малоспособность. Он сдал экзамен и смог заниматься в университете своей любимой математикой.

Пришлось и мне лично, на самой себе познакомиться с Владимиром Ильичем как с преподавателем, хотя он был на пять с лишним лет моложе меня и был еще гимназистом, а я была уже на пред-

¹ О круге чтения и интересов брата в гимназические годы Анна Ильинична писала: «В гимназии он интересовался латинским языком, чтением классиков, историей, географией, любил писать сочинения и писал их очень хорошо. Он не ограничивался учебниками и рассказами учителя, чтобы написать сочинение, а брал книги из библиотеки, и сочинения его получались обстоятельные, тема была очень хорошо разработана и изложена была хорошим литературным языком. Директор гимназии Керенский (отец А. Ф. Керенского, главы Временного правительства перед Октябрьской революцией), тогда преподававший в старшем классе словесность, очень любил Володю, хвалил постоянно его работы и ставил ему лучшую отметку... Он (В. И. Ленин.— *Ред.*) не любил читать приключений, а увлекался, помню, Гоголем, а позднее Тургеневым, которого мог читать и перечитывать несколько раз» (*Ульянова-Елизарова А. И.* Детские и школьные годы Ильича. С. 26—29). *Ред.*

² Анна Ильинична и более подробно пишет о помощи брата товарищам по гимназии: «Товарищей особенно близких, как у Саши или Оли, в гимназические годы у Володи не было,— к нам в семью мало кто приходил, но отношения в классе у него были хорошие: он помогал в работах, объяснял непонятное, исправлял переводы или сочинения, иногда и сам писал их затруднявшимся товарищам. Он рассказывал мне, что его интересовало написать сочинение так, чтобы товарищ и отметку получил хорошую и чтобы не похоже было на то, что ему кто-нибудь написал, особенно чтобы не было похоже, что написал он, Володя. Он объяснял товарищам непонятное в перемены, приходил, как и брат его Саша, иногда в гимназию на полчаса раньше, чтобы перевести для них трудное место с греческого или латинского или объяснить сложную теорему. Весь класс надеялся на Володю; идя впереди, он и других вывозил» (*Ульянова-Елизарова А. И.* Детские и школьные годы Ильича. С. 29.). *Ред.*

³ Н. М. Охотниковым. *Ред.*

последнем курсе Высших женских курсов. И тем не менее он помог мне ликвидировать один прорыв. Весной 1886 года мне предстояло сдать несколько экзаменов, в том числе латынь за целых три года. Латынь была тогда обязательным предметом на историко-словесном отделении. Преподавалась она в те годы преобладания классического образования очень казенно и была в забросе у меня, как и у большинства курсисток. Молодежь по окончании гимназической учебы тянулась, понятно, к чему-либо более живому и общественному, и я порывалась даже, чтобы бросить латынь, перейти в вольнослушательницы московских курсов. Когда этот план был оставлен, мне пришлось взяться за латынь всерьез, и я намечала подогнать ее во время зимних каникул, но ничего сделать не успела. А после смерти отца (12 января 1886 года) все занятия пошли у меня особенно туго, и латынь не двигалась с места. Тогда Володя предложил помочь мне в этом, несмотря на то что у него и у самого в предпоследнем классе гимназии было немало уроков и он занимался еще с учителем чувашской школы Охотниковым. Мальчик, которому не исполнилось еще 16 лет, взял на себя так легко и охотно эту новую обузу. И не только взял — мало ли за что готова бывает взяться сгоряча молодежь, чтобы бросить при первом же затруднении, — а вел занятия очень серьезно и усидчиво и продолжал бы их, если бы я не уехала в марте в Петербург. И вел их так внимательно, с такой живостью и интересом, что вовлек скоро в «противную латынь» и меня. Пройти предстояло много, требовалось прочесть и перевести Юлия Цезаря «О старости»¹, а главное, знать и уметь объяснять все встречающиеся правила сложной латинской грамматики. Я испытывала, конечно, чувство неловкости, что не сумела преодолеть своего прорыва самостоятельно, а прибегла к помощи младшего брата, который сам-то умел работать без прорывов. Была тут, несомненно, и некоторая доза ложного самолюбия, что я стала заниматься под руководством младшего брата-гимназиста. Но занятия у нас пошли так оживленно, что скоро всякое чувство неловкости исчезло. Помню, что Володя отмечал для меня с увлечением некоторые красоты и особенности латинского стиля. Конечно, я слишком мало знала язык, чтобы уметь оценить их, и занятия сосредоточивались больше на объяснении разных грамматических форм, собственных латинскому языку, как супинум герундий и герундив (отглагольное прилагательное и существительное), и изобретенных для более легкого запоминания изречений и стихотворений вроде (герундив):

Gutta cavat lapidem
Non vi sed saepe cadendo;
Sic homo sit doctus
Non vi sed multo studendo.
Капля камень долбит
Не силой, а частым паденьем,
Так человек становится ученым
Не силой, а многим ученьем.

¹ Тракта́т «О старости» написан Цицероном. *Ред.*

Помню, что я высказывала Володе сомнение, чтобы можно было пройти в такой короткий срок восьмилетний курс гимназии, но Володя успокаивал меня, говоря: «Ведь это в гимназиях, с бестолково поставленным преподаванием там, тратится на этот курс латыни восемь лет,— взрослый, сознательный человек вполне может пройти этот восьмилетний курс в два года», и в доказательство указывал мне, что пройдет его в два года с Охотниковым, и действительно прошел, несмотря на более чем посредственные способности последнего к изучению языков. Очень оживленно, с большой любовью к делу шли у нас занятия. Это не был первый ученик, усердно вызубривший уроки,— это был, скорее, молодой лингвист, умевший находить особенности и красоты языка.

Так как вкус к языковедению был присущ и мне также, я была очень скоро покорена, и эти занятия, перемежаемые веселым смехом Володи, очень подвинули меня вперед. Я сдала весной успешно экзамен за три года, а через несколько лет знание основ латыни облегчило мне изучение итальянского языка, которое дало мне возможность иметь заработок и доставило много удовольствия.

Любопытно отметить, что некоторые современные писатели находят в стиле Ленина сходство с латинским классическим стилем (см. статьи Эйхенбаума, Якубовского и Тынянова в журнале «Леф»)¹.

В 1886 г., когда Володе не исполнилось еще 16 лет, умер его отец, Илья Николаевич, а годом позже семью постигло другое тяжелое несчастье: за участие в покушении на царя Александра III был арестован, приговорен к смертной казни и затем казнен — 8 мая 1887 г.— его старший любимый брат Александр. Несчастье это произвело сильное впечатление на Владимира Ильича, закалило его, заставило серьезнее задуматься над путями, которыми должна была идти революция. Собственно, уже и Александр Ильич стоял на перепутье между народолюбцами и марксистами. Он был знаком с «Капиталом» Карла Маркса, признавал намеченный им ход развития, что видно из составленной им партийной программы². Он вел кружки среди рабочих. Но почвы в то время для социал-демократической работы еще не было. Рабочих было мало; они были разьединены и неразвиты; к ним тогда было трудно подступиться интеллигентам, да и гнет царского деспотизма был так силен, что за малейшую попытку общения с народом сажали в тюрьму, высылали в Сибирь. И не только с народом: если студенты-товарищи организовывали какие-нибудь самые невинные кружки для чтения, для общения друг с другом, то кружки разгоняли, а студентов высылали на родину. Лишь те из молодежи, кто помышлял только о карьере да о спокойном проживании, мог оставаться безразличным к такому режиму. Все более честные, искренние люди рвались к борьбе, прежде всего, рвались хотя немного расшатать те тесные

¹ «Леф» — журнал, издававшийся в 1923—1925 гг. литературной группой ЛЕФ (Левый фронт искусства), которая была связана с футуризмом и другими формалистическими течениями. *Ред.*

² См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927.

стены самодержавия, в которых они задыхались. Самым передовым это грозило тогда гибелью, но и гибель не могла утратить мужественных людей. Александр Ильич принадлежал к числу их. Он не только, не задумываясь, оставил университет и любимую науку (его прочили в профессора), когда почувствовал, что не в силах больше терпеть давящий всю страну произвол, но, не задумываясь, отдал и жизнь. Он взял на себя рискованные работы по подготовке снарядов и, признаваясь в этом на суде, думал только о том, чтобы выгородить товарищей.

Александр Ильич погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата, Владимира.

Несчастье это случилось как раз в год окончания Володей гимназии.

Несмотря на свои тяжелые переживания, которые он сумел выносить с большой твердостью, Володя, как и сестра Оля, окончил в этом году гимназию с золотой медалью.

Естественно, что тучи от пронесшейся над семьей грозы сгустились и над головами остальных ее членов, что на следующего брата власти склонны были смотреть очень подозрительно, и можно было опасаться, что его ни в какой университет не пустят.

Тогдашний директор симбирской гимназии Ф. Керенский очень ценил Владимира Ильича, относился очень хорошо к умершему за год перед тем отцу его, Илье Николаевичу, и желал помочь талантливому ученику обойти эти препятствия. Этим объясняется та в высшей степени «добронравная» характеристика его, которая была направлена Керенским в Казанский университет и подписана другими членами педагогического совета. Покойный Илья Николаевич был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но и вследствие усердия и аккуратности Владимира Ильича в исполнении требуемого, качеств, воспитанных той разумной дисциплиной, которая была положена в основу домашнего воспитания.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия¹, так же как старается подчеркнуть

¹ Отец наш был искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, совсем «чистым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «принято». Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тишина», отрывки из которой отец любил цитировать,— именно то место, где говорится о храме божием, пахнувшем на поэта «детски-чистым чувством веры».

В гимназии, правда, требовали посещения церкви, говения. Но дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь (помню такой случай с братом Александром), и никакому давлению не подвергались. А. Е.

«излишнюю замкнутость», «нелюдимость» Владимира Ильича¹. Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение», Керенский даже грешит немного против истины. Всегда смелый и шаловливый, метко подмечавший смешные стороны в людях, брат часто подсмеивался и над товарищами, и над некоторыми преподавателями. Одно время Владимир Ильич взял мишенью для насмешек учителя французского языка, по фамилии Пор.

Этот Пор был очень ограниченный фат, говорят, повар по профессии, пролаза, женившийся на дочке симбирского помещика и пролезший через это в «общество». Он терся постоянно около директора или инспектора; порядочные педагоги относились к нему с пренебрежением. Разобиженный вконец, он настоял на четверке из поведения дерзкому ученику в четверть.

Ввиду того что брат был уже в седьмом классе, это происшествие пахло серьезным. Отец рассказал мне о нем зимой 1885 года, когда я приехала на каникулы, добавив, что Володя дал ему слово, что этого больше не повторится².

Но разве не в таких же пустяках коренилось часто исключение и порча всего жизненного пути непокорному юноше?! Отношение к отцу и ко всей семье, а также исключительная талантливость Владимира Ильича избавили его от этого.

На тех же соображениях, что и характеристика Керенского, основывалось решение моей матери не отпускать Владимира Ильича в университет одного, а переехать в Казань всей семьей.

В Казани была снята с конца августа 1887 года квартира в доме б. Ростовой, на Первой горе, откуда Владимир Ильич переехал через месяц со всей семьей на Ново-Комиссариатскую, в дом Соловьевой.

В те годы затишья и безвременья, когда «Народная воля» была уже разбита, социал-демократическая партия еще не зародилась в России и массы еще не выступали на арену борьбы, единственным слоем, в котором недовольство не спало, как в других слоях общества, а проявлялось отдельными вспышками, было студенчество.

¹ Больших приятелей у него в гимназические годы не было, но, конечно, нелюдимым его никак нельзя было назвать. А. Е.

² «Вообще я замечала в Володе еще в детские годы способность критически относиться к окружающему. Этот живой, шаловливый, как будто легкомысленный мальчик, который легко замечал смешные, слабые стороны в других, который был не прочь подразнить, посмеяться, на деле замечал не только это. Он подмечал, как было указано на примере Олиной музыки, и хорошие стороны, и непременно с тем, чтобы прикинуть к себе: так ли он поступает, нет ли чего в поступках другого, что и он бы мог позаимствовать.

Это было, по-моему, одной из сильных сторон Володи. У меня осталась в памяти пара случаев, по поводу которых он говорил: «Я думал: хватило бы у меня мужества на это? Пожалуй, нет».

Ему в детстве было чуждо хвастовство, важничанье — эти неприятные свойства, которых он не терпел в более поздние годы, от которых предостерегал молодежь в своей речи на III съезде комсомола. Правда, и отец наш очень не любил хвастовства и, несмотря на постоянные отличия в школе всех нас — и особенно Володи, — никого не хвалил, а, радуясь нашим успехам, старался поощрять нас на большие» (Ульянова-Елизарова А. И. Детские и школьные годы Ильича. С. 21—22). *Ред.*

В нем всегда находились честные, горячие люди, открыто возмущавшиеся, пытавшиеся бороться. И его поэтому давила всего сильнее лапа правительства. Обыски, аресты, высылки — все это обрушивалось всего сильнее на студентов. С 1887 года гнет еще усилился, вследствие попытки покушения на жизнь царя, произведенной весной этого года в Петербурге, участниками которой были почти одни студенты¹.

Мундиры, педея, самый тщательный надзор и шпионство в университете, удаление более либеральных профессоров, запрещение всяких организаций, даже таких невинных, как землячество, исключение и высылки многих студентов, бывших хотя сколько-нибудь на примете,— все это подняло настроение студентов с первых же месяцев академического года.

Волна так называемых «беспорядков» прошла с ноября по всем университетам. Докатилась она и до Казани.

¹ Студенты Казанского университета собрались 4 декабря, шумно требовали к себе инспектора, отказывались разойтись; при появлении последнего предъявили ему ряд требований — не только чисто студенческих, но и политических. Подробности этого столкновения, переданные мне в свое время братом, не сохранились в моей памяти. Помню только рассказ матери, ходившей хлопотать о нем, что инспектор отметил Володю, как одного из активнейших участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть ли не со сжатыми кулаками. Владимир Ильич был арестован на квартире с 4 на 5 декабря и просидел несколько дней с другими арестованными при участке (всего 40 человек). Все они были высланы из Казани. В. В. Адоратский рассказывает о переданном ему позднее Владимиром Ильичем следующем разговоре с приставом, отвозившим его после ареста.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена.

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится,— ответил, не задумываясь, Владимир Ильич.

Вся история с исключением произошла очень быстро. Владимир Ильич был выслан в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, в благоприобретенное имение деда его по матери Александра Дмитриевича Бланка, где в то время проживала под гласным надзором сестра его Анна (пишущая эти строки), которой пятилетний гласный надзор в Сибири был заменен, по ходатайству матери, высылкой в эту деревню. Пятая часть этого имения принадлежала моей матери, и во флигеле одной из двух хозяйничавших там теток², очень холодном и неблагоустроенном, провела наша семья (некоторое время спустя мать с меньшими переселилась тоже в Кокушкино) зиму 1887/88 года.

¹ Дело 1 марта 1887 года, разбиравшееся судом сословных представителей. Из 15 обвиняемых 5 человек было казнено через повешение — среди них А. И. Ульянов, старший брат Владимира Ильича; двое осуждены на пожизненное заключение в Шлиссельбурге, а остальные — на разные сроки ссылки в Сибирь и на Сахалин. А. Е.

² Речь идет о Л. А. Ардашевой-Пономаревой. *Ред.*

Никаких соседей у нас не было. Провели мы зиму в полном одиночестве. Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять, на месте ли я и не пропагандирую ли я крестьян,— вот и все, кого мы видели. Владимир Ильич много читал — во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди¹, очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того, мы подписывались в казанской библиотеке, выписывали газеты. Помню, каким событием были для нас оказии из города и как нетерпеливо раскрывали мы заветный пещер (корзинка местной работы), содержащий книги, газеты и письма. Равно и обратно при оказии пещер нагружался возвращаемыми книгами и почтой. Связано у меня с ним и такое воспоминание. Раз вечером все сидели за корреспонденцией, готова почта, которую должен был забрать ранним утром в упакованном пещере работник тетки.

Мне бросилось в глаза, что Володя, обычно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в возбужденном состоянии. Весь пещер был нагружен; мать с меньшими уже улеглись, а мы с Володей сидели еще, по обыкновению, и беседовали. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой — помнится, в один из южных — университет. Описал в нем, конечно, с большим задором студенческие беспорядки в Казани и спрашивал о том, что было в их университете.

Я стала доказывать брату ничемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий, которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда нелегко. В повышенном настроении, прохаживаясь по комнате и с видимым удовольствием передавая мне те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей предержащих, он подсмеивался над моими опасениями и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письмо такого содержания на его личный адрес, на то, что товарищ этот, может быть, находится тоже среди исключенных или состоящих на примете и подобное письмо принесет ухудшение его участи.

Тут Володя призадумался, а потом довольно быстро согласился с этим последним соображением, пошел в кухню и вынул, хотя и с видимым сожалением, из пещера злополучное письмо.

Позднее, летом, я имела удовольствие услышать от него в одной беседе по какому-то случаю между нами и двоюродной сестрой полушутливое, полусерьезное заявление, что за один совет он мне благодарен. Это произошло после того, как он перечел провалявшееся несколько месяцев в его ящике письмо и подверг его уничтожению.

Кроме чтения Владимир Ильич занимался в Кокушкине с младшим братом, ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но это была его первая, так сказать, проба ружья, и охота была всю зиму безус-

¹ А. П. Пономарева. *Ред.*

пешная¹. Я думаю, что это происходило и потому, что охотником в душе, как другие два брата мои, он никогда не был.

Но жизнь протекала, конечно, скучно в занесенном снегом флигельке, и тут-то и помогла Володе привычка к усиленным занятиям. Помню особенно ярко крутую, раннюю весну, после этой утомившей нас одинокой зимы, первую весну, проводимую нами в деревне. Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег...

Летом приехали двоюродные братья — у Володи появились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли. Они, хотя и более старшие, сильно пасовали перед метким словом и лукавой усмешкой Володи.

С осени 1888 года Владимиру Ильичу разрешено было переселиться в Казань, куда переехала мать с меньшими. Несколько позже дозволено было перебраться туда и мне.

III. ЖИЗНЬ В КАЗАНИ

Квартира была снята в доме Орловой, на Первой горе, недалеко от Арского поля, во флигеле. При квартире был балкон и довольно живописный садик по горе. В первом этаже были почему-то две кухни, а в верхнем — остальные комнаты. Володя выбрал себе вторую, лишнюю, кухню потому, что она была уединеннее и удобнее для занятий, чем верхние комнаты, окружил себя книгами и просиживал за ними большую часть дня. Здесь начал он изучать I том «Капитала» Карла Маркса.

Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников. Таких сторонников, молодых людей, изучавших также марксизм и революционно настроенных, он скоро нашел себе в Казани.

Вследствие особого поднадзорного положения нашей семьи, знакомые эти почти не ходили к нам, а уходил обыкновенно Володя на квартиры, где они собирались. Из фамилий, упоминаемых им, помню лишь две: Четверговой, пожилой народоволки, о которой

¹ Помню это по одной шутке между нами: раз, следующим летом, возвратившись с прогулки с двоюродным братом, он заявил: «А нам нынче заяц дорогу перебежал». — «Володя, — сказала я, — это, конечно, тот самый, за которым ты всю зиму охотился». А. Е.

Володя отзывался с большой симпатией, и студента — не помню уже, исключенного ли — Чирикова, будущего писателя-беллетриста, отошедшего потом от революции и даже перешедшего в лагерь врагов. Владимир Ильич был все же довольно осторожен из внимания к матери. Исключительное мужество, с которым она переносила несчастье с потерей брата Александра, вызывало удивление и уважение даже со стороны посторонних людей. Тем более чувствовали это мы, дети, ради которых, для забот о которых она страшным усилием воли сдерживала себя. Надежда Константиновна¹ говорила мне, что Владимир Ильич рассказывал и ей о том удивительном мужестве, с которым мать перенесла потерю брата, а позднее — сестры Ольги.

Влияние ее на нас с детства было огромное. Подробнее я скажу об этом в другом месте, здесь же укажу только на один эпизод из казанской жизни. Володя начал покуривать. Мать, опасаясь за его здоровье, бывшее в детстве и юношестве не из крепких, стала убеждать его бросить курение. Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, она указала ему, что и лишних трат — хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери) — он себе, не имея своего заработка, позволять бы, собственно, не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же — и навсегда — бросил курить. Мать с удовлетворением рассказала мне об этом случае, добавляя, что, конечно, довод о расходах она привела в качестве последней зацепки.

Говорил Володя мне о рефератах, которые читались у них, о некоторых собраниях рассказывал с большим оживлением. К весне, как это всегда бывает, деятельность кружков стала энергичнее, и Володя стал чаще отсутствовать по вечерам.

В то время, как мы видим по вышедшим теперь исследованиям тогдашней кружковой работы, в Казани было несколько кружков. Объединяться, даже встречаться, по требованию конспирации, они не могли. Некоторые члены даже не знали о существовании других кружков, а некоторые если знали или догадывались, то были не осведомлены о том, кто в них входил. Фамилии без надобности не назывались. В центральном кружке состоял в то время очень активный молодой революционер, убежденный социал-демократ Николай Евграфович Федосеев².

Исключенный еще из последнего класса гимназии, Федосеев повел энергичную революционную работу. При центральном кружке имелась библиотека нелегальных и неразрешенных книг, а с весны стала налаживаться техника для воспроизведения местных изданий и для перепечатки редких нелегальных. Владимир Ильич слышал об этих планах, но сам в этот кружок не входил. И самого Федосеева он лично не знал, а лишь слышал о нем. Но все же он говорил

¹ Жена Владимира Ильича. А. Е.

² О нем см. книгу «Н. Е. Федосеев» с предисловием т. Ленина. Издание Истпарта. А. Е. (Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России (Сборник воспоминаний). М.—Пг., 1923. *Ред.*).

мне, услышав об аресте, происшедшем в Казани в июле 1889 года, что он влетел бы, вероятно, также: был арестован Федосеев, разгромлен его кружок, а также забраны некоторые члены того кружка, в котором состоял Владимир Ильич. Спас тогда Ильича переезд всей нашей семьи в мае 1889 года в Самарскую губернию, на хутор близ деревни Алакаевки, купленный моей матерью через М. Т. Елизарова ¹. С осени того же года, по выходе моем замуж за М. Т. Елизарова, вся наша семья обосновалась в Самаре ².

Таким образом, Владимир Ильич счастливо ушел от казанского погрома, стоившего Федосееву около двух с половиной лет тюремного заключения — сначала предварительного, а потом, по приговору, в «Крестах» (так называлась Выборгская тюрьма в Петербурге, куда сажали приговоренных к отсидке). Переезд в более глухую Самару дал ему возможность заниматься спокойнее выработкой своего марксистского мировоззрения, а позднее — подготовкой к экзамену при университете. А летнее пребывание на хуторе в очень здоровой, прекрасной местности укрепило, несомненно, его здоровье.

IV. ЖИЗНЬ В САМАРЕ

Владимир Ильич стремился поступить вновь в университет, но ему упорно отказывали в этом, а когда разрешили наконец вместо того сдать окончательный экзамен при университете, то он засел вплотную за зубрежку разных юридических наук и в 1891 году сдал экзамен при Петербургском университете. Тогда многие удивлялись, что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом. Кроме прекрасных способностей Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность.

Помню, как летом в Самарской губернии он устроил себе уединенный кабинет в густой липовой аллее, где дал вкопать в землю скамейку и стол. Туда уходил он, нагруженный книгами, после утреннего чая с такой точностью, как будто бы его ожидал строгий учитель, и там, в полном уединении, проводил все время до обеда, до трех часов.

Никто из нас не ходил в ту аллею, чтобы не мешать ему.

Кончая с учебой в утренние часы, он после обеда уходил в тот же уголок с книгой по общественным вопросам — так, помню, читал по-немецки Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». А потом прогуляет, купается, и после вечернего чая выносятся лампа на крылечко, чтобы комары в комнату не налетели, — и опять

¹ Товарищ брата, Александра Ильича, по студенческому поволжскому землячеству. А. Е.

² Семья Ульяновых-Елизаровых переехала с хутора близ деревни Алакаевки в Самару 5 (17) сентября 1889 г. *Ред.*

Володина голова склонена над книгой. Но если усиленные занятия не делали Владимира Ильича угрюмым, книжным человеком в более поздние годы, то тем более не делали его таким в молодости. В свободное время, за обедом, гуляя, он обычно шутил и болтал, развеселяя всех других, заражая своим смехом окружающих.

Умея работать, как никто, он умел и отдыхать, как никто.

В Самаре революционно настроенной молодежи было, конечно, меньше, чем в Казани — городе университетском, но и там она была. Были, кроме того, и пожилые люди, бывшие ссыльные, возвращавшиеся из Сибири, и поднадзорные. Эти последние были, конечно, все направления народнического и народовольческого. Для них социал-демократия была новым революционным течением; им казалось, что для нее нет достаточной почвы в России. В глухих ссыльных местах, в улусах Сибири они не могли следить за теми изменениями в общественной жизни, в ходе развития нашей страны, которые происходили без них и начинали создаваться в крупных центрах. Да и в центрах представителей социал-демократического направления, начало которому было положено еще в 1883 году группой «Освобождение труда» за границей, было еще немного, — главным образом, это была молодежь.

Направление это лишь пробивало себе путь. Столпами общественной мысли были еще народники: Воронцов (В. В.), Южаков, Кривенко, а властителем дум — критик и публицист Михайловский, имевший раньше тесные связи с народовольцами. Этот последний выступил, как известно, в 1894 году с открытой борьбой против социал-демократов в самом передовом тогдашнем журнале «Русское богатство». Для борьбы с устоявшимися взглядами надо было прежде всего вооружиться как теоретическим знанием — изучением Маркса, так и материалом по приложению этого знания к русской действительности — изучением статистических исследований развития нашей промышленности, нашего землевладения и т. п. Обобщающих работ в этом смысле почти не было: надо было изучать первоисточники и строить на основании их свои выводы. За эту большую и непочатую работу взялся в Самаре Владимир Ильич.

Продолжая серьезное изучение всех сочинений Маркса и Энгельса (некоторые из них, как «Нищета философии», имелись тогда лишь на иностранных языках), он познакомился и со всеми сочинениями народников и взялся для проверки их и для выяснения возможности социал-демократии в России за статистические исследования. Новые данные самарского отдела Истпарта показывают нам, какое большое число книг брал по этим вопросам Владимир Ильич из городской библиотеки. Читая и изучая, он писал и рефераты по прочитанному. Одним из таких рефератов, разросшихся в объемистую тетрадь, является его работа о книге Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» под заглавием «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»¹.

¹ Помещена в I-м томе Сочинений Ленина. А. Е. (Полн. собр. соч. Т. I. С. 1—66. Ред.).

Как известно, на юге России крупное капиталистическое хозяйство в земледелии стало развиваться раньше, чем в центре и на севере, — там возникли крупные сельскохозяйственные экономии с большим количеством безземельных рабочих-батраков. Поэтому положение земледелия на юге России было особенно интересно с точки зрения того, в какую сторону развивается наше хозяйство. Постников стоял, конечно, далеко не на революционной точке зрения, и Владимир Ильич оставил без рассмотрения его указания на разные реформы: он взял у него фактический материал и сделал из него свои выводы.

Этот реферат, как и другие, ранее написанные рефераты по изучению марксизма (например, краткое изложение «Нищеты философии» и против народников — В. В. (Воронцова), Южакова), читался Владимиром Ильичем в кружках местной молодежи. Раньше других Владимир Ильич познакомился в Самаре с Вадимом Андреевичем Ионовым, приятелем Марка Тимофеевича Елизарова, моего мужа. Ионов был старше Владимира Ильича и стоял на народовольческой точке зрения. В то время он был, пожалуй, самой видной фигурой среди самарской молодежи и пользовался влиянием. Владимир Ильич постепенно перетянул его на свою сторону. Вполне своим стал сразу одноклассник Владимира Ильича Алексей Павлович Складенко (Попов), исключенный из самарской гимназии и отбывший уже заключение в «Крестах» по своему первому делу¹. Вокруг Складенко группировалась молодежь из семинаристов, учениц фельдшерской школы. В этом кружке, а также в народнических и выступал Владимир Ильич; в последних велись страстные прения. Много споров бывало также при встречах и беседах со старыми народовольцами. Из них всего чаще видался Владимир Ильич с Александром Ивановичем Ливановым, которого очень ценил за его революционный закал.

Умея брать отовсюду все лучшее, Владимир Ильич не только оспаривал воззрения Ливанова и других народовольцев, он впитывал от них революционные навыки, с интересом выслушивал и запоминал рассказы о приемах революционной борьбы, о методах конспирации, об условиях тюремного сидения, о сношениях оттуда; слушал рассказы о процессах народников и народовольцев. Располагали очень к Александру Ивановичу чуткость и деликатность, отсутствие того подчеркивания, что молод, мол, ты, зелен, которое было свойственно многим старикам. Большая смелость и неприимчивость Владимира Ильича казались большинству спорщиков лишь молодым задором и чрезмерной самоуверенностью. И в самарские годы, и позднее ему не прощались резкие нападки на таких признанных столпов общественного мнения, как Михайловский, В. В., Кареев и др. И во все четыре зимы, проведенные Владимиром Ильичем в Самаре, более солидные слои передового общества смотрели на него как на очень способного, но чересчур самонадеян-

¹ О Складенко см. подробнее в сборнике Истпарта «Старый товарищ А. П. Складенко». А. Е. (Старый товарищ Алексей Павлович Складенко (1870—1916 гг.): Сборник статей. М., 1922. *Ред.*).

ного и резкого юношу. Лишь в кружках молодежи, будущих социал-демократов, пользовался он безграничным уважением. Рефераты Владимира Ильича о сочинениях В. В., Южакова, Михайловского, читанные в самарских кружках, позднее подвергшись некоторой обработке, составили три тетради под общим заглавием «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Одна из таких тетрадей до сих пор не найдена, а две другие вошли в Полное собрание его сочинений¹ и, как справедливо указывалось, заключают уже в себе все главные основы развитых им позднее взглядов, основы ленинизма.

Но в самарский период Владимир Ильич прошел не только теоретическую школу. Жизнь его в этой такой типичной для русского крестьянства губернии дала ему много того знания и понимания этого общественного слоя, которое так удивляло всех нас позднее. Как в формулировке аграрной части нашей программы и во всей дореволюционной борьбе, так и в строительстве нашей партии после победы это знание сыграло огромную роль. А черпать его Владимир Ильич умел отовсюду.

Скляренко служил секретарем у мирового судьи Самойлова, человека идейного и передового. Вместе со своим патроном ему приходилось выезжать на разбор дел по деревням, принимать приезжавших в город с жалобами крестьян и получать таким образом ценные данные о положении крестьянства в уезде. Он делился этими наблюдениями с Владимиром Ильичем. Беседовал по этому вопросу Владимир Ильич и с самим Самойловым, и с остальными знакомыми, у которых было много связей в крестьянстве. Но больше всего материала почерпал он из рассказов Марка Тимофеевича Елизарова, происходившего из крестьян Самарской губернии и сохранившего тесную связь со своими односельчанами. Беседовал он и со старшим братом Марка Тимофеевича, Павлом Тимофеевичем. Это был так называемый «крепкий» крестьянин, разбогатевший арендой близлежащих удельных (то есть принадлежащих царскому дому) земель и пересдачей их крестьянам. Самое популярное лицо в деревне, он бессменно выбирался в земские гласные. Как все люди его типа, он стремился к округлению капиталов, лез в купцы, чего позднее и добился. Помню, что меня удивляло, как подолгу, с каким интересом мог говорить Володя с этим полуграмотным, чуждым каких бы то ни было идеалов кулаком, и лишь позднее поняла я, что он почерпал у него данные о положении крестьян, о расслоении, идущем среди них, о взглядах и стремлениях этой экономической верхушки деревни. Заразительно, как всегда, хохотал он над некоторыми рассказами купца, и тот был чрезвычайно доволен оказываемым ему вниманием и проникнут большим уважением к уму Владимира Ильича. Но он не мог понять, что хохочет Володя часто не над тем, как ловко устраивают свои делишки деревенские купчины, а над народниками, над их наивной верой в крепость крестьянского уклада, в крепость общины, в возможность привить крестьянам социализм.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 125—346.

В этих разговорах проявлялось характерное для Ильича умение разговаривать со всякой публикой, вытягивать из каждого нужное ему; умение не отрываться от почвы, не быть задавленным теорией, а трезво вглядываться в окружающую его жизнь и чутко прислушиваться к ее звукам. В этом умении стать стойким последователем известной теории и в то же время трезво учитывать все особенности и все изменения неустанно бьющей вокруг него жизненной волны, ни на минуту не терять из виду общей принципиальной линии, а также ни на момент не отрываться от родной российской почвы, на которой он стоял,— в этом сочетании, как уже не раз указывалось, заключался главный источник силы и значения Ильича. Но в его юные годы, за оживленной болтовней и шутками, за беззаботно звучащим смехом вряд ли кто заметил бы этот источник. Он никогда не говорил книжно, никому не навязывал своей теории, он умел быть веселым, бесхитростным товарищем в часы досуга, но и досуг этот он умел использовать для чуткого прислушивания к окружающей жизни и выбора из нее всего ценного и нужного для своего пути, для задачи своей жизни.

Много заимствовал Владимир Ильич и из непосредственного общения с крестьянами в Алакаевке, где он провел пять летних сезонов подряд, по три-четыре месяца в год, а также и в деревне Бестужевке, куда ездил с Марком Тимофеевичем к родным последнего. Но, знакомясь в разговорах с общим положением крестьян, Ильич старался больше узнать от них, чем говорил сам,— во всяком случае, убеждений своих не высказывал. И не только потому, что ему приходилось считаться с поднадзорным положением. Нет, он знал, что крестьян непосредственно революцией и социализмом не проймешь, что с этим надо идти к другому слою, к слою промышленных рабочих; он берег себя для них. Ему была чужда всякая фраза, а дела, он знал, из разговора с крестьянами в то время не вышло бы.

Таким образом, развивался и рос незаметно в провинциальном городе и в тиши уединенного хуторка тот Ленин, который заложил основы РКП(б) и повел ее к победе, а после победы — к строительству на этих основах¹.

Годы жизни в Самаре и еще ранее год в Казани являлись лишь подготовительными для его работы, разлившейся затем так широко. Но эти годы были вместе с тем самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича: в это время складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия.

¹ Далее в рукописи следует:

«Последний год в Самаре, хотя и забросил туда нового ценного единомышленника Исаака Христофоровича Лалаянца, с которым основалась первая группа социал-демократов в Самаре (Ильич, Сляренко, Лалаянц), переживался Владимиром Ильичем более томительно, чем первые. Из Самары и годов затишья было взято все, что можно: знания были почерпнуты, оружие в борьбе с инакомыслящими отточено, нужна была более широкая арена, настоящая организованная борьба.

И Владимир Ильич поехал осенью 1893 года в Петербург, где и началась собственно его революционная работа». *Ред.*

У. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА (Н. ЛЕНИНА)

1. ИЗ САМАРЫ В ПЕТЕРБУРГ

Владимир Ильич переехал из Самары в Петербург осенью 1893 года¹ с целью взяться за революционную работу. Окончательные экзамены при университете были им сданы еще в 1891 году. Самара не могла дать простора его деятельности, она давала слишком мало пищи его уму. Теоретическое изучение марксизма, которое он мог взять и в Самаре, было уже взято им².

Почему же не уехал он с осени 1892 года, когда уже окончил университетский курс, зачем сидел еще год в Самаре?

На этот вопрос я могу ответить: сидел для матери.

Я говорила уже в описании его детских и юношеских лет, каким большим авторитетом, какой горячей любовью пользовалась и с его стороны, как и со стороны всех нас, наша мать. Той твердости, с которой она переносила свои тяжелые несчастья, удивлялись все, кто ее знал,— тем более чувствовали это дети. Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них.

Она старалась, по мере возможности, не омрачать их молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье... И она понимала их революционные стремления.

Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчать ее горе. А в год окончания Владимиром Ильичем университета над семьей стряслось новое несчастье: умерла в Петербурге от брюшного тифа его сестра Ольга. Владимир Ильич приехал как раз тогда, весной, для сдачи первой половины своих экзаменов. Ему пришлось отвезти сестру в больницу (попала, к несчастью, в очень плохую), потом, когда ей стало плохо, вызвать телеграммой мать. Владимир Ильич был один с матерью в первые, самые тяжелые, дни. Он привез ее домой в Самару. Он видел, как и при этом новом ударе проявилось ее мужество, ее чуткость к другим прежде всего.

Стараясь преодолеть свое горе, мать все же, конечно, сильно

¹ В. И. Ленин приехал в Петербург 31 августа (12 сентября) 1893 г. *Ред.*

² Далее в рукописи следует:

«Он начал изучать русскую действительность, прилагая к ней метод Маркса; он написал частью разбор сочинений народников, который вошел потом в его работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в эту работу, в которой, как правильно указывали, заключается уже в основном все его позднейшее учение. И городскую самарскую библиотеку — библиотеку для провинциального города хорошую — он во всем для себя существенном уже использовал». *Ред.*

страдала. Ольга была прекрасная, с выдающимися способностями и большой энергией девушка¹.

Осенью 1890 г. она поехала в Петербург на Высшие женские курсы. Ни в Казани, ни тем более в Самаре высшего женского заведения не было, а она страстно рвалась к учению. На курсах она выделилась в первый же год своими знаниями, своей работоспособностью, и подруги ее — З. П. Невзорова-Кржижановская, Торгонская, покойная А. А. Якубова — говорили о ней, как о выдающейся девушке, бывшей центром их курса. Со всем неясным или непонятным подруги шли к ней, и она повредила себе тем, что, уже больная, объясняла им по химии и другим предметам к начавшимся экзаменам. Она искала также путей и для общественной работы, и из нее вышла бы, несомненно, выдающаяся и преданная революционерка. После ее потери одно могло облегчить несколько горе матери: близость к ней остальных детей. И Володя остался еще на год дома, в Самаре.

Но к концу этой последней зимы он уже иногда порядочно скучал, стремясь к более оживленному центру, к простору для революционной работы: Самара в те годы была как бы только станцией из Сибири, из настоящей ссылки, в центры умственной жизни, которыми были столицы и университетские города.

Остался у меня в памяти разговор с Володией о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова. И он твердо решил, что уедет из нее следующей же осенью. Но ему не захотелось основаться в Москве, куда направились вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет меньшим братом Митей. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре — Питере. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Да, вероятно, его намерение искать связи среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы компрометировать.

Поздней осенью, устроившись в Москве, мы с матерью ездили

¹ Далее А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (М., 1926. С. 30—31) пишет: «Она кончила в один год с Володией и так же, как и он, с золотой медалью гимназию, где была очень любима подругами». *Ред.*

в Питер навестить Володю. У матери была при этом специальная цель: купить ему зимнее пальто. Володя был всегда очень непрактичен в житейских обыденных вещах — он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно и позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе никогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и во многом другом, был весь в отца.

2. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА И СВЯЗИ

Знакомства по приезду в Петербург Владимир Ильич стал заводить понемногу, осмотрительно: он знал, что правительство смотрело на него предубежденно, как на брата Александра Ильича, он видел, как часто за неосторожную болтовню влетала молодежь, не успев ничего сделать. Всякая болтовня и фраза были чужды ему: он хотел нести свои знания, свою работу в тот слой, который — он знал — совершит революцию, в слой рабочих. Он искал знакомства с людьми, которые разделяли его взгляды, которые считали, что революцию можно ждать не от крестьянства, якобы социалистически настроенного, якобы разделявшего коммунистические верования и навыки предков, и не от представителей интеллигенции — самоотверженных, готовых идти на смерть, но одиноких. Он искал таких, которые знали твердо, как и он, что революция в России будет произведена рабочим классом или ее не будет вовсе (слова Плеханова). Таких людей, социал-демократов, было тогда меньшинство. Большинство революционно настроенных образованных людей придерживались народнических и народолюбческих взглядов, но так как организация была уже разрушена, дела никакого не было, то активно мало кто проявлялся, а было больше разговоров, шумихи. От этой интеллигентской болтовни и старался держаться подальше Владимир Ильич. Полиция, власти считали тогда тоже опаснее представителей народолюбчества, идущих на насилие, несущих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались мало опасными. «Маленькая кучка, да когда-то что будет — через пятьдесят лет», — говорил о них директор департамента полиции Зволянский.

Таково же приблизительно было воззрение на социал-демократов и в обществе. Если такой руководитель умов того времени, как Михайловский, настолько не понимал взглядов Маркса, что не видел — или затушевывал — революционное значение их, то чего же можно было ожидать от широких слоев. Маркса почти никто не читал, представление о социал-демократах имелось главным образом по легальной парламентской деятельности их в Германии. В России парламентом в то время и не пахло, поэтому нетерпе-

ливой, рвущейся к революционной работе молодежи казалось, что русские социал-демократы просто избирают себе спокойный удел: почитывая Маркса, дожидаться, когда заря свободы взойдет над Россией. Им казалось, что объективизм Маркса прикрывал тут попросту вялость, старческую рассудочность в лучшем смысле, а в худшем — шкурнические интересы. Так смотрели на русских учеников Маркса авторитетные для молодежи старые революционеры, возвращавшиеся с каторги и ссылки. Их молодость была горячим и дерзким порывом борьбы со всесильным самодержавием, они, направляясь в народ, забрасывали книжки, плевали на дипломы... И они с тоской и непониманием взирали на новую, какую-то не по-юному солидную молодежь, которая считала возможным обкладывать себя толстыми томами научных книг в то время, как ничто не сдвинулось еще в устоях самодержавия и положение народа было плачевным по-прежнему. Они видели в этом какую-то холодность. Они готовы были применить к этой молодежи слова Некрасова:

Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.
Ему нет горше укоризны...

Каждое время выставляет свои требования, и обычно бывает, что представители старого поколения плохо понимают идеалы и стремления молодого, начавшего мыслить при изменившихся общественных условиях. А если политические условия остались в России прежние, то экономические начали сильно меняться: капитализм захватывал все большие области, все несомненное становилось, что ход развития пойдет у нас так же, как на Западе, что вожаком революции будет и у нас, как и там, пролетариат. А сторонникам старых, народнических воззрений, не понимавшим, что дело тут не в чем-то безразличии и не в чьей-то злой воле, что таков ход развития и против него никаким самым самоотверженным порывом ничего не поделаешь, казалось, что марксисты, слепо идя по пути Запада, хотят выварить всех крестьян в фабричном котле. Крестьянам же, по их убеждению, были присущи коммунистические взгляды, с которыми они могли бы миновать тяжелый путь через капитализм, несущий, особенно в первой своей стадии, неисчислимые бедствия и страдания для народа. «Лучше бы без капитализма», — говорили они устами В. В. (Воронцова), Южакова и других народников и старались найти доказательства, что это «лучше бы» возможно. Они негодовали на марксистов, как негодует человек, не понимающий необходимости какой-либо операции, на холодность и сухость врача, спокойно подвергающего больного всем связанным с нею страданиям, не пытаюсь обойтись «лучше» без них.

Это добренькое «лучше без капитализма» Владимир Ильич высмеивал очень ядовито и в устных своих выступлениях в тот период, и в первых своих работах, посвященных главным образом критике народничества. Отсылаем читателя к упомянутому уже

нами сочинению его «Что такое «друзья народа»...», которое дает наилучшее представление о взглядах Ильича в тот период и которое в перепечатанных тогда на mimeографе тетрадках зачитывалось до дыр молодежи.

Еще раньше, чем тетрадки эти появились,— зимой 1893 года Владимир Ильич выступал против народников в Москве. Это было во время рождественских каникул, когда он приехал побывать к нам. На праздниках устраивались обычно вечеринки. Так и тут на одной вечеринке с разговорами в студенческой квартире выступил против народников Владимир Ильич. Ему пришлось здесь сцепиться главным образом с известным писателем-народником — В. В. (Воронцовым) ¹. Не встречаясь с В. В. лично, Владимир Ильич не знал, против кого он выступает, и потом даже рассердился на знакомую ², приведшую его на эту вечеринку, что она не сказала ему, кто его противник. Выступал он со свойственной ему великолепной смелостью, во всеоружии своих знаний и со всей силой убеждения, сосредоточив на себе весь интерес вечеринки. Сторонникам противной стороны дерзость неизвестного молодого человека казалась чрезмерной; вся марксистски настроенная молодежь была страшно рада неожиданной поддержке и жалела, что, отчитав В. В., незнакомец быстро ускользнул с вечеринки. А Владимир Ильич ругал себя потом, что, раззадоренный авторитетностью, с которой В. В. высказывал свои устарелые взгляды, дал вызвать себя на обличения в неконспиративной обстановке. Но сошла эта вечеринка благополучно: на праздниках и полиция в Москве любила попризновать, а потом имени Ильича никто не знал, его называли «петербуржец». Значение же его выступления для московской молодежи было большое: оно разъяснило молодым марксистам многое, оно дало им опору, толкнуло их вперед.

И в Питере в ту зиму у Владимира Ильича было мало знакомств. Он сошелся с кружком технологов, группировавшихся вокруг братьев Красиных ³, с которыми связался через Нижний Новгород, затем познакомился с несколькими сознательными и активными рабочими, как Бабушкин (расстрелянный после революции 1905 года в Сибири ⁴) и В. А. Шелгунов, давно уже ослепший, который и теперь выступает в Москве со своими воспоминаниями ⁵. Он познакомился с некоторыми легальными литератора-

¹ О вечеринке, состоявшейся 9(21) января 1894 г., и выступлении В. И. Ленина в донесении московского охранного отделения в департамент полиции от 20 января (1 февраля) 1894 г. говорилось: «Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела» (Красный архив. 1934. № 1 (62). С. 76). *Ред.*

² М. П. Ясневу-Голубеву. А. Е.

³ Герман и Леонид Борисовичи. Последний — видный нелегальный работник под кличкой Никитич. При Советской власти — нарком внешней торговли и полпред сначала во Франции, затем в Англии. Умер осенью 1926 года. А. Е.

⁴ См. статью-некролог «Иван Васильевич Бабушкин» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 79—83). *Ред.*

⁵ В. А. Шелгунов умер в 1939 году. *Ред.*

ми-марксистами, как с П. Б. Струве, А. Н. Потресовым, с которыми его сближала общая борьба против народников. Потресов, впрочем, был его ближайшим товарищем и позднее, по работе в «Искре», вплоть до раскола на II съезде в 1903 году. Но, направляя вместе со Струве удары против народников, Владимир Ильич раньше других почувствовал в нем чуждые струнки неревolucionонера, не делающего всех выводов из учения Маркса, останавливающегося на чисто легальном, профессорском, буржуазном марксизме. Он почуял в нем будущего кадета и тогда же напал горячо на это вредное уклонение в статье под псевдонимом К. Тулин¹, помещенной в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», изданным Потресовым в 1895 году. Сборнику этому не удалось проскочить через цензуру, как изданной ранее книге Плеханова под псевдонимом Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Мудреное заглавие спасло книгу Плеханова, содержащую ярые нападки на народников и определенно высказывавшую точку зрения революционных марксистов. А сборник «Материалов», несмотря на несколько сухих, кишащих цифирью статей, влетел за статью Тулина и был сожжен. Удалось спасти только несколько экземпляров, и немногие поэтому прочли тогда статью Владимира Ильча.

Таким образом, цензура быстро разобрала разницу между марксизмом революционным — социал-демократией — и марксизмом легальным. Стали понимать эту разницу и кое-кто из народников-революционеров, стали замечать, что собственно их противники социал-демократы также революционеры и что нельзя валить их в одну кучу с «легальными марксистами», которые, устанавливая факт, что Россия «идет на выучку к капитализму» (эпиграф к книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»), никакого вывода в смысле необходимости борьбы с существующим строем из этого не делают. Кое-кто из молодых народовольцев, не признававших значения нашей общины (мы видели в одной из предыдущих глав, что ее не признавали уже Александр Ильич с товарищами в 1887 году), стали подходить ближе к социал-демократам, убеждаясь, что они не только не против политической борьбы, а выставляют ее на своем знамени. Так, народовольцы, имевшие свою типографию в Петербурге (Лахтинская типография), сами предложили социал-демократам печатать их листовки и брошюры, считая, что разница между двумя направлениями лишь в том, что социал-демократы обращаются к рабочим, а не к другим классам общества, но что направление их также революционное. В Лахтинской типографии были напечатаны многие листовки Владимира Ильича и его брошюра «О штрафах»²; вторая, «О стачках», была забрана там при аресте типографии и погибла.

¹ Речь идет о статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 347—534). *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 15—60.

Но это было уже позднее. Лето 1894 года — после первой зимы в Петербурге — Владимир Ильич проводил с нами под Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино, Курской железной дороги. Жил довольно уединенно и много занимался. Для отдыха гулял с меньшим братом и сестрой по окрестностям и заложил в них основы социал-демократического учения. Из московских социал-демократов виделся с Мицкевичем, с которым познакомился еще раньше в Нижнем Новгороде, с Ганшиным и братьями Масленниковыми. Эти товарищи взялись печатать его тетрадки «Что такое «друзья народа»...», которые появились осенью 1894 года в Москве и Петербурге, размноженные на mimeографе¹.

Помню, что не успела прочесть его тетрадку о Михайловском в рукописи и разыскивала ее потом в Москве.

Это было не так-то легко, потому что выступление Михайловского против социал-демократов возмутило многих, и в Москве ходило несколько рукописных или доморощенно напечатанных ответов ему. Легально ответы эти напечатаны быть не могли, это-то и возмущало против Михайловского, что он нападает и клевет на людей, которым зажат рот. Мне стали рассказывать о двух-трех ответах и, характеризуя их, заявили: «Один более основательный, только выражения очень уже недопустимые». — «А какие, например?» — спросила я с живостью. «Да, например, Михайловский сел в лужу». — «Вот этот, пожалуйста, мне и достаньте», — заявила я, решив совершенно определенно, что этот и должен был принадлежать перу Володи. И потом мы смеялись с ним относительно того признака, по которому я безошибочно определила его работу.

3. БОРЬБА С «ЭКОНОМИСТАМИ»

Кроме народников и «легальных марксистов» Владимиру Ильичу пришлось сражаться еще с так называемыми «экономистами». Это было направление, отрицавшее необходимость политической борьбы со стороны рабочих и агитацию за таковую в рабочих массах. Вытекало оно из здорового и естественного стремления подходить к рабочим, политически совершенно неразвитым, сохранившим еще в массе веру в царя, с точки зрения их повседневных нужд и требований. Дело шло о первых шагах в этих массах, которые надо было пробудить, в которых надо было развить стремления к защите своего достоинства, сознание, что спасения можно искать только в объединении, в сплочении, и содействовать этому сплочению. А объединить можно было только на непосредственных, наглядных нуждах — прежде всего на протесте против притеснения со стороны хозяев. Так, призыв восстать против непомерно удлиняющегося рабочего времени, сокращаемого с помощью разных мошенничеств заработка, призыв требовать кипятка в обеденное время, более

¹ Первый выпуск указанной работы был издан в июне, второй и третий — в августе и сентябре 1894 г. *Ред.*

раннего окончания работы в субботу для того, чтобы пользоваться баней, отмены несправедливых штрафов, удаления грубых, зазнавшихся мастеров и т. п. был понятен самым серым, неразвитым рабочим.

Сплочаясь на таких обыденных нуждах, они научались бороться вместе, дружно, стойко, защищать общие интересы, а удача в этой борьбе давала им чувствовать свою силу и объединяла еще более. Удача первых стачек — а чем мельче и справедливее были выставленные требования, тем легче они удовлетворялись — окрыляла и толкала вперед сильнее всякой агитации. Добытые улучшения в положении давали больше досуга и возможности читать, развиваться дальше. Поэтому все социал-демократы, шедшие к рабочим массам, начинали агитацию с экономических нужд. И листовки Владимира Ильича указывали на самые насущные требования рабочих того или иного завода или фабрики, производя этим большое впечатление. В случае несогласия хозяев удовлетворить мирным путем требования рабочих, рекомендовалось прибегнуть к стачке. Успех стачки в одном предприятии побуждал к этому методу борьбы и другие¹.

То время было временем перехода от занятий в небольших кружках — пропаганды, к работе в массах — агитации. И Владимир Ильич был одним из тех, кто стоял за такой переход. Разница между пропагандой и агитацией определялась, пожалуй, лучше всего словами Плеханова: «Пропаганда дает много идей небольшому кругу лиц, а агитация — одну идею массам».

Но если первый подход к совершенно неразвитым рабочим должен был по необходимости идти от ближайших экономических нужд, то никто не говорил с самого начала определеннее Владимира Ильича, что это должно быть лишь начальной ступенью, что политическое сознание должно развиваться с первых же бесед и с первых листов. Помню разговор с ним об этом поздней осенью 1895 года, незадолго до его ареста, когда я приехала опять к нему в Петербург.

«Как подходить с разговорами о политике к серым рабочим, для которых царь — второй бог, которые и листки с экономическими требованиями берут еще со страхом и оглядкой? Не оттолкнуть бы их только этим», — говорила я, имея в виду еще более серых московских рабочих.

Владимир Ильич указывал мне тогда, что все дело в подходе.

«Конечно, если сразу говорить против царя и существующего строя, то это только оттолкнет рабочих. Но ведь «политикой» переплетена вся повседневная жизнь. Грубость и самодурство урядников, пристава, жандарма и их вмешательство при всяком

¹ А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (с. 42—43) пишет: «Авторитет тех неведомых защитников, которые выпускали эти листовки, уча рабочих бороться, возрастал до огромных размеров, и позднее, когда Владимир Ильич был уже арестован, а организованный им союз назывался «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», рабочие разных производств обращались к нему с просьбой листов, заявляя: «Почему нас союз забыл?». *Ред.*

несогласии с хозяином обязательно в интересах последнего, отношение к стачкам всех власть имущих — все это быстро показывает, на чьей они стороне. Надо только всякий раз отмечать это в листках, в статьях, указывать на роль местного урядника или жандарма, а там уже постепенно направляемая в эту сторону мысль пойдет дальше. Важно только с самого начала подчеркивать это, не давать развиваться иллюзии, что одной борьбой с фабрикантами можно добиться чего-нибудь». «Вот например,— говорил Владимир Ильич,— вышел новый закон о рабочих (не помню сейчас точно, чего он касался.— А. Е.), его следует разъяснить, показать, насколько тут делается что-либо для рабочих и насколько — для фабрикантов. И вот в газете, которую мы выпускаем, мы помещаем передовицей статью «О чем думают наши министры?»¹, которая покажет рабочим, что такое наше законодательство, чьи интересы оно защищает. Мы намеренно говорим о министрах, а не о царе. Но эта статья будет политической, и такой должна быть обязательно передовица каждого номера, чтобы газета воспитывала политическое сознание рабочих». Статья эта, принадлежащая перу Владимира Ильича, входила, действительно, в первый номер «Рабочей газеты», не увидевший тогда света, забранный, как известно, при аресте Володи с товарищами 9 декабря 1895 года. Я читала ее, как и другой материал для первого номера «Рабочей газеты», подготовлявшегося тогда. Выпуск номера на mimeографе был делом громоздким и подготовлялся задолго. Помню, как ядовито был поддет в этой статье министр и какой она была популярной и боевой.

Говорю об этом так подробно, чтобы указать, насколько неправы были многие, клонившиеся тогда к «экономизму» люди, которые оправдывались позже тем, что и Владимир Ильич писал в то время листовки на экономические темы. Арест номера газеты с политической передовицей в рукописи и последовавшее затем изъятие Владимира Ильича на четыре с лишком года давали некоторую почву для таких оправданий, хотя и при кратковременном пребывании на воле перед ссылкой, да из тюрьмы и из ссылки Владимир Ильич проявлялся в этом отношении достаточно определенно, чтобы можно было не валить на него обвинения в «экономизме». Достаточно напомнить хотя бы его протест из ссылки против кусковского «Кредо»².

Это ярко-политическое направление было присуще Ильичу с самого начала, оно вытекало из правильно понятого учения Маркса, оно находилось также в соответствии со взглядами родоначальницы русской социал-демократии — группы «Освобождение труда», собственно ее основателя — Плеханова. Владимир Ильич хорошо знал его взгляды по его литературным работам, а кроме того, летом 1895 года, когда ездил за границу, и лично познакомился с ним. Официальной целью было отдохнуть и полечиться

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 75—80.

² Изложение своих убеждений. А. Е. (см.: Ленин В. И. Протест российских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 163—176). *Ред.*

после воспаления легких, а неофициальной — завязать сношения с группой «Освобождение труда».

Владимир Ильич был очень доволен своей поездкой, и она имела для него большое значение. Плеханов пользовался всегда большим авторитетом в его глазах; с Аксельродом он очень сошелся тогда; он рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные. Мнением обоих Владимир Ильич очень дорожил. Позднее, из ссылки, он послал им для напечатания свою брошюру «Задачи социал-демократов в России»¹. И когда я передала ему хвалебный отзыв о ней стариков, он написал мне: «Их (стариков) одобрителный отзыв о моих работах — это самое ценное, что я могу себе представить». И после свидания с ними он еще определеннее и энергичнее вступил на путь организации политической партии социал-демократов в России.

По возвращении из-за границы Владимир Ильич был у нас в Москве и много рассказывал о своей поездке и беседах, был особенно довольный, оживленный, я бы сказала даже — сияющий. Последнее происходило главным образом от удачи на границе с провозом нелегальной литературы.

Зная, что на него, вследствие его семейного положения, смотрят особенно строго, Владимир Ильич не намеревался везти с собой что-нибудь недозволенное, но за границей не выдержал, искушение было слишком сильно, и он взял чемодан с двойным дном. Это был обычный в то время способ перевозить нелегальную литературу; она укладывалась между двумя днами. Работа производилась в заграничных мастерских чисто и аккуратно, но способ этот был все же очень известен полиции, — вся надежда была на то, что не станут же исследовать каждый чемодан. Но вот, при таможенном осмотре чемодан Владимира Ильича был перевернут вверх дном и по дну, кроме того, прищелкнули. Зная, что опытные пограничные чиновники определяют таким образом наличие второго дна, Владимир Ильич решил, как рассказывал нам, что влетел. Тот факт, что его благополучно отпустили и он сдал чемодан в Питере, где последний был также благополучно распотрошен, привел его в великолепное настроение, с которым он и приехал к нам в Москву.

4. СЛЕЖКА И АРЕСТ

Вполне возможно, конечно, что Владимир Ильич не ошибся, что скрытое содержание было действительно обнаружено, но, как это практиковалось, влетевший не арестовывался сразу, чтобы проследить целый ряд лиц, принимавших литературу, распространявших ее, и создать таким образом большое дело².

¹ См.: Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 433—470.

² А. И. Ульянова-Елизарова в книге «Воспоминания об Ильиче» (с. 47—48) пишет: «И после ареста через 3—4 месяца Владимир Ильич был очень озабочен этой уликой, и в первых наших с ним сношениях из тюрьмы чемодан играл большую роль, на него намекали и на первом допросе, но, очевидно, концы с этим были спря-

К осени 1895 года за Владимиром Ильичем сильно следили. Он говорил мне об этом в упомянутый мной приезд к нему поздней осенью этого года. Он говорил, чтобы, в случае его ареста, не пускать в Питер мать, для которой хождение в разные учреждения с хлопотами о нем было особенно тягостно, так как было связано с воспоминаниями о таком же хождении для старшего сына. В тот приезд познакомилась я у брата с В. А. Шелгуновым, тогда еще молодым, здоровым рабочим.

Рассказывал Владимир Ильич мне несколько случаев о том, как он удирает от шпиков. Зрение у него было хорошее, ноги проворные, и рассказы его, которые он передавал очень живо, с веселым хохотом, были, помню, очень забавны. Запомнился мне особенно один случай. Шпион настойчиво преследовал Владимира Ильича, который никак не хотел привести его на квартиру, куда отправлялся, а отделаться тоже никак не мог. Выслеживая этого нежеланного спутника, Ильич обнаружил его в глубоких воротах питерского дома. Тогда, быстро миновав ворота, он вбежал в подъезд того же дома и наблюдал оттуда с удовольствием, как заметался выскочивший из своей засады и потерявший его преследователь.

«Я уселся,— передавал он,— на кресло швейцара, откуда меня не было видно, а через стекло я мог все наблюдать, и потешался, глядя на его затруднительное положение; а какой-то спускавшийся с лестницы человек с удивлением посмотрел на сидящего в кресле швейцара и покатывавшегося со смеха субъекта».

Но если при ловкости и удавалось уходить иногда от преследований, то все же полиция, дворники (которые были тогда домовой полицией) и стаи шпионов были сильнее. И они выследили наконец Владимира Ильича и его товарищей, которым приходилось маленькой кучкой исполнять множество различных неразрешенных дел: встречаться на конспиративных собраниях, куда очень мудро было не привести никому шпика, посещать рабочие квартиры, которые были приметны и за которыми следили, добывать и передавать нелегальную литературу, писать, перепечатывать и раздавать листки и т. п. Разделения труда было мало, ибо и работников было мало, и каждый поэтому быстро привлекал внимание полиции. А затем, кроме уличных ищеек, были еще провокаторы, втиравшиеся под видом «своих» в кружки; таков был в то время зубной врач Михайлов, входивший хотя не в тот кружок, где работал Владимир Ильич, но имевший сведения и о других кружках. Насаждались такие провокаторы и в рабочих кружках, а кроме того, тогдашние рабочие были наивны и легко попадались на удочку. При нелегальной работе люди «жили» в то время недолго: лишь с осени 1895 года стала она развешиваться, а 9 декабря Владимир Ильич и большая часть его товарищей были «изъяты».

И вот первый период деятельности Владимира Ильича закончился дверями тюрьмы. Но за эти два с половиной года был пройден большой этап как им лично, так и нашим социал-демократическим

таны удачно, и это «преступление» потонуло в других, более определенно доказанных». *Ред.*

движением. Владимир Ильич за эти годы провел решающие бои с народниками, он выявил вполне определенно свою революционную марксистскую сущность, отмежевавшись от разных уклонений, он завязал связь с заграничной группой основоположников марксизма. Но что еще важнее, он начал практическую работу, он завязал связь с рабочими, он выступил в качестве вождя и организатора партии в те годы, когда считалась еще сомнительной возможность зарождения ее в условиях тогдашней России. И хотя создавалась она (I съезд партии) уже без него, когда он был в ссылке, но создавалась под его давлением и после того, как им была заложена первая политическая организация социал-демократии в Петербурге, был намечен первый политический орган, были проведены первые крупные — на весь Питер и на Москву — стачки.

VI. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ

Владимир Ильич был арестован измученным нервной сутолокой работы последнего времени и не совсем здоровым. Известная «охранная» карточка 1895 года дает представление о его состоянии.

После первого допроса он послал к нам в Москву Надежду Константиновну Крупскую с поручением. В зашифрованном письме он просил ее срочно предупредить нас, что на вопрос, где чемодан, привезенный им из-за границы, он сказал, что оставил его у нас, в Москве.

«Пусть купят похожий, покажут на мой... Скорее, а то арестуют». Так звучало его сообщение, которое я хорошо запомнила, так как пришлось с различными предосторожностями покупать и привозить домой чемодан, относительно внешнего вида которого Надежда Константиновна сказала нечто очень неопределенное и который оказался, конечно, совсем непохожим на привезенный из-за границы, с двойным дном. Чтобы чемодан не выглядел прямо с иголки, новеньким, я взяла его с собой в Петербург, когда поехала с целью навестить брата и узнать о его деле.

В первое время в Петербурге во всех переговорах с товарищами, в обмене шифром с братом и в личных беседах с ним на свиданиях чемодан этот играл такую большую роль, что я отворачивалась на улицах от окон магазинов, где был выставлен этот настолько осатаневший мне предмет: видеть его не могла спокойно. Но хотя на него и намекали на первом допросе, концов с ним найдено не было, и обвинение это, как часто бывало, потонуло в других, относительно которых нашлись более неопровержимые улики.

Так, доказано было сообщество и сношение с целым рядом арестованных одновременно с ним лиц, и у одного из них, Ванеева, был взят рукописный номер нелегальной «Рабочей газеты»; была доказана связь с рабочими в кружках, с которыми — за Невской заставой — Владимир Ильич занимался. Одним словом, доказательств для того, чтобы начать жандармское расследование, было вполне достаточно.

Вторым приехавшим к нам в Москву после ареста брата был Михаил Александрович Сильвин, уцелевший член его кружка; он рассказал о письме ¹, полученном от Владимира Ильича из тюрьмы на имя той знакомой, у которой он столовался. В этом первом большом письме из тюрьмы Владимир Ильич развивал план той работы, которой хотел заняться там,— подготовлением материала для намечаемой им книги «Развитие капитализма в России» ². Серьезный тон длинного письма с приложенным к нему длиннейшим списком научных книг, статистических сборников искусно замаскировал тайные его цели, и письмо дошло беспрепятственно, без всяких помарок. А между тем Владимир Ильич в письме этом ни больше ни меньше как запросил товарищей о том, кто арестован с ним; запросил без всякого предварительного уговора, но так, что товарищи поняли и ответили ему тотчас же, а бдительные аргусы ничего не заподозрили.

«В первом же письме Владимир Ильич запросил нас об арестованных,— сказал мне с восхищением Сильвин,— и мы ответили ему».

К сожалению, уцелела только первая часть письма, приложенного к ней списка книг нет: очевидно, он застрял и затерялся в процессе розыска их. Большая часть перечисленных книг была действительно нужна Владимиру Ильичу для его работы, так что письмо метило в двух зайцев и, в противовес известной поговорке, попало в обоих. Я могу только восстановить по памяти некоторые из тех заглавий, которыми Владимир Ильич, искусно вплетая их в свой список, запросил об участии товарищей. Эти заглавия сопровождались вопросительным знаком, которым автор обозначал якобы неточность цитируемого на память названия книги и который в действительности отмечал, что в данном случае он не книгу просит, а запрашивает. Запрашивал он, пользуясь кличками товарищей. Некоторые из них очень подходили к характеру нужных ему книг, и запрос не мог обратить внимания. Так, о Василии Васильевиче Старкове он запросил: «В. В. Судьбы капитализма в России». Старков звался «Ве́ве». О нижегородцах — Ване́еве и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский, запрос должен уже был остановить более внимательного контролера писем заключенных, так как книга не относилась к теме предполагавшейся работы,— это был Костомаров «Герои смутного времени». Но все же это была научная, историческая книга, и, понятно, требовать, чтобы

¹ Далее в рукописи следует: «...написанном из Дома предварительного заключения на адрес Александры Кирилловны Чеботаревой, у которой он обедал и знакомство с которой было поэтому официально признанным. Письмо это было первым, если не считать коротеньких записок с просьбами доставать те или иные вещи. На письме стоит дата: 2/1—96 года. Владимир Ильич говорил в нем о плане той работы, из которой получилась его книга» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 15—17). *Ред.*

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 1—609.

Далее читаем: «Письмо это, конечно, адресуется собственно товарищам, оставшимся на воле, что даже и отмечается в письме: «Может быть, Вы сочтете небесполезным передать это письмо кому-нибудь посоветоваться». *Ред.*

просматривающие кипы писем досмотрели такое несоответствие, значило бы требовать от них слишком большой дозы проницательности. Однако же не все клички укладывались так сравнительно удобно в рамки заглавий научных книг, и одной из следующих, перемеженных, конечно, рядом действительно нужных для работы книг была книга Брема «О мелких грызунах». Здесь вопросительный знак запрашивал с несомненностью для товарищей об участии Кржижановского, носившего кличку Суслик. Точно так же по-английски написанное заглавие: Mayne Rid «The Mynoga» — обозначало Надежду Константиновну Крупскую, окрещенную псевдонимом «Рыба» или «Миного». Эти наименования могли как будто остановить внимание цензоров, но серьезный тон письма, уйма перечисленных книг, а кроме того, предусмотрительная фраза, стоящая где-то во втором (потерянном) листке: «Разнообразие книг должно служить коррективом к однообразию обстановки», усыпили их бдительность.

К сожалению, в памяти моей сохранились лишь эти несколько заглавий, по поводу которых мы когда-то немало хохотали. Еще я вспоминаю только «Goutchoul» или «Goutchioule», намеренно сложным французским правописанием написанная фамилия фантастического автора какой-то исторической книги (названия ее уже не помню). Это должно было обозначать Гуцул, то есть Запорожец. Помню еще, что по поводу «Героев смутного времени» Сильвин рассказывал, что они ответили: «В библиотеке имеется лишь I т. сочинения», то есть арестован лишь Ванеев, а не Сильвин.

Владимир Ильич был посажен в Дом предварительного заключения, коротко называвшийся «предварилкой». То была полоса довольно благоприятных условий сидения. Свидания разрешались обычно через месяц после ареста и по два раза в неделю: одно личное, другое общее, за решеткой. Первое в присутствии надзирателя продолжалось полчаса; второе — целый час. При этом надзиратели ходили взад и вперед — один сзади клетки с железной решеткой, в которую вводились заключенные, другой — за спинами посетителей. Ввиду большого галдежа, который стоял в эти дни, и общего утомления, который он должен был вызывать в надзирателях, а также низкого умственного развития их, можно было при некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях почти обо всем. Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги — два раза. При этом книги просматривались не жандармами, а чиновниками прокурора суда, помещавшегося в доме рядом, и просмотр этот, при массе приносимых книг, был, вероятно, в большинстве случаев простой формальностью. Книги разрешались к пропуску довольно широко, без больших изъятий; разрешались даже ежемесячные журналы, а потом и еженедельные. Таким образом, отрыва от жизни — одной из самых тяжелых сторон одиночного заключения — не было. Была довольно богата и библиотека «предварилки», составившаяся из разных пожертвований, так что многие товарищи, особенно из рабочих, серьезно пополняли в ней свое образование.

Владимир Ильич, налаживаясь на долгое сидение, ожидая далекой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы — «Развитие капитализма в России». Он посылал в письмах длинные перечни научных книг, статистических сборников, которые доставались ему из Академии наук, университетской и других библиотек. Я с матерью жила большую часть тюремного заключения Владимира Ильича в Питере, и мне приходилось таскать ему целые кипы книг, которыми был завален один угол его камеры. Позднее и с этой стороны условия стали более суровы: число книг, выдаваемых заключенному в камеру, было строго и скупо определено. Тогда же Ильич мог не спеша делать выписки из статистических сборников и, кроме того, иметь и другие — научные, беллетристические — книги на русском и иностранном языках.

Обилие передаваемых книг благоприятствовало нашим сношениям посредством их. Владимир Ильич обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма.

Ну и перепортили мы с этой перепиской глаза не мало! Но она давала возможность снести, передать что-либо нужное, конспиративное и была поэтому неоцененна. При ней самые толстые стены и самый строгий начальнический надзор не могли помешать нашим переговорам. Но мы писали, конечно, не только о самом нужном. Я передавала ему известия с воли, то, что неудобно было, при всей маскировке, сказать на свидании. Он давал поручения такого же рода, просил передать что-либо товарищам, завязывал связи с ними, переписку по книгам из тюремной библиотеки; просил передать, к которой доске в клетке, в которую пускали гулять, прилеплена черным хлебом записка для того или другого из них. Он очень заботился о товарищах: писал ободряющие письма тому, кто, как он слышал, нервничал; просил достать тех или иных книг; устроить свидание тем, кто не имел его. Эти заботы брали много времени у него и у нас. Его неистощимое, бодрое настроение и юмор поддерживали дух и у товарищей.

К счастью для Ильича, условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно. Конечно, он похудел и, главным образом, пожелтел к концу сидения, но даже желудок его — относительно которого он советовался за границей с одним известным швейцарским специалистом — был за год сидения в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле. Мать приготавливала и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему указанным специалистом диетой; кроме того, он имел платный обед и молоко. Очевидно, сказалась благоприятно и регулярная жизнь в этой российской «санатории», жизнь, о которой, конечно, нечего было и думать при нервной беготне нелегальной работы.

Свидания с ним были очень содержательны и интересны. Осо-

бенно много можно было поболтать на свиданиях за решеткой. Мы говорили намеками, впутывая иностранные названия для таких неудобных слов, как «стачка», «листовка». Наберешь, бывало, новостей и изощряешься, как передать их. А брат изощрялся, как передать свое, расспросить. И как весело смеялись мы оба, когда удавалось сообщить или понять что-либо такое запутанное. Вообще наши свидания носили вид беспечной оживленной болтовни, а в действительности мысль была все время напряжена: надо было суметь передать, суметь понять, не забыть всех поручений. Помню, раз мы чересчур увлеклись иностранными терминами, и надзиратель за спиной Владимира Ильича сказал строго:

— На иностранных языках говорить нельзя, только на русском.

— Нельзя,— сказал с живостью, обертываясь к нему, брат,— ну, так я по-русски говорить буду. Итак, скажи ты этому золотому человеку...— продолжал он разговор со мной.

Я со смехом кивнула головой: «золотой человек» должно было обозначать Гольдмана, то есть не велели иностранных слов употреблять, так Володя немецкое по-русски перевел, чтобы нельзя было понять, кого он называет.

Одним словом, Владимир Ильич и в тюрьме проявлял свою всегдашнюю кипучую энергию. Он сумел устроить свою жизнь так, что весь день был наполнен. Главным образом, конечно, научной работой. Обширный материал для «Развития капитализма» был собран в тюрьме. Владимир Ильич спешил с этим. Раз, когда к концу сидения я сообщила ему, что дело, по слухам, скоро оканчивается, он воскликнул: «Рано, я не успел еще материал весь собрать».

Но и этой большой работы было ему мало. Ему хотелось принимать участие в нелегальной, революционной жизни, которая забила тогда ключом. Этим летом (1896 года) происходили крупные стачки текстильщиков в Петербурге, перекинувшиеся затем в Москву, стачки, произведшие эпоху в революционном движении пролетариата. Известно, какой переполох создали эти стачки в правительственных кругах, как царь боялся вследствие них вернуться в Питер с юга. В городе все кипело и бурлило. Было чрезвычайно бодрое и подъемное настроение. Год коронации Николая II с его знаменитой Ходынкой¹ отмечен первым пробным выступлением рабочих двух главных центров, как бы первым, зловещим для царизма маршем рабочих ног, еще не политическим, правда, но уже тесно сплоченным и массовым. Более молодым товарищам трудно оценить и представить себе все это теперь, но для нас, после тяжелого гнета 80-х годов, при кротообразном существовании и разговорах по каморкам, стачка эта была громадным событием. Перед нами как бы «распахнулись затворы темницы глухой в даль и блеск лучезарного дня», как бы выступил сквозь дымку грядущего облик того рабочего движения, которым могла и должна была победить ре-

¹ Имеется в виду катастрофа 18 мая 1896 г. на Ходынском поле (Москва) во время массового гулянья по случаю коронации Николая II, когда из-за преступной халатности властей, не обеспечивших порядка, произошла давка, в которой погибло 1389 человек, 1300 получили увечья. *Ред.*

волюция. И социал-демократия из книжной теории, из далекой утопии каких-то марксистов-буквоедов приобрела плоть и кровь, выступила как жизненная сила и для пролетариата, и для других слоев общества. Какое-то окно открылось в душном и спертom каземате российского самодержавия, и все мы с жадностью вдыхали свежий воздух и чувствовали себя бодрыми и энергичными, как никогда.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», как был назван уже после ареста Владимира Ильича основанный им союз, становился все более и более популярным. Предприятия одно за другим обращались к нему с просьбой выпустить и для них листовки. Посылали и жалобы: «Почему нас союз забыл?» Требовались и листовки общего характера, прежде всего первомайские. Товарищи на воле жалели, что их не может писать Владимир Ильич. И ему самому хотелось писать их. Кроме того, у него уже были намечены темы для брошюр, как «О стачках».

Он был занят вопросом программы. И вот он стал пробовать писать в тюрьме и нелегальные вещи. Передавать их шифром было, конечно, невозможно. Надо было применить способ незаметного, проявляемого уже на воле письма. И, вспомнив одну детскую игру, Владимир Ильич стал писать молоком между строк книги, что должно было проявлять нагреванием на лампе. Он изготовил себе для этого крошечные чернильницы из черного хлеба, с тем чтобы можно было проглотить их, если послышится шорох у двери, подглядывание в волчок. И он рассказывал, смеясь, что один день ему так не повезло, что пришлось проглотить целых шесть чернильниц¹.

Помню, что Ильич в те годы и перед тюрьмой и после нее любил говорить: «Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить». И в тюрьме он со свойственной ему находчивостью упражнялся в этом. Он писал из тюрьмы листовки, написал брошюру «О стачках», которая была забрана при аресте Лахтинской типографии (ее проявляла и переписывала Надежда Константиновна). Затем написал программу партии и довольно подробную «объяснительную записку» к ней, которую переписывала частью я после ареста Надежды Константиновны. Программа эта тоже не увидела света: она была передана мною по окончании А. Н. Потресову и после ареста его была уничтожена кем-то, кому он отдал ее на хранение². Кроме работы ко мне по наследству от Надежды

¹ Далее в первой публикации следует: «Дело это наладилось: стали выходить листовки, написанные Владимиром Ильичем в тюрьме, была сдана в печать, но, к сожалению, арестована при провале типографии рукопись «О стачках»; передавалась по частям и была переписана довольно объемистая рукопись программы с объяснительной запиской к ней, все это в книгах, возвращаемых на волю, и так тщательно, что ни разу взор досматривающего не обнаружил ничего подозрительного» (Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. С. 56). *Ред.*

² Эта объяснительная записка была также забрана еще в рукописи и долгое время считалась погибшей. Уже после смерти Владимира Ильича был найден один неполный экземпляр ее, напечатанный в ленинском 3-м (26-м) номере «Пролетарской революции» 1924 года. А. Е. (см.: Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 81—110. *Ред.*).

Константиновны перешло конспиративное хранилище нелегальщины — маленький круглый столик, который, по мысли Ильича, был устроен ему одним товарищем-столяром. Нижняя точеная пуговка несколько более, чем обычно, толстой единственной ножки стола отвинчивалась, и в выдолбленное углубление можно было вложить порядочный сверток. Туда к ночи запрытывала я переписанную часть работы, а подлинник — прогретые на лампе странички — тщательно уничтожала. Столик этот оказал немаловажные услуги: на обысках как у Владимира Ильича, так и у Надежды Константиновны он не был открыт; переписанная последняя часть программы уцелела и была передана мне вместе со столиком матерью Надежды Константиновны. Вид его не внушал подозрений, и только позднее, после частого отвертывания пуговки, нарезки стерлись, и она стала отставать.

Сначала Владимир Ильич тщательно уничтожал черновики листовок и других нелегальных сочинений после переписки их молоком, а затем, пользуясь репутацией научно работающего человека, стал оставлять их в листах статистических и иных выписок, нанизанных его бисерным почерком. Да такую, например, вещь, как подробную объяснительную записку к программе, и нельзя было бы уничтожить в черновом виде: в один день ее нельзя было переписать; и потом Ильич, обдумывая ее, вносил постоянно исправления и дополнения. И вот, раз на свидании он рассказывал мне со свойственным ему юмором, как на очередном обыске в его камере жандармский офицер, перелистав немного изрядную кучу сложенных в углу книг, таблиц и выписок, отделался шуткой: «Слишком жарко сегодня, чтобы статистикой заниматься». Брат говорил мне тогда, что он особенно и не беспокоился: «Не найти бы в такой куче», а потом добавил с хохотом: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи, — меня взять не могут». Он-то смеялся, но я, конечно, беспокоилась, просила его быть осторожнее и указывала, что если взять его не могут, то наказание, конечно, сильно увеличат, если он попадется; что могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме.

И поэтому я всегда с тревогой ждала возвращения от него книги с химическим посланием. С особенной нервностью дожидалась я возвращения одной книги: помнится, с объяснительной запиской к программе, которая, я знала, вся сплошь была исписана между строк молоком. Я боялась, чтобы при осмотре ее тюремной администрацией не обнаружилось что-нибудь подозрительное, чтобы при долгой задержке буквы не выступили — как бывало иногда, если консистенция молока была слишком густа, — самостоятельно. И, как нарочно, в срок книги мне не были выданы. Все остальные родственники заключенных получили в четверг книги, сданные в тот же день, а мне надзиратель сказал кратко: «Вам нет», в то время как на свидании, с которого я только что вышла, брат заявил, что вернул книги. Эта в первый раз случившаяся задержка заставила меня предположить, что Ильич попался; особенно мрачной показалась и всегда мрачная физиономия надзирателя, выдававшего книги. Ко-

нечно, настаивать было нельзя, и я провела мучительные сутки до следующего дня, когда книги, в их числе книга с программой, были вручены мне.

Бывало, что и брат бил тревогу задаром. Зимой 1896 года, после каких-то арестов (чуть ли не после ареста Потресова), я запоздала случайно на свидание, пришла к последней смене, чего обычно не делала; Владимир Ильич решил, что я арестована, и уничтожил какой-то подготовленный им черновик.

Но подобные волнения бывали лишь изредка, по таким исключительным поводам, как новые аресты; вообще же Ильич был поразительно ровен, выдержан и весел на свиданиях и своим заразительным смехом разгонял наше беспокойство.

Все мы — родственники заключенных — не знали, какого приговора ждать. По сравнению с народовольцами социал-демократов наказывали довольно легко. Но последним питерским инцидентом было дело М. И. Бруснева, которое кончилось сурово: 3 года одиночки и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь — так гласил приговор главе дела.

Мы очень боялись долгого тюремного сидения, которого не вынесли бы многие, которое во всяком случае сильно подорвало бы здоровье брата. Уже и так к году сидения Запорожец заболел сильным нервным расстройством, оказавшимся затем неизлечимой душевной болезнью; Ванеев худел и кашлял (умер в ссылке, через год после освобождения, от туберкулеза¹); Кржижановский и остальные тоже более или менее нервничали².

Поэтому приговор к ссылке на три года в Восточную Сибирь был встречен всеми прямо-таки с облегчением:

Он был объявлен в феврале 1897 года. В результате хлопот матери Владимиру Ильичу разрешено было поехать в Сибирь на свой счет, а не по этапу. Это было существенным облегчением, так как кочевка по промежуточным тюрьмам брала много сил и нервов.

Помню, как в день освобождения брата в нашу с матерью комнату прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, т. Якубова.

И очень ясно запомнилось выразительно просиявшее бледное и худое лицо его, когда он в первый раз забрался на империал конки и кивнул мне оттуда головой.

Он мог разезжать в конке по питерским улицам, мог повидаться с товарищами, потому что всем освобожденным «декабристам» разрешено было пробыть до отправки три дня в Петербурге, в семьях. Этой небывалой льготы добилась сначала для своего сына мать Ю. О. Цедербаума (Мартова) через какое-то знакомство с директором департамента полиции Зволянским;

¹ Похороны А. А. Ванеева состоялись 10 (22) сентября 1899 г. В. И. Ленин произнес речь на его могиле. *Ред.*

² В издании 1926 г. далее следует: «Владимир Ильич просидел 1 год и 2 месяца. В феврале 1897 г. был объявлен приговор: три года Восточной Сибири» (Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. С. 56). *Ред.*

а затем, раз прецедент создан, глава полиции не считал возможным отказывать другим. В результате все повидались, снялись группой (известный снимок), устроили два вечерних, долго затянувшихся собрания: первое — у Радченко Степана Ивановича и второе — у Цедербаума. Говорили, что полиция спохватилась уже после времени, что дала маху, пустив гулять по Питеру этих социал-демократов, что совсем не такой мирный они народ; рассказывали также, что Зволянскому был нагоняй за это. Как бы то ни было, после этого случая таких льгот «скопом» уже не давалось; если и оставались иногда до высылки, то или люди заведомо больные, или по особой уже протекции. Собрания были встречами «старых» и «молодых». Велись дебаты о тактике. Особенно таким чисто политическим собранием было первое — у Радченко. Второе — у Цедербаума — было более нервное и сутолочное. На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли»¹.

Владимиру Ильичу было разрешено провести три дня и в Москве, в семье. Повидавшись с товарищами, он решил было заарестоваться в Москве и ехать дальше с ними вместе. Тогда была только что окончена магистраль до Красноярска, и этап представлялся уже не таким тягостным, как раньше: только две тюрьмы — в Москве и Красноярске. И Владимиру Ильичу не хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это очень огорчило мать, для которой разрешение Володе ехать на свой счет было самым большим утешением. После того как ей доказывали, насколько важно добиться поездки на свой счет, после того как ей передавали слова кого-то из старых ссыльных: «Ссылку мог бы повторить, этап — никогда», Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму.

Но дело обошлось. «Декабристы», заарестованные в Питере, не прибыли еще к окончанию трех льготных дней в Москву, а между тем засуетившаяся московская охранка поставила вызванного к себе Владимира Ильича перед ультиматумом: или получение проходного свидетельства на завтра или немедленное заарестовывание. Перспектива идти в тюрьму тотчас же, даже не простившись с домашними, и ждать там неопределенное время приезда «своих», — эта конкретная русская действительность, да еще в ее менее причесанной, чем в Питере, в ее московской форме, в этом отпечатке «вотчины» князя Сергея, навалилась на него, на его стремление идти вместе с товарищами. Естественный протест здравого ума против такой бесплодной растраты сил для того, чтобы не отличаться от товарищей, всегда присущее ему сознание необходимости беречь силы для действительной борьбы, а не для проявления рыцарских чувств, одержало верх, и Ильич решил выехать на следующий

¹ В издании 1926 г. далее следует: «Таким образом, он выехал из Петербурга вместе со мной и матерью до Москвы, где ему разрешена была трехдневная остановка. Кроме того Владимиру Ильичу, как и его товарищам, было дозволено пробыть три дня на воле в Петербурге. Это была небывалая льгота» (Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. С. 56). *Ред.*

день. Мы четверо — мать, сестра Мария Ильинична и я с мужем, Марком Тимофеевичем, поехали провожать его до Тулы.

Владимир Ильич пошел в ссылку вождем, признанным многими. Первый съезд партии 1898 года наметил его редактором партийного органа и ему поручил написать программу партии. И наше социал-демократическое движение сделало за эти годы первый, а потому и самый трудный шаг к партийности, к широкой массовой борьбе. Почти все руководители были арестованы, участники I съезда были сметены почти целиком, но основы были заложены. Первый, начальный этап движения был пройден.

VII. ССЫЛКА

Ссылка протекла для Владимира Ильича также в сравнительно благоприятных условиях. По ходатайству матери ему было разрешено, вследствие слабости здоровья, отбывать ее в самой здоровой местности Сибири, в Минусинском уезде. Пунктом ссылки было назначено ему село Шушенское, или, как оно называлось тогда кратко, Шуша. С ним вместе было два или три рабочих-поляка¹. Товарищи по делу были разосланы по другим селам. В худшие условия попал — очевидно как еврей — Ю. О. Цедербаум (позднее Мартов). Он был сослан в самый северный пункт, в Туруханск, отделенный непроходимыми топями и болотами, и был на все время ссылки отрезан от товарищей. Другие же имели возможность встречаться, съезжаться друг к другу на празднования, вроде свадьбы, встречи Нового года и т. п., получать разрешение проехать в Красноярск для лечения, — так, брат ездил туда для лечения зубов. С Мартовым же сношения поддерживались только перепиской, но переписка с ним была зато у Владимира Ильича самой деятельной².

Время Владимира Ильича проходило очень однообразно, за усиленной и напряженной работой. Он за время ссылки написал «Развитие капитализма» (вышла в марте 1899 года) и ряд статей, помещавшихся частью в тогдашнем легальном марксистском журнале «Новое слово» и собранных затем в одну книжечку под заглавием «Экономические этюды и статьи»³.

Приучивши себя работать регулярно, он не допускал больших перерывов в занятиях даже тогда, когда они обычно считаются неизбежными, например в дороге или в неопределенном, выжидательном положении. Так, он не только в течение того месяца, кото-

¹ В Шушенском отбывали ссылку участник польского социал-демократического движения И. Л. Проминский с семьей и путиловский рабочий финн О. А. Энгберг. *Ред.*

² В издании 1926 г. далее следует: «Эти встречи в ссылке, споры, общие прогулки и спорт — коньки, шахматы — описаны П. Н. Лепешинским в его книге «На повороте» (Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. С. 58). *Ред.*

³ Первый сборник произведений В. И. Ленина под названием «Экономические этюды и статьи» за подписью «Владимир Ильин» вышел в октябре 1898 г. в Петербурге. *Ред.*

рый провел в Красноярске в ожидании назначения, отправлялся ежедневно заниматься в библиотеку купца Юдина, версты за три от города, но даже те три дня, на которые ему разрешено было остановиться в родной семье, в Москве, ухитрился использовать частично для занятий в Румянцевской библиотеке¹. Этим он поверг в полное недоумение одного молодого студента, Яковлева, с детства знакомого с нашей семьей, который забежал повидать его перед отъездом в трехлетнюю ссылку. Отдыхом служили для него прогулки по окрестным лесам, охота за зайцами и дичью, которыми они в те годы изобиловали.

В одном из своих писем из ссылки Владимир Ильич описывает то село, «Шу-шу-шу», — как он его шутливо называет, — в которое он был назначен.

«Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1—1¹/₂ от села (точнее, от меня: село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея подхода нет.купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет. С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в 1¹/₂ — «бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырбленный лешишко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слышал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 30—40 верст). Горы... насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат *верстах в 50*, так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения² содержит в себе некую поэтическую гиперболу (есть ведь такая фигура у поэтов!) насчет «подножия»... Поэтому на такой вопрос: «на какие я горы взбирался» — могу ответить лишь: на песчаные холмики, которые есть в так называемом «бору» — вообще здесь песку достаточно»³.

Дешевизна в то время в Сибири была большая. Так, первый год ссылки Владимир Ильич за свое пособие, полагавшееся ссыльным, — 8 рублей в месяц — имел комнату и полное содержание в крестьянской семье.

¹ Ныне Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. *Ред.*

² В письме из Красноярска, где Владимир Ильич сообщал о состоявшемся для него назначении в село Шушенское, он писал шутя, что начал уже сочинять стихотворение, первая строка которого гласит: «В Шуше, у подножия Саяна...». А. Е. (См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 35. Ред.*)

³ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 47—48.*

Через год к нему приехала вместе с матерью его невеста — Надежда Константиновна Крупская¹; Владимир Ильич переселился в квартиру побольше и стал жить по-семейному. Надежде Константиновне была назначена местом ссылки Уфа, но была разрешена по ее просьбе замена селом Шушенским, куда назначен был Владимир Ильич. Вместе с Надеждой Константиновной переводил Владимир Ильич, в целях заработка, книгу супругов Вебб о тред-юнионизме, с английского.

Переписка с Ильичем шла у меня в те годы все время самая деятельная. В обыкновенных письмах он запрашивал книги, давал поручения, писал о своих литературных работах, о своей жизни, о товарищах; в химических я ему писала о ходе революционной борьбы и работы в России, а он посылал свои статьи для отправки их в питерский «Союз борьбы» или за границу — группе «Освобождение труда» для издания. Так была переправлена им брошюра «Задачи социал-демократов в России»², появившаяся за границей с предисловием П. Б. Аксельрода, и ответ на записку тогдашних «экономистов», составленную Кусковой и Прокоповичем и получившую название «Кредо». Вследствие этого ответ известен под именем «Антикредо». С большим жаром выступил в нем Владимир Ильич против этого самого откровенного в то время изложения тех взглядов, что рабочие должны довольствоваться экономической борьбой, предоставив политическую либералам. Изложение это было сделано, правда, не борющимся отрядом социал-демократов, но людьми, имевшими в то время авторитет среди молодежи. И кроме того, наиболее выпукло выраженные взгляды давали возможность подчеркнуть более решительно, к чему ведут уклоны в экономизм. Протест этот был зачитан при одной из упомянутых встреч социал-демократов, съехавшихся из разных сел, принят тогда же и отослан как «Ответ 17-ти социал-демократов» — заглавие, под которым он известен в партийной литературе.

В противоположность большинству ссыльных, Владимир Ильич не рвался в более оживленный центр, не стремился к перемене места. На предложение матери похлопотать о его переводе в город (через год или полтора) он писал, что не стоит, что временные наезды в Минусинск или Красноярск, по его мнению, лучше, чем постоянная жизнь там. Очевидно, потому, что жизнь в тихом селе и на одном месте давала больше простора и удобства для занятий, ничто не отвлекало от них, как в более людных колониях, где, кроме того, вынужденное безделье порождало те склоки, которые были самой тягостной стороной ссылки. По поводу одной такой склоки, вызвавшей самоубийство Н. Е. Федосеева в Верхотенске, Владимир Ильич писал мне: «Нет, не желай мне лучше товарищей из интеллигентов: эти склочные истории — самое худшее в ссылке».

¹ Н. К. Крупская с матерью Елизаветой Васильевной приехала в село Шушенское 7(19) мая 1898 г. *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 433—470.

Но иногда Владимир Ильич охотно ездил повидаться с товарищами в другое село, верст за 50, за 100 или встречался с ними в Шуше. Такие поездки разрешались тогда для встречи Нового года, празднования свадьбы или именин. При этих съездах на три-четыре дня время проводилось, как писал Ильич, «очень весело»: гуляли, отправлялись на дальние охоты и на купанье летом; катались на коньках и играли в шахматы зимою. Беседовали на разные темы, читали отдельные главы из книги Владимира Ильича или обсуждали различные новые направления в литературе или политике. Так, для осуждения упомянутого «Кредо» товарищи съехались под предлогом празднования рождения дочери Лепешинского¹. Охотно также ездил Владимир Ильич два или три раза за время ссылки в Минусинск и Красноярск под предлогом лечения.

Кроме компании ссыльных, в которой Владимир Ильич откровенно излагал свои взгляды, которым охотно помогал в смысле их развития, указания им литературы, он интересовался и жизнью местных крестьян, из которых некоторые помнят его и до сих пор и послали свои воспоминания о нем. Но с ними он был, понятно, сдержан в разговорах. Тогдашнее крестьянство и российское, не говоря уже о более отдаленном, сибирском, было политически совсем неразвито². Кроме того, в его положении ссыльного, поднадзорного, было бы не только нецелесообразно, но прямо дико вести пропаганду.

Но Владимир Ильич охотно разговаривал с крестьянами, что давало ему возможность изучать их, выяснять себе их мировоззрение; он давал им и советы во всем, что касалось их местных дел, главным образом юридические. За этими последними крестьяне стали приходить к нему и из округи, их накоплялось иногда довольно много. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях крестьяне, а также и Надежда Константиновна. И незаметно на почве этих разговоров, на почве бесед на охоте Владимир Ильич почерпал и из этого пребывания в деревне, как раньше из пребывания в приволжских деревнях, то знание крестьянства, его психологии, которое сослужило ему такую большую службу как во время его революционной работы, так и позднее, у кормила правления³.

Он умел во время беспритязательной болтовни развязывать языки своим собеседникам, и они выкладывали ему себя как на ладонке.

Таким образом, из ссылки Владимир Ильич поехал не только революционером, имевшим опыт и определенно выкристаллизовав-

¹ О. П. Лепешинской. *Ред.*

² В издании 1926 г. далее следует: «Владимир Ильич не разделял народнических иллюзий, видевших объект пропаганды в мужике» (Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. С. 60). *Ред.*

³ В издании 1926 г. далее следует: «Несмотря на самую большую и самую отвлеченную научную работу и наряду с ней Владимир Ильич никогда не отрывался от жизни, ее непосредственного пульса, а умел как будто бы за болтовней почерпнуть знания практические. В этом, кроме его выдающихся способностей и прозорливости, была его сила» (Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. С. 60—61). *Ред.*

шуюся индивидуальность, которая была уже авторитетом в подполье; не только человеком, выпустившим научный труд, но и укрепившим, в результате трехлетней жизни в самой деревенской гуще, свое знание крестьянства — этого основного слоя населения России.

На этом заканчивается первая часть биографии Владимира Ильича, до его возвращения из ссылки, до того времени, когда — в возрасте 30 лет — он взялся снова вплотную за революционную работу, но уже в несравненно более широком масштабе; за ту работу, которая сплотила революционный российский пролетариат и привела его к победе.

VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЛЬИЧА ИЗ ССЫЛКИ И ИДЕЯ «ИСКРЫ»

Это было в феврале 1900 года. Мы все, а особенно покойная мать, ожидали этого месяца, как праздника: ведь оканчивался срок ссылки брата, Владимира Ильича, и он должен был вернуться из Сибири. Мы не видали его три года и, конечно, с нетерпением поджидали его возвращения. Срок оканчивался, собственно, в одно из последних чисел января, в день подписания распоряжения о высылке, но предстояла еще неблизкая дорога, сперва на лошадях из села Шушенского через Минусинск в Красноярск¹ — верст 350, потом по железной дороге. А кроме того, не вполне было спокойно на сердце, подлинно ли окончилась ссылка, не вышло бы какой-нибудь зацепки. Ведь мы жили тогда под самодержавием, и это была административная ссылка, то есть полный произвол власти. Какое-нибудь столкновение с начальством, какая-нибудь мелкая месть местного сатрапа, и срок ссылки мог быть продлен².

И хотя, главным образом, такая судьба постигала за какие-нибудь провинности в месте ссылки, но бывали случаи, что она диктовалась и соображениями из центра, например усилением революционного движения, при котором нежелательным считалось возвращать из глухих углов влиятельных революционеров.

Поэтому Владимир Ильич, хотя жил он скромно и явным образом, по крайней мере, запретов не преступал, был непокоен относительно своей участи и, чем ближе подходил срок, тем более нервничал.

¹ В. И. Ленин с семьей выехали из Шушенского 29 января (10 февраля) 1900 г. Ехали на лошадях через Минусинск до железнодорожной станции Ачинск. *Ред.*

² В рукописи далее следует: «чему бывали не раз примеры в истории революционного движения. Человек рассчитывает быть на завтра свободным, ехать в определенный пункт, устраивает соответственно с этим свои дела, списывается с родными, договаривается о работе... И вдруг его ожидает сюрприз: ссылка продлена еще на 3 года, на 5 лет». *Ред.*

«Введу такого-то, если не надбавят срока»¹, — писал он нам.

Это опасение не сбылось, Владимир Ильич мог выехать, как предполагал, и мы по письмам или телеграмме (теперь не помню) знали день и час его приезда и ждали его².

Меньший брат, Дмитрий Ильич, проживал тогда по первому своему делу поднадзорным в Подольске Московской губернии. Он сел в сибирский поезд при остановке его в Подольске и приехал вместе с Владимиром Ильичем в Москву.

Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице. Увидав подъехавшего извозчика, мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери:

— Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!

— Я действительно поправился. Я только за последнее время, перед отъездом, сдал.

Надежда Константиновна рассказывала потом, что нервность перед окончанием срока, неуверенность в том, что он подлинно настанет, съела почти всю поправку брата в Сибири³.

— А Юлий приехал? Было письмо? Телеграмма? — забросал нас Володя вопросами тотчас после первых приветствий, едва вошел, разоблачившись, в нашу столовую.

Юлий Цедербаум, известный по более позднему псевдониму Мартова, был сослан по одному с Владимиром Ильичем делу в Туруханск и оканчивал свой срок одновременно с ним. Как еврею, ему был назначен самый отдаленный и скверный угол Енисейской губернии.

Наш ответ, что мы никаких вестей от Юлия не имели и ничего о нем не знаем, взволновал Владимира Ильича.

— Как же? Ведь мы с ним условились. Что бы это могло значить? — говорил он, бегая по комнате. — Надо послать ему телеграмму. Митя, я попрошу тебя отнести.

И он тотчас занялся составлением телеграммы и командированием брата, к некоторому разочарованию как этого последнего, так и нас всех, желавших, естественно, в эти первые минуты приезда иметь Владимира Ильича всецело для себя.

Меня это удивило, кроме того, потому, что я знала по периоду до ссылки, что с Мартовым, вступившим позже в кружок, Володя был гораздо менее близок, чем с другими его членами — с Кржи-

¹ Возможность увеличения срока ссылки серьезно тревожила Владимира Ильича. Свои опасения на этот счет он высказывал также в письме А. Н. Потресову от 27 июня (9 июля) 1899 г.: «Мой срок кончается 29.I.1900. Только бы не прибавили срока — величайшее несчастье, постигающее нередко ссыльных в Восточной Сибири. Мечтаю о Пскове» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 32). *Ред.*

² О своем выезде В. И. Ленин послал телеграмму на имя матери М. А. Ульяновой. Телеграмма до настоящего времени не разыскана. *Ред.*

³ Н. К. Крупская писала об этом из Уфы М. И. Ульяновой 30 марта (12 апреля) 1900 г.: «...похудел Володя очень, это за последнее время его так подтянуло, а то он выглядел очень хорошо... Последнее время он хронически недосыпал, волновался перед отъездом, да и морозы стояли сильные очень, так что не гулял совсем. Как поехали, так Володя повеселел сразу и есть и спать стал по-человечески» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 416). *Ред.*

жановским, Старковым; знала, что с этими последними он жил в ссылке по соседству (верстах в пятидесяти) и встречался довольно часто. При этих условиях близость обычно лишь увеличивается. Между тем о них Владимир Ильич рассказывал мало, в общих, спокойных тонах; вести же о Мартове ждал с самым горячим нетерпением.

Последующие беседы разъяснили мне это. Он считал Цедербаума своим ближайшим товарищем для дальнейшей работы, главным образом для общерусской газеты. Он восхищался революционным темпераментом Юлия и очень волновался, пока не получил известия, что тот благополучно выехал из Туруханска. Он напевал нам сложенную Цедербаумом в ссылке песенку:

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралась пурга.
В стене ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, братья, смело, и над долей злой
Песней насмеемся удалой.

Там, в России, люди очень пылки,
Там под стать геройский им наряд,
Но со многих годы дальней ссылки
Быстро позолоту соскоблят.
И порывы эти все сведет на ноль
Сдобренный махоркой алкоголь.
И т. д.

Пел Ильич, и сестра подбирала за ним на фортепьяно также польские революционные песни, которым он научился от ссыльных рабочих-поляков, отчасти по-польски, отчасти в русском переводе их, сделанном Кржижановским.

Таковы были: «Беснуйтесь, тираны», «Вихри враждебные», «Червоны штандар». Ясно помню Володю, как он расхаживал из угла в угол по нашей маленькой столовой и пел с увлечением:

А колёр штандара червоны,
Бо на ним работников крив.

Он восхищался революционными песнями польских рабочих и указывал на необходимость создать таковые для России.

В те годы людям, возвращающимся из ссылки, было исключено для жительства около 60 пунктов России: кроме столиц и университетских городов — те промышленные пункты, которые были захвачены рабочим движением, а таковыми к 1900 году были более или менее все. Оставалось выбирать среди очень не многих городов. Владимир Ильич выбрал еще в Сибири Псков, как более близкий к Петербургу, и согласился относительно этого местожительства с Цедербаумом и Потресовым (сосланным в Вятскую губернию). С ними обоими предполагал он издавать общерусскую газету. Цедербаум проехал в Псков из Петербурга, где виделся с родными, а Потресов заезжал к нам в Москву, но уже после отъезда Владимира Ильича.

Я не помню, сколько дней пробыл у нас брат. За это время приезжал повидаться с ним из Екатеринослава его старый самарский знакомый, И. Х. Лалаянц, который был в то время членом комитета социал-демократической партии и редакции газеты «Южный рабочий». Он пробыл у нас дня три. У него были с братом деловые разговоры.

Позднее Владимир Ильич рассказывал мне, что они касались главным образом созыва II съезда партии, который предполагался тогда еще в России. Повальные аресты на юге в апреле 1900 года — и Лалаянца в том числе — убедили окончательно Владимира Ильича в невозможности созывать съезд в России. Он говорил мне об этом в июне, перед отъездом за границу, когда развивал подробный план общерусской газеты, организация которой протягивала бы щупальца во все концы России, объединяя вокруг основных принципов все разбросанные по нашей необъятной стране комитеты и кружки.

«Если только подготовки к съезду вызывают такие провалы,— говорил он,— разрушают чуть не до корня организацию, ведут к аресту наиболее ценных работников, следовательно, в самодержавной России съезды являются непозволительной роскошью. Нужны другие способы объединения партии. И вот, таким способом может явиться общерусская газета, издаваемая за границей, вокруг которой, как вокруг лесов, поставленных на воздвигающемся здании, будет строиться партия».

Из этой идеи возникла «Искра» с ее эпитафией: «Из искры возгорится пламя», и она выполнила, действительно, задачу объединения партии и разожгла пожар революции.

IX. ТРЕТИЙ АРЕСТ ИЛЬИЧА. ПОЕЗДКА В УФУ И ОТЪЕЗД ЗА ГРАНИЦУ

Не успели мы порадоваться возвращению Ильича из Сибири, быстро умчался он, проведя несколько дней у нас, в Москве, в Псков,— как в мае вновь тревожная весть: арестован в Петербурге. Помню, как сильно поразила она нас, особенно, конечно, мать, которая была прямо-таки в отчаянии, несмотря на неоднократно проявленную твердость характера. Но мать была уже измучена арестами: за время ссылки Владимира Ильича был арестован меньшой брат, Дмитрий, студент V курса, и просидел девять месяцев по нудному, никак не выходившему у его творцов делу. Фактов не было, из простого кружка самообразования ничего криминального не получалось, а его занятия с рабочими на заводе Гужона не были раскрыты. Брат плохо выносил московские условия сидения, и мать под конец совсем расхворалась. А незадолго до возвращения Владимира Ильича из ссылки была арестована сестра, Мария Ильинична, уже вне всякого наиневиннейшего «сообщества», были прерваны ее занятия в Брюссельском университете, и она была выслана в Нижний. И мать ездила то в Тулу к Дмитрию, то в Нижний к Мане.

Только удалось добиться возвращения последней домой и водворения Мити в Подольск Московской губернии, куда мы собирались на летние месяцы, как новая беда, грозившая быть много худшей: Володя, уже показавший себя серьезным революционером, за родство с которым брали и меньших, оказался вновь арестованным в Петербурге, куда он не имел права являться, арестован уже с заграничным паспортом.

Значит, не попасть ему за границу! Ну, конечно, если даже у Мани отобрали заграничный паспорт и не позволили ехать учение продолжать, то его-то уж, конечно, не пустят.

А мы так желали для него границы, мы видели, что в России с его революционным темпераментом ему несдобровать. Да и это ли только?... Опять какое-нибудь большое дело... Мы были в полном неведении, за что, при каких обстоятельствах он арестован, и не могли, конечно, принимать всерьез успокоительных строк его письма через жандармов. Помнится, что он сам таким письмом известил нас. Знали мы по горькому опыту, во что разрастаются эти две недели, месяц, которыми успокаивают обычно родных первое время после ареста. Но на этот раз дело вышло неожиданно совсем наоборот. Володя был через две-три недели освобожден и приехал к нам в Подольск, и даже с заграничным паспортом в кармане ¹. Оказалось, улики не было найдено: Владимир Ильич и Цедербаум, арестованные вместе, были признаны виновными лишь в неразрешенной поездке в Петербург.

Брат рассказывал нам, как все вышло. Они поехали вдвоем с корзиной литературы в Питер и доехали бы, может быть, благополучно, если бы не переконспирировали. А именно: они решили, для того чтобы замести следы, пересесть по пути на другую железнодорожную линию, но упустили из виду, что пересели на дорогу, идущую через Царское Село, где жил царь, и слежка была поэтому много строже. В охране над ними подтрунили за эту конспирацию. Но все же сразу их не арестовали. Корзину удалось сбыть по приезду, и навестить кое-кого они успели, не приведя хвостов. На ночлег они устроились где-то в Казачьем переулке у Екатерины Васильевны Малченко, матери их товарища ², инженера, сосланного по общему делу в Архангельск. Но только что вышли они утром, как были схвачены на улице шпиками. Владимир Ильич рассказывал: прямо за оба локтя ухватили, так что не было никакой возможности выбросить что-либо из кармана. И на извозчике двое весь путь за оба локтя держали. Так же был схвачен и повезен на другом извозчике Цедербаум.

Владимир Ильич беспокоился главным образом за химическое письмо Плеханову, написанное на почтовом листке с каким-то счетом. В этом письме сообщалось о плане общерусской газеты, и оно выдало бы его с головой. И все три недели он не знал, проявлено ли письмо. Всего больше беспокоило его, что химические чернила иногда со временем выступают самостоятельно. Но оказа-

¹ В. И. Ленин был в заключении с 21 по 31 мая (с 3 по 13 июня) 1900 г. *Ред.*

² Имеется в виду А. Л. Малченко. *Ред.*

лось с этой стороны благополучно: на листок не обратили внимания, и он был в этом же виде возвращен брату. Владимир Ильич приехал к нам в Подольск сияющий. Заграница для них обоих, а следовательно, и план общерусской газеты, не отпала.

Мы переехали тогда с ранней весны в Подольск, где сняли вместо дачи квартиру в доме Кедровой, в конце города, на берегу реки Пахры. Володя пробыл у нас с неделю, если не больше¹, принимая участие в наших прогулках пешком и на лодке по живописным окрестностям Подольска, играл с увлечением в крокет на дворе. Приезжал к нему туда Лепешинский, приезжали Шестернин с женою Софьей Павловной. Последние ночевали у нас, и я помню, как горячо обрушился Володя на позицию защищаемой ими заграничной группы «Рабочее дело». Приезжал и еще кто-то. Со всеми Владимир Ильич договаривался насчет шифра, убеждал в необходимости правильного корреспондирования в намечавшуюся общерусскую газету, о которой он говорил лишь с наиболее близкими.

До отъезда за границу у Володи было еще желание — съездить в Уфу, повидаться с женой, Надеждой Константиновной, которая должна была отбывать еще до марта 1901 года срок гласного надзора².

Похлопотать об этой льготе поехала в Петербург мать. К удивлению нашему, и это удалось. Мать сказала в департаменте полиции, что поедет вместе с сыном. И вот, мы втроем выехали по железной дороге в Нижний, с тем чтобы продолжать путь на пароходе.

Путешествие это я хорошо запомнила. Был июнь месяц, река была в разливе, и ехать на пароходе по Волге, потом по Каме и, наконец, по Белой было дивно хорошо. Мы проводили все дни на палубе. Володя был в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхая чудный воздух с реки и окрестных лесов. Помню наши с ним подолгу в ночь затягивавшиеся беседы на пустынной верхней палубе маленького парохода, двигавшегося по Каме и по Белой. Мать спускалась, утомленная, в каюту. Редкие пассажиры исчезали еще раньше. Палуба оставалась лишь для нас двоих, и вести конспиративные разговоры среди затихшей реки и сонных берегов было очень удобно. Владимир Ильич подробно, с увлечением развивал мне свой план общерусской газеты, долженствовавшей сыграть роль лесов для построения партии. Он указывал, как постоянные провалы делают совершенно невозможными съезды в России. Как раз в апреле того года огромные провалы на всем Юге вырвали чуть ли не с корнем несколько организаций, между

¹ В. И. Ленин жил у своих родных в Подольске с 1 по 7 (с 14 по 20) июня 1900 г. *Ред.*

² 20 апреля (3 мая) 1900 г. В. И. Ленин написал прошение директору департамента полиции, в котором просил, в связи с болезнью жены, разрешить ему поездку к ней в Уфу сроком на полтора месяца. В этой просьбе Владимиру Ильичу было отказано. Позднее разрешение было получено по ходатайству М. А. Ульяновой.

13 (26) мая 1900 г. департамент полиции в отношении на имя псковского губернатора уведомлял, что Владимиру Ильичу Ульянову, проживающему в Пскове, Архангельская ул., д. Чернова, разрешено приехать в Уфу на полтора месяца (см.: Красный архив. 1934. № 1 (62). С. 134). *Ред.*

прочим редакцию «Южного рабочего» в Екатеринославле. Там был арестован и самарский приятель Владимира Ильича И. Х. Лалаянц, приехавший к нему как раз для переговоров о подготовляющемся II съезде партии еще в феврале, когда брат по пути в Псков остановился на несколько дней у нас в Москве.

«Если одни приготовления к съезду влекут за собой такие крахи, такие жертвы, то безумно организовать его в России; только орган, выходящий за границы, сможет длительно бороться против таких направлений, как «экономизм», сможет сплотить партию вокруг правильно понятых идей социал-демократии. Иначе, если бы даже съезд и собрался, все распалось бы опять после него, как после I съезда».

Я не могу, конечно, восстановить через столько лет наши беседы, но общее содержание глубоко залегло в моей памяти. Много говорили о позиции группы «Освобождение труда» и «Рабочего дела» и коллизии между ними. Владимир Ильич был горячим рыцарем первой и Г. В. Плеханова, защищая последнего от всех нападков в нетоварищеском, высокомерном отношении, а всю группу — в инертности. Я указывала ему, как и Шестернин и другие практические работники, что нам нельзя порывать связи с «Рабочим делом», потому что лишь оно одно дает нам популярную литературу, печатает наши корреспонденции, исполняет заказы. Так, Московский комитет послал ему первомайский листок 1900 года для отпечатания, от группы же «Освобождение труда» нет ни шерсти, ни молока, даже на письма ответа не дожидаться. Владимир Ильич говорил, что, конечно, они люди старые, больные, чтобы выполнять практическую работу, в этом молодые должны помогать им, но не обособляясь в особую группу, а признавая целиком их вполне правильное и выдержанное теоретическое руководство. Владимир Ильич именно так и мыслил свою с товарищами работу за границей.

Говорили мы с ним о «Кредо» и «Антикредо», о Бернштейне и Каутском, обо всех жгучих в то время вопросах. Володя был в подъемном настроении, особенно увлекателен, и это совместное с ним путешествие осталось одним из лучших моих воспоминаний.

В Уфе Владимир Ильич виделся с местными товарищами. Помню из них Крохмалю, с которым он улаживался о шифре; знаю, что из некоторых уездов приезжали ссыльные повидаться с ним. Мы с матерью уехали через три дня; он же оставался дольше¹ и назад поехал по железной дороге, причем делал остановку в Самаре. Везде он договаривался о корреспонденциях, о шифре. По возвращении в Подольск собрался скоро за границу. Недели через две после него выехала туда же и я.

Ульянова-Елизарова А. И.
О В. И. Ленине и семье Ульяновых:
Воспоминания, очерки, письма, статьи.
М., 1988. С. 107—162

¹ В. И. Ленин приехал в Уфу 15 (28) июня 1900 г. и пробыл там около трех недель. *Ред.*

В эту же последнюю осень ² спросила я и о Володе. Зимой 1885/86 года я много гуляла и разговаривала с Володией. Бывало это и последним летом, к концу, когда я стала понемногу оправляться от своей болезни ³ и становилась способной слушать веселые шутки, остроты, развлекаться ими, принимать в них участие.

Беседы наши носили именно такой характер. Володя переживал тогда переходный возраст, когда мальчики становятся особенно резки и задиричивы. В нем, всегда очень бойком и самоуверенном, это проявлялось особенно заметно, тем более тогда, после смерти отца, присутствие которого действует всегда сдерживающе на мальчиков. Помню, что эта резкость суждений и проявлений Володи смущала порой и меня. Обратила я также внимание, что Саша не поддерживал нашей болтовни, а пару раз, как мне показалось, неодобрительно поглядел на нас. Всегда очень считавшаяся с его мнением, я в то лето особенно болезненно чувствовала всякое его неодобрение. И вот осенью я задала вопрос и о Володе. Помню даже форму вопроса: «Как тебе нравится наш Володя?» И он ответил: «Несомненно, человек очень способный, но мы с ним не сходимся» (или даже: «совсем не сходимся» — этого оттенка я уже точно не помню, но помню, что сказано было решительно и определенно).

— Почему? — спросила я, конечно.

Но Саша не пожелал объяснить. «Так», — сказал он только, предоставив мне догадываться самой. Я объяснила это себе тем, что Саше не нравились те черты характера Володи, которые резали, но, очевидно, слабее, и меня: его большая насмешливость, дерзость, заносчивость, — главным образом, когда они проявлялись по отношению к матери, которой он также стал отвечать порой так резко, как не позволял себе при отце. Помню неодобрительные взгляды Саши при таких ответах. Так глубоко и сильно переживавший смерть отца, так болевший за мать... сам всегда такой сдержанный и внимательный, Саша должен был очень реагировать на всякую резкость по отношению к матери. Объяснение это еще подтвердилось рассказом матери следующим летом, уже после смерти Саши. А именно, она рассказала мне, что раз, когда Володя с Сашей сидели за шахматами, она напонила Володе какое-то требование, которое он не исполнил. Володя отвечал небрежно и не спешил исполнить. Мать, очевидно, раздраженная, настаивала... Володя ответил опять какой-то небрежной шуточкой, не двигаясь с места.

— Володя, или ты сейчас же пойдешь и сделаешь, что мама тебе говорит, или я с тобой больше не играю, — сказал тогда Саша спокойно, но так твердо, что Володя тотчас встал и исполнил требуемое. Помню, с каким растроганным видом рассказывала мне об этом проявлении Саши мать.

¹ Заголовок дан составителем. *Ред.*

² Имеется в виду осень 1886 г. *Ред.*

³ Болезнь была вызвана переживаниями в связи со смертью отца, последовавшей 12 (24) января 1886 г. *Ред.*

Сопоставление этого рассказа с моими личными впечатлениями, а также и с тем, как проявлялся тогда и чем интересовался Володя, сложило во мне прочное убеждение, что именно эти черты его характера имел в виду Саша, когда высказал свое суждение о нем. Из воспоминаний о Саше, как моих, так и некоторых из товарищей, видно, что всякая насмешка, поддразнивание были абсолютно чужды его натуре. Не только сам он никогда не подсмеивался, но даже реагировал как-то болезненно, когда слышал такие насмешки от других... Володе насмешка была свойственна вообще, а в этот переходный возраст особенно. А Саша, в это лето после потери отца, когда в нем созревала, очевидно, решимость стать революционером... был в настроении особом, даже для него, далеко от всякого легкого, с кондачка, отношения.

Я этим объясняю такое решительное заявление Саши, поразившее меня, хотя различие натур обоих братьев выделялось уже с детства, и близкими друг другу они никогда не были, несмотря на безграничное уважение и подражание Саше со стороны Володи с ранних лет. Гораздо большей симпатией Саши пользовалась из меньших Оля, в характере которой было много сходства с ним.

Я знаю, что такое суждение старшего брата — участника террористического акта — о младшем — социал-демократе — вызовет во многих искушение дать всего легче напрашивающееся объяснение: братья не сошлись в политических убеждениях. Но такое, как будто бы самое естественное, объяснение было бы самым неверным. Володе в последнее лето, проведенное им со старшим братом, было только 16 лет. В то время молодежь, особенно в глухой, чуждой общественной жизни провинции, не определялась так рано политически. Зимой этого года, когда я много гуляла и говорила с Володи, он был настроен очень оппозиционно к гимназическому началству, к гимназической учебе, к религии также, был не прочь зло подтрунить над учителями (кое в каких подобных шутках и я принимала участие) — одним словом, был, так сказать, в периоде сбрасывания авторитетов, в периоде первого, отрицательного, что ли, формирования личности. Но вне такого отрицательного отношения к окружающему — для него главным образом к гимназии — ничего определенно политического в наших разговорах не было, а я убеждена, что при наших тогдашних отношениях Володя не скрывал бы от меня таких интересов, расспрашивал бы меня о питерской жизни с этой стороны. Во всю свою жизнь он очень цельно отдавался всегда своим преобладающим стремлениям — не в его натуре было таить что-нибудь в себе. Летом, я помню, мы отмечали оба с Сашей, удивляясь этому, что Володя может по несколько раз перечитывать Тургенева, — лежит, бывало, на своей койке и читает и перечитывает снова, — и это в те месяцы, когда он жил в одной комнате с Сашей, усердно сидевшим за Марксом и другой политико-экономической литературой, которой была тесно заставлена книжная полка над его столом.

Следующей осенью, уже после отъезда Саши, если верить воспо-

минаниям одного из товарищей Володи¹, они начали вдвоем переводить с немецкого «Капитал» Маркса. Работа эта прекратилась на первых же страницах, чего и следовало ожидать: где же было зеленым гимназистам выполнить такое предприятие? Стремление подражать брату, искание путей, конечно, было, но не больше. Читать Маркса Володя начал уже в 1888/89 году, в Казани, по-русски.

Итак, определенных политических взглядов у Володи в то время не было.

С другой стороны, Саша, как видно из ряда воспоминаний — моих и других товарищей, — не принадлежал ни к какой партии летом 1886 года. Несомненно, что путь революционера был уже намечен им для себя, но он только знакомился тем летом с «Капиталом» Маркса, изучал русскую действительность². На суде он говорил, что считает самой правильной борьбу путем пропаганды и агитации; на следствии — что набиравшаяся им в квартире Пилсудского общая часть программы представляла проект объединения партии «Народной воли» с социал-демократической. А в восстановленной им по памяти программе террористической фракции партии «Народной воли» отмечал, что к социал-демократам их фракция относится не враждебно, а как к ближайшим товарищам.

Следовательно, «не сходиться» с человеком, клонящимся к социал-демократии, у него основания не было.

А затем Саша был замкнутым, выдержанным человеком. Если он протестовал против привлечения молодых, неопределившихся людей в спешке приготовления террористического акта и был против нравственного и умственного давления на них; если по той же причине держал в неведении меня и отклонил поселение со мной на одной квартире, — то тем больше не стал бы он говорить на эту тему с младшим братом, гимназистом, особенно в год потери отца, когда ответственность за младших перед матерью он ощущал особенно остро. И как я уже указывала, он был противником какого-либо давления на личность, предоставляя каждому вырабатываться самостоятельно. Да и Володя, много говоривший со мной о партиях и своих убеждениях в последующие годы, рассказал бы мне, несомненно, если бы были какие-либо разговоры с Сашей на эту тему.

Небезынтересно также сопоставить с этим рассказ И. Х. Лалаянца о том, как на вопрос его о деле Александра Ильича Владимир Ильич сказал: «Для всех нас его участие в террористическом акте было совершенно неожиданно. Может быть, сестра (имел в виду меня) знала что-нибудь, — я ничего не знал!»

Таким образом, предположение, что суждение Саши о брате было вызвано политическими разногласиями, должно отпасть совершенно. В корне его могло лежать одно несходство характеров, особенно проявившееся, по указанным причинам, в последнее лето, —

¹ Кузнецова М. Ф. А. Е.

² См. воспоминания Чеботарева и Говорухина о его изучении вопроса о русской общине и критике В. В. А. Е. (см.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 244, 218. *Ред.*).

несходство, осознанное и формулированное одним Сашей,— никогда ни одного намека на таковое от Володи я не слыхала. Очевидно, что при своей огромной выдержке Саша ничего младшему брату не высказывал. После же смерти Саши я, понятно, не стала говорить Володе об этом его мнении: я понимала, что нанесу ему только лишнюю боль, не сумев даже дать точное объяснение, какое несходство имел в виду Саша. Потеря его — такого любимого и уважаемого всеми нами — ощущалась и без того слишком остро, чтобы я могла причинить лишнее огорчение тем мнением Саши, которое Володя все равно не мог уже изменить. По-моему, все мы держались после нашего несчастья тем, что щадили друг друга. А потом я совсем не могла первые годы говорить о Саше, разве только с матерью. И наконец, я считала, что мнение Саши основывалось как раз на той несколько крайней мальчишеской резкости, которая заметно уменьшилась после нашего несчастья, а с годами, я видела, сглаживалась все больше и больше.

Но, конечно, старший брат погиб слишком рано, чтобы можно было сказать, как сложились бы отношения между обоими ними позднее. Это были, несомненно, очень яркие, каждая в своем роде, но совершенно различные индивидуальности. Обе они горели сильным революционным пламенем. Гибель старшего, любимого брата, несомненно, разожгла его ярче в душе младшего. А старший шел по дороге к революционному марксизму, который пытался еще примирить с народовольчеством, как большинство революционеров того времени, но к которому пришел бы окончательно. Кроме дальнейшей теоретической работы его привела бы к нему развивающаяся в этом направлении жизнь. За это говорят как его программа, так и отзывы товарищей¹...

Ульянова-Елизарова А. И.
*О В. И. Ленине и семье Ульяновых:
Воспоминания, очерки, письма, статьи.*
М., 1988. С. 78—82

ИЗ СТАТЬИ

«ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ

(Декабрь 1895 — февраль 1897 года)»²

Владимир Ильич был арестован 9 декабря ст. ст. 1895 года. Месяца за полтора до этого я с матерью была у него в Петербурге. Он жил тогда в Б. Казачьем пер.— вблизи Сенного рынка — и числился помощником присяжного поверенного. Несколько раз брат и выступал, но, кажется, только по уголовным делам, по назначению суда, то есть бесплатно, причем облакался во фрак покойного отца.

¹ См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 375—380, 135—270.

² Статья дана в извлечениях, дополняющих воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой о пребывании В. И. Ленина в тюрьме, которые печатаются в настоящем томе, с. 46—55. Опущенный текст статьи идентичен тексту указанных воспоминаний. Ред.

В это время круг его знакомых был уже довольно широк; он много бегал и суетился. У него на квартире я познакомилась с Василием Андреевичем Шелгуновым, тогда еще зрячим...

Владимир Ильич предупреждал меня тогда о возможном аресте, о том, чтобы не пускать мать для хлопот о нем в Питер.

Он знал, как и все мы, что тяжелое для всех матерей хождение по мытарствам при аресте сына для нее еще во много раз тяжелее, так как заставит ее вновь переживать все, что она переживала в питерской охранке и департаменте полиции при хлопотах о брате, Александре Ильиче. По этой причине я приезжала после ареста Владимира Ильича в Питер одна, а потом с лета 1896 года жила вместе с матерью и ходила большей частью сама, иногда с ее прошениями, в эти присутственные места, связанные для нее с такими тяжелыми воспоминаниями.

И действительно, около половины декабря мы получили сообщение о его аресте (от Чеботаревых, у которых он столовался)...

(Далее А. И. Ульянова-Елизарова рассказывает, что В. И. Ленин через Н. К. Крупскую просил родных достать чемодан, похожий на тот, который он привез из-за границы, так как на допросе сообщил, что оставил его у родных в Москве. См. настоящий том, с. 46. Ред.)

Этот чемодан очень беспокоил всех товарищей в первое время после ареста: хотя Ильича и пропустили с ним, но вопрос о нем при аресте или тотчас после него показывал, что внимание на себя чемодан обратил, что, пропустив его на границе — может быть, намеренно, с целью пожать большие плоды, — они потеряли его, очевидно, в Петербурге и разыскивали следы его. Владимир Ильич рассказывал, что на границе чемодан не только повернули вверх дном, но еще и прищелкнули по дну, вследствие чего он решил, что наличие второго дна установлено и он влетел...

(Затем А. И. Ульянова-Елизарова пишет о том, что В. И. Ленин сумел включить в список необходимых ему книг, переданный им из тюрьмы на волю, ряд названий несуществующих книг, запросив таким образом о судьбе своих товарищей. См. настоящий том, с. 47—48. Ред.)

Мои стремления дополнить этот список привели только к одному результату: к подтверждению указанного мною Михаилом Александровичем Сильвиным, от которого впервые я услышала об этой хитрости брата, и Надеждой Константиновной Крупской, которая получала письма брата. Ничего больше вспомнить они не могли. Но и перечисленные мною «книжки» дают достаточное представление о том, каким образом Владимир Ильич перехитрил жандармов и дал товарищам идею о способе передачи. В ответном письме, переписанном рукою А. К. Чеботаревой и отправленном от ее имени, они сообщили со своей стороны о ком-то тем же способом...

Я приехала в Петербург в первой половине января 1896 года, пробыла приблизительно с месяц, получила несколько свиданий с братом, доставила ему большое количество книг (тогда выдавалось без ограничений), выполнила, кроме того, некоторую дозу поруче-

ний, которых у Ильича и вообще всегда бывало много, а в тюрьме, понятно, тем больше, подыскала ему «невесту» на время моего отсутствия и уехала. Относительно «невесты» для свиданий и передач помню, что на роль таковой предлагала себя Надежда Константиновна Крупская, но брат категорически восстал против этого, сообщив мне, что «против нейтральной невесты ничего не имеет, но что Надежде Константиновне и другим знакомым показывать на себя не следует».

Через месяц приблизительно я снова приезжала на некоторое время в Питер, а с мая мы вместе с матерью и сестрою Марией Ильиничной приехали туда, с тем чтобы поселиться на даче поблизости, навещать брата и заботиться о нем. Для меня выезд из Москвы на это лето диктовался еще отношением ко мне московской полиции и жандармерии, предложившей мне выехать перед короной Николая II из Москвы.

Мы разделили свидания. Мать с сестрой отправлялись на личные, по понедельникам, — в те времена на них давалось по $1\frac{1}{2}$ часа, — а я по четвергам, на свидания за решеткой, которые мы с братом предпочитали, во-первых, потому, что они были более продолжительны — минимум час (помню одно свидание, длившееся $1\frac{1}{2}$ часа), — а главным образом потому, что на них можно было сказать гораздо больше: надзиратель полагался один на ряд клеток, и говорить можно было свободнее. Мы пользовались с братом псевдонимами, о которых улавливались в зашифрованных письмах, — так, помню, что злополучный чемодан фигурировал у нас под наименованием «лампа». Пользовались, конечно, всюю иностранными словами, которые вплетали в русскую речь. Так, стачка у нас именовалась по-английски: «страйк»; стачечники — «гревисты», с французского, и т. д.

(Далее А. И. Ульянова-Елизарова рассказывает о крупных стачках текстильщиков в Петербурге и Москве и о том подъеме, который они вызвали у революционных социал-демократов. См. настоящий том, с. 50—51. Ред.)

С одной стороны, это настроение воли должно было, вероятно, вызывать во Владимире Ильиче и его товарищах более страстное стремление выйти на простор из тюрьмы; а с другой — бодрое настроение за стенами при общении с ним, которому тогдашние — очень льготные как сравнительно с предыдущим, так и с последующим периодом — условия заключения давали широкую возможность, поддерживало, несомненно, бодрость в заключенных. Известно ведь, что никогда тюрьма не переносится так тягостно, как в годы затишья и реакции: естественная в тюрьме склонность преувеличивать мрачные стороны питается общей атмосферой.

...Я приносила книги два раза в неделю — по средам и субботам. В каждой пачке книг была одна с зашифрованным письмом — точками или штрихами карандашом в буквах. Таким образом мы переписывались во все время заключения брата. Получив кипу книг, он прежде всего искал ту из них, где по условленному значку было письмо. Доставка книг от прокурора происходила без всякой за-

держки — на другой же день они обычно передавались заключенным. Помню несколько случаев, когда я, торопясь передать какие-нибудь сведения или запросить о чем-нибудь Ильича, приносила ему книги в среду к вечеру и получала от него зашифрованный ответ в сдаваемой мне книге на следующий день, в четверг, от тюремных надзирателей.

Обмен таким образом происходил идеально быстро. А в тот же четверг на свидании за решеткой брат уточнял мне кое-что в письме. Таким образом, передача Владимиру Ильичу о событиях на воле была очень полная; у меня была тесная связь с оставшимися на воле членами «Союза борьбы», и я специально выдалась с ними перед свиданием, чтобы получить из первых рук — от Надежды Константиновны, Якубовой, Сильвина и др. — сведения о ходе работы и забастовки, которые, кроме того, и из более широких источников слышала...

Говоря о впечатлениях прочитанной им книги (с зашифрованным письмом), Ильич беседовал об этом письме. Кроме событий на воле, я должна была осведомлять его о товарищах, сидевших с ним, передавать вести от них и обратно. Для этого надо было всегда прийти раньше в наш «клуб» — комнату в «предварилке», где приходящие к заключенным ожидали вызова на свидание и приема передачи, чтобы от них забрать известия и им передать...

Но хотя, как видно из всего изложенного, день Ильича и без того был занят — кроме книг, необходимых для его работы, ему переправлялись все вновь выходящие, в том числе все ежемесячные, журналы; разрешались и еженедельники, из которых можно было черпать сведения о политических событиях; выписывала я для него какой-то немецкий еженедельник, кажется «Archiv für Sociale Gesetzgebung und Statistik»¹, — он не мог удовлетвориться этим, не мог оставить вне поля своего зрения нелегальную работу. И вот Ильич стал писать, кроме того, нелегальные вещи и нашел способ передавать их на волю. Это, пожалуй, самые интересные страницы из его тюремной жизни. В письмах с воли ему сообщали о выходящих листках и других подпольных изданиях; выражались сожаления, что листки не могут быть написаны им, и ему самому хотелось писать их. Конечно, никаких химических реактивов в тюрьме получить было нельзя. Но Владимир Ильич вспомнил, как рассказывал мне, одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять потом на свечке или лампе. Молоко он получал в тюрьме ежедневно. И вот он стал делать миниатюрные чернильницы из хлебного мякиша и, налив в них несколько капель молока, писать им меж строк жертвующей для этого книги. Владимиру Ильичу посылались специально беллетристика, которую не жаль было бы рвать для этой цели, а кроме того, мы утилизировали для этих писем страницы объявлений, приложенных к номерам журналов. Таким образом, зашифрованные письма точками были заменены этим, более скорым способом. В письме точками Ильич сообщил,

¹ «Архив социального законодательства и статистики». *Ред.*

что на такой-то странице имеется химическое письмо, которое надо прогреть на лампе.

Вследствие трудности прогревания в тюрьме, этим способом пользовались больше мы, чем он. Надежда Константиновна указывает, впрочем, что можно было проявлять письма опусканием в горячий чай и что таким образом они переписывались молоком или лимоном, когда сидели (с осени 1896 года) одновременно в «пред-варилке».

Вообще Ильич, всегда стремившийся к уточнению всякой работы, к экономии сил, ввел особый значок, определявший страницу шифрованного письма, чтобы не рыться и не разыскивать его в книгах. Первое время надо было искать этот значок на стр. 7. Это был тоненький карандашный штрих, и перемножение числа строк с числом букв на последней строке, где он находился, давало страницу: так, если была отмечена 7-я буква 7-й строки, мы раскрывали 49-ю страницу, с которой и начиналось письмо. Таким образом легко было и мне, и Владимиру Ильичу в полученной, иногда солидных размеров, стопке книг отыскать быстро ту, в которой было письмо, и страницу письма. Этот способ обозначения — страницы время от времени менялись — сохранялся у нас постоянно, и еще в последних перед революцией письмах, написанных по большей части рукой Надежды Константиновны, в 1915 и 1916 годах, я определяла по этому условному значку местонахождение письма в книге.

...Характерно для кипучей энергии брата, а пожалуй, и для того, что за стенами тюрьмы он не представлял себе вполне ясно условия хлопот и беготни на воле, что как-то на свидании он сказал мне: «Что ж ты, собственно, делаешь здесь, в Петербурге?» Мне оставалось лишь руками развести: хождение по «мытарствам», беготня по поручениям, разъезды по конкам для свидания с людьми, шифровка, переписка химических писем — дела было больше чем по горло.

(А. И. Ульянова-Елизарова далее пишет о том, что приговор по делу В. И. Ленина — ссылка на три года в Восточную Сибирь — был встречен его семьей с облегчением, так как опасались более сурового приговора. Но все же мать В. И. Ленина беспокоилась, как он будет жить один в ссылке. См. настоящий том, с. 53—54. Ред.)

...Помню, как я успокаивала мать тем, что три года — срок не долгий, что физическое здоровье брата поправится в хорошем климате Минусинского уезда, а также и тем, что к нему поедет, наверное, по окончании дела Надежда Константиновна (тогда видно уже было, к чему шло дело) и он будет не один.

Назначение Владимиру Ильичу Минусинского уезда произошло вследствие прошения о том матери в департамент полиции, так же как и разрешение ехать на свой счет. Ко дню его освобождения мы занимали с матерью комнату на Сергиевской, кажется, № 15...

(Далее А. И. Ульянова-Елизарова говорит о собраниях социал-демократов Петербурга, в которых В. И. Ленин принял участие, выйдя из тюрьмы. См. настоящий том, с. 54. Ред.)

На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли»: спорил Ильич, которого поддерживали все «старики», с Якубовой. Последняя очень разволновалась: слезы выступили у нее на глазах. И тягостно было ей, видимо, спорить с Ильичем, которого она так ценила, выходу которого так радовалась, и мнение свое не могла не отстаивать. Оно клонилось к тому, что газета должна быть подлинно рабочей, ими составляться, их мысли выражать; она радовалась пробуждающейся инициативе рабочих, массовому характеру ее. Ильич указывал на опасность «экономизма», который он предвидел раньше других. Спор вылился в поединок между двумя. Мне было жаль Якубову; я знала, как беззаветно предана она революции, с какой трогательной заботливостью относилась лично к брату за время заключения, и мне казалось, что брат преувеличивает опасность уклона «молодых». Очень тягостно повлиял спор — «разногласия тотчас после освобождения» — на Запорожца, тогда уже больного.

На третий день мы все трое уехали в Москву. Не помню уже, было на этот счет дополнительное напоминание со стороны «начальства» или мы сами сочли благоразумнее не откладывать отъезда. Помню только, что в эти дни мне приходилось бегать в департамент полиции и брать отсрочки со дня на день и для себя лично, потому что я получила уведомление, что лица, бывшие под гласным надзором, не имеют права, впредь до особого разрешения, проживать в столицах. Это было уже толкование в применении к случаю, потому что существовавшее дотоле постановление гласило: «Лица, бывшие под гласным надзором, не имеют права съезда в столицы в течение года после окончания его». Мой гласный надзор по делу 1 марта 1887 года окончился в 1892 году, и через год, с 1893 года, я переехала в Москву; да и в Питере жила во время сидения брата с перерывами целый год, а тут вдруг — очевидно, в связи с делом брата и моими личными знакомствами в Питере и Москве — спохватились.

...Питерские знакомые очень настаивали на необходимости этого (поездки к месту ссылки на свой счет. — *Ред.*), чтобы сберечь его недюжинные силы. А. М. Калмыкова предлагала даже средства для этого. Мать отказалась от помощи, передав через меня А. М. Калмыковой, что пусть те деньги пойдут для более нуждающегося, например Кржижановского, а она сможет отправить Владимира Ильича на свои средства...

Ильич уехал с обещанием писать, и он выполнил это обещание. За три года его ссылки у нас была наиболее обстоятельная, наиболее регулярная переписка с ним. Но это не входит уже в рамки статьи.

Ульянова-Елизарова А. И.
О В. И. Ленине и семье Ульяновых:
Воспоминания, очерки, письма, статьи.
М., 1988. С. 163—169

ТАЙНА ШАХМАТНОГО СТОЛИКА

Шахматный столик для партий вчетвером с потайным выдвижающимся плоским ящиком служил хранилищем для нелегальных рукописей, писем и печатных материалов в нашей семье. Заказанный по рисунку, сделанному моим мужем, Марком Тимофеевичем Елизаровым, в 1900 году в Москве, он исколесил вместе с нами всю Россию, передвигаясь в Самару, Киев, Петербург, Саратов, Вологду, опять в Петербург и снова в Москву.

Первоначальная идея столика принадлежала Владимиру Ильичу, который со времени своего переезда в Петербург осенью 1893 года и начала нелегальной работы развивал мысль о необходимости каждому иметь у себя какое-нибудь потайное хранилище для нелегалщины. «Например,— говорил он,— круглый столик с выдолбленной ножкой».

В 1894—1895 годах он осуществил этот план, заказав в Петербурге через товарищей-рабочих, участвовавших в организации, такой столик. Его единственная толстая ножка, от которой шли, как обычно, три расходящиеся короткие ножки, была выдолблена. Точеная пуговица, которой оканчивалась ножка, отвертывалась, и в отверстие можно было засунуть довольно большой сверток.

Столик выдержал свой первый экзамен в ночь ареста Владимира Ильича 9 декабря 1895 года. Полиция не проникла в его тайну, и ничего нелегального поэтому у Владимира Ильича взято не было. Он перешел затем во владение Надежды Константиновны и у нее оправдал себя, будучи перевезен ко мне ее матерью после ее ареста 9¹ августа 1896 года с содержимым: с переписанной частью объяснений к программе социал-демократической партии, которые Владимир Ильич посылал из тюрьмы написанными молоком между строк книги.

Продолжая работу по расшифровке и переписке объяснений, я также перед каждой ночью начинала результатами своей работы ножку столика, а законченные главы относила А. Н. Потресову, который передавал их в какую-то надежную квартиру. Так поступила я и с последним свертком переписанного, опустошив столик. Через пару дней мы должны были уехать с матерью на рождественские праздники в Москву, к остальной части семьи. Накануне или в день отъезда ко мне пришла А. М. Калмыкова и сообщила об аресте Потресова. Но программу, сказала она, он успел передать в верное хранилище. Помнится, что я говорила о столике Александре Михайловне². Но куда он попал и дальнейшая судьба его мне неизвестна. Правда, он дал уже трещину от торопливо ввертываемой пуговицы и нуждался в ремонте.

Большим неудобством хранилища этой конструкции было то, что для вкладывания в него рукописей приходилось всякий раз переворачивать столик ножкой вверх. И вот муж мой надумал другую

¹ Н. К. Крупская была арестована 12 (24) августа 1896 г. *Ред.*

² А. М. Калмыковой. *Ред.*

конструкцию, которая была осуществлена в шахматном столике. Тут приходилось вынимать только один ящичек, и дело шло так быстро, что иногда мы вкладывали кое-что уже после ночного звонка, возвещавшего о прибытии «гостей». Но обычно, не дожидаясь ночи, очищали при помощи столика квартиру. И постоянно в потайном ящике что-нибудь да хранилось.

Этот столик выдержал еще более длительный экзамен. С 1902 года, когда были арестованы в Москве Марк Тимофеевич и Мария Ильинична, до февраля 1917 года, когда была арестована перед самой революцией я, ни разу, ни при одном из всех обысков, которым подвергалась наша семья, столик не выдал себя. Нас спрашивали иногда о содержимом его ящичков, мы приносили ключи и, как бы для проформы порывшись в наполнявших их разноцветных шахматах, ящики задвигали вновь и переходили к столам, содержащим книги и бумаги.

Не раз было, что столик выручал нас от серьезных последствий. И он, можно сказать, спас меня и сестру Марию Ильиничну от каторги в Киеве в 1904 году, когда в его потайном ящике хранился весь архив ЦК, выбранного на II съезде партии в 1902 году¹. Никаких данных против нас, кроме шпионских показаний, не оказалось, и мы были освобождены через полгода до окончания дела.

Последней перед революцией зимой 16—17 года у меня было на Широкой улице три обыска. Столик не вызвал, как и раньше, ни малейшего подозрения, сохраняя и революционные листки местного происхождения, и номера заграничной газеты «Социал-демократ», и переписанные с химических чернил письма Ильича ко мне, к некоторым товарищам, в ЦК и в ПК партии, и черновики ответных ему писем. Переписка шла у нас с Ильичем без перерывов до самой революции.

Поистине столик заслужил себе пенсию!²

Для хранения нелегалщины в небольших размерах — писем, адресов — имелись у нас и другие хранилища: папки и книжные переплеты из двойных листов картона, удобные также для перевозки; книжная полочка у сестры с полыми досками, крышка на кухонное ведро, зеркальце с выдолбленной задней доской.

В переплетах же книг, нот, альбомов получали мы из-за границы номера «Искры», «Вперед», «Пролетария» на специальной тонкой бумаге. Вклеивались эти номера в картон графюр.

Ульянова-Елизарова А. И.
*О В. И. Ленине и семье Ульяновых:
Воспоминания, очерки, письма, статьи.*
М., 1988. С. 254—256

¹ II съезд РСДРП проходил 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 г. в Брюсселе и Лондоне. *Ред.*

² В 1927 г. Анна Ильинична передала этот столик в Музей Революции СССР. Сейчас он экспонируется в Центральном музее В. И. Ленина. *Ред.*

ПО ПОВОДУ ПОСЫЛКИ «CREDO» ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ В СИБИРЬ¹

Это было, помнится, весною 1899 года. В одну из своих поездок из Москвы в Петербург, куда я ездила главным образом по поводу издававшихся тогда книг Владимира Ильича — «Экономические этюды» и «Развитие капитализма в России», я зашла, как обычно, к Александре Михайловне Калмыковой. У нее был в то время книжный магазин на углу Литейного и Невского (кажется, Литейный, 60), который служил в некотором роде штаб-квартирой. Там можно было узнать о жизни социал-демократических организаций, о всех переменах и изъятиях, происшедших в них. Прежде всего, по приезде в Питер, забегаешь, бывало, в этот книжный склад.

Александра Михайловна стояла очень близко к первым марксистским организациям Петербурга. Струве вырос в ее семье, — был в гимназические годы ее воспитанником и, как она говорила, был ближе ей, чем ее собственный сын, пошедший по другому пути. Эта выдающаяся по уму и энергии женщина, принадлежавшая к довольно высокому кругу — ее муж был, если не ошибаюсь, сенатором, — оказывала очень деятельные услуги нелегальным социал-демократическим организациям, главным образом «Союзу борьбы», и находилась в курсе их работы. Все первые члены «Союза борьбы» — Радченко, Крупская, Якубова, Невзорова, народовольческой организации — Книпович — были в тесной связи с нею. Пользуясь своими большими связями в обществе, она устраивала квартиры, склады, добывала деньги. У ней же происходили первые заседания редакций тогдашних легальных марксистских газет.

Я получала от нее разные питерские новинки, которые пересылала или пересказывала в письмах Владимиру Ильичу в ссылку.

И вот раз она передала мне ту, составленную Прокоповичем и Кусковой, программу, которая известна теперь под именем «Credo», сказав, что хотя составители сами не работают, но имеют некоторое влияние среди «молодых».

По возвращении в Москву я к очередному химическому письму брату, которые писала в книгах и журналах, прибавила и это, химически переписанное, произведение. Стремясь, естественно, к возможной краткости и сжатости при этом кропотливом и утомительном способе переписки, я дала документу первое пришедшее в голову краткое название, написав: «Посылаю тебе некое «Credo» «молодых». Моя совершенно отрицательная оценка этого писания, как измышления досужих литераторов, отголоска которого в жизни я не видала не только вокруг себя, в Москве, но даже в питерской «Рабочей мысли», далеко до этого не договорившейся, — вероятно, невольно еще возросла в процессе той кропотливой и неблагодарной работы, которую представляло химическое переписывание. Казалось, что не стоит мне переписывать, а Владимиру Ильичу про-

¹ Воспоминания являются ответом на запрос Института В. И. Ленина. *Ред.*

являть это либеральное умствование. Обозначив его для краткости «Credo» «молодых», я не верила, чтобы оно могло служить для руководства действовавших социал-демократов.

Поэтому, когда из ответа Владимира Ильича я увидела, какое глубокое возмущение оно вызвало, когда я узнала о намерении выступить с протестом против него, я обвиняла себя, что неточность его обозначения в моем письме придала ему в глазах брата большее, чем следовало, значение. И я поспешила объяснить, что именем «Credo» «документ» назван мною и что молодые социал-демократы, насколько мне известно, им не руководствуются. Но протест тем не менее был составлен и послан.

При свидании с Владимиром Ильичем по возвращении его из ссылки мы затронули эту тему, и он очень удивился, узнав, что название «Credo» дано было не автором, а мною случайно (очевидно, в химическом письме это как-то исчезло для него), но потом сказал, усмехнувшись: «Ну, все равно. Протестовать все-таки следовало».

Помню также, что Кускова очень возмущалась,— один раз в личном разговоре со мною,— что документ был назван «Credo», как авторы его не называли.

Вот все, что могу в связи с этим припомнить.

Написано 12 октября 1923 г.

*Ульянова-Елизарова А. И.
О В. И. Ленине и семье Ульяновых:
Воспоминания, очерки, письма, статьи.
М., 1988. С. 170—171*

РЕЧЬ НА ВЕЧЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ «ЛЕНИН И ОКТЯБРЬ» В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА 29 октября 1927 года

Я не собиралась говорить и не приготовила своих воспоминаний, поэтому они будут представлять из себя небольшие отрывочки.

Я не могу говорить о партийной работе в то время, потому что не принимала в ней участия. Коснусь периода немного более раннего. В последний раз я видела Владимира Ильича в Париже в 1911 году. Это были годы реакции, тогда еще не начинала выходить «Правда», глухая реакция была, и я помню, в разговоре с Владимиром Ильичем у него мелькнули печальные нотки, он сказал: не знаю, удастся ли нам чего другого дожидаться. Потом я уехала.

Революция пронеслась так быстро, так волшеббно. Я тогда начала работать секретарем в «Правде», в первые послереволюционные дни. Мы ждали с нетерпением приезда Владимира Ильича и, когда узнали, что он едет,— как-то все не верилось, что он может открыто приехать,— с большим нетерпением ожидали его. Я встретила его на Финляндском вокзале, и эти моменты оставили у меня впечатление чего-то большого и яркого, было какое-то общее настроение

подъема. Это было вечером. На Финляндском вокзале я встретила массу народа, рабочих. Они шпалерами выстроились около поезда, на котором приехал Владимир Ильич, и встречали его с большой радостью. Помню дружественные, восторженные лица рабочих. Мы вместе пошли на вокзал, где, как вы знаете, Владимир Ильич выступил, содержания его речи я передать не могу, помню только настроение общего большого подъема, которое вызвала эта его речь.

Потом он выступил на броневике, на площади Финляндского вокзала, тут были красные факелы, настроение было какое-то особенно торжественное и подъемное, с одной стороны, а с другой стороны, как-то немножко страшно было, что это действительно он может так свободно говорить, или это только так кажется.

Владимир Ильич остановился у нас в квартире, на Широкой улице, очень много товарищей к нему приходило туда, очень много было разговоров, но опять-таки из этих разговоров помню лишь отрывочки, помню, что многие товарищи, которые не совсем стояли на большевистской пораженческой точке зрения, которые считали, что как же это возможно кончить войну, после этих бесед очень скоро убеждались, личное слово Владимира Ильича убеждало чрезвычайно.

Жизнь пошла очень сутолочная, очень горячая, каждый день сидели в «Правде», где я с ним работала. Народу бывало очень много. Он ездил на собрания.

В то же время помню маленькие личные черточки, которые могут охарактеризовать его до некоторой степени. Однажды я прихожу и застаю его за игрой и возней с одиннадцатилетним мальчиком, моим воспитанником¹, который чрезвычайно привязался к Владимиру Ильичу. Владимир Ильич очень любил детей и умел подходить к ним. И вот Владимир Ильич стал бегать за этим мальчиком вокруг столового стола, мальчик был увертливый, и Владимиру Ильичу не удавалось догнать его. Тогда он протянул руку через стол, чтобы схватить его. Движение было настолько энергичное, что стол опрокинулся, полетел графин, что-то перевернулось, разбилось. Я это рассказала для того, чтобы показать, как он мог наряду с серьезным делом увлекаться игрой.

В июле, когда начались выступления, он ушел от нас с квартиры. Одно время он думал, чтобы дать себя арестовать. Помню, он сказал тогда, что если арестуют, то очень вероятно, что с ним покончат, потом они, может быть, даже слезы прольют, крокодиловы слезы, скажут, как это нельзя было удержать, но все же постараются расправиться таким образом. Все это внушало страх за него. Особенно в этом пришлось убедиться, когда к нам стали приходить с обысками. Было восемь обысков, причем они происходили не так, как в царской России. Как только откроешь дверь, являются солдаты со штыками на винтовках, солдаты эти измученные, исхудалые, озлобленные, они бежали по коридору и стремились найти того, кого им надо было. Они не искали книжек, как раньше, не

¹ Г. Я. Лозгачевым. Ред.

смотрели их, а они штыками прокалывали матрацы, диваны, открывали сундуки, словно он где-либо мог лежать там. Мало, конечно, они давали себе отчет в том, что происходило. В тот раз, как говорила Надежда Константиновна, когда они забрали моего мужа, ее и прислугу, дело происходило так, что прислуга эта была деревенская примитивная женщина, она отперла дверь, а сама повернулась и пошла, через кухню, за хлебом, что ли. Но пришедшие с обыском, которые искали Владимира Ильича, решили, что она прячет его и пошла предупреждать, и стали обыскивать весь дом. Это был второй обыск. А во время первого обыска была такая история. Тут был один шпион, который утверждал, что знает Владимира Ильича. Когда оказалось, что Владимира Ильича здесь нет, они стали искать его карточку в альбоме. Нашли карточку и смотрят на моего мужа и, хоть он совсем был не похож, говорят: «Вот он!» И Марка Тимофеевича забрали и повезли на грузовике, потом уже все разъяснилось. Но эта прислуга имела глупость и второй раз также уйти, когда пришли с обыском. Отперла дверь и пошла куда-то. Они побежали за ней и стали искать по всему двору этого дома, часа три искали, потому что дом большой был, все углы облазили, искали, где Владимир Ильич. Оставили у нас сидеть двух солдат, тогда Надежды Константиновны не было дома, она, подходя к дому, увидела, что неблагополучно, и ушла. А мы с сестрой¹ сидели за чаем в столовой и с этими двумя солдатами чай пили. Они были очень озлоблены. Один из них сказал: «Если бы я его увидел, я бы его своими руками убил». Мария Ильинична начала разговор с ним. Налили им чаю, дали бутербродов. Мария Ильинична спрашивает: «Почему вы думаете, что он подкуплен, откуда это видно? Он столько лет работал нелегально, столько пострадал от царизма». Когда они послушали этот разговор, они как-то смякли, и один из них сказал: «Значит, тогда Керенский подкуплен». — «Почему же обязательно должен кто-нибудь быть подкуплен?» — говорит моя сестра.

Потом еще три раза приходили искали, и после этого весь дом на этой Широкой улице был до глубины души возмущен нами и требовал, чтобы мы ушли с этой квартиры, такие вредные люди. Это вот мои личные воспоминания.

А потом относительно Октября тоже очень небольшие отрывочки. Помню, что было как-то чрезвычайно жутко за него, как он может вернуться, каким образом, после того как его так тщательно искали, настолько ли перевернулось настроение солдат, чтобы можно было не бояться ареста? Увидела я его уже в Смольном. Вследствие конспирации он скрывался на квартире, куда лишних людей не пускали, поэтому я увидела его только в Смольном. Особенно ярко вспоминаю день 25 октября, когда был совершен переворот, это заседание, когда был прочитан манифест о земле и о прекращении войны и об основании социалистической республики². Все

¹ М. И. Ульяновой. *Ред.*

² Декреты о мире, о земле и постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства были приняты II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов в ночь с 26 на 27 октября (с 8 на 9 ноября) 1917 г. *Ред.*

это было так неожиданно и такое яркое и подъемное настроение было, что верилось и не верилось, казалось, что какую-то сказку переживаешь.

Помню, как затем в связи с выступлением Краснова было очень тревожное настроение, и, когда я пришла в Смольный, т. Розмирович сказала мне, что у нас в военных делах только один человек понимает. Я решила, что этим человеком был муж ее, т. Крыленко, тогдашний наш военный комиссар. «Нет,— говорит она,— не он, один Владимир Ильич понимает только у нас в военных делах». Я говорю: «Как же это может быть, он ведь никогда этим делом не занимался». И я пошла к нему в кабинет. Тут была масса карт, он был весь окружен картами, и я особенно обратила внимание на выражение его лица: он сидел такой бледный и какой-то углубленный, глубоко углубленный, что мне как-то страшно стало за него, и я подумала: «Как же это он с военными делами сможет разобраться?» И стало страшно за него, вид у него был очень утомленный.

Если ограничиться только Октябрем, то это самое яркое воспоминание у меня осталось, как он сидел и работал над военными картами и как страшно утомлен был. Потом он так же страшно утомлялся, когда ему приходилось на заседаниях Совнаркома решать самые мелкие дела.

Вот то, что я могу сейчас вспомнить кратко об Октябрьских днях.

*Ульянова-Елизарова А. И.
О В. И. Ленине и семье Ульяновых:
Воспоминания, очерки, письма, статьи.
М., 1988. С. 179—182*

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ В СОВНАРКОМЕ

Большой, напряженной работой было у Владимира Ильича председательствование в Совнаркоме. Первые годы после революции он вел ее всегда сам, и заседания происходили обычно ежедневно, начинаясь в 6, реже в 7 часов и продолжаясь до 10—11 часов вечера. Малого Совнаркома тогда еще не было, все дела поступали в один — Большой Совнарком,— и каких только разнообразных вопросов не приходилось решать в те годы, когда нас разрывали фронты гражданской войны, а государственная машина еще только налаживалась! В 1917 и 1918 годах на заседаниях Совнаркома бывал почти постоянно мой муж, М. Т. Елизаров, тогда нарком путей сообщения, а потом страхования, и рассказывал мне о происходившем там. В 1918, 1919 и 1920 годах бывала часто на этих заседаниях и я. Это было в период развертывания работы Наркомпроса, простиравшего свои длани на все и всякие — не только школьные — учреждения, а также и на всякие иные организации, как-либо захватывающие детей и их интересы. В числе других Наркомпрос

требовал передачи ему из Наркомсобеса всех учреждений охраны детства, прежних приютов, с чем мы, работники Наркомсобеса, не соглашались, доказывая, что у Наркомпроса достаточно задач с обучением всех возрастов, начиная с детских садов до университета, с подготовкой педагогического персонала для всех этих учреждений. Мы утверждали, что Наркомпрос не справится добавочно с теми задачами, которые выполнялись Наркомсобесом по делу организации детдомов для детей сирот, по устройству и воспитанию их. И мы оказались правы: уже через пару лет многие из учреждений, перешедших в Наркомпрос из разных ведомств, стали возвращаться к ним обратно; организация же детдомов была до большой степени разрушена.

Дебаты по поводу этого выносились на Совнарком. На Совнаркоме же ставились вопросы о беспризорных детях, о так называемых малолетних преступниках, проводились постановления о ненаказуемости детства, о замене для подростков тюрем воспитательными заведениями. Тут мы вступили в дебаты с ЧК. Помню одно такое заседание в присутствии Ф. Э. Дзержинского. Отделом охраны детства был поставлен тогда — на основании объезда и осмотра тюрем — вопрос об освобождении несовершеннолетних, об условиях заключения, о необходимости изменить их и расширить возраст, при котором тюрьмы должны быть заменены воспитательными учреждениями, до 18 лет. Совнарком решил тогда вопрос в нашу пользу.

Наконец, все время шла борьба всех ведомств между собой из-за зданий, из-за пределов своих полномочий. Управление государством было делом для всех новым и трудным, нелегко было расстаться правильно, по своим местам; самые разнообразные области соприкасались, втирались одна в другую, и сначала все стремились захватить шире сферы работы, не умея расчленивать, выделить... Сколько было неправильных перемещений, пересаживаний, внедрений в чужие области, которые приходилось опять потом переделывать!

Заседания были часто очень волнующие, и повестка дня обычно большая. Все товарищи, дела которых значились на повестке, приходили со своими бумагами, документами, приводили своих спецов; все они, пока дело не касалось их вопроса, выходили покурить, побеседовать в другую комнату или если и оставались в зале, то просматривали свои бумаги, просто сидели, не слушая не интересующие их доклады и прения. Один Ильич, председатель, должен был слушать все, вникать во все, давать или сокращать слово, находить наиболее подходящее решение в запутанных часто лабиринтах споров, в разгоравшихся страстях. От него требовалось тогда быть спецом по всем вопросам.

Помню, как раз на повестке Совнаркома стоял в числе других вопрос о «мелких кожах». Мы оба с мужем, М. Т. Елизаровым, были в тот день на заседании. Марк Тимофеевич, всегда очень негодовавший на слишком большую перегрузку Владимира Ильича, был в этот день особенно возмущен. «Неужели даже такой вопрос, как о мелких кожах, надо обязательно на Ильича наваливать?! Неуже-

ли хоть такой незначительный нельзя без него разрешить?» — говорил он. Но вопрос этот не был снят: в свой черед поднялся один товарищ и начал доклад. Спешно и захлебываясь говорил он что-то, торопясь высказывать свои мысли. Тишина стояла, как всегда, полная, но так очевидно было, что слушал мало кто... А Ильичу надо слушать и это все с одинаковым вниманием, думала я, оглядывая затихший зал со сгустившейся уже атмосферой, с печатью усталости на всех лицах.

В эту минуту из кабинета Владимира Ильича за его спиной в зал вошел с какой-то телеграммой в руках Я. М. Свердлов и остановился, показывая ее Владимиру Ильичу, переговариваясь с ним о чем-то, очевидно, важном.

«Ну, вот теперь уже никто этого доклада о мелких кожах не слушает», — подумала я. А докладчик продолжал тараторить что-то. Но вот Владимир Ильич, как будто совершенно погруженный в разговор с Я. М. Свердловым, вдруг оборачивается и, подняв палец, останавливает на каком-то пункте оратора, который начинает объяснять, поправляться. «Значит, Владимир Ильич все-таки, несмотря на телеграмму, слушал, значит, он все же в курсе докладываемого», — подумала я, с удивлением глядя на его побледневшее, сосредоточенное лицо. В зале кое-кто тоже встрепенулся; отпечаток удивления увидела я и еще на некоторых лицах. Начались прения. Вопрос дошел до своего конца. Было принято какое-то решение. Повестка дня продолжала развиваться дальше.

Мы ушли с Марком Тимофеевичем подавленные этим вопросом о «мелких кожах», который стал для меня с тех пор как бы нарицательным. Я обозначала этими словами все те мелкие, специальные вопросы, которые, кроме больших, общегосударственного значения во всех областях, также не обходились без Владимира Ильича, наваливались также на него. И, получая повестку в Совнарком, мы говорили часто с мужем: «Опять о мелких кожах вопросы». И вообще Владимир Ильич никогда не удовольствовался одним заседанием: то он обращался, продолжая слушать доклады или прения, к секретарше, затребуя те или иные справки или документы, то посылал записочки тому или другому товарищу в зал по вопросу, не имевшему никакого отношения к обсуждаемому, отвечал на такие же записки товарищей. Некоторые, не имея никакого вопроса на тот или иной вечер в Совнарком, собственно, для того только и приходили, чтобы перемолвиться по тому или иному делу с Ильичем. Все это было добавочной нагрузкой для Ильича, и потом, когда он заболел, врачи указывали, что особенно вредно было, что он вел, собственно, во время одного заседания два или три. На вопросе о мелких кожах это прошло очень рельефно.

Переговаривалась такими записочками иногда и я. Припоминаю случай, когда Ильич сам говорил мне: «Ты напомни мне об этом на Совнарком» или: «Я узнаю и на Совнарком сообщу тебе». Ту записочку, которая имеет общий интерес и которую я поэтому сохранила и прилагаю сюда, он написал мне по одному волновавшему меня тогда делу, о котором у меня был с ним раньше разговор.

Дело шло о моей тогдашней заместительнице по отделу охраны детства.

Это было осенью 1920 года. С января этого года, согласно постановлению Совнаркома, мой отдел был переведен из Наркомсобеса в Наркомпрос. Я не сразу решила перейти вместе с ним: я боялась не сработаться с Наркомпросом, с которым у меня были кое в чем разные точки зрения, особенно после неожиданного назначения в заместительницы мне вместо одной из моих сотрудниц представительницы Наркомпроса — человека совершенно незнакомому. Владимир Ильич советовал мне попробовать, а если дело не выйдет и не удастся сработаться с этой заместительницей, тогда уже бороться за замену ее другой.

Дело действительно не вышло: вместо прежней спаянности получились трения, разногласия, выплыли мелочная обидчивость и несоразмерная притязательность, совершенно не дававшие вести работу. Я рассказала об этом опыте Владимиру Ильичу, и вот он, улучив более свободную, как ему казалось, минутку на заседании и осторожно, чтобы не помешать прениям, пройдя весь зал, подошел ко мне и передал мне следующую записку:

«Основной принцип управления, по духу всех решений РКП и центральных советских учреждений,

— определенное лицо целиком отвечает за ведение определенной работы.

Я веду (столько-то времени), я отвечаю. Мне мешает лицо X, не будучи ответственным, не будучи заведующим.

Это — склока. Это хаос. Это вмешательство *непригодного* к ответственной работе лица. Требую его *удаления*»¹.

Так как записочка эта выражает очень ярко в свойственной Владимиру Ильичу сжатой, определенной форме его убеждение в необходимости единоличной ответственности при ведении всякого дела, то она сохраняет свой интерес и в других условиях и в другое время, и поэтому я привожу ее здесь. В описанном же случае поддержка эта сильно подняла во мне энергию в борьбе за необходимое для меня условие работы, и мне удалось добиться тогда благоприятного результата.

Ульянова-Елизарова А. И.
*О В. И. Ленине и семье Ульяновых:
Воспоминания, очерки, письма, статьи.*
М., 1988. С. 183—186

В. И. ЛЕНИН И САМАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ²

Из многих воспоминаний, которые встают в памяти в связи с шестой годовщиной со дня смерти Ильича, мне хочется закрепить сейчас одно небольшое, вызванное тремя маленькими бумажками, попавшими в мои руки.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 23—24.

² Статья была опубликована в «Правде» 21 января 1930 г. Ред.

Бумажки эти представляют собою телефонограмму Владимира Ильича тт. Енукидзе и Каменеву и расписку крестьян деревни Алакаевки. Документы относятся к марту 1922 года — года голода на Поволжье.

Тов. Енукидзе и т. Каменеву.

9 марта 1922 года ¹

«Прошу оказать содействие по покупке и получению хлеба для деревни Самарской губернии Алакаевки представителю ее крестьянину Сергею Фролову ², а также и по снабжению деревни семенами на яровой посев. Так как я был с этой деревней знаком лично, то считал бы политически полезным, чтобы крестьяне не уехали без какой-либо помощи наверняка.

Прошу постараться устроить это и сообщить мне, что удалось сделать.

Ленин»

1922 г., марта 10.

«Мы, нижеподписавшиеся, уполномоченные Самарской губернии и уезда, Асанин и Филиппов, получили от ЦК Помгол сто пудов продовольствия для деревни Алакаевки, за каковое от имени голодающих крестьян передаем центральному рабоче-крестьянскому правительству нашу сердечную благодарность.

Мы, уполномоченные, возвратясь домой, в Самарскую губернию, удостоверим пославших нас крестьян, что в центре действительно проявляется сугубая забота к преодолению великого голодного бедствия и что наш великий вождь т. Ленин принял близко к сердцу все нужды пострадавшего крестьянства.

В чем и подписуемся уполномоченные:

*Асанин
Филиппов».*

Относительно жизни в деревне Алакаевке всей нашей семьи я собираюсь написать подробнее, теперь же скажу только, что жили в этой деревне каждое лето все мы и Владимир Ильич — с 1889 по 1893 год, то есть почти 40 лет назад. Встречи некоторых членов нашей семьи с крестьянами этой деревни происходили изредка в последующие годы, а после революции они поставили по своей инициативе и на свои средства школу имени Ленина на месте того хутора, где он жил, и исходатайствовали назвать деревню Ленинкой.

Крестьяне этой деревни по своей инициативе в 1919 году отправили в адрес правительства два вагона хлеба.

Я была в этой деревеньке минувшим летом. Память об Ильиче жива среди крестьян. Школа функционирует, но ежегодно им приходится затрачивать рублей 150—175 на ремонт ее. Следовало бы

¹ В Полном собрании сочинений В. И. Ленина (Т. 54. С. 108—109) письмо датировано 9 января 1922 г. *Ред.*

² В источнике, по-видимому, опечатка; в Москву приезжал Кузьма Фролов, сын Сергея. *Ред.*

соорудить более прочное здание, помочь снабжением книгами как школы, так и избы-читальни, взять шефство над деревней Ленинкой.

С осени в Ленинке организован колхоз с обобществлением всего живого и мертвого инвентаря. Поля еще раньше обрабатывались тракторами, привезенными туда в 1927 году, о чем имеется письмо крестьян в Музее Революции.

Необходимо дальнейшее содействие, чтобы затерянная в самарских степях деревенька имени Ильича встала прочнее на путь социалистического преобразования.

Ульянова-Елизарова А. И.
*О В. И. Ленине и семье Ульяновых:
Воспоминания, очерки, письма, статьи.*
М., 1988. С. 187—188

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ССЫЛКЕ (1897 г.)¹

Вследствие разрешения, выхлопотанного матерью, Владимир Ильич поехал в ссылку на свой счет. Это разрешение дало ему возможность не возвращаться в тюрьму после трех дней, на которые он и его товарищи по делу были выпущены для прощания с родными². (Все товарищи его, отправляемые по этапу, были вновь заарестованы и отправлены в ожидании назначения этапа в пересыльную тюрьму.) Таким образом, Владимир Ильич не только проехал свободно по железной дороге до Красноярска, с остановкой на два (фактически на четыре) дня в Москве, но прожил на свободе в Красноярске почти два месяца. Между тем партия просидела в пересыльной тюрьме в Петербурге с 17 по 20 февраля, в Москве с 21 февраля до 25 марта и в Красноярске с 4 апреля до 5 мая.

В том же номере «Пролетарской революции» за 1924 г. я рассказывала, что Владимир Ильич решил было, чтобы не иметь преимущественного положения перед товарищами и не расставаться с ними, присоединиться к партии в Москве, то есть заарестоваться там и ехать дальше вместе с этапом. Для этого он убедил мать подать прошение в департамент полиции о разрешении ему присоединиться к партии в Москве и ехать до Красноярска на казенный счет, с тем чтобы «дальше, до места ссылки, двигаться опять на свой счет». В № 3-м «Записок Института Ленина» т. Тихомирнов приводит это прошение моей матери от 18 февраля 1897 г., то есть на следующий же день по приезде нашем в Москву.

Помню, что мать подавала его очень против воли: долгое тюремное заключение брата и без того сильно измучило ее тревогой

¹ Предисловие к публикации писем В. И. Ленина в журнале «Пролетарская революция» № 2—3, 1929 г. Здесь и далее цитаты из писем В. И. Ленина сохранены в том виде, как их приводила А. И. Ульянова-Елизарова. *Ред.*

² См. мою статью «Владимир Ильич в тюрьме». — Пролетарская революция, № 3, 1924. А. Е.

за его здоровье и силы. Естественно, что она боялась для него всякого, хотя и очень кратковременного, возврата в те условия. Кроме того, она чувствовала себя очень неловко, принужденная после усиленных хлопот о разрешении сыну ехать на свой счет просить о противоположном. Как видно из прошения от 18 февраля, она указывает и на состояние здоровья, не позволяющего ей ехать теперь с сыном, как она рассчитывала, и на непредвиденные денежные затруднения, — но все это было, конечно, и не могло не быть, сшито белыми нитками. Вследствие того что срок разрешенного пребывания в Москве истекал на следующий же день по нашем приезде в Москву, 19 февраля, была подана матерью телеграмма в департамент полиции с просьбой разрешить Вл. Ил. по случаю болезни матери остаться при ней еще неделю. Но все эти усиленные ходатайства попали в департамент полиции, как указано в примечании т. Тихомирнова в 3-м № «Записок», в неприсутственные дни масленицы и пролежали без движения до начала занятий. Мы ежедневно ждали ответа из Петербурга, но такового не было.

Между тем два разрешенных дня прошли, и Владимир Ильич отправился в московскую охранку, чтобы узнать, не было ли ответа из департамента полиции туда, а также когда будет отправлена партия из Москвы в Красноярск и когда он сможет присоединиться к ней. Но в охранке на дело посмотрели не так просто. Там Владимиру Ильичу заявили, что срок его пребывания в Москве истек и что он должен выезжать тотчас же к месту ссылки; ждать ответа на прошение и телеграмму не хотели ни в каком случае. Если же он хочет двигаться дальше этапом, то подлежит немедленному заарестованию и отправке в пересыльную тюрьму. Поставленный перед такой дилеммой, Владимир Ильич дал подписку о выезде на следующий же день, так как не желал рисковать, садясь на неопределенное время в тюрьму в ожидании прибытия партии и отправки этапа. Вместе с Влад. Ильичем зашел тогда в охранное отделение и мой муж, Марк Тимофеевич Елизаров. Помню, что вопрос в охранке о подписке, о выезде или о немедленном заарестовании был поставлен так остро, что и В. И., и М. Т. были очень довольны, что зашли вместе, ибо иначе все мы, домашние, не знали бы, куда делся Владимир Ильич и что случилось с ним, а это вызвало бы громадную тревогу для матери.

Таким образом, на следующий после визита в охранку день, 22 февраля, Владимир Ильич почтовым поездом на Тулу, в 2 с чем-то часа дня, двинулся из Москвы. Марк Тимофеевич Елизаров служил тогда на Московско-Курской жел. дороге и имел бесплатные билеты на себя, мать и жену. Через кого-то из сослуживцев он достал билет и для сестры, Марии Ильиничны, и, таким образом, мы почти всей семьей, за исключением брата, Дмитрия Ильича, поехали провожать Владимира Ильича до Тулы.

О совместном пути с ним из Петербурга до Москвы и затем до Тулы, о его кратком пребывании в Москве у меня ничего яркого не осталось в памяти. Время шло в обычной преддорожной суете, в сборах Владимира Ильича в дальний путь. Близких знакомых

у Владимира Ильича в Москве в то время не было, наши избегали заходить в те дни. Но и Владимира Ильича я видела в Москве мало. Озабоченный тем, что нужных ему материалов для его работы — «Развитие капитализма в России» — он в Сибири не получит, В. И. старался не пропустить того, что может получить в Москве: для этого он ходил ежедневно в Румянцевскую библиотеку и делал там выписки.

Мне думается, что отчасти он поступал так и по другим соображениям или, может быть, вернее, ощущениям: привыкши за последние месяцы к правильным, размеренным занятиям, которые, несомненно, до большей степени сохранили его уравновешенность в тюремных условиях, он не захотел отходить от них круто, погружаться сразу в нервное ничегонеделанье, глотать сразу слишком много впечатлений после невольной тишины и однообразия Дома предварительного заключения. Может быть, и совершенно инстинктивно поступал он так, погружаясь на несколько часов в день в тишину и уединенность библиотечного зала. При всей своей выдержке он должен был чувствовать, как и все, после долгого тюремного заключения, что нервы взбудоражены, шалят, что не надо загружать их без необходимости обилием новых впечатлений. Я помню некоторые проявления нервности с его стороны в эти несколько дней пребывания его в Москве, он и сам упоминает о них в своем письме с дороги от 2 марта 1897 г.¹, стремясь, очевидно, успокоить мать относительно своего самочувствия. И правильно, конечно, поступал он так. И хотя ему и жаль было, что не удалось поехать до Красноярска вместе с товарищами, но я думаю, что так вышло лучше для него, кроме всего прочего, и в смысле приспособления к условиям жизни на свободе. Ведь известно, как нервна бывала всегда публика, только что вышедшая из одиночек, оказавшаяся в общем помещении. Он так и писал матери из ссылки, что находит лучшим приезжать иногда повидаться с товарищами, побывать в городе, чем сидеть в нем постоянно. И это дало ему необходимый для его работы покой...

Люди, не захваченные так работой, не обладающие такой работоспособностью, а тем более люди, незнакомые с тюрьмой и с ее сложными переживаниями, не могут обыкновенно понять этого. Алексей Иванович Яковлев, с раннего детства бывавший постоянно в нашей семье, а в те годы студент 1-го или 2-го курса, говорит в своих воспоминаниях, что его особенно поразило, что, зайдя к нам в дни пребывания у нас Владимира Ильича, он не застал его дома, что уже потом вернулся он из Румянцевской библиотеки. Яковлев говорит, что был страшно удивлен, как это человек, только что отсидевший больше года в одиночной тюрьме, отпущенный на пару дней в семью перед трехлетней ссылкой, мог находить время, чтобы просиживать часами в библиотеке за выписками.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 22—24.

То, что Владимир Ильич был в нервном возбуждении, отметил и д-р Крутовский¹, ехавший с Вл. Ильичем в одном поезде от Москвы до Красноярска. Как у человека очень энергичного, это проявлялось у него в настойчивости, с которой он требовал прицепки лишнего вагона к перегруженному поезду. По словам Крутовского, он воевал за это на каждой большой остановке от Тулы до Самары. И к удивлению рассказчика, добился своего.

Итак, мы расстались с Владимиром Ильичем 22 февраля 1897 г. в Туле. Он обещал писать домой часто и, действительно, писал нам чаще, чем в другие периоды своей жизни. Это объясняется как тем, что незанятость и одиночество ссылки больше располагают к письмам и дают больше досуга для этого, так и тем, что Владимир Ильич хотел частыми известиями хотя бы до некоторой степени успокаивать мать, очень тяжело переживавшую его заключение и с большой грустью отпускавшую его в далекую ссылку. По своему характеру — быть с тем из своих детей, обстоятельства для которого складывались хуже, — она непременно хотела поехать к Владимиру Ильичу весной, когда выяснится, куда его назначат, чтобы провести вместе с ним лето. С нею собиралась ехать и Мария Ильинична. Ильич всячески отговаривал мать от этого плана, и во всяком случае решено было, что она дождетя подробного описания им дороги и условий жизни в назначенном ему пункте. Владимир Ильич поощрял больше план съездить нам обеим с мамой на лето в Швейцарию, куда убеждал сестру Марию Ильиничну ехать еще раньше, бросив гимназию, плохо отражавшуюся на ее здоровье. Этот план в конце концов и осуществился.

Во многих из писем, приводимых нами здесь, Владимир Ильич опять и опять указывает и на неудобства поездки матери в место его ссылки, и на дороговизну пути и в одном из писем прямо говорит, что ехать ей туда «не резон»². Ильич ехал в Красноярск без заездов и остановок; заявление Маслова в его воспоминаниях о том, что В. И. останавливался якобы в Самаре, неверно³.

Д-р Крутовский говорит в своих воспоминаниях, что рекомендовал Владимиру Ильичу квартиру и пансион у Поповой, на Больше-Каченской улице. Он там и поселился, и этот адрес дал нам. Там он и жил до отъезда своего из Красноярска, до начала мая. По словам Крутовского, это был пансион, где останавливались обычно приезжие ссыльные. Через них перезнакомился В. И. со всеми ссыльными, находившимися в то время в Красноярске (см. письмо его от 12 октября 1897 г., где он перечисляет их)⁴. Крутовский же дал ему письмо к купцу Юдину с просьбой разрешить Владимиру Ильичу пользоваться принадлежащей ему библиотекой, и Владимир Ильич стал регулярно путешествовать ежедневно в эту библиоте-

¹ См. его воспоминания в № 1 за 1929 г. «Пролетарской революции». А. Е.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 34.

³ Это доказывает на основании документов и т. Тихомирнов в № 3 «Записок».

А. Е.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 54—56.

ку — за две или за три версты от города, — собирая там весь имеющийся для его работы материал — не так много, как можно было бы ожидать от такого большого книгохранилища ¹, — писал он нам тогда, — но все же использовал все, что было можно. И он вел правильную жизнь, занимаясь каждое утро, делая ежедневно большие прогулки, о которых писал домой: много шляюсь, много сплю, все как быть следует ².

Все его письма носят очень бодрый характер. Он хотел, конечно, успокоить мать, но и вообще он умел поддерживать в себе бодрое, работоспособное настроение. Кроме того, он любил всегда природу, длинные прогулки и писал нам о хороших весенних деньках, о недурных окрестностях Красноярск. По вечерам, для отдыха, он видался с другими ссыльными; в письме от 15 марта ³ он писал, что познакомился с тамошними обитателями — «большей частью невольными», но он избегал, очевидно, как это и вообще было ему свойственно, долгого засиживания на народе, долгих разговоров. Публика была там больше народовольческая. Многие побывали на каторге. Новые тогда и для России социал-демократические взгляды вызывали среди ссыльной публики очень большие и страстные дебаты. Владимир Ильич, естественно, старался избегать их, зная, что стариков не переубедишь, а нервы у них измотанные.

Несколько позже Владимира Ильича приехала в Красноярск сестра Г. М. Кржижановского, Антонина Максимилиановна ⁴. Окончив фельдшерские курсы, она взяла место на вновь открывшийся в Красноярске переселенческий пункт. Она и была той Schwester, на адрес которой Владимир Ильич просил нас отправлять посылки и деньги ⁵. Прямо Ильичу отправлять книги было бы рискованно, так как, адресованные ссыльному, они подвергались бы более строгому просмотру, а пересылаемые деньги полиция обыкновенно удерживала из выдаваемого ссыльным пособия.

Антонина Максимилиановна рассказывает, что, приехав в Красноярск, она отправилась прямо с поезда к чиновнику по переселенческим делам, к которому должна была явиться. Тот сказал ей, что переселенческий пункт находится за три версты от города и что туда ей придется отправиться уже на следующее утро, а теперь надо подыскать себе квартиру. Молодая неопытная девушка, какой она была тогда, А. М. почувствовала себя очень беспомощной на улицах незнакомого города, над которым начали уже сгущаться сумерки. Куда идти? К кому обратиться? И вдруг она сталкивается с Владимиром Ильичем. Чрезвычайно обрадованная, бросается она к нему и

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 26.

² См. там же. С. 28.

³ См. там же. С. 25—26.

⁴ Антонина Максимилиановна последовала в ссылку за своим женихом В. В. Старковым. 30 июля 1897 г. состоялась их свадьба в селе Тесинском. В письме к родным В. И. Ленин писал: «Зовут меня в шафера» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 47). Владимир Ильич ездил на свадьбу. *Ред.*

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 27.

начинает излагать ему свои затруднения, совершенно забыв ту невольную робость, которую чувствовала к нему. Он казался ей тогда недостижимым авторитетом, и она сама удивилась потом той смелости, с которой бросилась к нему, единственно знакомому ей в этом чужом городе человеку. Подумав немного, Владимир Ильич сказал: «Хорошо, я отведу вас сейчас». И он отвел ее в квартиру на Мало-Каченской улице, в которой жило несколько человек учащейся молодежи и где она почувствовала себя сразу уютно и среди своих. Молодежь эта, кроме учебных занятий, читала «Капитал» Маркса и обсуждала прочитанное. Заходя в эту квартиру, Владимир Ильич принимал участие в их беседах.

Таким образом, Владимир Ильич находил себе занятие и на вечера и охотно вел разговоры, которые помогали выяснению взглядов и помогали росту молодой, желающей работать публики.

С нетерпением, как видно из писем, ждал Владимир Ильич прибытия партии товарищей по делу, шедших по этапу. Он запрашивал, чем вызывается задержка ее, просил меня сообщить, удастся ли передавать книги, съестное, письма (см. письмо от 15 марта)¹. Хотя Владимир Ильич подал прошение иркутскому генерал-губернатору при проезде его через Красноярск о разрешении ему дожидаться назначения места ссылки в Красноярске, чтобы не делать лишнего пути до Иркутска, если ходатайство его о назначении Минусинского округа будет уважено, но писал, что ничего нет невозможного, что местное начальство направит и его в Иркутск, как отправил Ляховского (по этому же делу). В следующем из сохранившихся писем (от 26 марта)² он сообщает уже о получении телеграмм как из дому, так и об отправке партии (25 марта); последней был рад «несказанно и сломя голову полетел к Schwester'у делиться радостью. Теперь мы считаем дни и «едем» с почтовым поездом, вышедшим из Москвы 25-го». Владимир Ильич рассказывал по возвращении из Сибири о том, как они с А. М. вышли навстречу поезду с партией и как жандармы стали отгонять их от вагонов. Удалось обменяться только краткими приветствиями с прибывшими: жандармы решительно погнали обоих прочь.

Наконец Владимир Ильич получил извещение (сначала частным образом, от Ляховского) о назначении его в Минусинский округ³, а затем и о пункте — селе Шушенском⁴, или, как Ильич называл его шутливо, «Шу-шу-шу». Отправился он туда пароходом вместе с Кржижановским, его матерью и Старковым в конце апреля, но до с. Шушенского пароход не дошел, часть дороги пришлось делать на лошадях.

В июле, в письме, посланном В. Ильичем сестре М. И. в Швейцарию⁵, он, оправдываясь от ее упрека в ужасном негостеприимстве⁶, описывает ей свою Шу-шу-шу. Он дает ей яркую картинку

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 25—26.

² См. там же. С. 27—28.

³ См. там же. С. 29.

⁴ См. там же. С. 30.

⁵ См. там же. С. 47—49.

⁶ См. там же. С. 35, 37.

большого грязного и пыльного села в центральной полосе Сибири, окруженного кучами навоза, через которые обязательно нужно перебираться, в какую бы сторону ни выходил из села. Юмор этого описания, указывая на присущую автору бодрость, в то же время отмечает свойственное ему, всем его письмам из ссылки стремление успокоить, утешить мать, постараться примирить ее с его положением изгнанника. И в то же время описание села дается настолько реальное, что мы видим его как будто бы перед глазами, с его Саяновыми горами на горизонте, сравниваемыми с Монбланом над Женовой, с жидким леском, не дающим даже тени, с купаньем в постепенно мелеющих притоках Енисея, с тучами вьющихся надо всем этим комаров, от которых необходимо занавешиваться густо смазанными детем сетками.

И все же В. И., как он пишет той же сестре, благодаря ее за присылку какого-то материала, «больше шляется пока, чем занимается»¹, откладывая занятия до осеннего и зимнего времени. Очевидно, он сам чувствовал, что долгое сидение в тюрьме и долгие занятия требуют основательного отдыха и основательного восстановления сил. Занятия охотой тоже встают на первый план. Он откликается на предложение Марка Тимофеевича доставить ему охотничью собаку², он пишет о пребывании у него Г. М. Кржижановского, которому разрешено было приехать погостить в Шушенское на десять дней во время рождественских праздников. В. И. писал, что для него ожидаемый приезд Кржижановского будет большим удовольствием. А затем он описывает совместную охоту, прогулки³. Страстным охотником, таким, как два другие мои брата, В. И. не был никогда. Он сам писал (см. письмо № 6): «Если Сибири удастся сделать из меня охотника...»⁴

Все время все письма пронизывает забота о книгах, о пособиях. Сестру Марию Ильиничну он просит делать ему некоторые выписки в Румянцевской библиотеке, она же делает для него «экстракты» из писем — очевидно, интересующих его писем к нам, а знакомым из его писем домой⁵. Так, он запрашивал М. Т., получил ли «чикагинец» (В. А. Ионов)⁶ пересланное ему Маняшей (М. И. Ульяновой) письмо его еще из Красноярска⁷. Брата, Дмитрия Ильича, просит подписаться для него в какую-нибудь научную московскую библиотеку, например университетскую. Не знаю, из какой библиотеки, но, как видно из писем, Д. И. посылал ему некоторые подлежащие возврату книги⁸. Это продолжалось

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 37.

² См. там же. С. 57—65.

³ См. там же. С. 59, 64, 66—67.

⁴ См. там же. С. 32.

⁵ См. там же. С. 27.

⁶ В. А. Ионов — в конце 80-х годов народоволец, позднее социал-демократ. Был знаком с В. И. Лениным по Самаре, статистик, корректировал статистические таблицы в книге Ленина «Развитие капитализма в России». *Ред.*

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 51.

⁸ См. там же. С. 42, 54.

недолго, ибо 7 ноября брат Дмитрий был арестован. Мне он поручает добывать некоторые книги из Петербурга через «директора» (Ст. Ив. Радченко), — поискать у букинистов¹ или договориться с «писателем» (Струве) о том, чтобы часть гонорара за посылаемые В. И. статьи он употреблял на вновь выходящие книги, ибо только тогда, писал он, можно иметь достаточно своевременно новинки для работы, для рецензий²... Просит он также всякие сочинения для переводов, которые собирался сам распределять среди «туруханцев, минусинцев и т. д.» (имея в виду Мартова, Кржижановского, Старкова, Федосеева и др. товарищей)... Постоянно возвращается к посылке ему его книг малой скоростью и очень беспокоится о них; просит выписать ему журналы, газеты; из-за границы просит посылать всякие «проявления» литературы; для начала хотя проспекты и каталоги: выражает желание приобрести оригиналы классиков по политической экономии и философии³.

Очень интересовался начавшим выходить в 1897 г. под редакцией Струве марксистским журналом. В письме от 18 мая В. И. спрашивает меня, не знаю ли я что-нибудь о «распре» с редакцией золотопромышленника и К⁰⁴. Это означает несогласие, возникшее между редакцией «Нового слова» со Струве во главе и редакцией «Самарского вестника» — Масловым и К⁰. Несогласие это, описанное в воспоминаниях Маслова, возникло по поводу мартовской книжки «Нового слова», первой под редакцией Струве и Туган-Барановского. Самаровестниковцы обвиняли «Новое слово» в сочувственном отношении к буржуазии, к либералам. Владимир Ильич и Федосеев встали тогда на сторону «Нового слова», в защиту которого писали Маслову и К⁰. Об одном из писем Влад. Ильича к нему Маслов говорит, что оно было написано в боевом тоне и кончалось словами: «Если вы хотите войны, то пусть будет война». Переписка эта, по словам того же Маслова, продолжалась до зимы 1897 г., до закрытия «Нового слова». Подробно говорить здесь об этом не место, но я также помню очень хорошо, что Владимир Ильич был тогда всецело на стороне «Нового слова», книжку которого (очевидно, мартовскую) «читал с громадным удовольствием» (см. письмо от 5 апреля)⁵.

Относительно своей «Шуши» Владимир Ильич неоднократно писал матери, что он ею доволен, что «Тесь», куда одно время мать — имея в виду общество товарищей, семейный дом Кржижановских — желала, чтобы он перевелся, и в смысле природы, и в других отношениях хуже Шушенского. В письме от 12 октября Ильич рассказывает о своей поездке в Минусинск: изредка ссылным разрешалось поехать в город за покупками, полечиться. «Два

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 28.

² См. там же. С. 32—33.

³ См. там же. С. 33, 41, 44.

⁴ См. там же. С. 36.

⁵ См. там же. С. 30.

дня, проведенные в Минусинске, прошли в беготне по лавкам, в посещении знакомых». И он перечисляет политиков, которые жили в то время в Минусинске и которых было довольно много — большинство народовольцы. «Повидал их почти всех,— пишет он дальше,— наиболее близкий мне Райчин,— товарищ по направлению. Думаю, что в зиму удастся еще раз съездить. Такие временные наезды, пожалуй, даже лучше, чем жизнь в Минусинске, который меня не тянет. Я вполне освоился с Шушей, с зимовкой здесь, о переводе не хлопочу и тебе не советую хлопотать»¹.

Переписка конца 1897 г. была омрачена новой бедой в нашей семье — арестом брата Дмитрия. В. И. не раз высказывает в письмах, что, наверно, Митю скоро выпустят, что ведь не за что держать его долго². И это не только для успокоения матери. Действительно, была группа молодежи, читавшая Маркса и только приступавшая к занятиям с рабочими, но зубатовские ищейки поспешили создать дело, и хотя закончилось все высылкой из Москвы в разные пункты, но продержали студентов девять месяцев, при гораздо худших условиях заключения, чем в Петербурге,— при полном запрете передач съестного, при страшно скупом и произвольном разрешении книг, при двух только, да и то за решеткой, свиданиях в месяц. Мать мою, не отдохнувшую еще от предыдущего несчастья, заключение брата Дмитрия измучило особенно, так как здоровый и жизнерадостный юноша страшно томился от отсутствия воздуха и движения, и мать, перед глазами которой стоял все время пример сошедшего безнадежно с ума Запорожца в московской тюрьме, трепетала за такую же участь для брата.

Насчет книг В. И. успокоился: он получил привезенные мною, по его заказу, книги из-за границы, он получил много и русских книг, в том числе взятых Дмитрием Ильичем в научных московских библиотеках, и он писал (см. письмо от 10 декабря), что «теперь мне книги не спешны»³, так что нам в тот год удалось удовлетворить даже его жажду в книгах. Получая русские и иностранные библиографические листки, он следил за всей выходящей литературой и советовал мне взяться за перевод книги Labriola с итальянского. «Оригинал — итальянский, и Каменский в «Новом Слове» говорит, что перевод французский не везде и не вполне хорош»⁴. Но перевод этот был уже заказан — кажется, «писателем», то есть Струве, с французского и мне переводить его не пришлось.

Во время моей летней поездки за границу я познакомилась с членами группы «Осв. труда», отвезла им привет от Владимира Ильича. Они с большим интересом расспрашивали о нем и просили

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 55.

² См. там же. С. 59.

³ См. там же. С. 60.

⁴ См. там же. С. 59.

передать ему, что никто в России не пишет так хорошо для рабочих, как он. Я сообщила это ему, конечно, в конспиративном — молоком с водою или химией написанном письме в книге, в номере журнала или в каталоге, как писала ему из-за границы. По поводу этого отзыва Владимир Ильич написал мне таким же способом, что одобрительный отзыв «стариков», то есть Плеханова и Аксельрода, о его писаниях для рабочих для него ценнее всего, что он мог бы себе представить.

Эти слова Вл. Ильича в его письме от 16 августа к П. Б. Аксельроду¹ доказывают, какое большое уважение питал в то время Вл. Ил. к обоим основателям группы «Освобождения труда». Вернувшись из-за границы в 1895 г., он много рассказывал мне о них, советовал съездить также познакомиться. В начинавшихся разногласиях с «Раб. делом» В. И. встал тотчас же на сторону Плеханова и Аксельрода вполне и всецело. В особенно мягких тонах говорил он об Аксельроде, сказав даже, что тот напомнил ему покойного отца. «Отношение Плеханова было также вполне хорошее», говорил он мне, но с ним чувствовался все же некоторый холодок, а с П. Б. совсем простые, дружеские отношения установились. И В. И. рассказывал мне о прогулках за город, о беседах с видимым удовольствием и большой теплотой... Как видно из переписанного мною письма Ильича, речь шла о том, чтобы он посылал писания для рабочих за границу, группе «Освобождение труда» для напечатания, и обсуждался вопрос, каким образом наладить это. В. И. писал, что знает только один способ — химией, но что трудно найти переписчика. Аксельрод считал этот способ чересчур кропотливым и предлагал другой, какой я уже не помню, но, очевидно, он не был принят ни мной, ни Ильичем, ибо регулярной отправки писаний, как предполагал Аксельрод, не последовало, а некоторые работы, как «Задачи русских с.-д.», вышедшие за границу, были переправлены, тщательно заделанные в переплетах, с верными оказиями и, помнится, почтой на верные адреса. Даже личная переписка с Аксельродом ни у Ильича, ни у меня регулярно не установилась.

Вообще Аксельрод был очень неаккуратен и рассеян в отношении переписки, и я недаром опасалась, что как он, так и особенно лицо, которое он найдет для переписки с химических писем, не сумеет соблюсти ту чрезвычайную конспиративность, которая одна только давала возможность В. И-чу писать свои работы даже в тюремных условиях. За время же пребывания его в Сибири мы постоянно вели переписку химией; я послала ему таким образом «Кредо», он «Антикредо»² и еще что-то, что я переправляла за границу для издания, но точно, что именно, не помню.

Все более интересное, не только партийное или нелегальное, я,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 12—13.

² Ленин В. И. Протест российских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 163—176. Ред.

ездившая время от времени в Петербург, выдавшая людей, приезжавших оттуда, из других городов, из-за границы, описывала Ильичу на наших «weiss auf weiss»¹ на листках каталогов, ненужных книг, последних страничках журналов, иногда даже неразрезанных, чтобы еще больше отдалить подозрение в возможности каких-либо шифрованных сообщений. Ни разу за все три года ссылки Ильича ни одно из таких писем не пропало, не обратило на себя внимания. Никто, кроме самых близких людей, не знал, каким способом идет переписка. Все имена, кроме того, шифровались. Помню, что я описывала стачки Московской и близлежащих губерний. Рабочие поднимались тогда по провинциям еще туго — каждая стачка была событием. Многие залегли в памяти. Так, на одной небольшой текстильной фабрике рабочие возмутились плутнями хозяина, тем, что он пускал в ход при перемерке сдельной работы аршин в 17 вершков, и торжественно обрезали его. Большой подъем вызвала у меня стачка и в Гусе-Хрустальном. Помню, что я писала по поводу нее: «Шевелится вся мужицкая Русь» — и что Ильич с особенным удовольствием откликнулся на это письмо.

*Пролетарская революция. 1929. № 2—3.
С. 191—202*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ССЫЛКЕ (1898 г.)²

Второй год ссылки Владимира Ильича — 1898 год — ознаменован главным образом переменой в его судьбе: приездом в село Шушенское Н. К. Крупской и его женитьбой на ней. Проект Надежды Константиновны о замене Уфимской губ. Сибирью возник, собственно, еще в 1897 г., но стал приобретать плоть и кровь и осуществился в 1898 г. Сначала были даже розовые надежды, что три года Уфимской губ. заменят двумя годами Сибири и, следовательно, Надежда Константиновна окончит свою ссылку одновременно с Владимиром Ильичем, но, как известно, надежды эти не сбылись, и Надежда Константиновна отбывала последний год ссылки одна в Уфе. Но заменить Уфимскую губернию селом Шушенским ей согласились. Надежда Константиновна приехала в Шушенское с матерью³ в начале мая.

Возникли новые заботы: уже в письме от 24 января 1898 г. Владимир Ильич пишет нам, что подготавливает помещение для Надежды Константиновны и ее матери — соседнюю комнату у тех

¹ «Белым на белом», то есть молоком или химией на бумаге. А. Е.

² Предисловие к первой части публикации писем Ленина из ссылки за 1898 г. в журнале «Пролетарская революция» № 4 (87), 1929 г. *Ред.*

³ Елизаветой Васильевной Крупской. *Ред.*

же хозяев. При этом он рассказывает о забавной конкуренции, которая выходит в него на эту комнату с местным попом¹. Затем выступает отчетливее и забота о заработке. Он пишет мне: «У меня теперь в голове все планы об издании своих статей особой книгой»². Речь идет о статьях о Сисмонди и о кустарях, вышедших, как известно, отдельной книгой в 1898 г. под заглавием «Экономические этюды и статьи» (псевдоним — Владимир Ильин)³. Он прямо пишет, что заработок нужен, и, обсуждая вопрос, кому взять на себя издательство, говорит, что в Петербурге не на кого положиться, и выдвигает проект попробовать издать самим, с тем чтобы Марк Тимофеевич взял на себя хлопоты по закупке бумаги, договору с типографией и т. п., а Маняша (Мария Ильинична) — корректуру. Этот проект, с которым Владимир Ильич очень спешил, тянется весь февраль. Владимир Ильич пишет Марку Тимофеевичу (14 февраля), что хотя Надежда Константиновна сообщает ему о предложении «писателя» (П. Б. Струве) «поискать» издателя в Петербурге, но что он ответил ей, чтобы она взяла рукописи от писателя и переслала Марку Тимофеевичу, «потому что «искать» ведь можно много лет»⁴. А в письме от 18 февраля сообщает уже Марку Тимофеевичу, что высылает в тот же день исправленную статью о Сисмонди бандеролью на его имя, и снова просит приступить к печатанию тотчас же, чтобы к пасхе кончить и представить в цензуру, ибо «сбыт книги сильно замедлится, если она выйдет только в мае». После различных подобных указаний относительно издательства он пишет: «Если Вам все еще не прислали рукописей из Петербурга, то напишите экстренное письмо Надежде Константиновне о немедленной высылке, — и приступайте к печатанию посылаемого мною сегодня»⁵.

Но уже в письме от 1 марта план этот отменяется. Владимир Ильич получил известие от Струве, что в Москве цензурные условия невозможны, что книгу Булгакова «О рынках» держат в цензуре год. «Если это так, — пишет Владимир Ильич, — то и думать, конечно, о Москве нечего». И Владимир Ильич решает передать издание в Петербург, мирясь с тем, чтобы оно было отложено даже до осени, как предлагает это Струве. И он пишет, что известие это сбило его с панталыку и он уже ничего сам не предлагает⁶. Вместе с тем он просит мать прислать ему с Надеждой Константиновной побольше финансов, так как могут предстоять изрядные расходы, особенно если придется обзаводиться своим хозяйством, и сообщает, что к осени, вероятно, получит за перевод (Вебба «Теория и практика профессиональных союзов»⁷) достаточно на покрытие долгов.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 69.

² Там же. С. 70.

³ Там же. Т. 2. С. 119—262.

⁴ Там же. Т. 55. С. 77.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ См. там же. С. 82—83.

⁷ Речь идет о книге С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 482). *Ред.*

«Я полагаю, больше пятисот рублей»¹, — сообщает он по-английски, очевидно, чтобы скрыть эту сумму от могущих прочесть письмо. В том же письме он просит меня прислать ему разные пособия по английскому языку для этого перевода, так как сильно боится, чтобы не наделать ошибок. Кроме того, сообщает, что «получил вчера немецкий перевод Вебба», который очень помогает ему при переводе и без которого он бы не справился (письмо от 14 марта)². Этим переводом задерживалось писание Владимиром Ильичем книги «Развитие капитализма в России». «Моя работа встала совсем: я занят переводом и провожусь с ним изрядно» (письмо от 28 марта)³.

В письме от 15 июля он сообщает, что они вдвоем с Надеждой Константиновной переписывают набело Вебба и к 10 августа должны по условию сдать его на почту. «Надоела мне эта переписка (около 1000 писчих страниц на обоих нас) порядком. Но перевод был интересный, ибо книга весьма и весьма дельная»⁴. 9 августа Надежда Константиновна пишет: «Сегодня Володя кончил свои «рынки», теперь ему остается только сократить их, и в шляпе дело»⁵. А 16 августа Владимир Ильич сообщает: «Сегодня посылаю в СПб. перевод Вебба»⁶. Затяжка с выходом сборника вызывает уже опасение, не ухнул ли он.

Наконец сборник вышел и был получен Владимиром Ильичем в начале ноября. Надежда Константиновна рассказывает (см. письмо от 22 ноября): «Ждали мы... ждали, потом поставили крест... Наконец в одно серенькое утро — видим лезет через забор мальчишка из волости с каким-то громадным тюком: оказались бесконечные «этюды», завернутые в волостной тулуп...»⁷

Владимир Ильич выражает удовольствие, что издание «Этюд» перешло к Водовозовой, и сообщает, что намерен воспользоваться ее предложением издать и «Развитие капитализма в России». Просит меня переговорить с ней насчет финансовых условий. «Могу смело взять на себя обязательство доставить в Москву последнюю главу к 15 февраля»⁸. 28 ноября Владимир Ильич пишет: «Кончил половину своей книги и убедился, что вся будет скорее короче, чем длиннее предположенного»⁹. 12 декабря были посланы Владимиром Ильичем 3-я и 4-я главы книги. 1-я и 2-я были отправлены нами еще раньше.

Вообще весь 1898 год Владимир Ильич работал очень усиленно как над своей книгой, написанной, собственно, в этом году, так и над переводом Вебба, сделанным им в удивительно короткий срок, да

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 55. С. 84.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же. С. 393.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Там же. С. 404.

⁸ Там же. С. 112.

⁹ Там же. С. 114.

еще над такой неблагоприятной работой, как переписка этого перевода. Надежда Константиновна даже жаловалась в письмах к моей матери, что он сидит над работой чересчур напряженно, и радовалась, когда ему удавалось для отдыха проехать в город или на охоту. «Проветриться ему не мешает, последнее время он по уши ушел в свои «рынки» и пишет с утра до вечера» (письмо от 14 октября). Как всегда, Владимир Ильич заботливо относился и к ясности изложения. В том же письме Надежда Константиновна рассказывает, что должна была изображать «беспонятного» читателя¹, то есть особенно придирчиво отмечать, нет ли чего непопулярного, мудреного, неясного,— он и тогда не хотел обращаться к избранным только, хотел быть понятным широким слоям.

Отдыхом для Владимира Ильича служили прогулки, купанья, охота, изредка проезд кого-либо из товарищей или поездка к ним в другое село и в город — в Минусинск или в Красноярск. Так, на рождестве 1897—1898 гг. у него гостил Г. М. Кржижановский, и Владимир Ильич писал (4 января), что «праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и я не заметил, как прошли эти десять дней». Глеб Максимилианович пел, «так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом»². Рождественские праздники 1898—1899 гг. Владимир Ильич с Надеждой Константиновной проводили в Минусинске, откуда он писал матери: «Приехали сюда мы с Надей... и остаемся до 1-го. Проводим время здесь превосходно. Такого отдыха от занятий только и можно было желать. Усердно катаемся мы, между прочим, на коньках, поем и т. д.» (28 декабря)³. Играл там Владимир Ильич и в шахматы. Еще 8 марта он просил нас выслать ему шахматы, говоря: «Напрасно я думал, что Восточная Сибирь — такая дикая страна, в которой шахматы не могут понадобиться»⁴. Стал он вырезать их и из коры, что являлось также отдыхом от занятий. В письме от 22 ноября Надежда Константиновна пишет: Володя режет шахматы по вечерам, когда уже окончательно «упишется»⁵.

В сентябре Владимир Ильич ездил в Красноярск по разрешению «лечить зубы». «Он давно уже подавал прошение, зубы у него совсем прошли, а тут разрешение пришло на недельку отправиться в Красноярск. Сначала Володя было думал не ехать, но потом соблазнился», — пишет Надежда Константиновна 11 ноября⁶. И Владимир Ильич пишет (16 сентября) из Красноярска, что доволен своей поездкой: «Вылечил себе зубы и проветрился несколько после 1¹/₂-годового шушенского сидения. Как ни мало в Красноярске публи-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 400, 401.

² Там же. С. 66—67.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ См. там же. С. 405.

⁶ Письмо написано 11 сентября 1898 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 396). *Ред.*

ки, а все-таки после Шуши приятно людей повидать и поразговаривать не об охоте и не о шушенских «новостях»¹. Оказалось, что и по «зубному делу» Владимир Ильич съездил даром: у него болел совсем не тот зуб, который он рвал, не дождавшись разрешения, в Минусе, а другой, который и вырвал в Красноярске дантист (письмо Надежды Константиновны от 27 сентября)². Ехал Владимир Ильич от Минусинска на пароходе, и, несмотря на то что «набрал с собой», по словам Нади, «уйму книг», дорога, особенно обратная, ему «смертельно надоела». Ездили как-то за 20 верст к Курнатовскому. Приезжал к ним Глеб Максимилианович в ноябре читать первые две главы «рынков».

На охоту Владимир Ильич ходил большею частью с товарищами по ссылке, рабочими Проминским или Энгбергом. Когда в Шушу заявлялся кто-либо из гостей, то они сопутствовали ему. Он стреляет уток, тетерок, куропаток. Мешает отсутствие хорошей охотничьей собаки. За зайцами Владимир Ильич отправлялся иногда зимой на острова Енисея на целый день. И все же, как пишет и Надежда Константиновна, «охотник Владимир Ильич не особенно страстный».

Мать наша собиралась съездить к Владимиру Ильичу на лето и в 1898 г., и он относился к ее поездке в этом году положительно и писал (10 мая): «Очень и очень бы хотелось, чтобы тебе удалось сюда приехать»³. «Если бы можно во 2-ом классе по железной дороге, то я думаю, что не будет чересчур утомительно»⁴. Но поездке этой не удалось совершиться, главным образом из-за тюремного заключения брата Дмитрия Ильича, тянувшегося почти год. До его освобождения, при полной неопределенности его судьбы, мать не хотела, конечно, ехать, а он был освобожден только 20 августа, когда в Сибири началась уже осень и ехать туда было, несомненно, уже поздно.

И этот весь год шла у нас, конечно, с Владимиром Ильичем деятельная переписка химией, и когда он указывает, перечисляя полученные книги, что какой-нибудь «Дневник съезда техников» или «оттиск из Архива» были особенно интересны и «особое за него спасибо Аняте», то это означает, конечно, получение химического письма. О легальных общественных событиях того времени — докладе Лозинского, прениях в Вольном экономическом обществе насчет денежной реформы, о реферате Струве, прочитанном в Москве в 1898 г., и я, и Марк Тимофеевич писали ему в обычных письмах и посылали тезисы докладов. И Владимир Ильич писал по поводу доклада Лозинского, что это шедевр глупости и что стоит усадить его рядом с г. Южаковым (4 января 1898 г.)⁵. О реферате Струве, который, помню, поселил большое недоумение среди московских социал-демократов, Владимир Ильич пишет: «Действительно, с

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 101.

² См. там же. С. 399.

³ См. там же. С. 89.

⁴ См. там же. С. 91.

⁵ См. там же. С. 68.

такими новыми взглядами вряд ли стоило выступать в кратком реферате. Остатки работы Федосеева были бы интересны в этом отношении; он держался, кажется, совсем иных взглядов на наше помещичье хозяйство перед реформой» (28 декабря 1898 г.)¹.

Самоубийство Федосеева (в июне 1898 г. в Верхоленске) очень огорчило Владимира Ильича, который высоко ставил Федосеева и возмущался поднятой против него и погубившей его ссыльной историей. Еще 24 января 1899 г. Владимир Ильич писал мне, что Федосеев не ответил на два его письма, что на него повлияла «история в Верхоленске», и добавил: «Уже лучше не желай мне товарищей в Шушу из интеллигентов! С приездом Н. К. и то целая колония будет»². Владимир Ильич пишет и подробнее о Федосееве, пересказывая письмо Ляховского о всех обстоятельствах смерти Николая Евграфовича, и прибавляет: «Хуже всего в ссылке эти «ссыльные истории»»³.

Была, как известно, ссыльная история и в Минусинской колонии в связи с бегством Райчина, вызвавшая раскол между старыми ссыльными народовольцами и социал-демократами, которая, очевидно, до большой степени отвратила Владимира Ильича от мысли стремиться в город. Со своими товарищами Владимир Ильич все время постоянно поддерживает связь, постоянно пишет нам о них. И в ссылке, как и в тюрьме, вливает он своими письмами бодрость во всех них.

Ульянова-Елизарова А. И.
В. И. Ульянов (Н. Ленин).
Краткий очерк жизни и деятельности.
М., 1934. С. 121—126

К ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ В СВЕТ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»⁴

После переписки из Сибири в сохранившихся у меня письмах Владимира Ильича оказывается довольно большой перерыв — на целых восемь лет. Половина его — от 1900 до 1902 и затем от 1905 до 1907 — объясняется тем, что мы жили с ним вместе или за границей поблизости. Правда, за границей в 1900—1902 гг. мы переписывались тоже, ибо жили по большей части не в одном с ним городе, и переписка вследствие более свободных условий была там большой и интересной, но писем, понятно, от тех двух лет

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 124.

² Указанное письмо написано 24 января 1898 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 71.) *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 98.

⁴ Предисловие к публикации писем Ленина к матери и сестре А. И. Ульяновой-Елизаровой 1908 и 1909 гг. в журнале «Пролетарская революция» № 1, 1930 г. *Ред.*

не сохранилось у меня вовсе, ибо при возвращении в Россию я, конечно, не могла взять их с собой, если бы даже не ехала на верный почти арест, как в тот год. От 1905 до 1907 г. Владимир Ильич жил в Питере или под Питером, в Куоккале, и мы отдыхали от переписки.

В промежутке между этими двумя сроками отсутствие писем объясняется тем, что сначала мне пришлось много кочевать, у меня не было определенного местожительства, и мы и переписывались реже, и хранить письма было менее удобно; первую половину 1904 г. я сидела в тюрьме. Последний год перед революцией — с осени 1904 по осень 1905 г.— переписка наша, главным образом деловая, «химическая», опять очень оживилась, но писем от того времени тоже не сохранилось.

Более правильная переписка шла у нас опять с 1908 г. Она частью сохранилась, а именно: у меня уцелело восемь писем от 1908 и семнадцать писем от 1909 г.

Здесь, опять как в Сибири, она была правильной, так как в основе ее лежало дело — устройство издания второй большой книги Вл. И. «Материализм и эмпириокритицизм»¹, — переговоры о ней, поручения, корректуры и т. п.

Как видно из писем Владимира Ильича осени этого года ко мне в Москву, перспективы тогда насчет издателя были очень плохие. Он пишет, что надежды на Граната надо, видимо, оставить, ибо тот купил «историю» меньшевиков², то есть там взяли верх меньшевики³. Он просит меня списаться со «Знанием», с Бончем, хотя и говорит: «На само «Знание» я почти вовсе не надеюсь: «хозяин» его, давший полуобещание Анюте, большая лиса и, вероятно, понюхав воздух на Капри, где живет Горький, откажется»⁴. («Хозяин», то есть заведовавший тогда делами «Знания», — К. Пятницкий.)

Современному читателю непонятны такие затруднения при устройстве издания научной книги. Но то было время реакции после первой нашей революции. Из высыпавших как грибы после дождя издательств многие были закрыты правительством, с привлечением издателей и авторов к ответственности, другие закрылись сами. При массе возникших тогда литературных дел, с наложением тяжелых взысканий, издатели стали, понятно, чрезвычайно осторожны с приемом новых книг, прежде всего взвешивая, не придется ли отвечать за них. Особенно боязливо относились они к предложениям со стороны писателей, стоявших на крайнем левом крыле, имея все основания опасаться разных полицейских кар даже за легальную как будто бы книгу такого автора. Ильин был тогда широко известен как прямолинейный революционер. Вот почему так мудро было пристроить его книгу даже на философскую

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 7—384.

² Речь идет о меньшевистском «пятитомнике» «Общественное движение в России в начале XX века» под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Спб., 1909. Ред.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 256.

⁴ Там же. С. 260.

тему. И вот почему меньшевики находили себе гораздо легче издателя.

Поэтому Владимир Ильич пишет, что пойдет на всякие цензурные уступки и говорит: «Если издателя нет, посылай немедленно Бончу,— хотя он издает в долг, и неизвестно, получу ли я что-нибудь, но все же издает»¹. «Имей в виду,— писал Ильич 27 октября,— что я теперь не гонюсь за гонораром, т. е. согласен пойти и на уступки (какие угодно) и на отсрочку платежа до получения дохода от книги,— одним словом, издателю никаких рисков не будет. Насчет цензуры тоже пойду на все уступки, ибо в общем у меня безусловно все легально и разве отдельные выражения неудобны»².

В том же письме Владимир Ильич сообщил, что рукопись готова: «вышло 24 печатных листа (в 40 000 букв),— т. е. около 400 страниц»³. Затем он просил хороший адрес для отправки ее⁴. Я дала ему адрес нашего близкого знакомого, санитарного врача Левицкого, жившего в Подольске, где познакомился с ним и Владимир Ильич в 1900 г., перед отъездом за границу. Ему и была отправлена рукопись, как Владимир Ильич сообщает иносказательно в письме от 17 ноября 1908 г.⁵ И в этом и в следующем — от 26 ноября — письмах он нервничал, запрашивая, получена ли рукопись. «Я смертельно боюсь,— писал он,— пропажи большущей, многомесячной работы»⁶.

Получив известие, что работа дошла в целости, Владимир Ильич сообщает мне, что по поводу издания книги он писал уже в Питер и напишет еще. «Конечно, если что-либо подвернется тебе, то отдавай и вообще распоряжайся сама, но шансов, по всему видно, мало» (26 ноября 1908 г.)⁷.

Я искала, и в результате этих поисков мне подвернулась возможность выпустить книгу в издательстве эсера Крумбюгеля «Звено», просуществовавшем недолго в Москве⁸. Из письма Владимира Ильича от 10 декабря видно, как доволен был он, мало надеявшийся при сложившихся условиях устроить скоро издание книги, теми предложениями Крумбюгеля, которые я ему сообщила. Он дал мне телеграмму о немедленном принятии второго условия, а в письме сообщил, что «в крайнем случае я бы пошел, *entre nous*⁹, и на 1-ое условие; но 2-ое так выгодно и возможность издать сразу и в Москве так завлекательна, что надо эту возможность ловить обеими руками»¹⁰.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 261.

² Там же. С. 256.

³ Там же. С. 255.

⁴ См. там же. С. 256.

⁵ См. там же. С. 260.

⁶ Там же. С. 261.

⁷ Там же.

⁸ Помнится, что направил меня в это издательство Ив. Ив. Скворцов-Степанов.

А. Е.

⁹ — между нами. *Ред.*

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 263.

Я не могу уже вспомнить теперь, в чем состояла разница между этими двумя условиями. Кажется, что по первому автор получал чистую выручку, а по второму — известный полистный гонорар и что Вл. И. предпочел второе. Но наверное вспомнить не могу. Знаю только, что в договор было вставлено, по настоянию Вл. И., обязательство со стороны издателя выпустить книгу к определенному сроку, с неустойкой в случае невыполнения его. Ведь попытки ревизии марксизма со стороны философии, возглавляемые у нас Богдановым и Луначарским, возмущали Вл. И. не меньше, чем с политико-экономической — Бернштейном. Для борьбы с этим течением засел он за изучение философии, писал свою книгу. Поэтому так волновали его всякие задержки и затяжки в издании, поэтому торопил он его так. «Если можно, то в договор надо бы внести *немедленное* издание» (письмо от 10 декабря 1908 г.)¹.

Останавливает также Владимира Ильича вопрос, на чье имя составлять договор. В письме от 10 декабря он пишет: «Кстати. При подписи договора советую Ане быть осторожнее, т. е. не давать по возможности своего имени, чтобы не быть ответственной по законам о печати (и не отсидеть в случае чего; об этом надо посоветоваться с знающими людьми). Нельзя ли договор на мое имя написать, а Анюту обойти вовсе, т. е. не упоминать совсем?»²

Не могу вспомнить теперь точно момента подписания договора. Но так как совсем невероятно, чтобы возможно было составление такого договора на лицо, находящееся вне пределов досягаемости, как Владимир Ильич, и другого лица, на которое мог бы быть составлен договор, тоже не представляю себе, то считаю, что он был составлен на мое имя³. На это же указывают как будто бы слова Ильича: «Итак, все улажено и подписано» (19 декабря)⁴. (Очевидно, мною.) «Насчет фамилии автора,— писал Ильич,— я не стою: какую угодно, мне все равно, пусть издатель выбирает»⁵.

Относительно цензуры он сообщал, что пойдет на все уступки⁶.

Но все эти уступки Владимир Ильич делал скрепя сердце, это видно из того, что позднее, когда опасение, что книгу не удастся устроить, отошло, договор был составлен, он писал: «Насчет «фидеизма» и проч. соглашаюсь *лишь* по вынуждению, т. е. при ультимативном требовании издателя» (19 декабря)⁷.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 262.

² Там же. С. 262—263.

³ Договор на издание книги был составлен на имя А. И. Ульяновой-Елизаровой и подписан ею. Условие было заключено на 3000 экз. по 100 руб. за лист в 40 тыс. букв и 50 экз. авторских (см. письмо А. И. Ульяновой-Елизаровой в редакцию журнала «Пролетарская революция» № 2—3, 1930). *Ред.*

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 263—264.

⁵ Там же. С. 263.

⁶ См. там же. С. 260.

⁷ Там же. С. 264.

Нецензурными находил издатель и многие резкости и ругательства, ставя иногда вопрос чуть ли не ультимативно. Помню дебаты и пререкания с ним в его магазинчике на Никитской улице, дебаты, которые для меня вести было часто тем труднее, что я обычно сама не была сторонницей тех резких выражений, которые мне в качестве поверенной Владимира Ильича приходилось отстаивать. Я высказывала иногда Ильичу свое мнение, что ругательства часто лишь ослабляют, что без них получается сильнее. Писал и он мне как-то из Сибири, что убедился, что в печати все ругательства выходят гораздо резче. Возражал против многих резкостей и Иван Иванович Скворцов-Степанов, мой единственный тогда советчик в Москве, которого под именем «писателя» упоминает в письмах этих лет Владимир Ильич, которому он писал через меня пару раз в эту зиму. Осталось в памяти, что Иван Иванович находил особенно недопустимыми и часто несправедливыми нападки на Базарова и Богданова и настаивал на смягчении их.

Вследствие этого, а также памятуя слова Ильича, что он пойдет на всякие цензурные смягчения, я и писала ему о тех из них, на которых настаивал особенно издатель или которые поддерживал Иван Иванович Скворцов. Но Владимир Ильич лишь с немногими соглашался. «На смягчения по отношению к Базарову и Богданову согласен,— писал Ильич 19 декабря,— по отношению к Юшкевичу и Валентинову — не стоит смягчать... Пуришкевича оставь. Ругательства прочие согласен смягчать, а равно и неприличные выражения»¹.

Следует особо отметить, что Владимир Ильич, посылая добавление к § 1 гл. 4, пишет: «Я считаю крайне важным противопоставить махистам Чернышевского»².

Наконец, письма отводят, конечно, много места той части издания, которая была поручена мне и которой Ильич уделял всегда много внимания,— корректуре. Ильич настаивает, чтобы ему посылались корректурные листы не для правки, которую он не предполагал вести из-за границы, а чтобы иметь возможность предупредить хотя бы телеграммой, в случае какого-либо пропуска, какой-нибудь особо грубой ошибки,— на всякий, так сказать, пожарный случай. И он уславливается со мной заранее, как он будет телеграфировать, что будет означать та или другая цифра в телеграмме³.

Этого пожарного случая не произошло, к телеграммам прибегать ему не понадобилось. Но, конечно, дело не обошлось без опечаток, список которых он прилагал почти к каждому письму; посылались затем изменения, добавления, вставки. Была тревога из-за несвоевременного получения некоторых листов — не пропали ли они,— оказавшаяся ложной. Были волнующие задержки из-за почтовой забастовки во Франции, по поводу ко-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 264, 265.

² Там же. С. 284.

³ См. там же. С. 264, 266.

торой Владимир Ильич писал: «Хорошее пролетарское дело здорово мешало в литературных наших делах...»¹. Но в общем Владимир Ильич был доволен корректурой, а если просил меня в нескольких письмах очень убедительно подыскать платного корректора и сдать ему работу, то вследствие болезни матери.

Мать наша была тяжело больна весной 1909 г., я была при ней одна, и Владимир Ильич, учитывая, что мне не до корректуры, просил меня передать ее кому-нибудь. И в наиболее трудное время я, боясь также, чтобы мне не пришлось задержать книгу, срочность выхода которой была так важна для Ильича, делала попытки подыскать кого-нибудь, но они не привели ни к какому результату. У меня не было в тот год почти никаких знакомств в Москве. Иван Иванович, к которому я обращалась, тоже не мог указать надежного лица, хотя и не одобрял с самого начала того, что я беру на себя корректирование научной книги, считая, что это должно быть поручено специалисту. Мне, понятно, не хотелось отдавать корректуры в незнакомые руки, доверять которым не имела оснований. К тому же я была прикована к больной, и в то время отсутствия телефонов в Москве я скорее могла урывать время дома для правки корректур, чем для путешествия по московским конкам и при московских расстояниях в поисках корректора. Поэтому я продолжала править корректуры сама.

Лишь последние листа два вследствие задержки в выпуске книги, происшедшей не по моей вине, а по вине издателя и типографии, мне пришлось, так как я около половины апреля должна была ехать с матерью в Крым, отдать нанятому корректору. Этот корректор был приглашен Иваном Ивановичем, который сам обещал держать авторскую корректуру. В письме от 9 марта Ильич сообщает: «Писателю» тысяча благодарностей за согласие помочь. Он, кажись, все же *марксист* настоящий, а не «марксист на час», как иные прочие. Немедленно преподнеси ему от меня мою книгу»².

Но, сообщая о получении книги (26 мая 1909 г. по новому стилю), высказывая, что издана она хорошо, Владимир Ильич говорит, что опечаток в конце не меньше, чем в начале, и видно незнакомство корректора с языками, например изуродовано до смешного английское «A new name for old ways of thinking»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 284.

² Там же. С. 278.

³ См. там же. С. 291.

В. И. Ленин имел в виду неточный перевод названия книги: William James «Pragmatism. A new name for some old ways of thinking» (Уильям Джеймс «Прагматизм. Новое название для некоторых старых путей мышления»), которую он упоминает в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» (см.: Полн. собр. соч. Т. 18. С. 363). *Ред.*

И в сноске: «Степанов, верно, вовсе не смотрел...» «Но это неизбежный и неважный недостаток. В общем я доволен изданием. Насчет цены все жалуются, и справедливо. Вперед будем включать в договор обязательно не только количество экз., но и цену»¹.

Этим заканчивается в письмах специально относящееся до истории появления в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм». На чисто политическую тему, кроме упомянутого уже по поводу выражений в книге, в письме от 26 мая говорится: «У нас дела печальны: Spaltung (раскол), верно, будет; надеюсь через месяц, 1¹/₂ дать тебе об этом точные сведения. Пока дальше догадок идти нельзя»².

После этого письма, полученного в Крыму, в сохранившихся у меня письмах Владимира Ильича имеется большой перерыв — до следующего, 1910 г. Кроме потери писем это может быть объяснено и тем, что я тогда, уехав из Крыма, много кочевала, жила на Урале и на Волге и более или менее оседлого местожительства не имела до следующей весны. Правильность переписки нарушилась. И я не помню уже, непосредственно ли от Ильича или иным способом узнала я о состоявшемся через указанный им приблизительно срок расколе с отзывистами и ультиматистами.

Ульянова-Елизарова А. И.
В. И. Ульянов (Н. Ленин).
Краткий очерк жизни и деятельности.
М., 1934. С. 127—135

ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА К РОДНЫМ³ (1910—1916 гг.)

Письма Владимира Ильича с 1910 г. до революции сохранились у меня в меньшем количестве и не могут быть объединены вокруг какого-нибудь дела, как письма 1897—1899 или письма 1908—1909 гг.

От 1910 г., когда я много кочевала, прежде чем основалась в Саратове, осталось два письма Владимира Ильича от 13 февраля 1910 г. к М. А. Ульяновой в Москву и от 2 мая ко мне⁴, А. И. Елизаровой, в Саратов. В первом из них он говорит о «делишках», от которых «освободился», имея в виду пленум ЦК в январе 1910 г. Там же благодарит он за посланные ему шахматы. Эти шахматы, являвшиеся у нас семейной драгоценностью, мать

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 291.

² Там же. С. 292.

³ Предисловие к публикации писем Ленина за 1910—1916 гг. в журнале «Пролетарская революция» № 4, 1930. *Ред.*

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 307—308, 312—314.

послала ему как дорогие по памяти: они были выточены собственноручно отцом еще в бытность его в Нижнем Новгороде, и в них играли всегда и отец и братья. Шахматы эти после ареста Владимира Ильича при начале мировой войны, а затем поспешного отъезда его из Кракова остались там и пропали.

В письме ко мне он выражает желание иметь хоть изредка «весть «из глубины России» про то, что делается в новой деревне. Сведений об этом мало, и просто побеседовать даже с знающим человеком было бы очень приятно». По этому поводу Владимир Ильич выражает сожаление, что «алакаевский сосед» (А. А. Преображенский), которому он шлет привет, «если удастся его увидеть»¹, такой абсолютный враг переписки.

Шлет он привет и «северному маньчжурцу», под которым подразумевает своего старого самарского приятеля А. П. Складенко. Владимир Ильич называет его «маньчжурцем», потому что он провел несколько лет в Маньчжурии, и «северным», потому что в то время он находился в ссылке в Вологодской губ. Его жена с ребенком жила тогда в Саратове, и через нее посылала я Владимиру Ильичу и от него обратно приветы Складенко. Затем Владимир Ильич пишет о М. Ф. Владимирском — моем товарище по работе в первом Московском комитете РСДРП, находившемся тогда в эмиграции.

Та «сугубая склока», о которой он пишет в конце, из-за которой «из рук вон плохо идут занятия», обозначает разногласия с Заграничным бюро ЦК и с группой «Вперед»². Этим же неоднократно высказываемым Владимиром Ильичем желанием получить сведения и рассказы о впечатлениях от деревни и от Волги были вызваны подробные письма с такими рассказами, которые посылал ему Марк Тимофеевич Елизаров. В своем ответном письме от 3 января 1911 г.³ Владимир Ильич высказывает свое удовольствие по поводу двух таких писем Марка Тимофеевича и извиняется за неаккуратность ответов, вызываемую особенно «склочным» временем (продолжение тех же разногласий).

В том же письме Владимир Ильич советует сестре Марии Ильиничне «не рваться в отъезд», то есть не стремиться в Москву, где после работы 1909—1910 гг. и обыска там весной 1910 г., а главное, после ареста в декабре 1910 г. С. Н. Сидович и А. П. Смирнова ей было неудобно поселяться (об этом аресте предупреждает в письме от 1 февраля Надежда Константиновна: «В Москве заболела Танина мать»)⁴.

¹ Жил Преображенский тогда в Самаре. А. Е.

² См. об этом в XIV т. Сочинений В. И. Ленина: «Заметки публициста», с. 291—338, и более непосредственно — «О параграфе 1-м резолюции о положении дел в партии», с. 313. Там же: примечание 160. В т. XV «О положении дел в партии», с. 60—70. А. Е. (А. И. Ульянова-Елизарова ссылается на 2-е изд. Сочинений В. И. Ленина. В Полном собрании сочинений соответственно: Т. 19. С. 239—304; Т. 20. С. 47—61. *Ред.*)

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 317—318.

⁴ См. там же. С. 319.

«Материальные условия продолжают быть неважными: издателя не нашел, а также нет ответа относительно статьи из «Современного мира»¹. В ответ на это сообщение о плохом положении финансов мать предлагала, очевидно, посылать ему из своей пенсии, потому что в следующем письме от 1 февраля 1911 г. Владимир Ильич спешит успокоить ее, сообщая, что теперь нужды нет и что он просит ее не посылать ему денег и из пенсии своей не экономить. Сообщает он также, что продолжает получать то «жалованье»², о котором говорил ей в Стокгольме. Относительно книги по аграрному вопросу Владимир Ильич сообщает, что написал Горькому и надеется на благоприятный ответ³. Книгу эту так и не удалось устроить. По поводу нее же пишет, очевидно, Владимир Ильич о неудаче моих переговоров со Львовичем.

Осенью 1911 г. — в октябре — ноябре — мне удалось побывать за границей, и я провела недели две в Париже, у Владимира Ильича. Нашла, что он живет плохо в материальном отношении, питается недостаточно и, кроме того, сильно обносился. Я стала убеждать его пойти со мною на следующее утро в магазин, чтобы купить необходимое ему зимнее пальто. Но он категорически отказался, и я, уже не ожидая его, была удивлена, когда услышала из-под окна моей комнаты, выходявшей во дворик, его оклик в условленный час. Оказалось, что Надя после моего ухода убедила его принять мое предложение. При покупке Владимир Ильич отказывался от всего более дорогого, и только убеждения приказчика, что одно пальто является «*inusable*» (неизносимым), заставило его остановиться на нем. Но тужурку, которую я считала тоже необходимой ему, он решительно отказался покупать.

Заметила я также в это посещение Владимира Ильича, что и настроение его было менее жизнерадостным, чем обычно. Как-то раз во время прогулки вдвоем он сказал: «Удастся ли еще дожить до следующей революции?» И вид у него был тогда печальный, похожий на ту фотографию, что была снята с него в 1895 г. в охранке. Это было время тяжелой реакции: симптомы возрождения, как факты выхода «Звезды» и «Мысли», только еще намечались.

Выяснив условия посылки съестного из России за границу, я посылала ему в Париж мясное (ветчину, колбасу). По поводу

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 317.

Как известно, никакой статьи Владимира Ильича в 1911 г. в «Современном мире» напечатано не было, но что в этом году статья его обсуждалась редакцией журнала, это подтверждает определенно Вл. Дм. Бонч-Бруевич. Только он не может вспомнить, каково было ее заглавие и что случилось с нею. А. Е.

² Партийное. А. Е. Указанное письмо написано В. И. Лениным 19 января 1911 г. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 318—319). Р₂³.

³ См. письмо Горькому от 3 февраля 1911 г., где Владимир Ильич просит поговорить с Пятницким в «Знании» Сочинения, т. XV, с. 57—59. А. Е. (Письмо А. М. Горькому написано 3 января 1911 г. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 11—14). Ред.)

домашней запеченной ветчины он выразился в одном несохранившемся письме, что это «превосходная снедь», из чего можно было заключить о разнице между этим мясом и тем, которым ему приходилось питаться в Париже. В Австрию пересылка мясного не разрешалась, и поэтому по переезде его в Краков я посылала ему рыбное (икру, балык, сельди и т. п.) и сладкое, которое он сам, конспиративно от Нади, просил послать ей. Об этих «гостинцах» упоминают в письмах от 1912 и 1913 гг. и он, и Надежда Константиновна¹.

Письма Владимира Ильича от мая и июня 1912 г. говорят об аресте сестры Марии Ильиничны и меня. Арест этот, оставивший мою мать опять — в третий раз в ее преклонные годы (ей было тогда уже 77 лет) — совершенно одну, сильно обеспокоил, как видно по письмам, Владимира Ильича².

Сестра была арестована тогда, между прочим, в связи с Пражской — в январе 1912 г. — конференцией, на которой был делегат и из Саратова, и после пяти месяцев предварительного заключения пошла на три года в Вологодскую губернию. Был дан приказ об аресте — *независимо от результатов обыска* — всех нас троих, живших тогда вместе: сестры, меня и мужа моего, Марка Тимофеевича. Мы с мужем в нелегальной саратовской организации тогда не участвовали, но уже жизнь вместе была достаточна для ареста. Кроме того, имел, конечно, значение и факт постоянных сношений всех нас с Владимиром Ильичем. Из архива департамента полиции выужено пока за рассматриваемый период три перлюстрированных письма Владимира Ильича — по одному за 1910, 1912 и 1913 гг. Письма эти были посланы на прямые адреса — обычно на адрес матери. Из них только письмо 1913 г., имеющееся и в моей коллекции, не касалось совершенно политических вопросов. Письмо от 1 февраля 1910 г. рассказывает о попытке объединения с меньшевиками и о закрытии фракционного органа³; открытка от 24 марта 1912 г. могла, конечно, иметь непосредственное влияние на мой арест, так как в ней прямо повествовалось о «последней конференции» и о том, как все против нее ополчились, «так что дело буквально до драки доходило на здешних собраниях»⁴.

Марк Тимофеевич был во время производства обыска в отъезде, — разъезжал по службе страхового агента, а так как у него было больное сердце, вызвавшее осенью 1911 г. экстренную поездку в Наугейм, а в саратовской тюрьме было тогда скверное, «каторжное» положение, то мать выехала на пароходную пристань, чтобы предупредить его, и он проехал мимо Саратова и вообще поколесил по Волге до моего освобождения, которое произошло уже через три недели. Кроме того, что я в местной организации не состояла,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 322, 334—336, 442, 444.

² См. там же. С. 324, 327.

³ См. там же. С. 306.

⁴ См. там же. С. 323.

на жандармов произвел, очевидно, впечатление слабый вид моей матери, когда она пришла хлопотать о нас. Мать рассказывала, что ей стало тогда дурно в жандармском.

С осени 1912 г., со времени переезда в Краков, настроение Владимира Ильича сильно поднялось. Он пишет, что они живут лучше, чем в Париже,— отдыхают нервы, больше литературной работы, меньше склоки. Отмечает, что Горький настроен теперь к ним менее недружелюбно¹. Запрашивает, осталась ли нераспроданной его философская книга. «Мы бы могли, вероятно, найти теперь еще способ сбыта и договориться об этом с издателем» — и просит сообщить ему для этого адрес издателя Крумбюгеля². Пишет Владимир Ильич о предположении издавать брошюры при «Правде»³ и чувствует себя, видимо, уже ближе к России: зовет Марка Тимофеевича к ним на курорт, в Закопане, сообщая, что из Варшавы имеются туда прямые поезда⁴; зовет и меня: «Если поедешь к Мите [в Крым], то, я надеюсь, ты заглянешь и к нам — тут уже почти по дороге», дает мысль, что приграничные жители могут переезжать за 30 коп. Конечно, об этом я, когда мать была исключительно на моих руках и я должна была перевезти ее в Вологду, и думать не могла. Но следует отметить также, что письмо это было перлюстрировано и что в конце доставленной нам копии из дела департамента полиции значится: «На подлинной автограф, снятый на кальку: «Крепко жму руку. Твой В. У.»»⁵ О материальных условиях Владимир Ильич пишет, что они пока сносны, но очень ненадежны. Он говорит, что связей с издателями у него, увы, никаких нет. Это в ответ на письмо матери, которая писала о желательности какой-либо переводной работы для сестры Марии Ильиничны в ссылку.

Возобновляет Владимир Ильич в Поронине катание на коньках, вспоминая при этом Симбирск и Сибирь. Вообще жизнью как в Кракове, так и в предместье его, Поронине, доволен и пишет, что переселяться никуда не думает,— «разве война выгонит, но в нее я не очень верю». Последнее утверждение, что в войну он не верит, повторяется у него в письмах из Кракова дважды⁷.

С осени 1913 г. я поселилась в Петербурге, была секретарем и членом редакции журнала «Просвещение», работала в «Правде», а с основания журнала «Работница» состояла, вследствие ареста других членов редакции, фактически почти единственным редактором ее. В тот год у меня была большая переписка с Владимиром Ильичем — и химическая, по партийным делам, и главным образом по литературным,— на редакцию «Просвещение» он писал мне на

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 329—330.

² См. там же. С. 336.

³ См. там же. С. 335.

⁴ См. там же. С. 331, 338.

⁵ См. там же. С. 335.

⁶ См. там же. С. 336.

⁷ См. там же. С. 329, 331.

псевдоним Андрею Николаевичу, а я на Deckadresse, без обращения, и подписываясь тем же псевдонимом, на который он писал мне.

Легальные письма 1914 и 1915 гг. говорят опять усиленно о поисках работы для заработка. В данном случае в заказном письме, прошедшем, как видно по конверту, через военную цензуру, Владимир Ильич просит Марка Тимофеевича устроить издание педагогической энциклопедии — работы, которую наметила себе и за которую собиралась засесть вплотную Надежда Константиновна. Из того, что с подысканием издателя Владимир Ильич просит очень поспешить, видно, что материальные условия у них с переездом в Швейцарию были очень невыжны. Он просит поговорить сначала с «прежним издателем» — очевидно, с В. Д. Бонч-Бруевичем¹, с которым я действительно говорила тогда и с которым мы и теперь припомним об этих переговорах и о том, что из них ничего не вышло. В. Д. говорит, что идея такой энциклопедии была тогда и у Веры Михайловны Бонч-Бруевич, но что провести по тем временам в жизнь ничего нельзя было. Обращались ли с этим делом мы с мужем еще к кому-нибудь или советовались ли с кем-нибудь, я теперь уже не помню. Спрашивает Владимир Ильич о журнале «Просвещение», который мы собирались в 1914 и в 1915 г. возобновить²; из этих попыток, конечно, ничего не вышло. Он огорчается ростом шовинизма в разных странах, пишет, что Плеханов, которого «опять хвалят либералы, вполне заслужил это позорное наказание»³, и возмущается «срамным и бесстыдным» номером «Современного мира», имея в виду статью Н. Иорданского «Да будет победа!»⁴. Очевидно, в годы войны переписка была скуднее, и многие письма пропадали. В единственной сохранившейся открытке Владимира Ильича от 1915 г. он особенно — «очень, очень и очень» — благодарит за книгу, за интереснейшее собрание педагогических изданий и за письмо. «Интереснейшим» собрание педагогических изданий было, конечно, вследствие написанного меж его строк химического письма, которое я предпочитала тогда писать в книгах и которое благополучно проскочило таким образом военную цензуру. В годы войны всякая корреспонденция в ЦК, из-за сокращения нелегальной работы, из-за отправки многих работников в ссылку, из-за большей затрудненности всяких сношений, сильно сократилась, и Надежда Константиновна писала мне в 1915 или в 1916 г. химически: «Бывало, писем по 300 в месяц получали, а теперь пишет почти что один Джемс».

Таким образом, к концу периода моей переписки с Владимиром Ильичем — во время войны — я услышала то же, что слышала

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 369—370.

² См. там же. С. 349—350.

³ См. там же. С. 356, 358.

⁴ См. там же. С. 356.

в самом начале его, в годы сибирской ссылки, а именно что корреспондентом нелегальным, «химическим», так сказать, была почти только одна я.

Ульянова-Елизарова А. И.
В. И. Ульянов (Н. Ленин).
Краткий очерк жизни и деятельности.
М., 1934. С. 136—146

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РУССКОГО БЮРО ЦК С ЗАГРАНИЦЕЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ¹ (1915—1916 гг.)

Восемь моих писем к Владимиру Ильичу — с апреля 1915 по ноябрь 1916 г. — составляют часть корреспонденции из Русского бюро ЦК за границу.

Официально я не входила ни в эту, ни в другие организации ЦК, но фактически вела деловую переписку с ними — с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной — все время. Восемь печатаемых ниже писем оказались в женевском архиве ЦК, переписанные рукою Надежды Константиновны. Они вошли в одну коллекцию с письмами А. Г. Шляпникова («Александра») того же периода и вместе с ними пролежали несколько лет в архиве Истпарта как письма Шляпникова. Лишь в самое последнее время, когда решено было приступить к изданию этих писем, было обнаружено, что нижепомещаемая часть их написана мною, под моей тогдашней кличкой «Джемс».

Конечно, написано мною за отмеченный период в 1¹/₂ года было гораздо больше писем: об этом говорят как слишком большие промежутки между письмами, так и многие неясности, указания на предыдущие письма, которые не сохранились. Но пока найдены только эти: семь в архиве ЦК и одно из перлюстрированной департаментом полиции переписки. Считаю, что переписанные Надеждой Константиновной были написаны химией в книгах, как я обычно писала, выбирая более солидные как по объему, так и по содержанию книги и посылая их не на прямой адрес, а на так называемые Deckadresse (подставные, передаточные адреса). При этом, помню, давались специальные адреса, например преимущественно для технических, медицинских или экономических книг и журналов; выбирались книги на более плотной и матовой бумаге, на которой химические письма были менее заметны. Я набила, так сказать, руку узнавать подходящую на ощупь книгу, практикуясь в этом еще в 1901—1902 гг. в Париже у букинистов. Припоминаю, что встретила как-то озадаченный взгляд продавца, вызван-

¹ Предисловие к публикации переписки Русского бюро ЦК с заграницей в журнале «Пролетарская революция» № 7—8, 1930. *Ред.*

ный, вероятно, тем, что я не столько гляжу на содержание выложенных на лотках или на выступах стен дешевых брошюр, сколько щупаю и просматриваю на свет бумагу, на которой они напечатаны. Это я выбирала книги для химических писем в Россию.

Книги с указанными выше предосторожностями доходили много вернее, чем письма, — по крайней мере я не помню ни одного случая провала или пропажи их. Письма же подвергались, конечно, легче перлюстрации, особенно письма за границу в период всемирной войны. Могло быть снято факсимиле руки, надписывающей адреса, могло быть прослежено опускание письма в почтовый ящик. Так произошло, вероятно, с первым из предлагаемой серии, с письмом от 23 апреля 1915 г. — единственным оказавшимся в бумагах департамента полиции.

И как раз это письмо наиболее насыщено партийными известиями и переговорами. В этом письме говорится о процессе депутатов IV Государственной думы. Сведения о нем я почерпала из первоисточника, так сказать, а именно из рассказов Н. Д. Соколова, выступавшего защитником Каменева, и еще кого-то из депутатов. Так, помню, что о Муранове, спасшем процесс, слышала от него. «Все начистоту» означает, что Муранов пригрозил рассказать о сношениях и связях с ЦК большевиков, о поездках депутатов к Владимиру Ильичу в Краков, если бы некоторые из них пошли на указанные раскаянные жесты.

Соколов передал мне также о всех своих переговорах в качестве защитника с Каменевым, а я излагала их в сжатом виде Владимиру Ильичу. Так, в письме, предшествовавшем данному, я передала о рассказе Соколова по поводу идеи Каменева вызвать на суд в качестве свидетеля Н. Иорданского. Письмо это, очевидно, в департамент полиции не попало, но попало несомненно в руки Владимира Ильича, так как изложенное там отразилось на передовице № 40 «Социал-демократа» о процессе депутатов. По этому проекту Иорданский должен был заявить в своем показании, что Каменев стоял не на пораженческой точке зрения, а на оборонческой, изложенной им, Иорданским, в статье «Да будет победа». Как известно, Иорданский отказался свидетельствовать и так и не подал заявления о вызове его в суд. Но Ильичу об этом я сообщила так же, как и о своих личных впечатлениях от судебного разбирательства, на которое мне удалось попасть пару раз. Слышала я между прочим и защитительную речь Каменева, который пытался выставить себя ни к чему не причастным легальным литератором, поселившимся временно в Финляндии, ибо у него «не было еще обстановки». Помню, что эта речь, ничуть не убедительная для представителей обвинения, произвела очень тяжелое впечатление на нас, зрителей, допущенных на хоры.

Затем в письме этом говорится о кандидатуре в представители ЦК Б. В. Авилова на место арестованного Каменева. Это предложение исходило от т. Ольминского. Очень уж неудобно было при сношениях с Петербургским комитетом и другими организа-

циями отсутствие такого представителя в России; и я запросила Владимира Ильича, можно ли временно, до утверждения постоянного представителя, возложить эту функцию на Авилова. Но Владимир Ильич самым решительным образом отклонил эту кандидатуру. А позднее Авилов, указавший с самого начала на некоторые разногласия его с точкой зрения ЦК, выявился определеннее как человек, считающий лозунг гражданской войны неправильным. Вследствие этого его проекты листовок не удовлетворяли Петербургский комитет, и мы сами убедились в неудачности нашего предложения.

И о финансовых делах ЦК говорит это письмо — о чеке в 3000 рублей, вероятно вырученных после ликвидации типографии «Дело». В этом и в следующих письмах указывается, на что были употреблены эти деньги, а также добытые с ежемесячных сборов и разных мелких предприятий, запрашивается, сколько нужно приблизительно на разные потребности ЦК. Писала о посылке денег высланным в Сибирь депутатам IV Думы, о «железном фонде», то есть о фонде на издание газеты «Правда», составившемся из сборов рабочих. Фонд этот находился в распоряжении депутатов-большевиков IV Думы, как издателей газеты, и хранился у социал-демократа Симонова, домовладельца. О них говорится тоже в приводимой серии писем. Относительно тех сумм, которые находились в моем ведении, я пишу о «руках», которые к ним тянутся. Хотя и ПК, как водится, нуждался в деньгах (я в одном из писем указывала, что дала на их газету — «Пролетарский голос» — 250 рублей), но руки, тянувшиеся за деньгами, не были руками ПК, а одной входившей в него группы, которая стремилась создать конкуренцию журналу «Вопросы страхования», единственному уцелевшему за время войны легальному органу большевистского направления.

Тот факт, что самой активной фигурой в этой группе был Мирон Черномазов, удаленный из редакции «Правды» по подозрению в провокаторстве, после революции вполне подтвердившемуся, бросал для нас тень на всю группу. Настоятельные требования от нас денег, которыми мы были не в праве распоряжаться, агитация в рабочих низах, что деньги захвачены интеллигентами, которые не хотят отдать их на работу ПК, не могли, понятно, улучшить наше отношение к группе. Лично с Черномазовым, знавшим меня по работе в «Правде», я в годы войны не встречалась. С требованием этих денег заявлялось ко мне другое лицо. Один раз было назначено по этому поводу свидание на квартире Данского, где присутствовал также покойный [ныне] товарищ Фабержевич. Этот последний один держал себя вполне корректно и нейтрально, чем вызвал, как я после узнала, недовольство остальных двоих, которые нажимали на меня очень сильно. Разошлись мы после ни к чему не приведших переговоров в довольно враждебном друг к другу настроении. Не могу уже вспомнить, шел ли тогда разговор только о 3000 рублей от ликвидации типографии «Дело» или о «железном фонде».

Говорится в этих письмах и о попытке восстановить журнал «Просвещение», который с началом войны не был закрыт, как «Правда», и юридического права на выход не потерял. Но сильно отяжелевшая за время войны лапа цензуры давала мало надежды на то, чтобы удалось выпускать журнал нашего направления, да и от редакции почти никого не осталось. Тов. Ольминский уехал в Саратов, М. Савельев был выслан из Питера, А. Н. Рябинин встал на чисто оборонческую позицию. Оставались в Петербурге кроме Джемса (пишущей эти строки) лишь К. М. Шведчиков и А. А. Блюм. В эту часть редакции были кооптированы Орловский и Авилов. Сначала мы пытались выпустить номер в июне 1915 г. — последний срок, когда журнал мог еще выйти под фирмой «Просвещения», позднее он терял уже это право и должен был умереть естественной, так сказать, смертью. Это не удалось. Как известно, не удалось выпустить за время войны и другого журнала, разрешение на который было взято.

Статьи Владимира Ильича и т. Зиновьева были посланы в Саратов, где удалось выпустить номер большевистского сборника «Под старым знаменем», для второго номера этого сборника, но ему не удалось увидеть свет. В столицах из неоднократных попыток издать что-либо революционного направления ничего не выходило.

Из проектировавшихся в то время в Питере издательств, о которых упоминается в письмах, осуществилось издательство «Волна», выпустившее несколько брошюр. То слитное издательство, о котором просил меня написать Владимиру Ильичу Стеклов, осталось проектом. Начало как будто бы вставать на ноги уже к концу этого периода издательство Горького «Парус» при журнале «Летопись». Туда была передана мною увидевшая свет уже после революции книга Владимира Ильича «Империализм, как новейший этап капитализма». В некоторых письмах рассказывается о переговорах с Горьким. Принципиальная неустойчивость его кое-где отмечается.

Рассказывала я Владимиру Ильичу подробно о борьбе за выборы в Военно-промышленный комитет со слов одного из выборщиков, Дунаева, который сам написать ему не собрался. Шляпников в свои приезды в Питер заходил обыкновенно ко мне, расспрашивал о положении дел у нас и вообще в России и рассказывал подробно о заграниче и тамошних настроениях. У меня на квартире происходили и некоторые свидания с ним — Шведчикова, Фаберкевича. Виктора Тихомирнова и других.

Из-за больших строгостей и исключительного безлюдия того времени вследствие высылки, арестов, мобилизации и широко разлившегося в первое время шовинизма было чрезвычайно трудно наладить что-либо в то время, и Бюро ПК оказалось, как я отмечаю, мертворожденным. Фактически — как я говорю в письме от 27 апреля 1916 г. — вопросы Бюро разрешались пишущей эти строки («Джемсом») и Шведчиковым («Костя», «Олег»). На нас лежало кроме переписки добывание средств, налаживание транспорта,

сношения с ПК и, по возможности, с Москвой и некоторыми провинциальными городами. Если принять во внимание, что оба мы за этот период сидели в тюрьме — я с июля по октябрь 1916 г., а Шведчиков с ноября по январь, что у меня с октября до революции были ежемесячно обыски, закончившиеся арестом в феврале, то будет понятно, насколько спотыкаясь, насколько через пень колоду должна была идти наша работа в это время.

Со средствами было очень плохо. Помню сопряженный с массой хлопот и неудач вечер-концерт, устроенный созданной нами дамской комиссией, которая к концу вся разбежалась и разъехалась, забросив дела почти на меня одну. — предприятие, едва закончившееся покрытием расходов. Транспорт, который тоже должен был давать средства, налаживался туго. Ездил я по поводу него в Териоки для переговоров с депутаткой сейма Марией Кархинен и, помнится, вторично для получения литературы. Не раз жалуюсь я в письмах, что нелегальные издания получают лишь в единичных экземплярах, что не дает возможности собирать деньги на транспорт. По той же причине отчасти поддерживала я и «Коммуниста», к нам попал лишь первый номер. С удовольствием и нарасхват читаемый, он дал нам некоторые средства. Александр просил меня тогда написать об этом Ильичу и поддержать журнал, о лицах, издававших который отзывался с величайшей похвалой — и вообще, и как о людях, стоящих всецело на нашей позиции. Только недоразумениями, вызванными большим расстоянием между ними и нашим ЦК, да еще излишней нетерпеливостью Владимира Ильича объяснял он возникшие разногласия. Я, конечно, не могла судить по одному номеру о глубине разногласий, о которых слышала от одного Александра. А главное, я страшно ухватилась за мысль получить от этой группы, из больших, так сказать, пределов досягаемости, популярную литературу о лозунгах ЦК во время войны, о гражданской войне. Настолько насущна была потребность в ней в то время, так трудно было, не имея ее, защищать наши взгляды при широко развившемся тогда шовинизме! В письмах своих в ЦК я несколько раз повторяю просьбу дать нам популярную литературу на эту тему. Вследствие этого я, опираясь на мнение нашего кружка, и заступилась за «японцев» перед Владимиром Ильичем.

Как видно из писем, мне за это заступничество нагорело. Конечно, Ильич рассердился тем больше, что знал о моем полном незнакомстве с этой группой и ее взглядами.

Но лишь теперь, познакомившись с письмами Шляпникова этого периода, поняла я, почему мне так сильно нагорело. Лишь теперь стало для меня вполне ясно, почему Ильич нашел нужным написать Александру, что я «никогда не разбиралась в политике, всегда стояла против раскола».

Ну, конечно, после такого «требования» Ильич захотел прежде всего отвести это второе, неожиданно также «требующее» лицо. А Шляпников настолько мало знал Ильича, что считал возможным

подобным методом добиться от него изменения его взглядов. А чтобы достигнуть этого вернее, он написал и от моего имени в такой форме, на которую я его не уполномачивала и к которой никогда в своей переписке не прибегала. Как видно из моего письма от 7 июня, я лишь «пожалела о разрыве с японцами». Это нечто совсем иное.

*Ульянова-Елизарова А. И.
В. И. Ульянов (Н. Ленин).
Краткий очерк жизни и деятельности.
М., 1934. С. 147—153*

**ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ
УЛЬЯНОВ**

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

ДОМ, ДВОР И САД

Мои детские воспоминания, если не считать самых ранних, отрывочных и очень смутных, связаны с жизнью нашей семьи в доме на Московской улице ¹, который купили родители в 1878 году.

Дом был деревянный, одноэтажный с антресолями, т. е. наверху, непосредственно под крышей, рядом с чердаком, было несколько маленьких комнат, выходивших окнами во двор.

Фасадом дом выходил на Московскую улицу, тогда пыльную и грязную, с деревянными тротуарами. Если идти от центра города на запад, к реке Свияге, дом был с левой стороны улицы. Внизу было пять больших комнат (с востока на запад): зала, кабинет отца, так называемая проходная, мамина комната и столовая, кроме того, было две прихожих (с востока и с запада). Внизу же на запад была кухня, через холодные сени.

Наверху в антресолях было четыре маленьких комнаты: две к западу — Анина и детская, и две к востоку — Саши и Володи. Обе эти половины антресолей имели две внутренние лестницы, связывавшие верх с низом через две прихожие. Летом же обе половины антресолей соединялись между собой также балконом между Аниной и Сашиней комнатами.

Около дома (на юг) был большой двор, покрытый мелкой зеленой травой; продолжением двора был сад, выходивший непосредственно на соседнюю Покровскую улицу через калитку в заборе. Калитка всегда запиралась на замок. Сад отгораживал от двора невысокий заборчик с калиткой. Около этой садовой калитки на дворе был колодец, из которого вода для поливки сада качалась ручным насосом. Вода в этом колодце была очень жесткая и годилась, кроме поливки сада, только для мытья полов. Питьевая вода доставлялась с реки Свияги водовозом. Слева от колодца стоял небольшой флигель в три окошечка, выходившие в сад. Около флигеля — небольшая кухонька под особой крышей. Флигель обычно сдавался внаймы; только одно лето, во время ремонта дома, флигель занимали мы, а кухню при нем Саша использовал под химическую лабораторию.

Через весь сад, от садовой калитки до Покровской улицы, шла так называемая большая аллея, делившая сад на две половины. Она вся была обсажена серебристыми тополями, только в конце аллеи росла одна осинка с вечно трепещущими листьями. Аня ее почему-то очень любила, и мы прозвали ее «Анина осинка». Кроме этой большой аллеи вокруг всего сада вдоль заборов с соседними участ-

¹ В Симбирске (ныне Ульяновск). *Ред.*

ками были четыре узенькие аллейки с прочно установившимися у нас в детстве названиями: «Черный бор» — с густою сиренью и развесистыми вязами, «Желтый бор» — с густой акацией, «Красный бор» — с большим деревом колючего боярышника и даже «Грязный бор» — ввиду обилия там благодаря неопрятному соседству всякого мусора — бумажек, пустых бутылок и пр. В центре сада был цветник — детище мамы, с единственной в саду беседкой. В этой беседке иногда устраивались общие вечерние чаепития.

Кроме серебристых тополей и единственной осинки в саду росли несколько ветвистых вязов, на которые мы все охотно лазили во время своих игр, много кустов сирени, но больше всего обыкновенной желтой акации, которой был обсажен по краям весь сад.

Из фруктовых деревьев были преимущественно яблони. Больше всего аниса (приволжский сорт яблок), затем белый налив, апорт и несколько деревьев с очень вкусными яблоками, под названием «черное дерево». Помню, что яблоки с этого «черного дерева» мама всегда берегла, главным образом для папы. Росла еще одна яблоня в конце сада, под названием «дичок», у детей переделанное на «дьячок». Дерево обычно было густо усыпано маленькими, но очень вкусными плодами. Бывало, кто раньше утром встанет, первым бежит собирать урожай, т. е. упавшие на землю яблоки, и потом делится с другими. С деревьев рвать не полагалось до определенного срока. И я не помню с нашей стороны ни одного нарушения в этом смысле. Кроме яблонь были две-три груши и несколько вишневых деревьев, густой малинник, кусты крыжовника и смородины. Для сбора ягод мамой устанавливались правила для детей. Было также несколько грядок клубники, с которыми мать подолгу возилась, пересаживая кустики, удобряя землю и поливая. В поливке сада, а иногда и в уборке его принимали участие все дети. Это была, так сказать, общественная нагрузка, от которой никто никогда не отказывался, наоборот, скорее было соревнование.

Около колодца во дворе стояла большая кадка, другая такая же кадка стояла в цветнике. От нас требовалось, особенно в жаркое летнее время, чтобы обе эти кадки были заблаговременно наполнены водой, чтобы можно было поливать цветы рано утром, что часто делала мать сама. По вечерам же брались за работу все вместе. Обычно один кто-нибудь качает воду из колодца, другие с лейками и ведрами разносят ее к месту назначения. Бывало, приходит иногда отец, и работа кипит всюю. Если качаешь воду из колодца, не хочется уступать другому, покуда не натрешь мозолей на руках, лишь бы побольше наполнить бочку водой, не отстать от других.

Дружная, спорая бывала работа!

Когда решали пить чай в беседке, то также дружно брались все за работу: Саша, бывало, тащит в сад самовар; другие несут что кому под силу; дети по нескольку раз бегают в дом и обратно в сад, в беседку. Обычно было принято прислугу не беспокоить, а все делать самим. Обычно в нашей семье вечерний чай соединялся с холодным ужином, так что возни с этими чаепитиями в беседке

было немало. По окончании чаепития на всех также хватало работы: девочки помогали матери мыть посуду, мы уносили из беседки все обратно домой.

ИГРЫ

На дворе и в саду у нас было много разных детских игр. Вспоминаю из раннего детства игру в лошадки, когда мы носились по двору и по аллеям сада, один за кучера, другой за лошадь, соединившись веревочкой друг с другом. Володя был старше меня на четыре года, поэтому, когда он бегал за кучера, постигая меня хлыстиком, все было хорошо, когда же я впрягал его в виде лошади, он очень быстро вырывался и убегал от меня. Догнать его я не мог, и тогда, помню, однажды я безнадежно сел на траву и стал говорить, что так играть нельзя: он сильнее меня и, когда ему вздумается, убегает от меня, что никогда, мол, не бывает, чтобы лошадь убегала от кучера, и поэтому он должен бегать за кучера, а я за лошадь. На это Володя ответил: лошадь всегда сильнее человека, и ты должен уметь подойти к ней с лаской, покормить ее чем-нибудь вкусным, например, черным хлебом с солью, что, мол, лошади очень любят, и тогда лошадь не будет убегать от тебя и будет послушной.

Впоследствии, помню, я бегал в лошадки чаще с кем-нибудь из сверстников или с сестрами. На этом дворе играли мы всей нашей компанией, с Аней и Сашей, в черную палочку, причем тот, кто «водил», должен был, начиная искать, громко возглашать: «Черная палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, того с палочкой пошлет». Помню, что я часто ждал в этой игре, чтобы меня «выручил» Саша, который выбегал из своей засады обычно последним.

Вспоминаю из раннего детства игру в «брыкаски», которую придумал, очевидно, Володя, когда ему было около восьми лет. Играли он, сестра Оля и я. Это, собственно, не была игра в обычном смысле слова — никаких правил, ничего твердо установленного. Это была импровизация, фантазия в лицах и действиях. Конечно, главным действующим лицом был Володя, его фантазия, его инициатива. В эту фантастику он вовлекал нас, младших, — меня и Олю. Какую роль мы играли, что должны были делать? Заранее ничего не было предусмотрено. Володя сам свободно фантазировал и осуществлял эту фантазию в действиях. Что такое «брыкаска»? Это не то человек, не то зверь. Но обязательно что-то страшное и, главное, таинственное.

Мы с Олей сидим на полу в полутемной зале нашего симбирского дома и с замиранием сердца ожидаем появления «брыкаски». Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть «брыкаска» — Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Может быть, «брыкаска» сердитая, злая: от нее нужно бежать, прятаться под диван или под занавеску, а то укусит или схватит за ногу; а может быть, она только по виду страшная, а на самом деле добрая, и от нее совсем не надо бегать, можно даже с ней

подружиться и приласкать ее. Этого никто не знает. Все зависит от ее настроения. Полумрак, мохнатое существо на четвереньках... Оно рычит и хватает тебя за ногу. Страшно! Возня, визг, беготня, грозное рычание «брыкаски» то под диваном, то на диване, то в зале, то в совершенно темной прихожей. Затем внезапно обнаруживается, что «брыкаска» добрая, не кусается и не щипается и ее можно спокойно погладить по шерстке. И уже нисколько не страшно, даже очень весело, «брыкаска» выделяет удивительные номера и подплясывает, мы за ней кто во что горазд...

Ясно, что для такой игры было совершенно необходимо, чтобы старших не было дома, а то всякий интерес пропадает: внесут в залу лампу, велят вылезать из-под дивана, а «брыкаске» в вывернутой шубе определенно влетит.

И вот помню как большую радость, когда Володя или Оля таинственно сообщают мне, что сегодня вечером папа с мамой куда-то уходят и мы будем играть в «брыкаски».

Вообще у Володи в детстве была богатая фантазия, которая проявлялась в самых разнообразных играх. У меня остался в памяти, между прочим, такой случай: сидим мы вечером за большим столом и мирно и спокойно занимаемся какой-то стройкой домиков. Я соорудил из карт какой-то высокий дом, что-то, как мне показалось, необычайное, и стал хвастаться перед ними. В это время входит няня¹ и заявляет, к моему великому огорчению, что мама велит мне идти спать. Мне не хочется, начинаются обычные пререкания. Вдруг Володя, чтобы поддержать няню, произносит отчетливо с напускным важным видом примерно следующую фразу: «Инженер мистер Дим перед своей поездкой в Америку представил нам замечательный проект многоэтажного здания, рассмотрением которого мы должны сейчас заняться. До свидания, мистер Дим!» Польщенный похвалой, я без всякого дальнейшего протеста отправляюсь с няней в путешествие.

В большом ходу была у Володи и Оли игра в «индейцев», иногда и я принимал в ней участие. Научились читать Володя и Оля почти одновременно и читали в детстве одни и те же книжки. Вот под влиянием чтения про индейцев у них и создалась такая игра, когда они, изображая индейцев, то и дело прятались от взрослых и шушукались между собой, как бы скрывая что-то.

Помню, как-то однажды я забрел в глухой, заросший со всех сторон уголок нашего сада и увидел там Олю, сидящую в каком-то шалаше из хвороста, низ шалаша был устлан травой. Около шалаша лежала кучка мелко наломанного хвороста, посыпанного огненно-желтыми листиками шафрана. Это должно было изображать горящий костер, на котором в каком-то котелке или горшочке готовился обед. Над головой у Оли пристроен большой зеленый лопух, изображавший головной убор индейца. Володя где-то промышлял охотой, она в ожидании его стерегла жилище и готовила еду. Оля дала мне понять, что все это тайна и рассказывать об этом старшим нельзя. Вскоре вернулся с охоты Володя, вооруженный луком и стрелами

¹ Речь идет о В. Г. Сарбатовой. *Ред.*

и тащивший какой-то косматый корень, долженствующий изображать убитого зверя. Володя рассказывал в подробностях, как он измучился в борьбе с этим зверем, как тот покусал и поцарапал его, прежде чем меткая стрела заставила наконец зверя свалиться замертво. При этом Володя рычал и ревел, как убитый им зверь, показывая нам этим, как было страшно и с каким трудом досталась ему победа. Кроме того, мы узнали из его рассказа, что ему причинили много хлопот также «белые люди», которые ловили Володю арканом и хотели его убить или взять в неволю, что, пожалуй, еще страшнее смерти. Володя изображал, каким он подвергался опасностям и как в конце концов он устал и проголодался. Необходимо было сейчас же достать черного хлеба с солью для восстановления сил, и я был послан поэтому на кухню, но со строгим наказом не выдавать ничего «белым людям» и скрываться. Помню, с какой таинственностью и важностью я выполнял данное мне поручение и как, посолив два куска черного хлеба, я крался с этой добычей к шалашу, заматывая свой след и уверенный, что никто меня не видит. Володя потом, подкрепившись, показывал нам свою новую стрелу, стреляя высоко в воздух, а я приносил ему обратно его замечательную стрелу с легкой лопаточкой на одном конце и тяжелым куском черного вара на другом.

Иногда, особенно в дождливую погоду, эти игры переносились на сеновал, в каретный сарай и даже на чердак дома.

В правом углу двора, почти примыкая к саду, стоял так называемый каретный сарай. Раньше он, вероятно, служил прямому своему назначению, но при нас, так как у отца не было ни лошади, ни экипажей, он был просто складом для всякой всячины. Этот сарай, большой и просторный, служил нам для детских игр. Редко кто из взрослых заходил в него, и поэтому мы чувствовали себя в нем уединенно и очень уютно. Там довольно низко висела трапедия, на которую кроме Володи лазили и мы с Олей, но главным образом на ней упражнялся Володя.

К нам в Симбирск приезжали иногда странствующие цирковые артисты, которые проделывали на площади Старого венца различные аттракционы, вроде, например, хождения по канату на большой высоте. Этот номер произвел на всех нас большое впечатление, и Володя с Олей решили проделывать то же самое у нас в каретном сарае. Достали толстую веревку, натянули ее метра на два над землей и затем упражнялись поочередно в хождении «по канату», причем обязательно подошвы натерлись густо мелом и употреблялся шест для балансирования, как у настоящих актеров.

В каретном сарае Володю можно было часто застать за работой — он выделывал перочинным ножом из мягкой осокоревой коры лодочки, которые дарил младшей сестре Мане. Там же он мастерил себе при помощи топора и пилы ходули, на которых любил потом расхаживать большими шагами. Выпиливанием по дереву лобзиком Володя в противоположность Саше не занимался. Он не играл также в бабки, чем увлекались тогда почти все гимназисты, и в том числе младший брат Митя.

На дворе, между каретным сараем и погребом, были устроены «гигантские шаги», на которых все мы иногда катались. Чтобы Володя увлекался ими, я не помню. Скорее, это можно сказать по отношению к крокету, в который Володя с Олей научились играть лучше других. Когда отец купил крокет, помню, как мы под руководством Володи взялись правильно устанавливать его. Между красным и черным колышками Володя туго натянул бечевку и потом, вымешивая точно расстояния молотком, намечал места для установки дужек, и как особенно тщательно он устанавливал потом мышеловку.

Игрой в крокет одно время увлекались мы все: играли и Аня, и ее подруга, молодая учительница, и даже папа; только Сашу очень редко удавалось оторвать от серьезной книги. Играли, строго придерживаясь установленных правил, из-за толкования которых иногда возникали горячие споры (как вообще часто случается в этой игре). Помню, что Володя играл лучше других и бывал непреклонен к нарушителям правил, но в то же время беспристрастным судьей в спорах.

Когда партия затягивалась до темноты, прибегали к помощи бумажных фонариков, которыми освещали дужки. Употреблялись специальные выражения в соответствии с папиной службой: «Шар отправился в уезд» или: «Угнать этот шар подальше в губернию».

Летом каждый вечер мы отправлялись с папой на Свиягу купаться. Отец абонировал на весь сезон определенные часы в купальне некоего Рузского. Помню, что фамилия владельца общественной купальни была Кох, и вот, бывало, отец, увидев издали идущего туда купаться учителя немецкого языка Штейнгауера, кричит ему в виде приветствия: «Немец идет к немцу, а русский — к Рузскому».

Володя взялся научить меня плавать в три урока. «Только делай так, как я буду учить», — и показал мне, что делать руками и ногами под водой. Затем посадил меня на глубокое место и сказал: «Плыви, как я учил». Мне залилась вода и в нос, и в рот, но после второго урока я уже поплыл самостоятельно, а затем стал плавать с ним и Сашей на ту сторону реки Свияги.

Зимой на Свияге устраивались общественный каток и высокие ледяные горы. Каждый день после обеда мы уходили туда с Володей кататься на коньках. Иногда нас сопровождали сестры: Оля также каталась на коньках, а маленькую Маню мы катали по катку в кресле. На нашем дворе также была ледяная гора с длинным ледяным раскатом — дорожкой. Гору мы делали сами около садового забора, рядом с колодцем, а раскат доводили до самого дома. В морозные вечера ходили с Володей качать воду из колодца и поливали гору

и раскат. У Володи были настоящие железные санки для катания с гор, на них можно было кататься лежа и управлять руками. На деревянных санках катались с горы всей гурьбой, вываливаясь обычно в сугроб. Крику и смеху было немало, и иногда, когда мы очень расшались, нас загоняли домой.

* * *

Не могу не вспомнить вечер в нашем доме в детстве, когда мне было пять — семь лет. Везде и на всем лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своем кабинете. Наверху в антресолях, каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу, в столовой, за большим столом сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же, около нее, с книгами и тетрадями сидят сестры Аня и Оля. Здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбежит вниз и начнется шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что это за шум? Чтобы я больше этого не слышал!» — и все опять стихнет. В крайнем случае, отец берет провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу. Порядок в общем был строгий.

ИГРА В СОЛДАТИКИ

В Симбирске у нас была в детстве в большом ходу игра в солдатики. В нее в разное время играли братья Саша, Володя, сестры Оля, Аня и я, но учил нас этой игре и вырезыванию солдатиков из бумаги старший брат Саша. Фигурки солдатиков имели подставки и таким образом держались вертикально. Аналогично вырезывались и кони, на которых можно было прилаживать солдатиков верхом. Получались всадники (конница). Игра была очень проста и напоминала собою детские кегли. Каждый играющий должен был выставлять по условию на полу комнаты в ряд по 10—15 солдатиков, и они сбивались маленьким резиновым мячиком, какой употребляется при игре в лапту. Сбитые фигурки заменялись новыми, из запаса. Играли обычно в столовой, где расстояния были промерены. Интересно, что Сашина армия были итальянцы под предводительством Гарибальди. Володина — американцы Авраама Линкольна из гражданской войны Севера с рабовладельческим Югом, под командой генералов Гранта и Шермана. У Ани и Оли были испанские стрелки, боровшиеся с Наполеоном Бонапартом. В боях не нужно было, чтобы противник соответствовал обязательно истории: американцы могли драться с испанцами, итальянцами, русскими и т. д., как в шахматной партии.

В детской литературе того времени отображалась очень ярко борьба негров против рабства, и тут характерно только то, что Володя своим выбором выражал симпатии Линкольна и его револю-

ционным генералам Гранту и Шерману, боровшимся против рабства негров в южных штатах Америки. У Володи и Оли настольной книгой в то время была повесть Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

5 декабря 1940 г., Горки

*Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т.
М., 1984. Т. I. С. 79—86.*

О ДОМЕ УЛЬЯНОВЫХ В СИМБИРСКЕ ¹

Мать посещала церковь в большие праздники, но религиозной не была... В последние годы своей жизни была уже совсем неверующей. Она часто говорила мне, когда я был студентом, что попы обманывают, и перестала ходить в церковь.

Одевалась мама всегда очень просто, скромно и опрятно. В костюмах ее преобладали темные тона, а после смерти папы она сделала себе траурный костюм и в нем ходила уже до самой смерти.

О ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЯХ

У Александра Ильича было две золотые медали. Одну он заложил, чтобы помочь нуждающемуся товарищу. Другую медаль заложил, чтобы купить азотную кислоту для приготовления бомб. О медали Ольги Ильиничны — куда она девалась — я не помню.

Александр Ильич, когда учился, давал уроки и в Симбирске и в Петербурге, чтобы меньше брать у отца денег на свое содержание.

ДУБОВЫЕ СТУЛЬЯ

Дом был куплен вместе с участком. Во дворе лежало большое дубовое бревно. Решили это бревно использовать на поделки. Оно было распилено на несколько досок. Из них отец заказал двенадцать стульев, их сделали складными из отдельных планок.

Стулья ничем не красились и не лакировались. Дуб оставался в натуральном виде. Они были поставлены в столовой вокруг обеденного стола, но так как эти стулья были малоудобны, то из столовой их убрали, а вместо них поставили венские. При отъезде в Казань мать их продала.

ДИВАН В КАБИНЕТЕ ОТЦА

В кабинете отца стоял не такой диван, как сейчас, а оттоманка с тремя подушками. На ночь эти подушки убирались внутрь дивана

¹ Из ответов Д. И. Ульянова на вопросы работников Дома-музея В. И. Ленина в г. Ульяновске в 1941—1942 гг. *Ред.*

в ящик. Спал отец в кабинете на оттоманке. Постель себе он стелил и убирал всегда сам. Обита оттоманка была темно-синим кретоном в клетку.

МАМИНА КОМНАТА ПОСЛЕ СМЕРТИ ОТЦА

После смерти отца мы жили в одной половине, в той, которая к Свияге. Дверь в комнату, где сейчас портретная, была заделана досками. У постояльца и у нас были отдельные парадные входы. Сначала в той половине, которая к Волге, жил молодой врач. Он жил недолго (несколько месяцев), а потом квартиру сдали присяжному поверенному Багряновскому.

В маминой комнате жили мы с Володей, а мама жила наверху, в комнате Анны Ильичны.

Володина кровать стояла на месте, где сейчас стоит комод, а моя — около двери в портретную комнату. Между моей и Володиной кроватью стоял комод. Около двери в столовую стоял шкаф с книгами (классиками). В углу на месте гардероба стоял письменный стол и около него два стула — для меня и Володи.

В столовую проходили через дверь в прихожую. Полотняная занавеска была убрана. Окно на лето затягивалось металлической сеткой. В этой комнате мы жили с Володей зиму 1886/87 года и лето 1887 года до июня, когда мы уехали в Казань. В этой же комнате летом 1886 года вместе с Владимиром Ильичем жил Александр Ильич, приехавший на каникулы из Питера.

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 53—54*

СЛОВО К ШКОЛЬНИКАМ ¹

Обращение. Ребята, недавно прошли ленинские дни. Какие это дни? Что они знаменуют? Я думаю, что многие из вас уже знают это.

Восемь лет тому назад, в 1924 году, 21 января, умер Владимир Ильич, и этот день отмечен особым трауром, особой скорбью рабочими и крестьянами нашего Советского Союза, а также и трудящимися всех стран земного шара. Почему это так? Потому что, идя во главе с товарищем Лениным и его партией, рабочие и крестьяне Советского Союза завоевали Великой Октябрьской революцией свободу от рабства, прогнали угнетавших их капиталистов и помещиков и взяли власть в свои руки. Потому что трудящиеся других стран поняли, что для своего освобождения они должны идти тем путем, который указал товарищ Ленин.

Вы все, ребята, немного уже знаете, слышали о делах товарища Ленина, в будущем вы познакомитесь с этим ближе и лучше. Всем

¹ Где выступал Д. И. Ульянов, установить не удалось. *Ред.*

вам интересно и нужно знать, как жил и боролся этот великий человек. Сегодня я расскажу вам немного о нем. Ведь вам хочется знать, каким он был маленьким. Должен предупредить вас, однако, что я был моложе его на четыре года и помню его, когда ему было уже лет девять-десять. Володя был резвый, бойкий мальчик, но в то же время сдержанный, на особые шалости никогда не шел...

Володя был очень правдивый мальчик и с ранних лет не любил хвастунов. Зашел как-то раз к нам во двор мальчик, посмотрел, как мы играем, и давай расписывать, как он хорошо умеет и то и другое делать и в цель попадает. Я и уши развесил, а Володя ему: «А ну, походи-ка камнем с трех раз в ту доску, как ты говоришь». Тот раз — мимо, два — мимо, три — мимо. «Вот видишь,— сказал Володя,— ничего ты не умеешь, только хвастаешь. И во всем, должно быть, так — только болтать умеешь. Хвастунишка ты, больше ничего». И взрослым Ильич не терпел хвастовства, всегда вспоминал поговорку: «Не хвались, едучи на рать!» А сам всегда очень скромнен. На охоте другой раз промажет по птице и говорит: «Ну, хороший охотник на моем месте двух бы уложил».

Помню, как мы с Володей катались на коньках. Мне было, должно быть, уже лет девять-десять. Я хотел прыгнуть обеими ногами, как делали это другие, и расшиб себе нос. Посторонние смеются. Он подъезжает, видит кровь на моем носу и на льду и утешает меня: «Не беда, приложи снег, это пройдет. Падать не будешь — не научишься никогда хорошо кататься». Это — совершенно верное правило... Сестра мне рассказывала, что, когда она училась ездить на велосипеде, очень боялась упасть и действовала очень нерешительно. Владимир Ильич тогда сказал ей: «Ты так никогда не научишься ездить, надо действовать смелей и решительнее. Упадешь раз-другой — не беда, без этого нельзя».

Как учился товарищ Ленин. В школе Володя учился прекрасно, отзывы учителей о нем всегда были хорошие. Семнадцати лет он окончил гимназию с золотой медалью (гимназия — это среднее учебное заведение в царское время). Правда, Володя от природы был очень способный мальчик, но звание лучшего, первого ученика он получил не только благодаря своим способностям, а, главным образом, благодаря своей настойчивости и труду. Все задаваемое на дом он проделывал аккуратно и тщательно, а письменные работы всегда писал сначала начерно, а потом переделывал и исправлял их, прежде чем писать набело.

Эту аккуратность и четкость в работе он требовал и от других. Один раз младшая сестра (Мария Ильинична) принесла показать ему нарисованную ею географическую карту (кажется, Европы), что им задали на дом. Он сказал: «Хорошо нарисовала, но не совсем, можно лучше». И дал ей указание, как это сделать, посоветовав взять циркуль для более точного измерения расстояний. Вообще он никогда не отказывался помочь нам и своим товарищам по гимназии.

Тогда, в царские времена, мальчиков заставляли изучать латинский и древнегреческий языки. Это были для всех нас самые про-

тивные и трудные уроки. Учили их только по необходимости. Однако и эти древние языки Владимир Ильич изучал также старательно и уже в 15—16 лет хорошо овладел ими. Тут вот особенно и требовалась его постоянная помощь товарищам, а также и мне.

У Владимира Ильича, когда он учился, всегда оставалось достаточно времени для чтения. Читал он, помню, очень много и часто ходил в библиотеку менять книги.

Владимир Ильич рос в то время, когда о власти рабочих и крестьян можно было только мечтать. Вся власть была в руках царя, его чиновников и полицейских. Они защищали богатых — помещиков и капиталистов, а трудящихся (рабочих и крестьян) угнетали, брали с бедняков непосильные налоги, держали их в невежестве, в незнании. А тех из них, кто пробовал бороться против богатей и ненавистных царских порядков, и тех, кто хотел помочь трудящимся в этой борьбе, безжалостно преследовали — сажали в тюрьмы, ссылали в сибирскую глушь на каторжные работы.

Товарищ Ленин еще в юные свои годы возненавидел эти общественные порядки, это всеисилие богачей, это бесправие и угнетение трудящихся и твердо и непреклонно решил беспощадно бороться, отдать на эту борьбу все свои силы и жизнь.

Но враг был страшно силен, борьба предстояла трудная и долгая. Надо было прежде всего вооружиться знаниями, хорошо изучить врага, ознакомиться с опытом борьбы в других государствах, чтобы найти правильный, верный путь и не сбиться с него.

Со свойственным ему упорством и настойчивостью в достижении намеченной цели Владимир Ильич взялся за дело. Он понял, что свалить всеисильного врага могут только трудящиеся массы и только тогда, когда во главе их встанет передовой отряд (лучшие, передовые борцы), т. е. партия. Над созданием такого передового отряда — нашей Коммунистической партии много и долго пришлось работать товарищу Ленину. И в этом величайшая его заслуга, потому что Октябрьская революция привела к власти Советов только благодаря руководству Коммунистической партии, за которой пошли рабочие массы.

Вот, ребята! Заканчивая свое слово, я пожелаю вам в вашей учебе, в вашей общественной работе, в вашей борьбе за окончательное укрепление социализма у нас и во всем мире иметь перед собой всегда пример товарища Ленина, идти по его стопам, работать, бороться и жить, как делал это он.

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет.
Воспоминания, переписка, статьи
2-е изд., доп. М., 1984. С. 56—58*

КАК РАБОТАЛ ЛЕНИН В МОЛОДЫЕ ГОДЫ

У Ленина мы учимся по его литературным трудам, по его сочинениям, изучая различные вопросы ленинизма. У Ленина мы учимся на всей истории нашей партии — с ее основания до 1924 го-

да. Мы должны также учиться у Ленина тому, как надо работать.

В работе у Ленина всегда бросались в глаза редкая настойчивость и упорство. Работал он не от случая к случаю, а систематически, изо дня в день. Поэтому результат его работы всегда отличается поразительной ясностью и четкостью мысли. Он работал всегда с особенной тщательностью, придавая громадное значение качеству работы. Этого обычно он требовал и от других; не раз приходилось слышать от него: «Сделано неплохо, но может быть сделано еще лучше!»

Будучи учеником гимназии, он прекрасно учился, имея по всем предметам только одну отметку: отлично. Переходил из класса в класс с круглой пятеркой и первыми наградами и окончил гимназию в 17 лет с золотой медалью.

Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь, как это делало большинство его товарищей-гимназистов. Наоборот, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу — смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.

Между прочим, Владимир Ильич никогда в гимназии не писал черновиков чернилами, исключительно карандашом. При этом он очинивал карандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особой любовью, так что буквы получались, как тонкие нити. Как только карандаш тупился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Мне, мальчику 12—13 лет, очень нравилось следить за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения: я пробирался в его отсутствие к первому листу черновика и удивлялся, как быстро первая половина листа заполнялась все новыми и новыми строчками.

Преподавателем словесности у Владимира Ильича и первым оценщиком его сочинений был тогдашний директор Симбирской гимназии Федор Михайлович Керенский, отец известного эсера

¹ Имеется в виду А. Ф. Керенский — глава буржуазного Временного правительства в 1917 г. *Ред.*

Тот восхищался сочинениями Владимира Ильича и очень часто ставил ему не просто пять, а пять с плюсом. Не раз он говорил нашей матери, что ему особенно нравится в сочинениях Владимира Ильича продуманная система, обилие мыслей при сжатости, ясности и простоте изложения.

У матери долгое время хранились некоторые гимназические сочинения Владимира Ильича, но, к сожалению, в связи с многочисленными переездами из города в город, с жандармскими обысками и т. д. они все растерялись.

В своих ученических сочинениях уже тогда Владимир Ильич придерживался хорошего правила древних: чтобы мыслям было просторно, а словам тесно.

Исключенный из университета за участие в студенческих беспорядках, Ленин обычно летом жил в деревне. В большом заброшенном саду, около садовой скамьи, он устроил себе рабочий стол. Туда ежедневно после завтрака он уходил с книгами и тетрадями и усаживался за серьезную работу часов на пять, пока не позовут обедать. Эти занятия были настолько систематичными, что я с трудом могу вспомнить единичные случаи, когда Владимир Ильич изменял этому обычаю. Если принять во внимание его возраст — в те годы ему было около 20 лет, — то приходится поражаться выдержке и настойчивости этого человека.

Когда Ленин был арестован в Петербурге в декабре 1895 года, он взялся в тюрьме за серьезную литературную работу. Пользуясь книгами и статистическими сборниками, которые посылались ему с воли, он с обычным для него упорством, изо дня в день сидел за изучением и подбором материалов, составлением цифровых таблиц и т. п. И, таким образом, за 14 месяцев своего сидения в одиночке закончил вчерне свою большую работу «Развитие капитализма в России»¹.

Когда в начале 1897 года он услышал на свидании, что его дело закончено и скоро предстоит освобождение и высылка в Сибирь, он воскликнул: «Рано! Я не успел еще собрать все нужные мне материалы!»

*Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т.
М., 1984. Т. I. С. 87—89*

О ВЫБОРЕ ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ ФАКУЛЬТЕТА

Надежда Константиновна вспоминает рассказ Владимира Ильича о своих гимназических годах: «Когда мы кончали гимназию, один из товарищей предложил мне пойти на прогулку, с тем чтобы поговорить о нашем будущем. Но когда этот товарищ стал говорить о

¹ Книга «Развитие капитализма в России» вчерне была закончена в августе 1898 г. *Ред.*

выборе факультета и дальнейшей нашей работе, я понял, что речь идет только о карьере и совершенно не касается революционной деятельности. Я тогда махнул рукой на этого товарища».

Из этого факта определенно вытекает, что Владимир Ильич хотел говорить тогда с товарищем не о карьере, а по поводу революционной деятельности, что он тогда, *еще до университета*, интересовался вопросом о выборе путей революционного движения.

На это указывает совершенно определенно такой момент, как выбор Ильичем факультета. Сверстников его очень удивил тот факт, что Владимир Ильич остановился на юридическом факультете. Они считали тогда, что на юридический факультет идут главным образом карьеристы. Они не поняли тогда, что юридический факультет может быть интересным и людям, ставящим перед собой задачу изучения буржуазного общества, его экономической структуры, изучения его права; изучение всего в целом современного общества, борьбу с которым они поставили целью своей жизни.

Как известно, и Карл Маркс избрал юридический факультет; и это не случайность, что как тот, так и Владимир Ильич, поступая в университет, остановились оба на одном факультете.

*Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т.
М., 1984. Т. 1. С. 90*

ВОСПОМИНАНИЯ О КОКУШКИНЕ

(Запись беседы с Д. И. Ульяновым)

В 1887 году в декабре, числа 6-го или 7-го, Владимир Ильич в сопровождении околоточного надзирателя был привезен из Казани в Кокушкино¹.

Числа 15 декабря в Кокушкино приехала моя мать, Мария Александровна, с Ольгой Ильиничной и няней Варварой Григорьевной. Я учился в это время в четвертом классе Казанской гимназии, зимой был болен, и мать взяла меня с собой в Кокушкино.

Мы с Володией жили в одной комнате, где стояли две койки с обыкновенными жесткими матрацами. Моя кровать была железная, у Владимира Ильича — простая, деревянная. Койки стояли близко к печке. На койках было по одной подушке, и покрывались они сероватыми байковыми одеялами с каймой. Пол простой, из широких толстых досок, некрашенный; на полу лежали половики деревенской работы.

В комнате у окна стояли простой рабочий стол Владимира Ильича и несколько стульев. В углу комнаты — верстак; на стене

¹ В. И. Ленин приехал в деревню Кокушкино Казанской губернии 7 (19) декабря 1887 г. вместе с матерью и младшей сестрой М. И. Ульяновой. Очевидно, М. А. Ульянова потом вернулась в Казань и снова приехала в Кокушкино.

По свидетельству М. И. Ульяновой, надзиратель сопровождал семью Ульяновых до городской заставы (см. настоящий том, с. 192). *Ред.*

была прибита деревянная рейка, за которую были заложены стамески, долото, коловорот, буравчик и пр. На полке над верстаком лежали фуганок, рубанки.

На столе у Владимира Ильича лежали книги, журналы.

Из газет Владимир Ильич читал «Русские ведомости», из журналов — «Русское богатство», уделяя особенное внимание статьям Н. Михайловского. Из библиотеки Пономарева (бывшего мужа Ардашевой, сестры Марии Александровны) Владимир Ильич пользовался книгами и журналами за прошлые годы, например «Современником», где печатались статьи Добролюбова, Чернышевского и др.

В комнате, где жила Анна Ильинична, стояла кровать и Ольги Ильиничны, которая зимой (1887/88 год) жила в Кокушкине недолго, около полутора месяцев. Обстановка в комнате была простая, на окнах висели на веревочке белые занавески.

В комнате Марии Александровны находилась кроватка Марии Ильиничны; в этой комнате была русская печь с плиткой, здесь пекли лепешки и готовили пищу.

В большой комнате дома стояли бильярд и фортепьяно, на котором играли Ольга Ильинична и Мария Александровна, они обе очень любили музыку.

На террасе дома стоял стол, покрытый клеенкой, на террасе были цветы. У дома был большой сад, в саду росли кусты сирени, березы и липы. Беседки в саду не было. Напротив дома стояла трапезная и к ней — наклонная лестница для гимнастических упражнений, которыми любил заниматься Владимир Ильич.

Читать Владимир Ильич в теплую погоду чаще уходил на берег реки Ушни, где и располагался под кустиками в тени.

На реке Ушне была очень неважная купальня, вернее, место, где раздевались перед купанием. Купальня представляла огороженный досками плот, который держался на воде на пустых бочках. Там же была старая лодка, сделанная из досок.

26 декабря 1939 г., Горки

*Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т.
М., 1984. Т. 1. С. 91—92*

В АЛАКАЕВКЕ

В начале лета 1889 года наша семья и Владимир Ильич переехали из Казани в Самару и поселились на хуторе близ деревни Алакаевки, где мать купила небольшой участок земли. Мы жили в небольшом деревянном доме, к которому примыкал густой, запущенный сад, отделенный от поля рвом. В северо-западном углу сада был «Володин уголок» — деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10—15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около девяти часов утра он приходил сюда с книгами и тетрадями и работал до двух часов без перерыва. В течение пяти лет, с 1889

по 1893 год, это был настоящий *рабочий кабинет* Ильича. Занятия были настолько систематичны, что я с трудом могу вспомнить то утро, когда он не работал там. Шагах в пятнадцати от столика он устроил себе гимнастику, как он называл — рэк. Это нечто вроде трапеции, только без веревок, круглая, неподвижно укрепленная на двух столбах палка. Владимир Ильич любил в те годы упражняться на рэке; он его устраивал из кленовой, хорошо оструганной палки и укреплял на высоте около сажени так, чтобы, поднявшись на носки, едва касаться палки концами пальцев. Небольшой прыжок... Хватает палку руками, подтягивается на мускулах, забрасывает ноги вперед и ложится на палку животом. Затем усаживается и приступает к различным упражнениям. Один номер — влезать на рэк не животом, а спиной — долго ему не давался. Нужно было видеть, с какой настойчивостью он много раз, но безуспешно пытался проделать его! Наконец однажды с торжеством и лукавой улыбкой он говорит мне: «Пойдем на рэк, вчера вечером и сегодня утром я наконец сбалансировал. Гляди!» И трудный номер удается вполне: Владимир Ильич, тяжело дыша, с довольным лицом сидит на рэке. Номер состоял в том, чтобы, подтянувшись и повиснув на коленках, продвигаться вперед сначала бедрами, а потом спиной, не теряя равновесия, и затем сесть. Мне эта штука так и не далась, хотя, впрочем, я и редко упражнялся на его рэке.

Алакаевка расположена верстах в пятидесяти на восток от Самары. Общий характер местности — степной, но под самой Алакаевкой тогда были леса: крестьянский — под названием «Муравельный» и бывший Удельного ведомства — «Гремячий». Из города в деревню мы часть пути ехали по железной дороге до станции Смышляевки Самаро-Златоустовской железной дороги, другую часть, верст тридцать, — на лошади, на своей Буланке. Довольно часто выезжал на станцию я. Когда приходилось возить Володю, надо было держать ухо востро: он отмечал время по часам и в сухую погоду требовал ехать быстро. Для этого надо было настраивать ленивую Буланку при помощи кнута и все время следить за ней. Править лошадью сам Володя не любил, и вообще у него никогда не замечалось особого пристрастия к лошадям. Вся дорога шла степью и полями, и только под Алакаевкой начинался лес. И какой же чудный воздух был там, особенно после пыльной Самары!

Реки близко от Алакаевки не было, но вблизи дома находился большой пруд, сильно заросший, особенно по берегам, водяными растениями. Сюда мы ходили раза по два в день купаться, для чего у нас была приспособлена на чистом месте дощатая раздевалка. Володя хорошо умел плавать и артистически лежать неподвижно на воде, подложив руки под голову. Я ходил на пруд ловить карасей и стрелять уток. Ильич не любил рыбной ловли, а охоту признавал только тогда, когда она соединялась с хорошей прогулкой. Поэтому на охоту в алакаевский период мы ходили с ним в соседние леса, главным образом за тетеревами.

Однако Володя чаще предпринимал прогулки без ружья, ходил

один, или с кем-нибудь из нас, или компанией с сестрами, с матерью, с Марком Елизаровым, когда последний жил в Алакаевке.

По вечерам обычно Владимир Ильич и все мы устраивались на терраске вокруг большой лампы, около которой в изобилии кружились ночные бабочки и жуки. Кто читал, кто играл в шахматы. Здесь я видел у Володи Рикардо на английском языке, которого он читал при помощи словаря. Затем Гизо в русском переводе — «История цивилизации во Франции», многотомный труд, который он брал, кажется, в Самарской городской библиотеке.

В Самаре в эти годы жил В. В. Водовозов — сын известной писательницы Е. Н. Водовозовой, автора книги «Жизнь европейских народов». Перед Самарой Водовозов был в административной ссылке в Шенкурске, Архангельской губернии. В первое время нашей жизни в Самаре он частенько заходил к нам, но потом почти перестал бывать. Владимир Ильич недолюбливал его. У этого Водовозова была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкафами, все книги были чистенькие, в новых переплетах. Он очень дорожил своей библиотекой, и казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией. К нему приходилось заходить не из-за него самого, а из-за его книг. Мне передавали, что, когда старший брат, Александр Ильич, был арестован по обвинению в покушении на жизнь царя, первыми словами Водовозова были: «Ах как жаль, он взял у меня такую-то ценную книгу, она, пожалуй, теперь пропадет...»

Как-то в начале 90-х годов был уволен со службы некий губернатор Косич (кажется, саратовский); про него говорили, что он был большой либерал и благоволил к политическим ссыльным. Об этом, в частности, рассказывал Водовозов, и от него и его группы исходило предложение поднести адрес названному Косичу от политических и вообще левых элементов. Это предложение вызвало споры в Самаре. Когда же Ильич узнал о нем, он категорически и очень резко высказался против. Так, кажется, и не был поднесен адрес.

Из товарищей брата по самарскому периоду хорошо помню Скляренко Алексея Павловича, Лалаянца Исаака Христофоровича, которого Марк Тимофеевич Елизаров прозвал Колумбом, — он так и остался под этой кличкой в последующие годы революционной работы — Ионова Вадима Андреевича, рано умершего. Помню также Марию Петровну Голубеву, часто бывавшую у нас и принимавшую живое участие в спорах на политические темы.

У Скляренко гимназисты и семинаристы старших классов получали полулегальную литературу: Писарева, Чернышевского и т. п. Он для нас, юнцов, был окружен какой-то особой таинственностью. Внешностью он также импонировал нам: высокий, сильный, неразлучная суковатая палка и темное пенсне.

Владимир Ильич в эти годы много работал по статистике крестьянского хозяйства. Статистические данные (распределение крестьянских хозяйств на группы по количеству рабочего скота, размеру посева, аренды земли и пр.) говорили о росте экономического неравенства в крестьянской среде, о расслоении крестьянства на состоятельную, экономически крепкую группу и бедноту, на сельскую буржуазию и пролетарскую или полупролетарскую массу крестьян. Эти выводы разбивали народническую утопию об однородности крестьянства, они доказывали с очевидностью факт развития капитализма в России. Эти выводы подтверждали правильность марксистской линии в политике русских революционеров.

Товарищи Ильича — Скляренко, Лалаянц и Ионов — также занимались тогда разработкой статистических материалов по тем же вопросам, что и Владимир Ильич. У меня сохранилась списанная мною в 1893 году небольшая рукопись Скляренко, являющаяся интересным образцом работы группы Владимира Ильича.

Помнится, в том же 1893 году я познакомился со статьей Федосеева «Причины падения крепостного права в России», которая в рукописном виде ходила по рукам самарских марксистов. Кто именно дал мне ее, не помню, но переписать ее я, к сожалению, не мог, так как она была довольно объемиста и дали мне ее на очень короткий срок. В этой очень интересной статье Федосеев доказывал, что реформа 1861 года вызвана, конечно, менее всего либеральным настроением верхов и не столько политическими соображениями, что, мол, лучше «освободить» крестьян сверху, чем ждать, когда начнется освобождение снизу, а причинами чисто экономическими. За «освобождение» стояли помещики наиболее крупных и культурных хозяйств, которым выгоднее был переход на вольнонаемные отношения. Крепостнические отношения стали стеснять дальнейшее развитие более интенсивного, рационального сельского хозяйства. В то время, сорок лет тому назад, когда еще крепко держались, особенно в либеральном обществе и частью в народе, нелепые предрассудки о свободолюбии царя и его ближайших помощников, для молодого марксиста, каким был Федосеев, очень важно было опровергнуть эти вредные для трудящихся масс предрассудки, эту неправду об «освобождении» крестьян и доказать, что реформа была проведена в интересах господствующего класса, и если не всего в целом, то, во всяком случае, наиболее богатой, экономически сильной его части. Пользуясь многотомным трудом Скребницкого «Крестьянское дело в царствование Александра II», Федосеев доказывал, что наиболее крупные помещики, в частности прибалтийские, с хозяйством более высокого типа (по интенсификации и рационализации), сплошь были за «освобождение», т. е. за новую, более выгодную для них капиталистическую форму порабощения. Помещики отсталых, мелких, задолжавших хозяйств были против реформы.

В настоящее время это ясно каждому грамотному марксисту,

тогда сорок лет назад, это требовалось доказывать. Недаром Владимир Ильич так ценил работы Федосеева и, как известно, искал знакомства с ним ¹.

*Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т
М., 1984. Т. I. С. 93—96*

В САМАРЕ ²

...Владимира Ильича в Самаре часто можно было видеть за разработкой статистических материалов. Он доставал земские статистические сборники, где сосредоточивались сырые цифровые данные о крестьянских хозяйствах, производил выборки, часами щелкал на счетах и подсчитывал в процентах. Подойдешь, бывало, к его письменному столу и в таблицах видишь бесконечные графы: «безлошадные, однолошадные, двухлошадные, многолошадные», столько-то хозяйств, затем то же в процентах. Далее опять крестьянские хозяйства по другим экономическим признакам, снова цифры, проценты и т. д. В результате видишь, примерно 10 процентов богатых крестьян, 20 процентов бедноты и т. п.

Как-то по Самаре разнесся слух, что Вадим Андреевич Ионов арестован, отвезен в Питер по распоряжению департамента полиции и посажен в Петропавловскую крепость. Недели через две-три Ионов, однако, как ни в чем не бывало вернулся в Самару. В чем было дело, никто ничего не знал, так как Ионов упорно отмалчивался. Значительно позже мне рассказал Владимир Ильич, что у Ионов сарматские жандармы нашли при обыске какую-то его рукопись и по распоряжению департамента полиции отправили его в сопровождении двух полицейских агентов в Питер. Ионову в пути удалось заметить, что рукопись находится в чемоданчике полицейских спутников. На последнем перегоне из Москвы в Питер Ионов ночью притворился спящим. Один из агентов спал, другой дежурил и не ложился; в коридоре топилась железная печурка (в те времена на железных дорогах не было еще центрального отопления). Дежурный агент «клевал носом», а под утро захрапел сидя. Через несколько минут Ионов крепко заснул, а злополучная рукопись догорала в печке.

В Самаре мы жили зиму 1889/90 года в доме Каткова на Заводской улице под горой у самого берега Волги. Красный каменный дом, снимали весь второй этаж.

С мая 1890 года до отъезда из Самары в августе 1893 года жили на углу Сокольничьей и Почтовой улиц в доме Рытикова, деревянный двухэтажный дом. Верхний этаж снимали мы, комната Владимира Ильича выходила на Почтовую (север). третье окно от угла. Здесь Владимир Ильич болел тифом сравнительно в легкой форме,

¹ Для встречи с Н. Е. Федосеевым В. И. Ленин 24 августа (5 сентября) 1893 г. заезжал во Владимир, но встреча не состоялась, так как Федосеев в это время находился в тюрьме. *Ред.*

² Заголовок дан составителем. *Ред.*

очевидно так называемым теперь паратифом, помнится, осенью 1890 года.

Из знакомых брата помню Скляренко Алексея Павловича, Ионова Вадима Андреевича, Лалаянца Исаака Христофоровича, Голубеву Марию Петровну (теперь Яснева). Семенова плохо помню, он, кажется, редко бывал у нас.

Об Ионове много говорили в связи с его арестом и отправкой в Питер.

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 68—69*

ШАХМАТЫ

Играть в шахматы Владимир Ильич начал лет восьми-деяти. Играл с отцом, который был первым его учителем, со старшим братом, Александром Ильичем, затем впоследствии с нами, меньшими,— сестрой Олей и со мной. Для меня он был учителем, и очень строгим, поэтому я больше любил играть с отцом, который снисходительно разрешал мне брать ходы обратно.

У Владимира Ильича было прекрасное правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать, взялся за фигуру — ею и ходи. У любителей это правило очень часто нарушается, ходы берутся назад, положения переигрываются. Этот скверный обычай страшно портит и игру, и игрока. Вместо того чтобы, не касаясь фигур, продумывать тщательно различные комбинации, что и дает интерес игре, приучает точно рассчитывать за несколько ходов вперед, люди тыкают фигуры, не подумав, торопятся, придают игре нервность, азарт.

Помню как анекдот следующий случай на шахматном вечере в Самаре. Играли на нескольких досках, некоторые наблюдали за игрой. За одной из досок сидели двое толстяков, брали ходы назад, спорили, горячились, шумели. Один нечаянно подставил под бой свою королеву, другой в мгновение ока схватил ее и сжал в кулаке. Поднялся невообразимый шум и крик, оба вскочили из-за стола, и потерпевший старался отнять свою фигуру. При общем хохоте Владимир Ильич крикнул: «Спрячьте ее в карман!»

Он обыкновенно играл серьезно и не любил так называемых «легких» партий. Играя со слабейшими игроками, чтобы уравновесить силы, давал вперед ту или другую фигуру. Когда же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич обычно заявлял: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться». Он даже предпочитал быть несколько слабее того, кому давал вперед. Когда без туры я стал выигрывать у него чаще и просил перейти на коня, он поставил условие: «Выиграй подряд три партии, тогда перейдем».

Обычно наблюдается обратное: больше нравится выигрывать,

хотя бы и без особых усилий и труда. Владимир Ильич смотрел иначе: у него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые. Бывало, когда сделаешь в игре глупость и этим дашь ему легкий выигрыш, он говорил, смеясь: «Ну, это не я выиграл, а ты проиграл».

Пятнадцати лет Владимир Ильич стал обыгрывать отца. Помню, как Илья Николаевич (зимой 1885/86 года), войдя в столовую, сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе уже нужно познакомиться с NN и с ним играть» (помнится, некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске. У нас он не бывал).

Летом 1886 года Владимир Ильич много сражался в шахматы со старшим братом, Александром. Они объявили между собой матч. Каковы были условия матча и результаты его, я, к сожалению, не помню. Борьба была ожесточенная, оба молча сидели, часами не отрываясь от шахматной доски. Для меня тогда их игра была совершенно непонятна, слишком трудна, к тому же у них за игрой не было ни споров, ни азарта, что могло бы привлечь малейшее внимание, ни даже каких-нибудь разговоров.

О силе их игры в то время можно судить отчасти по следующему факту. Тем же летом Александр Ильич, живя в Кокушкине, Казанской губернии, с успехом играл, не глядя на доску, с игроком, которому тогдашняя первая категория в Казани давала ладью вперед. Интересно, что одновременно с этой шахматной партией «не глядя» Александр Ильич играл на бильярде в пять шаров и вел счет своим очкам.

Во время своего состязания братья играли только по вечерам. Несмотря на то что это было в каникулярное время, когда оба они были свободны, я не помню ни одного случая, чтобы они играли в шахматы до обеда. Утренние часы посвящались серьезным занятиям. По-моему, этот факт чрезвычайно показателен и характерен для них обоих, особенно если вспомнить, что старшему было 20 лет, а Владимиру Ильичу — всего 16.

В это лето, первое после смерти отца, мы занимали одну половину нашего дома (по Московской улице), ту, которая к Свияге, другая же, к центру города, сдавалась квартирантам. Там внизу, в маленькой комнатке, обращенной во двор, и происходило обычно шахматное состязание между старшими братьями.

Вспоминаю, между прочим, такой случай: они сосредоточенно сидели в этой комнате за шахматной доской, освещенной лампой, окно было открыто, но засетчено проволоочной сеткой. Мы, ребята, играли во дворе и в освещенное окно видели неподвижные и молчаливые фигуры шахматистов. Одна девочка, лет двенадцати, подбежала к окну и крикнула: «Сидят как каторжники за решеткой»... Братья быстро обернулись к окну и серьезно посмотрели вслед убежавшей проказнице. Настоящей железной решетки они еще не зна-

ли, но, должно быть, она уже чувствовалась ими как что-то неминуемое и совершенно неизбежное в те времена.

Зимой 1888/89 года Владимир Ильич много играл в шахматы и ходил в клуб с одним из двоюродных братьев¹. Тогда мы жили в Казани, на Первой горе, в доме Орлова. Однажды в то время Владимир Ильич попробовал свои силы, «не глядя на доску». Он позвал меня к себе в комнату и сказал, что, не давая ничего вперед, будет играть со мной, не глядя на шахматы. Никогда не видевши такой игры и полагая, что это чрезвычайно трудная штука, я уверенно уселся за шахматы и решил сбивать его необычными ходами и разными «шпильками»: авось не заметит. Он уселся на кровать и стал диктовать свои ходы. Несмотря на все свои выкрутасы, я был разбит очень скоро в пух и прах. Вообще же Владимир Ильич не любил играть «не глядя», и в дальнейшем я уже не помню таких партий. Следует, между прочим, сказать, что этот способ игры, несмотря на свою эффектность, чрезвычайно вреден, качество игры безусловно понижается, и в то же время требуется большое напряжение мозга.

В ту же зиму Марк Тимофеевич Елизаров организовал партию по переписке между Владимиром Ильичем и сильным самарским шахматистом А. Н. Хардиным². Ходы передавались по почте, обыкновенно открытками. После одного своего хода Владимир Ильич, ожидая ответного письма, несколько раз расставлял шахматы и говорил: «Интересно, что же он теперь сделает, как выпутается из этого положения, я, по крайней мере, не нахожу удовлетворительного ответа»... Пришел наконец ответ, которого долго ждали. Немедленно были расставлены шахматы. Мне, уже заинтересовавшемуся их игрой, ход Хардина казался нелепым. Владимир Ильич вначале тоже недоумевал, но потом очень скоро продумал положение и сказал: «Н-да, это игрок — чертовская сила!» Нужно сказать, что Хардин был действительно очень крупной шахматной величиной. В 80-х годах он побил лучших московских игроков, а затем с большим успехом состязался с Чигориным³. Хотя Хардин и не выступал на больших турнирах, Чигорин считал его одним из лучших шахматистов в России (см., например, перевод Дюфрена, примечание Чигорина). Владимир Ильич партию по переписке проиграл, затем, после переезда из Казани в Самару (весной 1889 года), лично познакомился с Хардиным, и тот давал ему первое время коня вперед. Через год-два Владимир Ильич стал побеждать и они перешли на пешку и ход, но при таком соотношении Владимир Ильич чаще проигрывал.

Андрей Николаевич Хардин был присяжным поверенным и страстно любил шахматы. Он выписывал массу иностранной шахматной литературы и мог часами просиживать один за доской. По

¹ Речь идет об А. А. Ардашеве. *Ред.*

² А. Н. Хардин (1842—1910) — юрист, известный русский шахматист. В. И. Ленин работал у Хардина в Самаре помощником присяжного поверенного. *Ред.*

³ М. И. Чигорин (1850—1908) — выдающийся русский шахматист, основатель русской школы шахматной игры. Издатель журналов «Шахматный листок» и «Шахматный вестник». *Ред.*

его словам, он выучился хорошо играть благодаря тому, что, попав куда-то в глушь и имея много досуга, целыми днями просиживал за шахматной литературой и теорией этой игры. В течение приблизительно года или немного больше он ни с кем не играл, а после этого сидения, встретившись с Чигориным, показал себя первоклассным игроком.

Зиму 1889/90 года мы жили всей семьей в Самаре, на Заводской улице, в доме Каткова¹, у самой Волги; в это время Владимир Ильич больше, чем когда-нибудь, увлекался шахматами. Он играл главным образом с Хардиным, но также и с другими самарскими шахматистами. Был организован турнир с участием восьми — десяти человек. Играли, давая фигуры вперед, так как участники были разной силы. В первой категории (разряде) был один Хардин, во второй — Владимир Ильич и еще один игрок, остальные — в третьем и четвертом разрядах. Победителем турнира вышел Владимир Ильич. Первый приз был что-то около 15 рублей. Никакой вещи они не купили, и один из участников принес призеру эти деньги. Владимир Ильич категорически отказался их взять, и по его предложению они были пожертвованы на что-то.

Владимир Ильич любил бывать у Хардина — первое время больше из-за шахмат, а потом, когда он сдал экзамены по юридическому факультету и записался у Хардина помощником присяжного поверенного, их связывали также общие дела судебного характера.

Лучшего партнера в шахматы, чем Хардин, нечего было и желать, и Владимир Ильич, конечно, мог бы скоро сравняться с ним и пойти дальше, если бы он серьезно взялся за шахматную литературу, если бы, например, летние месяцы, которые он в эти годы проводил в деревне Алакаевке, он посвятил шахматам и теории этой игры. При своей систематичности, настойчивости и по своим умственным силам он бы в несколько лет сделался крупнейшей шахматной величиной, это несомненно. Но Владимир Ильич всегда относился к шахматам только как к развлечению, к игре. Вспоминаю, как я, находясь в гимназии под гнетом идиотской латыни и греческого языка, сказал ему как-то за игрой, что лучше бы вместо этих древностей в гимназии ввели шахматы для упражнения мозга. «Ну, этим ты поправишься, как говорится, из кулька в рогожку; не надо забывать, что шахматы все-таки только *игра*, а не *дело*». К шахматной литературе, как известно очень обширной, Владимир Ильич почти не прикасался, если не считать концов партий, которые он хорошо знал, и некоторых общеупотребительных в то время дебютов. Во всяком случае, он никогда не пробовал изучать теорию шахмат систематически, что совершенно необходимо для каждого крупного игрока.

Здесь сказывается его общность в оценке шахмат с Карлом Марксом и Вильгельмом Либкнехтом, которые тоже увлекались этой игрой в свое время. В воспоминаниях о Марксе В. Либкнехт, отец известного Карла Либкнехта, писал: «Вообще, шахматная игра

¹ Дом Каткова находился на Воскресенской улице (ныне — Пионерская, 6).
Ред.

отошла у нас на задний план, так как мы снова приступили к правильным занятиям. Там я, пользовавшийся в нашем маленьком кругу славой шахматного игрока, убедился в верности лессинговского приговора о шахматной игре: «Для игры — слишком много серьезности, для серьезности — слишком много игры». Я был приглашен на состязание известными игроками; в их обществе, обществе специалистов, я скоро узнал, что открытые мною ходы, которыми я гордился, уже сотни лет до меня были известны; я очутился в положении того крестьянина с Пиренеев, который во времена Людовика-Филиппа вновь изобрел изобретенные уже четыре века тому назад башенные часы. Я узнал, что существует большая шахматная литература и что я, если хочу преуспевать в шахматной игре, должен изучить эту литературу и совершенно отдаться шахматам. Но сделать шахматы задачей жизни — на это я не мог решиться...»

Выше было подчеркнуто, что во время состязания Владимира Ильича с Александром Ильичем они в утренние часы в шахматы не играли — в это время оба сидели за книгами и тетрадами. Шахматам посвящались послеобеденные и отчасти вечерние часы. Так и впоследствии, когда Владимир Ильич жил в Алакаевке, утро было занято более серьезной работой. В старом, запущенном саду среди густой листвы у него были стол и скамейка, там раскладывались с раннего утра книги, рядом была утоптанная дорожка шагов в десять — пятнадцать, по которой он шагал, обдумывая прочитанное. Ни о каких шахматах, ни о каком развлечении здесь не могло быть речи. Здесь нужно было работать, учиться, готовить себя не для шахмат, а для другой, более серьезной борьбы. За все пять лет, которые мы провели в Алакаевке, я с трудом могу вспомнить три-четыре дня, когда Владимир Ильич нарушил свой порядок и изменил своему столу в саду с книгами и утоптанной дорожке.

Начиная с 1893 года Владимир Ильич все реже и реже играет в шахматы. Про его игру в сибирской ссылке с Кржижановским, Старковым, Лепешинским можно прочесть в статье П. Н. Лепешинского¹.

Последний раз я играл с Владимиром Ильичем в 1903 году в Женеве. Дома у него не оказалось даже шахмат, мы нашли какую-то кофейню, где и уселись за игру. Владимир Ильич спросил меня, что я буду пить; я высказался за мюнхенское пиво. Он подозвал кельнершу и заказал кружку пива и стакан черного кофе. «Пива что-то не хочется», — сказал он с хитрым огоньком в глазах... Играли четыре с лишним часа одну партию, притом так сосредоточенно, что окружающие начали под конец посмеиваться над нами.

После революции Владимир Ильич почти совершенно не играл в шахматы, говоря, что это слишком утомительно; он предпочитал в свободное время городки, прогулки, охоту.

*Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т.
М., 1984. Т. 1. С. 97—102*

¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 64—77.

СЛУЧАЙ С КУПЦОМ АРЕФЬЕВЫМ

Более тридцати лет тому назад с Владимиром Ильичем произошел следующий случай, о котором я хочу вам рассказать.

Этот случай показывает, что не только в больших, великих делах, но и в мелочах, подобно описанной, Владимир Ильич проявлял силу воли и настойчивость, что, раз взявшись за какое-нибудь дело, он доводил его до конца, какие бы препятствия ни стояли ему на дороге.

В начале 90-х годов мы жили всей семьей в Самаре вместе с матерью. Владимир Ильич был помощником присяжного поверенного. Мы с Марией Ильиничной учились в гимназии. С нами жили также Анна Ильинична и ее муж, Марк Тимофеевич Елизаров, занимавший какое-то небольшое место, помнится, в казенной палате.

Летом 1892 года Владимир Ильич вместе с Елизаровым был в Сызрани. Оттуда они собрались проехать на несколько дней в деревню Бестужевку, где брат Марка Елизарова крестьянствовал¹. Для этого надо было проехать на левый берег Волги.

В то время в Сызрани переправу через Волгу монопольно арендовал богатый купец Арефьев. У него был небольшой пароходик с баржей, на которых перевозились и люди, и лошади, и повозки. Купец запрещал лодочникам заниматься переправой, ревниво оберегая свои монопольные права. Поэтому каждый раз, когда лодочник набирал пассажиров, его лодку по распоряжению Арефьева нагонял пароходик и отвозил всех обратно.

Владимиру Ильичу не хотелось ждать перевоза, и он уговорил Марка Елизарова ехать на лодке. Лодочники не соглашались везти, боясь купца и заявляя, что все равно он воротит их обратно. Однако Владимиру Ильичу удалось-таки уговорить одного из них поехать, причем он энергично доказывал, что если Арефьев вернет лодку, то будет предан суду за самоуправство.

Сели в лодку и двинулись на перевал. Арефьев, увидев с пристани, где он сидел за самоваром на балконе, крикнул Марку, с которым был знаком как земляк:

— Бросьте, Марк Тимофеевич, эту затею. Ведь вы знаете, что я за переправу аренду плачу и не позволю лодочникам перевозить на ту сторону. Идите лучше со мной чай пить и знакомого вашего ведите. Все равно поедете на пароходе, велю вас воротить.

Владимир Ильич стал настаивать, теперь еще более решительно, продолжать путь и не слушать самодура. Лодочник уныло говорил:

— Все равно воротит, зря едем, сейчас пароход нагонит, баграми нас к борту, и вас ссадят на пароход.

— Да поймите вы, — сказал Владимир Ильич, — что он не имеет права этого делать. Если он лодку задержит и силой заставит нас вернуться, будет сидеть в тюрьме за самоуправство.

— Сколько раз он так проделывал, и никогда суда не бывало. Да и кто станет с ним судиться: очень большую силу забрал в Сызрани,

¹ Имеется в виду П. Т. Елизаров. *Ред.*

и судьи-то у него, должно быть, все свои. Он слышь, откупил Волгу у города, аренду платит, а нам вот что хочешь, то и делай.

Лодка по настоянию Владимира Ильича продолжала свой путь на левый берег, хотя было совершенно ясно, что Арефьев приведет свою угрозу в исполнение. Едва лодка достигла середины реки, послышался свисток пароходика, который, отцепив баржу, быстро погнался за лодкой.

— Ну вот вам и переехали,— произнес лодочник.— Сейчас обратно поедете. И никакой суд ничего сделать не может, он всегда правый будет.

Пароход, догнав лодку, остановил машину. Два-три матроса, привычно работая баграми, подтянули лодку к борту и предложили пассажирам перебираться на пароход.

Владимир Ильич стал разяснять служащим, что они не имеют права задерживать их и будут преданы суду за самоуправство, за что грозит тюрьма.

— Никакого значения,— доказывал он,— не имеет то обстоятельство, что Арефьев арендовал переправу через реку, это его дело, а не наше, и это ни в коем случае не дает права ни ему, ни вам бесчинствовать на Волге и силой задерживать людей.

На это капитан возразил:

— Ничего мы не знаем; нам приказал хозяин парохода, и мы обязаны слушаться и исполнять его распоряжения. Пожалуйста, пересаживайтесь, мы не дадим вам ехать дальше.

Пришлось подчиниться. Но Владимир Ильич сейчас же записал имена и фамилии всех служащих, принимавших участие в задержке лодки, а также лодочника и других свидетелей.

На сызранском берегу пришлось ждать некоторое время перевоза, и опять слышно было, как Арефьев в победном тоне продолжал свои рассуждения о том, что он платит аренду, что лодочники не имеют права перевозить на тот берег, а потому он задерживает лодки и возвращает людей обратно.

Несомненно, были люди, которые не могли не видеть, что купец действует незаконно, но не решались или не хотели тягаться с ним по судам. Одним это было невыгодно с материальной стороны, другие же, предвидя кучу хлопот, судебную волокиту и т. д., по инертности и «русской» лени отказывались от борьбы.

Нужно было Владимиру Ильичу столкнуться всего на несколько часов с этим стоячим обывательским болотом, чтобы основательно встряхнуть его, наказать главного виновника и научить лодочников, как надо бороться за свои права.

По возвращении через несколько дней в Самару Владимир Ильич подал жалобу на Арефьева, обвиняя его в самоуправстве. Суть дела была ясна до очевидности, ни один юрист не мог рассматривать его действия иначе как самоуправство, а за самоуправство по тогдашним законам полагалась тюрьма без замены штрафом.

Однако добиться этого Владимиру Ильичу стоило еще немало хлопот. Дело разбиралось у земского начальника где-то под Сызранью, верст за сто от Самары, куда должен был поехать Владимир

Ильич в качестве обвинителя. Несмотря на совершенную ясность дела, земский начальник под каким-то предлогом отложил разбор дела. Второй раз, уже холодной осенью, дело было вновь назначено к слушанию. Владимир Ильич опять поехал туда, но и на этот раз при помощи разных формальных крючкотворств земский отложил дело.

Очевидно, Арефьев, зная о безнадежности своего положения и грозившей ему каре, пустил в ход все свои связи, чтобы оттянуть по возможности дело. Ему и его защитникам казалось, что бросит же наконец этот беспокойный человек ездить за сотню верст без всякой для себя выгоды, без всякой пользы с их точки зрения. Не знали они, что этот человек не меряется обычной меркой, доступной их пониманию, что, чем больше препятствий встречает он на своем пути, тем тверже и непреклоннее становится его решение.

На третий разбор дел Владимир Ильич получил повестку уже зимой, в конце 1892 года. Он стал собираться в путь. Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью; предстояли бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальника, на вокзалах и т. д. Хорошо помню, как мать всячески уговаривала брата не ехать.

— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать.

Действительно, в третий раз земскому начальнику не удалось отложить решение дела: он и защитник Арефьева встретили во Владимире Ильиче серьезного противника, хорошо подготовившегося к предстоявшему бою, и земский начальник волей-неволей вынужден был согласно закону вынести приговор: месяц тюрьмы.

Года два спустя после описанной истории я, проезжая в поезде близко от Сызрани, случайно встретил в вагоне одного из сызранских знакомых Марка Елизарова. В разговоре он расспрашивал про него и его семью и чрезвычайно интересовался Владимиром Ильичем.

— А ведь Арефьев-то просидел тогда месяц в арестном доме. Как ни крутился, а не ушел. Позор для него, весь город знал, а на пристани-то сколько разговору было. До сих пор не может забыть.

*Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т.
М., 1984. Т. 1. С. 103—106*

ЛЮБОВЬ К МУЗЫКЕ

Мальчиком Владимир Ильич учился играть на рояле. У него, по словам матери, был великолепный слух, и музыка давалась ему легко. В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки.

Однако, поступив в гимназию, он в первых же классах совершенно бросил рояль. Почему? Во всяком случае, не гимназические занятия и вечернее приготовление уроков были этому причиной. У Владимира Ильича были прекрасные способности, и учение в гимназии давалось ему чрезвычайно легко. В младших классах он почти не готовил уроков по вечерам, так как все необходимое усваивал в классе при объяснениях учителя, при этом получал по всем предметам пятерки. Мать рассказывала впоследствии, что Илья Николаевич, отец наш, говорил ей даже о своем опасении, как бы Володя не излился благодаря своим исключительным способностям.

Вернее всего, что причиной того, почему Владимир Ильич бросил рояль девяти или десяти лет, были рутинные взгляды того времени, что на рояле должны учиться играть девочки, а для мальчиков это занятие неподходящее, но на всю жизнь сохранил он любовь к музыке. Трудно допустить, конечно, чтобы отец смотрел таким образом, но возможно и вероятно, что он все же и не поощрял Владимира Ильича к музыке, а тот как-нибудь стороной, может быть от товарищей по гимназии и т. п., уловил и воспринял этот взгляд. Кроме того, старший брат Александр Ильич не играл на рояле, и это также могло оказать влияние на Владимира Ильича.

Вспоминаю случай, имевший место в том же Симбирске, где учился Владимир Ильич, годами десятью позже. Знакомый мальчик, сын педагога, увлекся роялем. Отец мальчика не только не поощрял сына в этом занятии, но прямо запретил ему играть на рояле. Это, однако, не остановило юного музыканта, и он тайно от отца, при поддержке матери скоро обогнал в музыке свою старшую сестру и стал прекрасным пианистом.

Как бы то ни было, Владимир Ильич бросил рояль, и только мать очень жалела об этом и не раз говорила, как он хорошо играл для своего возраста.

В 1883/84 году мне подарили гармонику. Ни я, ни старшая сестра, Ольга Ильинична, не умели приступить к этому инструменту, и только Владимир Ильич быстро освоился с ним и подобрал несколько мотивов, в том числе довольно удачно «Вот мчится тройка удалая вдоль по дорожке столбовой». Вообще же гармоника не заинтересовала его.

Зимой 1888/89 года в Казани я был с Владимиром Ильичем в опере. Ставили «Дочь кардинала»¹. Места наши были где-то высоко на галерее. Мне очень ярко врезался в память этот вечер. Помню, как мы пешком возвращались из театра, как ужинали дома молоком с хлебом, не хотелось спать. Владимир Ильич все время находился под впечатлением услышанной музыки, напевал «Рахиль, ты мне дана...», еще что-то и главным образом другую арию Елиазара — «Христиан я ненавижу, их решил презирать, но теперь я прибыль вижу — можно денежки достать!». Это место ему особенно понравилось, и дома за ужином он тихо, так как другие спали, все время повторял его.

¹ Опера «Дочь кардинала» написана французским композитором Фромантелем Галеви. *Ред.*

В этот вечер Владимир Ильич был в чрезвычайно приподнятом настроении, что объяснялось, по-видимому, тем обстоятельством, что он из глухой деревушки, где находился под негласным надзором полиции (Кокушкино, Лаишевского уезда, Казанской губернии), попал в оперу.

Все, кто близко знал Владимира Ильича, помнят, как менялось у него настроение: то веселый, смеющийся заразительно, как ребенок, увлекающий собеседника быстрым бегом своей мысли, хохочущий без конца, до слез, то мрачно-сдержанный, строгий, ушедший в себя, сосредоточенный, властный, бросающий короткие, резкие фразы, углубленный в разрешение какой-то трудной, важной задачи¹.

В 1888—1890 годах Владимир Ильич часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, имела голос и умела петь. О ней мало известно, между тем в годы детства и юношества это был самый близкий, лучший товарищ Владимира Ильича. Она была моложе брата на полтора года, но не отставала от него по развитию. Восемнадцати лет она владела немецким, французским, английским и шведским языками. Шведский она изучила с той целью, чтобы ехать учиться в Финляндию в высшее учебное заведение (преподавание велось на шведском языке). Она читала массу книг, серьезные — конспектировала, приступила к изучению первого тома «Капитала» Маркса, любила математику, которую знала для своего возраста прекрасно. Она отличалась редким трудолюбием и отрывалась от книг только для музыки, которую очень любила, но и музыкой она занималась серьезно (в Казани училась в консерватории роялю и теории музыки). Про Ольгу Ильиничну можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. В мае 1891 года она умерла от брюшного тифа.

Владимир Ильич поражался ее трудолюбию и способностям. Они пели дуэтом «Нелюдимо наше море». И помню последний куплет:

Но туда выносят волны только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный.
Прям и крепок парус мой!

Любил Володя «Свадьбу», кажется, Даргомыжского:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
Венчала нас полночь средь мрачного бора!

¹ Следующий текст из черновика Д. И. Ульянова с указанием внести в очерк «Любовь к музыке» опубликован О. Д. Ульяновой в книге: *Ульянов Д. И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи*. 2-е изд., доп. М., 1984. С. 82—83:

«Наша мать — Мария Александровна — очень любила рояль. Она играла многие старинные песни и романсы и под музыку пела. Но в особенности охотно она играла и пела из оперы «Аскольдова могила»; у нее были старые, пожелтевшие от времени ноты этой оперы. Мы все очень любили ее музыку и пенье, и Владимир Ильич часто напевал некоторые мотивы из «Аскольдовой могилы» (опера А. Н. Верстовского). *Ред.*

Затем он пел «Чудесные глазки». Слова Гейне: «Du hast Diamanten und Perlen...»:

У тебя есть алмазы и жемчуг,
Все, что люди привыкли искать.
И еще есть прелестные глазки,
Милый друг, чего больше желать...

Дальше:

Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне скорби печать.
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего ж больше искать.

«Погибаю» — надо было брать очень высокую ноту, и Владимир Ильич говорил, вытянув ее: «Уже погиб, погиб совсем». В его репертуаре была еще песня «Так и рвется душа из груди молодой, просит воли она, просит жизни другой». Далее в песне оказывалось, что «воля и другая жизнь» — это сидеть вместе с милым дружкой и т. д. и т. п. Владимир Ильич смеялся: «Вон, оказывается, куда душа-то рвется!» Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Пелось ведь не для этого, не только для слов. Пелось потому, что душа его действительно рвалась к другой жизни. Пела. Но не изнывала, не грустила. У Владимира Ильича я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаль, высокий подъем, призыв!

Он пел в это время также арию Валентина из «Фауста»¹: «Бог всемогущий, бог любви...» Пел то, что положено по нотам, произнося те слова, которые нельзя выкинуть из песни, но одно место из этой арии у него выходило лучше, красивее — конечно, не благодаря его голосу, а потому, что он невольно вкладывал в это частицу своего боевого духа:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

И постоянно, когда я слушал и теперь, много лет спустя, слушаю арию Валентина в опере, на концерте и т. д., мне всякий раз вспоминается далекое время, как Владимир Ильич пел это место.

Летом 1889 или 1890 года я в первый раз услышал «Интернационал». Тот «Интернационал», который теперь знают все, который тогда в России, можно сказать, не знал никто. Было это на хуторе около деревни Алакаевки Самарской губернии. Ольга Ильинична играла на рояле и закончила свою музыку «Марсельезой». Я подбежал к роялю и просил ее повторить. Вдруг неожиданно, так как это было утром, когда Владимир Ильич не отрывался обычно от книг, он подошел к нам и сказал, что надо спеть «Интернационал». Они вместе стали подбирать на рояле новую для меня песню, а затем тихо петь по-французски: «Debout, les damnés de la terre!

¹ «Фауст» — опера Шарля Гуно. *Ред.*

Debout, les forçats de la faim...» На мою просьбу перевести Владимир Ильич спел: «Вставайте, каторжники мира...» — и затем:

Это будет последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Некоторое время они путались с припевом, но потом наладились¹.

Мария Ильинична говорила мне, что в это время, в начале 90-х годов, Владимир Ильич выражал сожаление, что он не научился играть на рояле или на скрипке.

Гимназистами в старших классах в Самаре мы пели хором обычные, ходовые в то время песни, вроде «Коперника», «Быстры, как волны», «Из страны далекой» и т. д. Владимир Ильич добавил нам куплет к «Копернику»: «Монах стучится в двери рая, апостол Петр ему в ответ: Куда ты, харя проклятая, здесь для тебя ведь места нет». Кто-то из товарищей научил нас новой песне:

Молодой кузнец гуляет
Вдоль по кузнице своей,
Себе молот выбирает
И зовет своих друзей.
Стук, стук, стук!
Стук, стук!
В десять рук, в десять рук!
Приударим, братцы, вдру!

Владимир Ильич неожиданно захлопал из своей комнаты, где сидел за работой, и просил повторить. Мы, весьма польщенные его похвалой, повторили и спели также другой куплет из той же песни: «Богач золотом гордится и не терпит бедняка, а бедняк день-ночь трудится из-за насущного куска». Мотив песни веселый, бравурный. После я несколько раз слышал, как Владимир Ильич насвистывал его.

Он насвистывал особенно, сквозь зубы, при едва открытом рте. Вероятно, многие помнят это насвистывание, чрезвычайно характерное у него. Насвистывал он только тогда, когда был в веселом или хорошем настроении. При игре в шахматы, когда его дела шли хорошо или он выдумывал хорошую, красивую комбинацию, он задорно, смеющимися глазами смотрел на партнера и, улыбаясь, продолжал насвистывать.

В начале 1900 года Владимир Ильич, вернувшись из сибирской ссылки, привез оттуда, между прочим, новые революционные песни. Любимой его в то время была «Вековые устои»:

¹ В одном из вариантов воспоминаний Д. И. Ульянова написано: «Летом 1889 года я в первый раз услышал «Интернационал». Было это в такой обстановке... Алакаевка... Оля... «Марсельеза»... Подходит Володя, они начинают что-то подбирать и петь по-французски: «Debout, les damnés de la terre...», Владимир Ильич поет по-русски: «Вставайте, каторжники мира...» И потом: «C'est la lutte finale...» В 1967 г ноты с французским текстом «Интернационала» были обнаружены в альбоме, принадлежавшем О. И. Ульяновой, и опубликованы О. Д. Ульяновой в журнале «Музыкальная жизнь» (1968. № 10. С. 1). *Ред.*

Вековые устои качнулись,
Пошатнулся старинный уклад
С тех пор, как от сна мы проснулись
И сбросили старый наряд.

П р и п е в:

Встань, поднимайся, рабочий народ!
Встань на врага, люд голодный.
Раздайся, раздайся, клич мести народной,
Вперед, вперед, народ!

И сила и мощь капитала
По стране разлилися родной,
К фабрикантам дворянство пристало,
Им служит сам царь головой.

П р и п е в.

Но, теснимый кругом капиталом,
Стал умнее рабочий народ,
Вся та клика в смятенье немало
Скоро песни не те запоет...

П р и п е в.

Бесполезные смолкнут проклятья,
Смолкнет плач наших жен и детей,
Все рабочие встанут, как братья,
За свободу отчизны своей!

П р и п е в.

И поднимется красное знамя,
Не помогут тюрьма и штыки.
Разгорится мятежное пламя,
Побегут перед нами полки.

П р и п е в.

Другую песню Владимир Ильич называл «Туруханской», так как слова ее принадлежат, очевидно, туруханским ссыльным¹, мотив ее старый, кажется украинский.

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В шуме ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, други, смело,
И над долей злой
Песней насмеемся
Удалой!

Там в России люди очень пылки,
Там к лицу геройский им наряд,
Но лишения, годы долгой ссылки
Скоро позолоту соскоблят.
И глядишь, плетется
Доблестный герой
В виде мокрой курицы
Домой.

¹ В рукописи Д. И. Ульянова написано, что слова этой песни принадлежат Мар-
тову. *Ред.*

Утомляют нас годы лишений,
Стоит ли до старости дожить,
Чтоб у юных, дерзких поколений
Чудом ископаемым прослыть...

Без расчета тратьте
Сил своих запас,
Все равно Сибирь
Схоронит нас.

Пусть же, други, сей науки трудной
С полным мы успехом курс пройдем,
А творцов системы этой чудной
Словом благодарным помянем.

В день победы нашей
Отблагодарим —
Гильотиной знатной
Их почтим...

Владимир Ильич пел в это время также польские революционные песни: «Красное знамя» («Червоны штандар»), «Варшавянку» и менее известную «Время настало, в темной России дружно, рабочий, выступи в бой!..» Он говорил в то время, что у нас нет еще своих рабочих, революционных песен, так как рабочее движение еще слишком молодо, нет еще массовых политических выступлений, как в Польше и на Западе. Но такие песни должны быть, и, пока они не сложатся в ходе борьбы, нужно распространять переводные польские и пр.

В последние годы, перед своей болезнью, Владимир Ильич как-то не интересовался уже музыкой. Я почти не помню, чтобы он ездил в оперу или на концерт. Казалось бы, что именно в это время, при его крайне напряженной работе, музыка могла бы дать известный отдых, несколько отвлечь и развлечь его внимание, приостановить, хоть совсем ненадолго, нечеловеческую работу мозга и его артерий.

Но именно здесь его целеустремленность достигла крайних пределов, внимание целиком было сосредоточено на одном деле, отвлечь или ослабить его было нельзя.

Как-то он собрался в Колонный зал, где предстоял вечер с концертным отделением при участии Шаляпина. Владимир Ильич не собирался выступать, а поехал с единственной целью — встряхнуться. Однако, несмотря на то что программу изменили и Шаляпина пустили первым, Владимир Ильич не дождался конца его пения и уехал домой.

Другой раз Мария Ильинична пригласила на квартиру в свободный вечер своих знакомых музыкантш — пианистку и певицу. Владимир Ильич послушал музыку минут десять и опять уединился в свой кабинет.

Во время болезни Владимира Ильича его часто возили в кресле по парку. Иногда, как мне передавали близкие товарищи, он тихо насвистывал что-нибудь. Между прочим, слышали у него напев «Долины Дагестана»¹:

¹ Романс М. А. Балакирева на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сон». *Ред.*

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

*Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т
М., 1984. Т. 1. С. 107 — 113*

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ В МОСКВЕ

(Стенограмма беседы с Д. И. Ульяновым)

Весной 1893 года я окончил гимназию. Летом мы жили, как и в прежние годы, на хуторе Алакаевке, но, так как я подал заявление в Московский университет, нам предстояло ехать в Москву.

Решили так: мама, я, сестры — Анна Ильинична и младшая, Маня (Мария Ильинична) — поедem в Москву, а Владимир Ильич поедет в Петербург. Выехали мы все вместе на пароходе и вместе ехали до Нижнего Новгорода. Владимир Ильич решил, что в Нижнем сделает остановку, потому что хотел там повидать, как он говорил, кое-кого из марксистов.

Помню только фамилию Розанова. Какой это Розанов — не знаю, только это не хирург Розанов и не тот Розанов, который был в «Южном рабочем», это был какой-то Розанов¹ нижегородский.

Во время поездки на пароходе ничего интересного не было, разве только можно отметить, что мы несколько раз играли с Владимиром Ильичем на палубе в шахматы.

Затем он остался в Нижнем, а мы проехали из Нижнего на поезде в Москву.

В Москве первая наша квартира была в Большом Палашевском переулке — близко от Сытина переулкa, район Большой и Малой Бронной, около Тверского бульвара. Помню, что дом церковный. Тогда номера домов в Москве в ходу не были, и я помню, что Владимир Ильич еще смеялся, говорил: «Что же Москва еще номеров не ввела — дом купца такого-то или дом купчихи такой-то». Адрес ему такой еще попался: «Петровский парк, около Соломенной сторожки». Он возмущался: «Черт знает что за адрес, не по-европейски».

В этой нашей первой квартире Владимир Ильич не был.

Затем мы переехали на Покровку, в квартиру Фролова. Сняли целую квартиру и там жили, причем как раз на этой квартире впервые появилось у мамы пианино, это историческое пианино, которое затем всюду переезжало вместе с мамой: вместе с ней было сначала в Москве, затем в Вологде, затем в Саратове и Самаре.

С этой квартиры на Покровке мы переехали в Вознесенский тупик. Находится он на Ново-Басманной улице, сразу же налево за

¹ Имеется в виду А. С. Розанов. *Ред.*

железнодорожным мостом. В эту квартиру мы переехали весной 1894 года. Помню, что тогда Марк Елизаров купил себе первый велосипед, весил этот велосипед 53 фунта. Он интересен тем, что именно на нем научился ездить Владимир Ильич.

Я тогда был студентом первого курса, Марк служил на железной дороге счетоводом, и мы вместе с ним учились ездить на велосипеде. Летом 1894 года наши — мама и Елизаровы — сняли дачу около станции Люблино. Дачу сняли вместе с сослуживцем Марка — Буланже. Это был типичный толстовец; например, он с трудом отказывался от папирос, говоря, что не курит, т. е. ни табака, ни папирос не покупал, но чужие курил. Помню, приходил и говорил: «Дмитрий Ильич, дайте папиросу — ужасно зубы болят». Играли толстовцы в картишки, в винт или преферанс, толковали о греховности жизни, что все люди плохи, что только один Лев Николаевич Толстой истину указывает, а больше никто, что политика и социалисты — все это чепуха.

Тогда на этой даче жили Мария Александровна Ульянова, Анна Ильинична и Марк Елизаровы, я и Маня.

Туда летом приехал Владимир Ильич из Петербурга. Зимой 1893/94 года пробыл он в Петербурге, а на лето, так как его очень звала мать, приехал к нам и прожил с нами на даче около месяца.

По-видимому, это был не первый приезд Владимира Ильича к нам в Москву, так как, кажется, в начале 1894 года он вместе с Анной Ильиничной и Марком Елизаровым был на той вечеринке, где был Вевер.¹

В Люблино Владимир Ильич научился ездить на велосипеде. Я выбрал дорожку, которая шла под уклон шагов на сто, и решил его учить. Так же научился Буланже, и потом Владимир Ильич стал учиться и скоро научился. Иногда мы ездили в окрестностях на велосипеде, но так как велосипед был один на двоих и один ехал, а другой шел, то чаще ходили гулять с палками, без велосипеда. Часто ходили к Москве-реке — там, где Перерва.

Помню один наш разговор. Как-то мы идем, и я говорю Владимиру Ильичу:

— У нас очень много товарищей, старых, известных нам, почему не взяться и не создать террористической организации? — Это у меня еще народовольческая отрыжка была.

Владимир Ильич быстро остановился на ходу:

— А для чего это нужно? Предположим, удалось бы покушение, удалось бы убить царя, а какое это имеет значение?

— Как какое значение — оказало бы громадное влияние на общество.

— На какое общество? Какое ты общество имеешь в виду? Это то общество либеральное, которое играет в картишки, и кушает севрюгу под хреном, и мечтает о куцей конституции? Это общество ты имеешь в виду? Это общество не должно тебя интересовать, оно нам неинтересно, мы должны думать о рабочем человеке, о рабочем

¹ См. настоящий том, с. 39, примеч. 1. *Ред.*

общественном мнении. Вот Карл Маркс в Западной Европе стал во главе рабочего класса именно потому, что рабочие — это самый революционный элемент капиталистического строя.

Больше уж я об этом и не заикался.

Внизу на даче у Буланже была пишущая машинка «Ремингтон», и, когда Владимир Ильич привез с собой «Эрфуртскую программу» Каутского и комментарии к ней и перевел программу на русский язык, я пошел вниз и начал печатать ее на машинке, печатал для себя, просто так.

А Владимир Ильич спрашивает:

— Ты вниз ходил, там печатал? Это неудобно, я тебе программы больше не дам.

— Почему неудобно?

— Люди посторонние, чужие нам, а ты печатаешь; видно, что программа социал-демократической партии. Это неконспиративно. Если можно взять машинку сюда, тогда давай, но туда, вниз, я не дам.

Я притащил машинку наверх, и ночью, помню, мы долго не ложились, и Владимир Ильич начал щелкать на этой машинке. Он старался быстро писать, я говорю:

— Напутаешь.

— Ничего, напутаю — исправим. Печатать — так надо быстро, а то лучше я буду писать пером.

* * *

Когда мы переезжали с дачи, то поселились на квартире около Курского вокзала, в Яковлевском переулке, рядом с Казенным, — в доме Бажанова, и там жили всю зиму 1894/95 года. Жили в том же составе: Елизаровых двое и нас трое — мать, Мария Ильинична и я. Мария Ильинична еще училась в это время в гимназии.

Зимой 1895 года мы получили письмо от Володи, что он болен, доктор говорит, что воспаление легких, — сперва был грипп, а потом гриппозное воспаление одного легкого. Мать ездила в Питер, и Владимир Ильич вскоре поправился — у него легко прошла эта болезнь.

В апреле 1895 года он приехал к нам в Москву, на квартиру Бажанова.

Здесь он остановился и здесь же встретился с Лалаянцем — его бывшим самарским товарищем, участником марксистского кружка, который отбыл год тюремного наказания в Крестовской тюрьме.

Тут Владимир Ильич рассказывал нам относительно третьего тома «Капитала», который прочитал по-немецки — русского перевода еще не было. Помню, тогда еще пришел к нам Масленников из Московского комитета — товарищ Анны Ильиничны, и он рассказывал нам о стремлении капиталистического общества к равной норме прибыли и о ренте, о так называемой дифференциальной ренте.

Это было как раз после выхода книги Бельтова¹, все мы прочли

¹ Речь идет о книге Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданной в 1895 г. под псевдонимом Н. Бельтов. *Ред.*

или начали читать первый том «Капитала» и с большим интересом слушали его рассказ о содержании третьего тома.

* * *

Летом 1895 года мы жили на даче — опять в том же составе — на станции Бутово по Курской железной дороге, 29 верст от Москвы.

В это лето Владимир Ильич ездил вполне легальным образом, по паспорту, за границу, где он виделся с Плехановым и членами группы «Освобождение труда», и привез с собой исторически известный чемодан с двойным дном с нелегальной литературой. Хотя он здорово рисковал, но считал необходимым привезти с собой литературу; он считал, что всякий, кто ездит за границу, должен так или иначе привезти с собой нелегальную литературу.

Когда Владимир Ильич вернулся из-за границы, он был у нас на даче в Бутове, и мы с Марией Ильиничной ездили с ним в Москву и провожали его на Николаевском вокзале в Питер.

Помню, что мы сидели на Страстном бульваре и ели простоквашу и Владимир Ильич сказал:

— Видишь этого человека?

— Вижу. А что?

— У него нижняя часть лица удивительно Плеханова напоминает.

Владимир Ильич, такой строгий к себе, всегда других людей, как Плеханова, выдвигал. Он придавал особое значение роли Плеханова, считал, что он первый теоретик марксизма в России.

Зиму 1895/96 года мы жили в доме Лоськова в Мансуровском переулке. Я тогда учился на третьем курсе университета.

В эту зиму, в декабре, мы узнали, что арестован Владимир Ильич и отвезен на Шпалерную в Дом предварительного заключения.

Сперва мать, а затем и Анна Ильинична поехали в Петербург организовать передачу ему продуктов и, главное, книг. Анна Ильинична организовала передачу ему статистических материалов для работы «Развитие капитализма в России».

Летом 1896 года я давал уроки в Смоленской губернии, а мама и сестры (Анна Ильинична и Мария Ильинична) жили в Финляндии на даче, где-то у Белоострова, для того чтобы быть ближе к Питеру, к Владимиру Ильичу, так как он продолжал сидеть, и они организовывали ему передачи.

Осенью я приехал в Питер на пару дней и ходил на свидание к Владимиру Ильичу в Дом предварительного заключения. Свидание было за двойной решеткой, между решетками стоял или ходил надзиратель, который запрещал говорить на иностранных языках и следил, чтобы никаких передач не было. На меня это произвело сильное впечатление, я в первый раз нюхнул тюрьму, и первое впечатление, конечно, было очень тяжелое.

Затем мы жили втроем — Марк, Мария Ильинична и я — на квартире Мишке на Смоленской-Садовой в Москве. Помню, раз

мы пошли сниматься, причем Марк взял с собой свою собаку -- у него был сенбернар Фрида. Мы снимались в домашних костюмах, несмотря на возражение фотографа, — я был в расстегнутой тужурке, в косоворотке, а Марк даже не надел воротничка. Снялись в таком небрежном виде и собаку сняли. Эту карточку послали Владимиру Ильичу в тюрьму; он был очень доволен, говорил, что это не официальный снимок, а как бы хорошая домашняя фотография. Марк и Мария Ильинична очень хорошо вышли.

В ожидании приезда мамы и Анны Ильиничны из Питера мы сняли квартиру на Собачьей площадке, в доме Романовского; на этой квартире мы жили довольно долго. Это была зима 1896/97 года. В начале 1897 года закончилось сидение Владимира Ильича, он был выпущен в феврале 1897 года, и ему нужно было ехать в Сибирь. Владимир Ильич получил разрешение проехать через Москву и в Москве остановиться; он тогда просрочил, лишних два-три дня захватил, и Зубатов постарался в конце концов его выгнать.

Жил он у нас, на Собачьей площадке, и ходил каждый день с утра в Румянцевский музей, теперешнюю Ленинскую библиотеку, потому что хотел использовать материал для работы «Развитие капитализма в России». Он брал с собой Марию Ильиничну, чтобы она ему помогала делать выписки.

Эта работа (как бы блестящая диссертация) — самостоятельный большой труд, анализ, исследование создания внутреннего рынка при капитализме. Владимир Ильич говорил, что когда пришли и сказали ему собирать вещи, освободили из Дома предварительного заключения, то первая мысль была — не дали мне закончить работу. Он наладился, а теперь неизвестно, где в ссылке работать. Когда Владимир Ильич проезжал через Москву, известно было, что он едет в Енисейскую губернию, должен попасть к красноярскому губернатору. Там где-то в районе Красноярска была частная библиотека у какого-то купца¹, которую он использовал.

Наши проводили его до Тулы; мне что-то (не помню сейчас что) препятствовало выехать; поехали мама, Елизаровы — Марк и Анна Ильинична — и Маня, доехали до Тулы и в грустном и печальном настроении вернулись домой.

Летом 1897 года я должен был ехать в Кокушкино по поручению матери, чтобы устроить финансовые дела: когда отец матери, А. Д. Бланк, умер, его имение разделили между дочерьми.

Зимой 1897/98 года мы опять жили в той же квартире на Собачьей площадке, и в ноябре 1897 года, уже ко мне, явились с обыском. В 1896/97 году я начал революционную деятельность в рабочих кружках.

Обычно, когда ждешь обыска, готовишься, а тут вышло совсем неожиданно.

У нас была прихожая, и из прихожей сразу дверь в мою комнату, направо была дверь в столовую, а за столовой жили все наши.

Наша домашняя работница стояла на дворе у дверей квартиры,

¹ Имеется в виду библиотека купца Г. В. Юдина. *Ред.*

дверь была не заперта; ее один, в штатском, спросил. дома ли я, сразу же вбежал наверх, а за ним шла полиция. Работница даже не успела меня предупредить. Они вошли прямо ко мне в комнату. я так рот и разинул, увидев полицию.

У меня там, где иконы висят, в этом месте, висел череп — я был медиком. Полицейский говорит: «Прикажете снять череп, ваше благородие?» — «Да, посмотри, хотя там, вероятно, ничего нет». Я говорю: «Вы у мертвых в голове ищите революционные мысли». Затем нашли мешок с чем-то металлическим, а там были студенческие пуговицы. «А, до серьезного добрались — там шрифт, вероятно», — быстро открывает мешок, а там — пуговицы.

Меня отправили в тюрьму — это было 7 ноября, — и до августа 1898 года, около десяти месяцев, я сидел в «Таганке»; сначала же был в тверском участке. Там я получил первое боевое крещение: сидел в одиночной камере, на которой было написано: «Государственный секретный преступник».

Вот в основном весь московский период нашей жизни.

19 мая 1938 г., Горки

*Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т.
М., 1984. Т. 1. С. 114—119*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ

...В начале 1900 года Владимир Ильич возвращался из Сибири после трех лет ссылки, которую отбывал в селе Шушенском, Минусинского уезда, Енисейской губернии. Возвращался он один, без Надежды Константиновны, у которой еще не окончился срок ссылки. Она доехала с Владимиром Ильичем до Уфы и осталась там отбывать гласный надзор полиции.

Получив извещение о времени выезда Владимира Ильича, я встретил его в 50 верстах от Москвы, в Подольске, где тогда жил. Нашел его в вагоне третьего класса дальнего поезда; по всему видно было, что публика ехала из холодных стран — меховые шубы, дохи, сибирские шапки с наушниками, валенки, бурки и т. д. были разбросаны по вагону. Владимир Ильич выглядел поздоровевшим, поправившимся, совсем, конечно, не так, как после предварилки. Прежде всего он расспросил про семейных, про здоровье матери. стал спрашивать о новостях, но скоро выяснилось, что он гораздо богаче меня новостями, несмотря на то что ехал из ссылки, а я жил под Москвой.

Затем разговор перешел к наделавшей в то время много шуму книге немецкого социал-демократа Э. Бернштейна — самого откровенного и беззастенчивого тогда ревизиониста и оппортуниста. Владимир Ильич жестоко критиковал и ругал, конечно, этого Бернштейна и говорил, что это — очень опасное искажение Маркса и с ним поэтому необходима самая решительная и беспощадная борьба. Попутно он обрушился на наших русских оппортунистов,

на так называемый «экономизм», на органы этого направления — «Рабочее дело» и «Рабочую мысль».

Когда по прибытии в Москву мы ехали с Владимиром Ильичем на извозчике к своим, на Бахметьевскую улицу¹, я был счастлив и горд тем, что я на полтора часа раньше других его встретил и что я «привезу» его к ним.

Владимиру Ильичу было предоставлено право выбрать себе для жительства любой город, кроме столиц, университетских городов и, кажется, фабрично-заводских центров. Он остановился на Пскове. Псков, где он никогда не бывал и никого там не имел, был выбран, по-видимому, только благодаря его близости к Петербургу, который в то время, конечно, был центром внимания Ильича. Из Пскова легче можно было производить наезды в Питер, следить за ходом рабочего движения, сноситься с непосредственно работающими товарищами и влиять на движение. У него готов был план уехать за границу, чтобы осуществлять свою цель — руководство рабочим и революционным движением в России. Он решил... создать за границей печатный орган, руководящий движением, провозглашавший, что пролетариат должен быть *гегемоном* надвигающейся русской революции.

И вот один или два раза Владимиру Ильичу удалось благополучно съездить туда и видаться с кем надо. Но в последний свой приезд он попался в руки полиции.

Вместе с Мартовым, который был тогда единомышленником Владимира Ильича, они отправились в Питер. Прибыть на Варшавский вокзал, т. е. ехать прямо, казалось им опасным. Они решили замести следы и приехать с другого вокзала, где их не ждут шпики. Проехали из Пскова до Гатчины, оттуда повернули по боковой линии на бывшее Царское Село, там опять пересели в другой поезд и благополучно, казалось, прибыли в Питер. На другой день утром, когда Владимир Ильич вышел из квартиры, где ночевал, его внезапно схватили, как он рассказывал потом, «за руки, один — за правую, другой — за левую, да так взяли, что не двинешься... если бы надо было что-нибудь проглотить, не дали бы». Посадили на извозчика и привезли в градоначальство; там, конечно, обыскали, но ничего не нашли. Отвели тут же в камеру. Вызывают на допрос: «Зачем приехали? Вам ведь известно, что в столицу вам запрещен въезд?» Далее: «И выбрали путь, нечего сказать! Через Царское Село! Да разве вы не знаете, что там мы за каждым кустиком следим?»²

¹ На Бахметьевской улице, куда мы приехали, жили во втором этаже небольшого домика Мария Александровна, Марк Елизаров и Мария Ильинична; где была тогда Анна Ильинична — не помню. Д. У.

² Вспоминая об этом как-то в другой раз, Дмитрий Ильич приводил еще и такой случай: «...бежал из Сибири один революционер (эпоха та же), загримировался, чтобы не узнали, борода и усы покрасил. Котелок, перчатки, безупречный вид. На вокзалах говорит офицантам развязно: «Ч-ек, дайте мне...» Потом неожиданно его приглашают в жандармскую комнату... Идет с победоносным видом, а душа в пятках: «Попался, черт возьми, но еще, может быть, не все пропало, посмотрим». «Ваши документы?» — «Пожалуйста». — «Вы, вероятно, актер?» — «Да, конечно, только что гастролировал — Иркутск — Уфа — Самара, а в чем дело?» — «Отчего у вас борода зеленая, видно ведь, что вы краситесь!» — «Вы правы, конечно, крашусь, но

При градоначальстве сидеть было очень скверно, не сравнить с предварилкой. «Инсекты не дают покоя ни днем, ни ночью,— рассказывал Владимир Ильич,— и вообще грязь невозможная, а кроме того, ночью шум, ругань; как раз около камеры усаживаются каждую ночь в карты играть городовые, шпики и пр...»

Хорошо, что сидение здесь продолжалось не более двух недель¹. Владимир Ильич очень беспокоился, чтобы у него не отобрали заграничного паспорта, который был уже в кармане, а с этим паспортом был связан дальнейший план действий: ехать за границу и приступить к изданию большой политической газеты — будущей «Искры», которая должна стать органом революционной социал-демократии в противовес «экономизму» и пр., которая должна тесно связаться с местами и стать центром собирания и организации партии пролетариата.

По освобождении Владимир Ильич поехал в Подольск, где мы жили с матерью. Его сопровождал от самого градоначальства полицейский чиновник, который и доставил Владимира Ильича по назначению — прямо к исправнику Подольского уезда. Исправник, некий Перфильев, старый чинодрал, любивший при случае метнуть гром и молнию, но трус по существу, потребовал у Владимира Ильича документы. Тот предъявил свой заграничный паспорт. Перелистав и просмотрев его, исправник положил документ к себе в письменный стол и сказал: «Теперь вы можете идти, а паспорт останется у меня». Самое страшное для Владимира Ильича случилось: у него отобрали заграничный паспорт, и кто отобрал? Какой-то уездный исправник! «Документ мне нужен,— сказал Владимир Ильич,— возвратите его мне». Исправник величественно ответил: «Вы слышали: документ останется у меня, а вы можете идти». Владимир Ильич протестовал и заявил, что он не уйдет, пока не получит обратно паспорт. Исправник стоял на своем. Тогда Владимир Ильич повернулся к выходу и заявил: «В таком случае я принужден жаловаться на ваше незаконное действие в департамент полиции» — и вышел. Исправник струсил, последняя фраза произвела свое действие. Он вскричал: «Послушайте, г. Ульянов, вернитесь назад! Вот ваш паспорт, возьмите его».

Владимира Ильича ждали дома с нетерпением. Как только он перешагнул порог, он внес с собой живость и веселье. Начал рассказывать о своих последних злоключениях, и прежде всего об этом «старом плуте и дураке» — исправнике. Он был еще возбужден после этой схватки: «Хотел отобрать у меня заграничный паспорт, старый дурак, так я его так напугал департаментом полиции...» — и Владимир Ильич весело захохотал.

что делать — такая наша профессия. А чего же вы меня задерживаете? Неудобно это мне, скандализируете, можно сказать». — «Нет, мы только удостоверить личность, извиняемся, пожалуйста, вы свободны. Приходится, знаете ли, проверять проезжающих, ищем тут некоторых. Пожалуйста, идите к себе в вагон». Приходит и продолжает путь к границе, думает: «Слава тебе господи, что такие дураки...»

Так и Владимир Ильич с Мартовым. Кто их дернул ехать на Царское Село? Перемудрили! А там, оказывается, «за каждым кустиком следят». *Ред.*

¹ В. И. Ленин был в заключении с 21 по 31 мая 1900 г. (по старому стилю). *Ред.*

...По освобождении Владимир Ильич наметил дальнейший путь такой: сначала в Подольск к матери, затем в Уфу к жене, затем за границу. В Подольск он приехал с сопровождавшим его из Питера полицейским чиновником. Этот чин решил доставить Ильича по назначению — прямо к исправнику Подольского уезда.

Мы ждали Владимира Ильича дома. Поезд давно пришел, а его все нет. Не знали, что он попал к исправнику и там задержался. Наконец подъезжает извозчик, и Владимир Ильич является. Сначала рассказывает последние события — схватку с исправником и смеется без конца...

Попутно он рассказал о случае в Сибири. Исправник вызывает его к себе, не приглашает садиться и начинает что-то говорить величественным тоном. Владимир Ильич берет стул, садится и заявляет, что он теперь слушает. Исправник выпячивает глаза перед такой «дерзостью», бледнеет, но тем не менее проглатывает пилюлю, успокоившись, продолжает...

Жили у Кедровой на краю города. Мы часто ходили тогда на прогулку в Дубровицы, версты 3—4 от Подольска, при слиянии Пахры с другой речушкой. Отправились с Владимиром Ильичем туда же. С нами был какой-то старый социал-демократ. Я поспорил с ним, говорю, что надо вести и антирелигиозную пропаганду, если... «Вот это неверно, этого вопроса не нужно совершенно касаться». Обращаемся к арбитру — авторитету Владимира Ильича. «Рабочим нужно говорить всю правду. Напирать на антирелигиозную пропаганду не стоит, главное — объяснить связь экономической эксплуатации с политическим бесправием...»

Говорят, что характер человека обнаруживается в игре. Помню в то время нашу игру в крокет в саду у Кедровой. Позвали как-то Владимира Ильича, он согласился и начался бой в шесть шаров, трое против трех. В нашей партии играли: Владимир Ильич, я и одна девица. Владимир Ильич хорошо рассчитывал в игре:

— Сейчас вы будете играть, потом шар противника такой-то, потом такой-то, потом...

Он хотел все охватить, (точно) уяснить, иметь план борьбы. В крокет многие плохо рассчитывают, больше придавая значение технике, хорошему меткому удару. Но вот промах, и положение сразу ухудшается. Владимир Ильич часто говорил:

— Не надо рисковать без толку! Нужно рассчитать...

Расчет у него был великолепный. Часто за игрой его можно было видеть созывающим своих партнеров и горячо и в то же время в должной мере конспиративно доказывающим, что надо делать. Тут у него была система своего рода, рискованных предприятий он не одобрял, разве только в отчаянных положениях. Очередь была за нашей девицей, ей предстояло проходить дужку с хорошей позиции. Она уже собралась проходить, как внезапно ее остановил Владимир Ильич:

— Что вы хотите делать?

— Проходить дужку, что же мне еще делать!

— А дальше что? Что толку, что вы пройдете, после вас играет такой-то, потом такой-то... Нет, вы не должны проходить, вы там только поможете противнику. Вы должны идти обратно к тому нашему шару, при помощи вашего шара он сейчас может выйти в разбойники и разгромить противника.

Девица стала артачиться, Владимир Ильич подозвал меня, я вполне поддержал его, и мы заставили ее подчиниться большинству голосов!.. План Владимира Ильича блестяще оправдался, и мы выиграли партию. При этом, когда наш «разбойник» начал «громить» противника, Владимир Ильич принимал в этом живейшее участие:

— Этого можно не в столь отдаленные места, это не опасный шар, а вот того необходимо как можно дальше в отдаленнейшие места, лучше в ту сторону и посильней сколько можно!..

Когда этот «опасный» шар летел (далеко) в ссылку, Владимир Ильич радовался, но сейчас же вновь делал озабоченный вид и говорил: а как лучше сейчас? где выгоднее встать разбойнику — там или здесь? и т. д. Владимир Ильич никогда не играл бесстрастно, он лучше совсем бы не стал играть, он вносил в игру всю свою живость, веселье, страсть, азарт борьбы. Когда кто-нибудь из партнеров мазал на близком расстоянии и этим разрушал ближайший план, он, смеясь, махал рукой:

— Рассчитали-то хорошо, ну посмотрим, что будет дальше.

Даже в трудных, почти безнадежных положениях он никогда не отчаивался, а продолжал строить всевозможные комбинации.

ГИМНАСТИКА В ТЮРЬМЕ

К лету 1900 года относится следующий интересный разговор с Владимиром Ильичем. Во время одной из прогулок в окрестностях Подольска (жили мы тогда в Подольске в доме Кедровой на краю города) мы коснулись некоторых медицинских вопросов. Речь шла о вреде сидячего образа жизни и необходимости физических упражнений. Владимир Ильич рассказывал об условиях тюремной жизни: прогулки тогда в тюрьмах были, как известно, пустяковые — по 15—20 минут в день. Владимир Ильич рассказал, что в предварилке он всегда сам натирал пол камеры, так как это было хорошей гимнастикой. При этом он действовал, как заправский полотер, — руки назад — и начинает танцевать взад и вперед по камере с щеткой или тряпкой под ногой. «Хорошая гимнастика, даже вспотеешь...»

Особенно Владимир Ильич жаловался на бессонницу. Хорошим средством от этого он считал именно физические упражнения на чистом воздухе, прогулки.

— Но вот как в тюрьме с этим бороться? Какие еще средства есть?

Мудрено мне было ответить на такой вопрос. Помню только, я сказал:

— На что это тебе теперь? Как будто ты опять собираешься сесть в тюрьму, ведь ты уезжаешь за границу.

— Ну, это ничего не значит. В тюрьму всегда можно попасть, а то еще и на каторгу... Вот потому и надо заранее подумать.

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет.
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 99—104*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ о II съезде РСДРП

ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Летом 1903 года я перешел нелегально границу около Кишинева для участия на II съезде партии. Я ехал рано, недели за две до срока, чтобы проехать в Женеву, где жил Владимир Ильич, и повидаться с ним до съезда на свободе...

Владимира Ильича и Надежды Константиновны не оказалось дома, и меня встретила Елизавета Васильевна Крупская — мать Надежды Константиновны. Оказалось, что они по случаю воскресенья с утра ушли на прогулку в горы. Елизавета Васильевна сообщила мне, что они каждое воскресенье уходят или уезжают за город на целый день.

Они занимали втроем целый домик, который был построен по английскому типу — внизу комнаты две побольше, наверху три маленькие комнатки, или клетушки. Владимир Ильич занимал одну из них, Надежда Константиновна — другую, а третья была предоставлена мне.

Пока я дожидался возвращения их с прогулки, глаза мои разбегались от обилия всякой нелегальной литературы...

После возвращения Владимира Ильича и Надежды Константиновны с прогулки я был засыпан вопросами о делах в России, о делегатах на съезд, о том, как я добрался. О делах они оказались лучше меня осведомлены. Узнав, как я плутал по Женеве, Владимир Ильич смеялся надо мной вдоволь.

Разговор с Владимиром Ильичем. Я говорил, зачем было спешить со съездом, ведь ЦО (Центральный орган партии) у нас жизнью сложился, а ЦК нет пока. Не официального ЦК, а такой организации, которая играла бы роль такового, как признанного местами авторитетного органа. Съезд не может, говорил я, создать голосованием такой организации, нужно было подождать, пока таковая, более или менее сносная, сложится в России. ОК (организационный комитет) не мог быть превращен в ЦК, так как этот ОК был создан по принципу представительства (организация «Искры», Питерский комитет, «Южный рабочий»).

Владимир Ильич ответил, что ждать, пока образуется удовлетворительный ЦК сам собою, нельзя... русские условия... про-

валы... Дело необходимо оформить. А при этом попутно и очень осторожно познакомил меня с некоторыми шероховатостями в редакции ЦО...

ВСТРЕЧА В ЖЕНЕВЕ

Наконец около двух часов дня я приехал в Женеву и отправился искать квартиру Владимира Ильича, которая находилась на окраине города в рабочем поселке. Вместо каких-нибудь двадцати минут для знающего человека я потратил, должно быть, не менее двух часов на розыски, объясняясь с большим трудом по-французски с прохожими. Очень часто я абсолютно не понимал, что они говорили, и шел по направлению, куда они показывали пальцем или головой. Таким образом, топчась то в одну, то в другую сторону со своими пожитками (корзиной, связанной веревкой, и подушкой в грязной парусиновой наволочке), я наконец набрел на тот номер дома, который был нужен. Дома была одна Елизавета Васильевна, мать Надежды Константиновны...

Уже стемнело, когда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной усталые вернулись с прогулки. (У меня осталось впечатление, что Надежда Константиновна не очень охотно участвовала в воскресных прогулках и делала это исключительно для Владимира Ильича. Во всяком случае, в следующее воскресенье мы отправились с Владимиром Ильичем вдвоем, а Надежда Константиновна, по-видимому, была очень рада, что взамен ее нашелся другой компаньон и она могла на весь день зарыться в свои бумаги и книги. Она остается себе верна и до сего дня — вытащить ее в Горки страшно трудно, она предпочитает провести воскресенье в своем кабинете за письменным столом. При жизни Владимира Ильича она ездила в Горки только для него.)

Владимир Ильич предоставил мне наверху маленькую комнату, где я наслаждался среди груды всякой нелегальщины. Я мог спокойно — не так, как в тогдашней царской России, — читать и «Революционную Россию» эсеров, и «Звезду», и «Искру», и прежние издания группы «Освобождение труда».

Зная прежнюю любовь брата к шахматам, я предложил ему как-то сыграть. Он согласился, но оказалось, что шахмат у него нет.

— Как же нет, ведь мама тебе послала папины шахматы?

Наш отец сам выточил из пальмы на токарном станке эти шахматы, мы все в них много играли и любили их. Мама послала их за границу Владимиру Ильичу, но они где-то затерялись. Поэтому неправа Анна Ильинична, что эти шахматы пропали во время переезда Владимира Ильича в Россию в 1905 году, их не было у него и в 1903 году, когда я жил у него в Женеве¹.

¹ У Д. И. Ульянова, по-видимому, допущена неточность (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 55. С. 308, 508). *Ред.*

Отправились в город, исходили несколько кофеен, прежде чем нашли в какой-то шахматы. Расставляя фигуры, Владимир Ильич сказал:

— Надо что-то выпить, так неудобно сидеть только за шахматами. Ты чего хочешь, кофе или пиво?

Я ответил, что предпочитаю *une canette Munich*, т. е. кружку мюнхенского пива. Он заказал кельнерше стакан черного кофе и кружку мюнхенского пива, после чего взглянул на меня с лукавой улыбкой — мое, мол, питье лучше для серьезной партии... Выиграл я и, конечно, ликовал, так как Владимиру Ильичу обычно я проигрывал. Моя тренировка в Самаре с хорошими шахматистами, и особенно с А. Н. Хардиным, помогла. Владимир Ильич, когда мы шли домой, твердил:

— Реванш, завтра же реванш.

В субботу он заявил:

— Я разбужу тебя завтра в 6 часов, сядем на поезд и отправимся на Доль.

Доль — это хорошая гора, около версты над уровнем моря, шли мы на нее почти целый день, остановившись лишь в одной кофейне, чтобы выпить по стакану кофе и немного закусить. В разговоре я, между прочим, сказал, что съезд созван рано, что «у нас сложился ЦО, а ЦК нет, его выбрать нельзя, надо бы подождать, когда он реально будет существовать». Владимир Ильич напал на меня и в несколько минут доказал, что ждать с созывом съезда невозможно, так как в России образовался целый ряд центров, в том числе «Южный рабочий», весьма ненадежный, с «рабочедельческим» (правым) уклоном.

Признаться, на этот раз он меня не переубедил, я считал, что «выбрать» ЦК нельзя, раз его не существует реально...

Перед вечером мы сидели на вершине Доля и любовались открывшимся видом.

НА СЪЕЗДЕ ¹

Чтобы иметь ясное представление о втором съезде партии, надо прежде всего знать ту обстановку, в которой он созывался.

Социал-демократические течения начали появляться в 80-х годах, когда за границей во главе с Плехановым организовалась группа «Освобождение труда». Она выставила чисто марксистскую декларацию, но имела слабую связь с Россией. Один-два раза в год этой группой выпускался журнал «Социал-демократ». Читался этот журнал одиночками, в массы он не проникал. В 90-х годах появляется наконец первая социал-демократическая революционная организация в России, в Петербурге — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в которую входил и которую возглавлял

¹ Выступление Д. И. Ульянова на торжественном заседании партийного актива Тулы 7 августа 1928 г., посвященном 25-летию II съезда партии. *Ред.*

товарищ Ленин. «Союз борьбы» ставил перед собой следующие задачи: политическое развитие рабочего класса; экономическую борьбу, превращая ее в политическую; всякий протест, всякое выступление, стачку связывать со свержением царизма.

Политические работники — революционеры — в те времена быстро убирались полицией в тюрьмы. «Союз борьбы» также проваливался несколько раз. Состав организации постоянно менялся. Туда стали проникать шаткие элементы, стремящиеся смягчить те требования, которые выставлял «Союз борьбы», заменяя революционные лозунги чисто экономическими требованиями. Особенно развилась эта новая форма движения, названная впоследствии «экономизмом», с 1897 года. Вдохновитель этого движения Бернштейн заявлял: «Движение — все, цель — ничто», что означало только экономические местные требования. Каждая организация, каждый город мог выставлять свои собственные требования и добиваться их осуществления своими силами. Отпадала необходимость связи одного города с другим. И как следствие этого — начались разброд и шатания в самой организации. Владимир Ильич конец 90-х годов пробыл в ссылке. Вернулся он в 1900 году. Я встретился с ним тогда одним из первых. И первым его вопросом было: «Какая ведется борьба с оппортунизмом? Этот развал недопустим, с ним надо покончить».

Тогда в целях борьбы с оппортунизмом и было решено издавать общерусскую газету. А чтобы сделать состав ее редакции более постоянным и устойчивым, чтобы оградить редакцию от преследований со стороны жандармерии, решили издавать газету за границей совместно с группой «Освобождение труда». Но для того, чтобы газета достигала своей цели, надобно было наладить связь с местами, с рабочими, от которых можно было бы получать корреспонденции для газеты и распределять газету. Этой работой мы и занялись в первую очередь. Ленин писал об «Искре» в то время: «Газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»¹.

Задачами «Искры» стало очищение партии от оппортунизма, ревизионизма. В 1900 году Ленин уехал за границу, и в Швейцарии стала выпускаться «Искра»². Под знаменем «Искры» соединились для борьбы против «экономизма» группа «Освобождение труда» и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В России стали организовываться в то время кружки содействия «Искре». Мне пришлось для этого проделать большую работу. За короткое время я побывал в двух-трех партийных комитетах.

В 1903 году я приехал в Тулу. Здесь во главе комитета партии был Платон Васильевич Луначарский (брат Анатолия Васильевича). Комитет был вполне искровский. В Туле меня вместе с тов. С. И. Степановым выбрали делегатом на второй съезд РСДРП. Ехать легально за границу мне нечего было и думать. И вот, через

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 11.

² «Искра» сначала издавалась в Германии, потом в Англии и позднее в Швейцарии. *Ред.*

целую сеть явок я добрался до Кишинева, оттуда меня проводили в одно местечко, находившееся верстах в десяти от австрийской границы. Там в небольшом домике я ждал с 10 часов утра до 10 часов вечера. И наконец, ночью, на телеге провожатый повез меня дальше. Версты за две от границы оставили мы телегу и пошли пешком. Пробирались по кустам без дороги. Вдруг послышался топот... Мы залегли. Спустившись к речке, пошли вброд. Течение было такое быстрое, что провожатый все время держал меня за руку. За речкой начались пшеничные поля, и мы пропутешествовали по этим полям всю ночь. Наконец, провожатый привел меня в какую-то хибарку вблизи железнодорожной станции и сказал, что через два часа я могу садиться на поезд. Так я очутился за границей.

В Женеве я поселился у Владимира Ильича и с головой окунулся в «нелегалышину». Каких политических книг только не было здесь у Владимира Ильича!

В часы отдыха, гуляя с Владимиром Ильичем по горам, мы много разговаривали. Из этих разговоров я впервые узнал, что в редакции «Искры» далеко не все благополучно, что между Лениным и Плехановым по целому ряду вопросов постоянно возникают споры, так что иногда дело доходит чуть не до разрыва. Особенно большие расхождения наметились тогда между Лениным и Плехановым по проекту программы партии, в частности о роли крестьянства в революции.

Большие расхождения между Лениным и другими членами редакции «Искры» выявились также в вопросах тактики, об отношении к либералам. И надо было ожидать, что на съезде все эти разногласия выльются в открытое расхождение, ведущее за собою раскол. Так оно и вышло.

Первым вопросом на съезде стоял вопрос о Бунде. Бунд хотел входить в партию в виде федерации. Против этого были все искровцы. И бундовцы провалились.

По вопросу о программе партии значительных споров не было, кроме аграрной части ее. Так, например, один делегат из Николаева говорил: «Зачем нам аграрная программа?»

Много споров было и относительно состава редакции «Искры». Ленин предлагал, чтобы редакция состояла не более чем из трех человек.

В общем, чтобы проследить раскол, происшедший на втором съезде, необходимо изучить не только самый съезд, но и положение в партии до него.

После окончания съезда я с партийными поручениями уехал в Киев. В Тулу мне обратно попасть не пришлось. На съезде идейно победили большевики. Но вскоре Плеханов перешел к меньшевикам, и Ленин ушел из «Искры». Тó время было очень тяжелым для Ленина. Особенно огорчила измена Плеханова. Но основная группа большевиков твердо заняла ленинскую позицию. Кто был прав — большевики или меньшевики — показала история. А в то время, я помню, в России говорили: «Кáк мог Ленин повздорить с Мартовым? Надо было уступить».

Меньшевики вскоре же после второго съезда стали оппортунистами. А семнадцатый год принес им окончательную политическую смерть.

Все принципы, выдвигаемые Лениным, оказались правильными не только для России и для нашей партии, но и для всемирного революционного движения.

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

В августе 1903 года я со съезда, перейдя нелегально границу, приехал в Киев, где в это время жил Глеб Максимилианович Кржижановский, выбранный в числе трех в ЦК (Кржижановский, Ленгник и Носков). Мне предстояло информировать его о съезде и о происшедшем расколе между «искровцами».

Товарищи, оставшиеся в России, могли ждать всяких сюрпризов в результате съезда, но не раскола между «искровцами» и в особенности расхождения между Лениным и Мартовым. Это буквально ошеломяло всех всюду, где мне приходилось делать доклады о II съезде. С одной стороны, ошеломяло, с другой — вызывало чувство, близкое к возмущению.

Столько сил было потрачено на объединение партии, столько сил было положено, чтобы это объединение прошло под знаменем и лозунгами «Искры» против «рабочедельцев» и вообще «экономистов», и вдруг такой пассаж: раскол, где Ленин оказался против Мартова и Мартов против Ленина. Два имени, с которыми была связана теснейшим образом вся программа «Искры», были для громадного большинства чем-то единым! К тому же близкие друзья со времени петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса!» С момента окончания ссылки в 1900 году оба работают в тесном контакте над созданием общерусской политической газеты за границей, над организацией «Искры» (в России), оба ведут решительную и беспощадную борьбу с уклоном «экономизма».

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 105—111*

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ИЗ ТЮРЬМЫ

Владимир Ильич, как известно, в 1914 году жил в Кракове. Когда началась война, я получил извещение, что он арестован как русский подданный призывного возраста. В то же время сообщения из действующей армии гласили, что в районе Кракова русские энергично продвигаются вперед. У меня явилось некоторое опасение ареста Ильича русскими властями...

Я написал одному товарищу, бывшему военным врачом в

наступавшей армии на этом участке фронта, о своем опасении.

Когда я рассказал это Владимиру Ильичу, он ответил мне:

— А ты знаешь, как я был освобожден из краковской ¹ тюрьмы и уехал в Швейцарию? За меня взялся хлопотать известный австрийский социал-демократ, депутат рейхсрата ² Виктор Адлер (отец). Он поехал к министру, от которого зависело мое освобождение, и изложил свою просьбу; при этом как аргумент привел следующее соображение, что Ленин, известный русский революционер и социал-демократ, — решительный враг русского царизма. «А вы уверены в том, что он действительно серьезный, непримиримый враг русского царизма?» — «Убежден, ваше превосходительство, что он гораздо более серьезный враг его, чем такой, как вы».

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи
2-е изд., доп. М., 1984. С. 112*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ГОРКАХ

I ³

Владимир Ильич приехал в Горки в первый раз в 1918 году осенью, после ранения. 30 августа 1918 года правая эсерка Каплан стреляла в него, и он после этого лежал месяц — полтора дома в Кремле. Сначала его состояние было серьезным, но в больнице он не был. После покушения он лежал дома, а потом отыскиали ему это помещение. До революции Горки были имением А. А. Рейнбота и Морозовой. Рейнбот в свое время был московским градоначальником, у него было имение, и он жил в нем с Морозовой — какая это Морозова, я не знаю. Все имение принадлежало им.

Владимир Ильич сначала отдыхал здесь некоторое время, может быть, месяца полтора, а потом врачи разрешили ему переехать в Москву. После этого он приезжал в Горки только по выходным дням; вообще говоря, в 1918 году выходных дней не было, значит — по воскресным дням и по праздникам.

Что к этому периоду следует отнести? Так ничего как будто не вспоминается. Приезжали Мария Ильинична, Надежда Константиновна. Мария Ильинична особенно хорошо знала этот период жизни в Горках.

Первое время, когда Владимир Ильич переехал в Горки, не могу сказать, в какой комнате он жил, но вообще он избрал самую маленькую комнату наверху, ту, которую вы видели. Все они тогда жили наверху, а внизу жила охрана Владимира Ильича.

Но этот период 1918 года надо оставить под знаком вопроса —

¹ Владимир Ильич был помещен в тюрьму в г. Новы Тарг (Галиция). *Ред.*

² Рейхсрат — двухпалатный парламент в бывшей Австро-Венгрии. *Ред.*

³ Стенограмма беседы с Д. И. Ульяновым. *Ред.*

как скажет Надежда Константиновна, — я в это время отсутствовал и приехал только год спустя.

Я приехал в Горки впервые в 1919 году в начале июля; вернулся из Крыма в Москву.

Когда я приехал в Москву, поехал к Владимиру Ильичу в Кремль, прошел к нему в кабинет. Он работал в известном сейчас всем кабинете в здании Совнаркома. В Музее В. И. Ленина есть его макет. Этот кабинет отошел в область истории, там никто из последующих председателей Совнаркома не работал; этот кабинет так и сохранился. Там у Владимира Ильича была библиотека русских классиков.

Владимир Ильич сказал, что я буду жить у него в Кремле в комнате Надежды Константиновны, которая в это время была в агитпоездке на Волге. Он сказал — это было дня три до субботы: «В субботу поедem на дачу, покажу очень хорошие места». И в субботу мы приехали в Горки. Это было числа 10—12 июля 1919 года, когда я впервые приехал сюда. Владимир Ильич показал мне дом, балконы, террасы — тут ведь четыре террасы, четыре больших балкона с каждой стороны. Об этих террасах я буду говорить отдельно.

Когда мы приехали, было еще светло, и мы отправились играть в городки. Играли мы в районе расположения дач, где впоследствии был санаторий. Место, где была площадка, находится между первой и второй дачей. Владимир Ильич тогда любил играть в городки, но вообще он играл неважно.

Помню, наша команда стала брать верх над его командой. Кроме него играли еще двое, в числе их был В. Г. Сорин¹, который, как известно, близорук и ходит в очках, а другой товарищ в компании Владимира Ильича был хромым. Владимир Ильич говорит, обращаясь к Сорину: «Ну, бейте как следует. Они на полдистанции бьют, а мы на всю дистанцию. Выберите что-нибудь». Тогда Сорин берет палку, бросает и не попадает. Владимир Ильич говорит: «Что же вы как плохо?» «Владимир Ильич, я же плохо вижу, я близорукий», — отвечает Сорин и показывает на очки. Владимир Ильич обращается к нам: «Черт знает кого вы мне дали — одного хромого, другого слепого». Наша команда в этот раз выиграла.

В этой игре нужна тренировка; насколько у Владимира Ильича была эта тренировка, не знаю, но выделять его игру трудно.

В первую ночь ночевали в доме здесь, Владимир Ильич спал у себя в комнате. Я лег спать в другой комнате. Картины тогда висели так же.

Рано утром встал и, боясь разбудить его, взял сапоги и прошел в столовую в носках. Там надел сапоги и пошел гулять.

В то время охрана Владимира Ильича размещалась внизу, занимала весь нижний этаж, и в большом зале, где пальмы стоят, там тоже помещалась охрана. Телефон тогда находился в той же комнате,

¹ В. Г. Сорин (1893—1944) в 20-х годах был членом Московского губкома партии, позднее — сотрудником ИМЭЛ. *Ред.*

где и сейчас телефон,— в комнате при раздевалке. Когда установили телефон, точно не помню, но телефон-автомат, как мы называли его, или вертушка, как он сейчас называется, уже существовал. С самого начала, когда только создали эту внутреннюю телефонную сеть, так сейчас же был установлен аппарат в Горках, потому что Владимир Ильич избегал оставаться без телефона; он не ездил на дачу, если не было связи с центром, с Москвой.

Об этом воскресном дне я не помню подробностей, помню только, что мы много гуляли. Кажется, в следующий выходной день мы, Владимир Ильич, я и кто-то из охраны, попробовали пойти на охоту, т. е. взяли ружья. Вышли через парк в лес, но ничего не нашли, так как мы не знали совершенно мест. Надо было искать тетеревов; позднее мы уже узнали, где здесь водятся тетерева. Помню, Владимир Ильич спросил у одного крестьянина из деревни Сияново, такого благообразного старика с седой бородой и в очках: «Хотим тетеревов найти, поохотиться». — «Где же вы ищете тетеревов? Это не тут. Нужно пройти на Горелый пенё — это в лесу». Надо было перейти поле и пройти в лес.

Но в этот сезон мы не знали еще, где тетерева, и удачно не охотились, не видели даже птицы.

У Владимира Ильича была двустволка, дробовое ружье¹. Он ходил обычно в синей косоворотке и в каком-нибудь пиджаке. Я был одет примерно так же.

В первый раз, когда мы ходили в лес, сапог не было ни у кого. Потом у Владимира Ильича появились какие-то сапоги. Помню, что Владимир Ильич обратил внимание на то, что у меня нет сапог, и сказал Абраму Беленькому², который тогда работал в ВЧК у Ф. Э. Дзержинского: «Товарищ Беленький, надо сделать Дмитрию Ильичу сапоги охотничьи». И уже в августе, когда я за утками ходил, у меня были хорошие охотничьи сапоги.

В последующие разы, когда мы приезжали в Горки, Надежда Константиновна уже вернулась из своей поездки; Владимир Ильич жил в своей комнате, Надежда Константиновна в своей.

Примерно в это же время Владимир Ильич показал мне устройство замков здешних балконов. Обычно, если вы хотите открыть дверь, вы нажимаете ручку вниз, между тем здесь, для того чтобы открыть дверь, нужно ручку поднять вверх. Но все всегда нажимают вниз и этим замыкают себе выход. А как будто замок тот же самый. Кроме того, ключ поворачивается не направо, а обратно — налево. Владимир Ильич мне говорит: «Ну, открой балкон». Я начинаю открывать, т. е. делаю шиворот-навыворот. Он смеется: «Не можешь открывать балкон!» Когда секрет мне был раскрыт, я уже знал, как открывать

¹ «Охотничье ружье В. И. Ленина, с которым он охотился в Московской области с 1918 года... Получено им из складов ВЧК в 1918 году. Двустволка бескурковая. Фирма бельгийская, Defourny Sevrign Liège. Сделано по заказу варшавской фирмы «Роберт Циглер», № 3559. В желтом потертом кожаном чехле. Дмитрий Ульянов. Горки Ленинские, 1941, VI-24». (ЦПА ИМЛ, ф. 15, д. 28.) *Ред.*

² А. Я. Беленький (1883—1941) — член партии с 1902 г. После Октябрьской революции работал в ВЧК. С 1919 по 1924 г. — начальник охраны В. И. Ленина. *Ред.*

дверь. Владимир Ильич смеялся и говорил, что Рейнбот, который здесь жил, выдумал такую хитрость для того, чтобы не могли застигнуть его врасплох. Кроме того, между домом и кухней был подземный ход...

Вскоре я начал ловить рыбу на маленьком пруду; тут были удочки Рейнбота, и я начал ловить карасей. Когда я приезжал в Горки, видел, что караси плавают, правда мелочь, но большими стаями. Думаю, значит, должны быть и большие караси, но когда стал удить первый раз, то поймал пиявку и лягушку. Все очень смеялись — тут нет рыбы! Но я устроил прикорм (мне раньше приходилось ловить рыбу) и наловил однажды утром десятка полтора больших карасей. К завтраку были готовы жаренные караси. Владимир Ильич спросил: «Где это ты наловил? На маленьком пруду?! Интересно, я думал, что там только лягушки и пиявки».

Сам он не любил этого занятия. пробовал раз или два, но неудачно. Он не любил рыбной ловли удочкой вообще. В детстве тоже не любил и никогда не ловил рыбу. У Анны Ильиничны в ее воспоминаниях написано, что он бегал на реку с удочками; по-моему, это не точно. Может быть, с кем-нибудь из мальчиков, которые были одних лет с ним или даже постарше, но со мной он никогда не ходил. Когда я уже достиг такого возраста, что мог сам ловить рыбу, то у Володи не оказалось ни крючков, ни удочек; привязывать он не любил и относился к этому презрительно даже в детстве.

Он как-то здесь пробовал удить. Пришел раз, когда я сидел у пруда, и говорит: «Дай удочку, я попробую». Я ему дал. Он поймал маленького карасика: «Стоит из-за этого сидеть!» Я говорю, что надо ловить рыбу ранним утром или вечером, тогда чаще бывают крупные. Но он бросил удочку.

Лодки на пруду не было, был только плот, сбитый из бревен, и на этом плоту мы иногда катались, отталкиваясь шестами. Помню, что я пробовал глубину — везде 3—3,5 метра. Довольно глубокий был пруд, но давно не чистился, и дно покрылось илом. Позднее появилась лодочка маленькая, но на ней Владимир Ильич не ездил. Это была такая неустойчивая лодочка, только молодежь рисковала садиться в нее. Да и ездить было негде, только крутишься на одном месте.

Однажды на большом пруду устроили рыбную ловлю, и Владимир Ильич поехал посмотреть. Беленький достал большой бредень, и несколько человек ловили, но ловля была очень плохая — попались только мелкие карасики. Бредень тащили волоком, Владимир Ильич наблюдал за этим и сказал: «Ну, печальный результат у вас, товарищ Беленький, вытащили таких карасиков, на жаркое не хватит».

Я удочкой ловил в маленьком пруду гораздо больше карасей и крупнее. Тащат волоком несколько взрослых мужчин, а результат — десятка полтора карасиков.

Первые годы — 1918, 1919 и 1920-й — забора вокруг парка не было; забор появился в 1922 году, когда Владимир Ильич уже забо-

лел. Тогда забором был обнесен весь парк, сперва с северо-восточной стороны, потом он был продолжен до пруда, и весь участок был огорожен. Кое-где были устроены калитки и будки для дежурных; одна будка была около ворот.

Раньше белых грибов было много. Еще не был огорожен парк, и хотя сюда мало кто ходил, но все-таки некоторые старики и старушки заходили и, пользуясь случаем, собирали в парке грибы.

Владимир Ильич любил собирать грибы, но мало собирал. Главным образом любила грибы собирать Мария Ильинична, отчасти Анна Ильинична и изредка Надежда Константиновна. Иногда Владимир Ильич, гуляя вместе с Надеждой Константиновной, находил несколько белых грибов.

В одну из весен в парке стали проводить чистку, против чего я протестовал. Я говорил, что надо только листья сметать и ничего больше, но позднее, кажется в 1935 или в 1936 году, взялись энергично чистить парк, причем чистили железными граблями, и после этого летом 1937 года грибов почти совсем не было. Я тогда дал строгий наказ директору — железными граблями листья не убирать, не драть почву, потому что грибница как раз под листьями и заводится. У нас была популярная книжка по ботанике профессора Галенкина о грибах. Он писал о строении грибниц, и достаточно было прочесть, чтобы понять, что этими железными граблями сдирается верхний слой почвы, где находится грибница...

Раньше, когда Владимир Ильич был здоров, он часто находил белые грибы в лесу на охоте и давал кому-нибудь нести. Очень часто кто-нибудь из охраны нес на спине рюкзак, и все подходили и бросали туда дичь или белые грибы; обыкновенно меньше было дичи, чем грибов, а вернее сказать, только грибы и были.

Сейчас очень трудно найти грибные места, потому что лес сильно вырубил. Эти места совершенно изменились с тех пор, как я помню.

Владимир Ильич любил больше всего эту дачу (Горки). В начале болезни Владимира Ильича ему подыскивали дачу под Москвой. Совсем недолго он жил в других местах — Горки-2 и Горки-3, но больше всего Владимир Ильич любил Горки, любил именно это место, любил самый дом. Нравилось ему и высокое расположение дома, эти широкие открывающиеся перед ним горизонты. Ему очень нравился вид на запад: тут виден влево город Подольск, сейчас он загорожен деревьями, а когда пройдете вниз по дорожке к большой сосне, то там виден железнодорожный мост и виден Подольск. Он вообще любил живописные места с широким горизонтом; здесь есть открытые высокие места, которые ему нравились.

Особенно любил Владимир Ильич дорожку к большой сосне, куда во время болезни он ездил кататься. Парк здесь очень глухой, производит впечатление мрачного, в нем очень много тени, мало открытых мест. Поэтому во время болезни он предпочитал ездить к большой сосне. Дорожка ведет к прудам, оттуда открывается прекрасный вид на Подольск — на птичий полет километров десять в юго-западном

направлении, а дорогами, конечно, дальше. Подольск стоит на той же реке Пахре, которая протекает и здесь.

Летом 1919, 1920 и 1921 годов Владимир Ильич любил ходить купаться на Пахру. Обыкновенно он приходил и говорил мне перед обедом или вечером: «Пойдем купаться», или же я звал его купаться.

Он шел в косоворотке, без пояса, одетый совершенно по-дачному. Мы направлялись на Пахру (это прямо на юг, туда можно пройти или проехать). Обыкновенно с нами шел кто-нибудь из охраны. Они обязаны были сопровождать Владимира Ильича, но им было приказано, чтобы они скрывались, под носом не болтались: он не любил этого и мог отправить их обратно. Впечатление получалось такое, что мы идем вдвоем купаться. Сначала приходили мы, потом охранники. Иногда мы брали лодку, так как берег на этой стороне илистый, а на той стороне хороший песчаный пляж, переезжали на тот берег — мы с Владимиром Ильичем и иногда с нами Беленький — и там купались.

Я всегда брал с собой полотенце. Помню, один раз взял два полотенца, видя, что у Владимира Ильича нет полотенца. Говорю ему: «Я для тебя принес». «Зачем же полотенце?» — спрашивает он. «Обтираться, вытереть голову, лицо». — «Нет, так лучше, свежесть дольше остается». Он не признавал полотенце и прямо на мокрое тело надевал рубаху.

На Пахре была лодка, но Владимир Ильич не любил кататься на лодке. Вспоминаю поездки с Марией Ильиничной, иногда и Владимир Ильич ездил с нами, но вообще он этим не увлекался.

Когда я приехал из Крыма в 1919 году, у меня был довольно широкий ременный пояс и ремешок с петелькой, а за поясом был браунинг. Я так и ходил в Кремле первые дни — все время при мне было оружие, причем не спрятанное, а открытое, торчал браунинг не по военному образцу, а за поясом.

Так и ходил купаться с Владимиром Ильичем. Иногда, бывало, думаешь: может быть, никого из охраны нет, а если вдруг выскочит кто-нибудь...

Бывало, нет-нет да и проверяешь этот браунинг или пробуешь им стрелять.

Владимир Ильич оружия не носил; у него был револьвер, тоже браунинг, черный, без кобуры.

В 1924 году после смерти я взял его револьвер и держал при себе, своего уже не было, и никакого разрешения на право держания оружия я не имел. Но во время моей болезни Мария Ильинична взяла револьвер. Может быть, он был в вещах Марии Ильиничны — она ведь умерла внезапно, — и только Надежда Константиновна может знать, где браунинг Владимира Ильича. Я пытался его найти, спросил жену¹, где браунинг Владимира Ильича. Она ответила, что Мария Ильинична убрала его к себе и сказала, что Мите он больше не понадобится. А я сказал: «Ведь это браунинг Владимира Ильича».

Помню, как-то я спросил Владимира Ильича (это было в Моск-

¹ Александру Федоровну Ульянову. *Ред.*

ве): «У тебя есть револьвер?» «Есть», — говорит. «А где?» Он посмотрел в письменном столе, оказалось, что браунинг лежит там, но в неопрятном состоянии, так как Владимир Ильич с оружием мало обращался. Я взял его револьвер и привел в надлежащий порядок, кажется, дал кому-то из охраны.

Этот револьвер всегда лежал в ящике его письменного стола, и он, как правило, никогда и никуда его не брал. Номера его револьвера я не помню, а документов никаких не было.

Охотничье свидетельство у меня было, а брал ли я его для Владимира Ильича — не помню.

Это были такие годы (1922—1923) — какие тут права! Многие считали — в наших руках власть, а еще на револьвер спрашивать разрешение; только позднее стали «приводить в православную веру» людей, что на оружие надо иметь специальное разрешение, удостоверение, а в те годы бывало так, что сегодня — револьвер, а завтра притащут, может быть, и гранату. Охрана тогда ходила с гранатами и с винтовками, все это было на учете, но мы в то время этому учету не подчинялись. Я помню, еще в Крыму во время гражданской войны у меня стоял пулемет в той комнате, где был кабинет и спальня, даже было два пулемета — один небольшой, а другой большущий. Когда ездил на машине, я устанавливал пулемет. Один раз попробовал стрелять, оказалось, что пулемет не стреляет — одну пулю посылает, а лента не двигается. Обращаюсь к коменданту: «Что же ты смотришь? А что, если белые?! Пойдешь под арест».

Потом, конечно, пулемет исправили, но взыскание на коменданта пришлось наложить для порядка. Возможность нападения белых была, и я был в полном убеждении, что у нас есть пулемет, а он, оказывается, не стрелял.

Вспоминается мне один случай, связанный с игрой в городки. Когда играют в городки, напрягается широкий мускул спины. Как-то раз в Москве по возвращении из Горок я вижу, что Владимир Ильич принимает какие-то пилюли. «Что ты принимаешь?» — «У меня что-то с желудком. Обух¹ прописал таблетки принимать». — «А зачем?» — «Да вот боли в животе».

Я посмотрел ему язык, осмотрел его, спросил насчет желудка, потом вижу, что боли у него в области спины и живота. Такие боли бывают после игры в городки без тренировки — мышцы резко напрягаются и начинают болеть. «При чем тут желудок, — говорю я, — это у тебя от городков. У меня то же самое бывает». «Нет, — отвечает, — я говорил с Обухом». Владимир Ильич позвонил еще раз Обуху: «Владимир Александрович, брат говорит, что это — мышечная боль от игры в городки». — «Да, может быть, мышечная». На этом все и кончилось, все оказалось мышечной болью. Бывает, что когда врач по телефону лечит, он толком и не знает, где у человека болит.

¹ В. А. Обух (1870—1934) — видный деятель советского здравоохранения. В 1919—1929 гг. возглавлял Мосгорздравотдел. *Ред.*

Когда Владимир Ильич отдыхал, то, главным образом, ходил на прогулки, а работал он обычно по утрам.

После завтрака он выходил на балкон — который так и называли Володиным балконом, — балкон на северной стороне, теневой. Солнце туда попадает очень мало. Он велел поставить туда простой деревянный столик и табуретку, сиделся там, и иногда интенсивная, усидчивая работа была именно на этом балконе. Скажешь: «Пойдем погулять или на охоту». — «Я, знаешь, сейчас не могу, у меня срочная работа, я пишу тезисы». Пишет тезисы к определенному заседанию ЦК, Политбюро и т. п. На этом северном балконе, отгороженный от солнца, он сидит и пишет, причем еще с гимназических лет у него сохранилась привычка: когда он пишет пером или карандашом и ему что-нибудь нужно сделать, он берет карандаш губами. Кажется, такая же привычка была у отца, но в этом я не уверен, а у Владимира Ильича определенно была. Когда ему были нужны руки, он клал карандаш не на стол, как мы обыкновенно делаем, а обязательно брал — и не только карандаш, но и ручку — как-то особенно между губами.

Стол на балконе был простой, деревянный, на четырех ножках; может быть, он сохранился, но едва ли.

Здесь в Горках Владимир Ильич на велосипеде совсем не ездил, не то что в былые годы. В теннис мы не играли: в годы нашей молодости это была игра аристократическая. Бывали городки и велосипед, но тенниса я совершенно не знаю. В крокет мы играли, и в детстве Владимир Ильич играл и потом продолжал играть. Когда мы были десять дней в Подольске, то там мы играли в крокет. Но увлекался крокетом Владимир Ильич, будучи мальчиком. Когда отец купил крокет, то он, сестра Оля и другие — все играли в крокет в Ульяновске на дворе. Этого я касаюсь немного в описании детских игр в майском номере журнала «Красная новь». Об этом в воспоминаниях Марии Ильиничны и Анны Ильиничны ничего нет. Мария Ильинична говорила, что была у нас в детстве еще игра, тоже шумная; она писала, что Владимир Ильич любил шумные игры. Это не всегда было так. Была, например, игра в индейцев, и они шушукались с сестрой, играли тихо; он был почти ровесником Ольги Ильиничны, а я на четыре года моложе. Детских лет Владимира Ильича я не помню, я был совсем маленьким, хотя, по-видимому, мои воспоминания доходят до 3—4-летнего возраста. Если взять этот снимок¹, то Владимиру Ильичу здесь лет десять, а мне шесть; четыре года в таком возрасте — это разница громадная.

Затем Дмитрий Ильич рисует план парка и расположения комнат в большом доме и объясняет:

Тут балкон, на котором занимался Владимир Ильич, а с южной стороны — такой же балкон Надежды Константиновны; вот дверь, где замок с секретом, а тут подземный ход.

¹ Д. И. Ульянов имеет в виду фотографию семьи Ульяновых, сделанную в Симбирске в 1879 г. *Ред.*

Террасы расположены со всех сторон дома.

Здесь столовая, в которой мы обычно завтракали, обедали и ужинали. Определенного места у Владимира Ильича не было, а внизу во время болезни Владимира Ильича у него было определенное кресло, на котором никто никогда не сидел.

Товарищ Стаклис¹ покажет вам лавочку, на которой любил сидеть Владимир Ильич и часто сидел с Надеждой Константиновной.

Тут раньше была каменная калитка, через которую мы ходили на охоту. Здесь проходит прямая дорога, и сейчас же за дорогой — овраг и лес.

Машина для Владимира Ильича обычно подавалась всегда здесь², а теперь машины подъезжают с противоположной стороны.

Владимир Ильич говорил с вечера, что завтра он выезжает без четверти десять или в полдесятого. За 5—10 минут Гиль³ подавал машину, и Владимир Ильич точно, как часы, выходил вниз и садился в машину. Бывало, Анна Ильинична задерживается: человек немножко копотный. Владимир Ильич спрашивает: «Кого нет?» — «Анны Ильиничны нет». — «Где она? Скажите Анне Ильиничне, что мы сейчас едем». За ней бегут, и она приходит.

Он очень спокоен, смеется, но сам всегда очень точен, хоть часы проверяй. И раз ты едешь с ним, старайся к этому моменту быть готовым, чтобы не заставлять его сидеть в машине и ждать.

13 мая 1938 г., Горки

II⁴

В о п р о с. Не можете ли вы рассказать о периоде после ранения Владимира Ильича в 1918 году?

О т в е т. Это время надо разделить на два периода. Первый период — до болезни Владимира Ильича и второй период — во время болезни.

Он приехал сюда в 1918 году после ранения его на заводе «Михельсон» эсеркой Каплан. Тогда, после некоторого хирургического лечения в Москве, ему искали дачное помещение и остановились на этой даче, принадлежавшей ранее Морозовой и Рейнботу.

Владимир Ильич приехал сюда осенью, приблизительно в сентябре 1918 года, расположился он тогда наверху во втором этаже, в той комнате, которую вы, вероятно, видели. С ним приехали Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Надежда Константиновна поселилась рядом с его комнатой, Мария Ильинична — в другой половине дома, тоже наверху. Столовая была в той комнате, которой я сейчас пользуюсь как столовой. Здесь внизу, в частности в этой ком-

¹ Карл Стаклис (ум. в 1942 г.) — сотрудник охраны Владимира Ильича. После смерти Ленина — комендант Большого дома в Горках.

² Имеется в виду фасад Большого дома. *Ред.*

³ С. К. Гиль (1888—1966) — шофер Владимира Ильича с 1917 по 1924 г. *Ред.*

⁴ Из ответов Д. И. Ульянова на вопросы участников экскурсии (печатаются с некоторыми сокращениями). *Ред.*

нате и других, расположилась охрана из ВЧК. Я помню время, когда здесь стояли койки, как нары, товарищи тут спали; потом это была комната команды для них, начальник назначал их на дежурство, ставил наружную охрану, при Владимире Ильиче и т. д. Тут есть комната, где жил товарищ П. П. Пакалн, назначенный ВЧК, и он лично неотступно находился при Владимире Ильиче; он был начальником всей охраны.

Лечение тогда было такое: одно время делали ванны для руки, где было прострелено плечо; но главным образом Владимира Ильича привезли сюда для того, чтобы он мог пользоваться чистым воздухом, природой вне Москвы.

Я приехал сюда летом 1919 года. Я был тогда на фронте гражданской войны на юге. Приехал сюда и застал Владимира Ильича в Москве в своем кабинете в Совнарком. Там я первый раз с ним встретился, и он сказал мне, где поселиться и что под выходной день — а тогда выходные дни были в воскресенье, — в субботу, мы поедем на дачу. Он сказал: «Я тебе покажу хорошую дачу, мне она очень нравится, место высокое, по-моему, малярии там нет и комаров мало». Так он охарактеризовал Горки.

Я приехал 8 июля, а числа 9—10-го мы отправились сюда на машине. Шоссе было щебневое, конечно, не сравнить с тем, что сейчас. Сейчас шоссе гудронировано.

Вез нас в первый раз шофер Гиль, он почти всегда возил Владимира Ильича. Машина была французской системы «Долнебель-Виль», открытая коляска. Мест в ней было вместе с шофером на семь человек. Владимир Ильич обычно садился не с шофером, а сзади. Там было два передних места, на одно он садился сам, на другое — человек, бывший тогда в охране, или я. Сзади садились Надежда Константиновна, Мария Ильинична и кто-нибудь, кто ехал вместе с ним из ближайших товарищей, которые приезжали сюда довольно часто.

Я говорил, что дорога была тогда щебневая, избитая, старая; тогда и год был такой, что не до шоссе было, не говоря уже про технику. Сейчас дороги делают машины, катки хорошие. Шоссе было такое, что на этой машине здорово трясло, бросало.

Дорогу Владимир Ильич переносил хорошо. После Москвы, после 5—6 дней работы, когда он, бывало, очутится в машине, он наслаждался свежим воздухом, природой, полями, лесами. Очень часто он говорил (он любил быструю езду): «Скажи Гилю, чего он едет так, что перед каждой курицей реверанс делает», — а тот действительно осторожно ездил. Шоферу с хорошей репутацией, довольно квалифицированному, давить кур иногда бывало грех, а Владимир Ильич говорил: «Чего он каждой курице реверанс делает, скажи, чтобы он ехал скорее». Помню, счетчик показывает 60 километров в час, я говорю: «Владимир Ильич просит поскорее ехать», а шофер отвечает: «Чего же скорее, 60 километров в час, вы видите. Я боюсь за шины, летом они лопаются, от солнца нагреваются, а тут еще нагрев от хода. Полопаются шины». Иногда он из «милости» прибавлял ходу, с 60 километров дойдет до 80-ти. Я не помню у него большей скорости в те времена...

Когда я приехал сюда, я поселился в той же комнате, в которой я сейчас живу, наверху; там, где сейчас у меня кровать, стоял какой-то диван, там я и устроился рядом с комнатой Владимира Ильича.

У меня тогда было увлечение: удочки устроил и карасей ловил на маленьком прудике, в пределах этого парка. Владимир Ильич не любил рыбной ловли удочкой, его не интересовало это слишком пассивное занятие: сидеть и смотреть, клюнет или не клюнет, а потом поймать карасика. Стоит ли из-за этого ловить! Он и раньше не увлекался рыбной ловлей удочкой, даже в детстве не помню; никогда у него не было ни крючков, ни удочек. Он больше любил охоту, движение, побродить по лесу. Ему доставляло больше удовольствия пострелять из ружья, он еще в сибирской ссылке развлекался охотой. Охотником, знающим дело, он не был никогда. Это я вспоминаю по охоте в Самарской губернии. Таким он и остался до последнего времени. Кто-то из охотников писал, что, когда они были на охоте, там, где стоял Владимир Ильич, вышла лиса и сразу убежала. «Что же вы не стреляли, Владимир Ильич?» Тот ответил якобы: «Она очень хорошая, красивая, жалко стрелять». Насколько это верно, не знаю. Я знаю, что на охоте, там, где нужно было стрелять, он добросовестнейшим образом стрелял. Попадет не попадет, но стрелял добросовестнейшим образом...

В о п р о с. Ограда была разобрана в период гражданской войны или позже?

О т в е т. Эта ограда была до революции при Рейнботе. Тут была надпись: «Посторонним лицам вход воспрещается». При Владимире Ильиче и Надежде Константиновне никаких ограничений не было, кто хотел, тот приходил в парк, кто с платочком, кто с корзиночкой грибы собирать. Вначале никакого запрета не было. Позднее проходы в парк несколько ограничили, так как Мария Ильинична в особенности, а также и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной любили собирать грибы. Однако со стороны Владимира Ильича никакой инициативы не было, чтобы запрещать пользоваться парком кому бы то ни было...

В о п р о с. Вы сказали, что возвратились с фронта летом 1919 года. Владимир Ильич был в Москве. Значит, он с осени 1918 года жил в Горках?

О т в е т. Я сказал, что я вернулся летом 1919 года. Потом уточнил, что приехал первый раз в Москву 8 июля, увиделся с Владимиром Ильичем и через пару дней приехал сюда в Горки. В 1918 году он жил здесь. На зимнее время переезжал в Москву, а на лето приезжал всем семейством сюда.

В о п р о с. Может быть, вы нам расскажете насчет «вездеходов»?

О т в е т. Это так называемые автосани; зимой это шасси заменялось. Здесь и летом проехать было трудно, а зимой невозможно, и вот завели автосани, т. е. специальный автомобиль. Передние колеса ставились в прорезь лыж. Благодаря этим лыжам колеса не проваливались в глубокий снег, лыжи скользили по

снегу, а задние колеса действовали как обыкновенные ведущие колеса.

В зимнее время мы ездили сюда в Горки и за Горки на этих автосанях, причем Владимир Ильич, бывало, говорит шоферу: «Вы что, дорогу ищете, вы без дороги поезжайте. Направо сугроб — поезжайте сюда». А тот отвечает: «Я ямы боюсь». Владимир Ильич: «Направляйте туда прямо в яму. Что вы по дорожкам едете? Эти автосани должны ходить по снегу, по степи, по полю». Бывало, действительно яма, эти автосани спускаются в нее и выезжают как танк.

Потом этими автосанями заинтересовался товарищ Ворошилов. Как-то во время маневров Гиль подал автосани, и Ворошилов на них разъезжал по снегу. По рассказу шофера, он говорил: «Это интересная вещь для нас в военном деле». Товарищ Ворошилов ездил на них так же, как и Владимир Ильич: «Ты поезжай не по дорогам, а напрямик полем, по снегу». Он обыкновенно сам выезжал на них. В гараже особого назначения Кремля было двое автосаней; одни держались для Владимира Ильича, а на вторых выезжали М. И. Калинин и некоторые другие товарищи.

В о п р о с. Здесь есть лошадь. Этой лошадью пользовался Владимир Ильич?

О т в е т. Этот вопрос для меня не ясен. Я знаю, что обыкновенно Владимир Ильич лошадьми не пользовался, он только выезжал на лошадях во время своей болезни. Я беседовал с нашим комендантом товарищем Дорожным насчет этих лошадей и пришел к такому заключению, что их сюда доставили из ВЧК для пользования, если нужно, Владимиром Ильичем и охраной ВЧК, которая его сопровождала. Здесь в Горках не заводи́ли специальной лошади ни для кого, ни для него в частности.

В о п р о с. Как Владимир Ильич заболел?

О т в е т. По официальным данным, Владимир Ильич заболел в 1922 году, но он рассказывал мне осенью 1921 года, что он хочет жить в Горках, так как у него появились три такие штуки: головная боль, при этом иногда и по утрам головная боль, чего у него раньше не было. Потом бессонница, но бессонница бывала у него и раньше. Потом нежелание работать. Это на него было совсем непохоже. Нежелание работать. Как я выяснил с врачами-специалистами, головные боли, бессонница и нежелание работать, часто головные боли по утрам — для молодого возраста это симптом «комплекс неврастения», а в таком возрасте, в каком был Владимир Ильич, это симптом, характерный для артериосклероза мозга. Бессонница у него всегда бывала, он и за границей жаловался, а вот такая вещь, как нежелание работать, — это было новым. Владимир Ильич сказал: «Я хочу остаться здесь на осенние месяцы, а может быть, и зиму проживу здесь». И вот тогда он решил из Большого дома выехать и поселиться в маленьком домике, в северном флигеле, причем выбрал себе на втором этаже самую малюсенькую комнату. Это было в 1921 году осенью.

Там жила и Надежда Константиновна, а Мария Ильинична

только частично жила. Большею частью она жила в Москве, она была секретарем «Правды» и вела большую работу.

25 октября 1938 г., Горки

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 113—127*

«ПОБЕГ» ИЗ КРЕМЛЯ

Конец 1919 и начало 1920 года я жил у Владимира Ильича в Кремле. У дверей его квартиры, как ведущей к Совнаркому, так и выходящей во двор, стояли часовые. На стенке около постов был вывешен список, кого можно пускать в квартиру; там было указано 5—6 лиц (Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич, Анна Ильинична и А. Сысоева, помогавшая по хозяйству). При посещении квартиры другими лицами часовой звонил, и кто-либо из вышедших давал разрешение на вход. При выходе Владимира Ильича из квартиры часовые давали сигналы к другим постам и к караульному начальнику, причем, если Владимир Ильич выходил совсем из здания (к автомобилю или на прогулку), за ним следовали на известном расстоянии охраняющие его товарищи. К этим мерам предосторожности обязывала, понятно, тогдашняя ситуация. Владимир Ильич не мог возражать против них, но несомненно, что иногда это тяготило его.

Среди московских обывателей очень часто упоминалось о «кремлевском узнике». Интеллигентная кадетствующая публика потихоньку посмеивалась над Лениным, который не может выйти из Кремля, который, несмотря на свое могущество, боится появиться открыто на улицах... Какими дураками они были! Сидя у своих печурок с горшками вареной картошки или пшенной каши, они и подумать не могли, что Ленин, сам Ленин, свободно гуляет по улицам, проходит мимо их окон, достигает далеких окраин Москвы, никем не знаемый, без всякого страха и боязни, что ему было вообще совершенно несвойственно.

Однажды в воскресный (праздничный) день зимой 1919 года часов в 5 вечера он подошел ко мне и сказал:

— Пойдем гулять, мне хочется немножко встряхнуться, только чтобы никто не знал, чтобы нас не сопровождали.

Чтобы не быть узнанным часовым, Владимир Ильич закутал лицо башлыком, и в таком виде, в валенках и меховых куртках, мы прошли через заднюю дверь во двор ВЦИКа. Часовой не узнал его и поэтому не сигнализировал, куда следует. Через Троицкие ворота мы не пошли, чтобы не быть замеченными публикой, а направились к Спасским.

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 133—134*

ПОЕЗДКА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА НА СЕНЕЖСКОЕ ОЗЕРО

Широкие массы трудящихся нашей страны, изучая жизнь Владимира Ильича, интересуются каждым штрихом его жизни и деятельности, интересуются тем, как он работал и как отдыхал. Некоторых интересует такой вопрос — любил ли Владимир Ильич охотиться.

В юношеские годы Владимир Ильич занимался охотой очень мало и от случая к случаю. Он начал увлекаться охотой, будучи в ссылке в Восточной Сибири¹ в селе Шушенском. Мне помнится, как я купил охотничье ружье системы «Франкотт»¹ и послал его Владимиру Ильичу в село Шушенское. С этим ружьем он очень долго охотился в Сибири, и, как видно, там он охоту очень полюбил. После Октябрьской революции в дни отдыха он с большой радостью выезжал на охоту. В последние годы жизни охота для Владимира Ильича была одним из любимейших видов отдыха.

Мне хотелось рассказать об одной из поездок Владимира Ильича на охоту на Сенежское озеро.

Это было летом в 1919 или 1920 году, точно не помню. Мы собрались поехать поохотиться на Сенежское озеро, которое находится в шестидесяти километрах к северу от Москвы около села Подсолнечное. Нас было четверо — Владимир Ильич, я, доктор Обух и доктор Меркулов.

Приехав в Подсолнечное, мы остановились в одном из домов отдыха. Для того чтобы пораньше выехать на охоту, мы решили рано лечь спать. После ужина мы отправились в отведенные нам комнаты. Доктор Меркулов отвел Владимиру Ильичу и мне отдельные смежные комнаты, вход в каждую из них был прямо из коридора. Такое разделение было совсем неудобным, так как и люди, и место были нам мало знакомы. Осмотрев помещение, я нашел рядом две очень хорошие смежные комнаты, одна из которых шла прямо из коридора, а вторая находилась глубже, внутри. После этого я направился к администратору и попросил: «Устройте нас с Владимиром Ильичем в смежных комнатах». Мою просьбу охотно выполнили, и мы с Владимиром Ильичем остались ночевать вместе. Я сказал Владимиру

¹ Ружье центр. двустольное (№ 303841 льежской фабрики «Франкотт») было куплено мною в конце 1898 года в Москве (в магазине Шенбрунера на Кузнецком мосту) по поручению Владимира Ильича. Заплатил я за него 55 рублей; такая примерно цена (50) была указана им. (Досадная «раковина» в левом стволе была замаскирована вазелином или другим жиром. После пристрелки в Подольске я ее обнаружил, к своему ужасу. Знакомый охотник сказал, что это особенного значения не имеет, что магазин не возьмет обратно и что цена небольшая.)

Приобретая затем все необходимое к нему, я заказал деревянный ящик, упаковал покупку, выставив «ценная» на 70 р.— столько действительно стоила покупка с пересылкой в село Шушенское. С этим ружьем Ильич охотился в Сибири на зайцев, дупелей и пр.

По возвращении в начале 1900 года в Россию Владимир Ильич привез ружье с собой и передал мне. Д. У.

См. также письмо Владимира Ильича к Дмитрию Ильичу от 26 января 1899 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 130—132). Ред.

Ильичу: «Я лягу около дверей, а ты ложись во внутренней комнате». Он ответил: «Да, да, это правильно».

Вот так был организован наш ночлег. Хорошо не помню, была ли с нами охрана или нет. Думаю, что была, но, как видно, секретная, так как Владимир Ильич не очень любил, чтобы за ним ходили охранники.

На другой день, как только стало светать, мы быстро собрались, сели в лодку и поехали по Сенежскому озеру. Кроме меня и Владимира Ильича в лодке были В. А. Обух и еще кто-то, теперь я не могу вспомнить. Мы были вооружены двустольными охотничьими ружьями.

У Владимира Ильича, как видно, было большое желание пострелять, так как он еще раньше говорил: «Хорошо бы тут поохотиться, я бы хоть просто из ружья попалил».

Так как место охоты было довольно открытое, то к уткам нельзя было близко подъехать, поэтому охота на них не удалась. Рассердившись, мы начали стрелять по чиркам, но, сделав два-три выстрела, не попали...

Вот, собственно, и все, что вспоминается об этой поездке на Сенежское озеро. Охотой это, конечно, назвать нельзя, но Владимир Ильич сказал: «Я хочу пострелять», и мы взяли ружья. Мы не располагали, однако, ночевать на озере, а это для охоты на уток совершенно необходимо, так как на рассвете к ним подобраться не удастся. Егеря с нами не было. Кроме того, Владимир Ильич очень не любил комаров. Один комар укусит, он сразу же: «Фу, комары кусаются». Терпеть не мог тех мест, где есть комары.

Помню, что как-то встал вопрос о том, куда ехать: на Кавказ или на Урал. Он спрашивал о том, какие места, и, как всегда, задавал специальный вопрос: «А комаров много?» — и, если оказывалось, что много, говорил: «Ну, если комаров много, не поеду». И не потому не любил комаров, что они прививают малярию, — ему скажешь: «Это ведь безвредный комар, это кулекс». — «А мне все равно — кулекс или нет, все равно кусаются, окаянные, и мешают».

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 135—137*

ПО ТЕТЕРЕВИНЫМ ВЫВОДКАМ

Как-то раз, помнится в августе 1919 года, Владимир Ильич договорился с товарищами-охотниками поехать на охоту по тетеревиным выводкам. Решено было поехать с вечера в Горки, там переночевать, а утром на заре проехать в деревню Опаринки, где должен был ждать нас егерь Михаил Плешаков с легавой собакой.

На молодых тетеревов выходят в лес обычно рано утром, до солнца, чтобы собака по росе лучше чуяла след птицы. Когда солнце обогреет, след птицы найти труднее.

В Горках улеглись спать поздно вечером, а разбудили нас так рано, что было еще темновато и видны были звезды на небе. Помню, что Ильич, когда его будили, захохотал и воскликнул: «Да ведь еще ночь совсем, звезды светят!» Должно быть, он еще совсем не спал или не успел заснуть.

Быстро собрались и поехали к месту охоты. Езды было не более 15 минут. Егерь Плешаков встретил машину уже готовым — с ружьем и с собакой — и, пожурив нас, что поздно приехали, повел сейчас же в лес.

Впоследствии Плешаков не раз охотился с Ильичем, но в этот раз видел его впервые и не знал, что это Ленин, хотя вообще речь о его приезде была. На его вопрос, кто это, товарищи с целью конспирации сказали, что это их знакомый, слесарь из Москвы. (Владимир Ильич был в синей косоворотке и потрепанном пиджаке.) «Вот,— проворчал егерь,— я рассчитывал, что они Ленина привезут, а тут какой-то слесарь!» Я не знал тогда об этой конспирации и был очень удивлен, когда Плешаков обратился почему-то ко мне со словами: «Идите за мной, Дмитрий Ильич, следите за собакой, выводок сейчас должен быть». Я не понимал, в чем дело, почему он не обратился к Владимиру Ильичу, не позвал его следить за собакой, с какой стати первый выстрел будет мой, и стал подзывать брата ближе к собаке, чтобы он первый стрелял. Но Ильич ответил, что пойдет рядом и будет стрелять, когда птица полетит в его сторону. Поднялся пестрый черныш, и я его убил, ощутив при этом на душе какой-то неприятный осадок: почему так вышло, что первым стрелял я, а не Владимир Ильич? Чего ради я попал на первое место? Ну, думаю, следующего он будет стрелять, и казалось, что вот сейчас подымется второй. Но этого не последовало. И егерь, когда после выстрела сошлись все вместе, предложил подманивать выводок, а нам занять места и сидеть неподвижно в ожидании появления птиц. Он объяснил, что матку нужно стрелять в первую очередь и тогда весь выводок будет в наших руках.

Мы разместились кто где. Ильич уселся на опушке большого леса. Егерь начал подманивать. Солнце сильно пригрело, и меня потянуло к дремоте. Внезапно около Владимира Ильича с резким шумом поднялась тетерка. Он громко крикнул: «Тетерев!» Егерь на это сердито передразнил: «Тетерев! Конечно, тетерев. Это же матка. Отчего не стрелял?» Ильич на это также сердито крикнул: «А сам отчего не стрелял?» Егерь в свою очередь: «Я подманиваю, мне стрелять не полагается. Вы должны были стрелять» — и как-то выругался. Кто-то из охотников дернул его и прошипел: «Не ругайся, это же сам Ленин!» Егерь присел: «Что же ты мне раньше не сказал, что это Ленин, а болтаете — слесарь. Эх, мать честная! Это, выходит, я самого Владимира Ильича обругал! Ей-богу, не знал. Извините, пожалуйста».

Охота оборвалась. А бедный Плешаков долго еще ворчал и бурчал себе под нос: «Вот те раз! Как же это я так... Не знал, сказали — слесарь, а то бы разве я?» — и т. п.

Впоследствии Ильич не раз охотился с Плешаковым и на тетере-

вов, и на дупелей, и на бекасов, причем последний всегда трогательно объяснял ему все касающееся данной охоты.

После смерти Ильича в одном иллюстрированном журнале был помещен портрет Михаила Плешакова и очерк под заголовком «Егерь тов. Ленина».

Плешаков любовно хранил этот номер в своем чемоданчике. 1938 г., Горки

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 137—138*

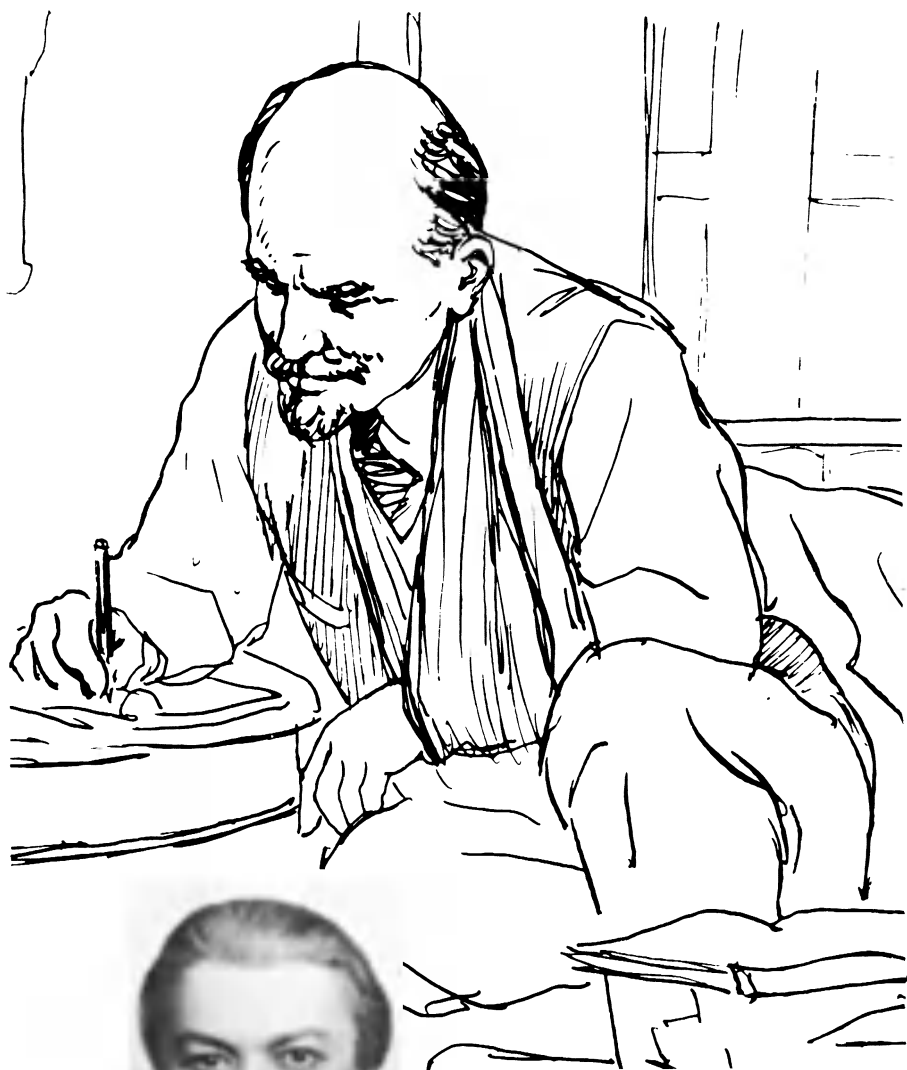
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИЛЬИЧА

В рождественские праздники 1924 года я несколько раз ездил к брату в Горки. Здоровье Владимира Ильича к этому времени в значительной степени поправилось, и он свободно ходил без посторонней помощи, опираясь лишь рукой на палку. Улучшилась также в значительной мере и речь. Ежедневно Владимир Ильич под руководством врачей занимался с Надеждой Константиновной тренировкой речи.

Приезжая в Горки, я старался развлечь брата простыми разговорами и часто говорил ему об охоте. Эта тема Владимира Ильича крайне занимала. Он сам время от времени ездил из Горок охотиться. Обычно в этих поездках его сопровождали студенты-медики, к слову сказать великолепнейше за ним ухаживавшие. Когда выпал снег, ездили на санях, и Владимир Ильич подолгу любовался прекрасным зимним пейзажем. Последняя поездка брата из Горок была еще за три дня до его смерти.

Итак, к середине января здоровье Владимира Ильича шло, как казалось, на поправку, но вдруг наступило внезапное ухудшение, за которым и последовал трагический конец. Незадолго до смерти Владимир Ильич впал в бессознательное состояние, в котором находился около двух часов. Находившимися у постели больного врачами немедленно же было сделано искусственное дыхание и принят ряд других необходимых мер — было сделано все возможное, но брата спасти не удалось. Произведенное на следующий день вскрытие показало, что причиной смерти Владимира Ильича было кровоизлияние в мозг, происшедшее в результате исключительной изношенности стенок кровеносных сосудов. Если и был Владимир Ильич болен раньше, то за последние пять лет болезнь развилась до чрезвычайности и привела к трагическому концу лишь вследствие того, что он в течение ряда лет бесценно нес исключительно тяжелую, совершенно титаническую работу.

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 140*

**МАРИЯ ИЛЬНИЧНА
УЛЬЯНОВА**

С самых детских лет я испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе с своего рода поклонением, точно это было существо какого-то особого, высшего порядка. И если я позволяла себе капризы и непослушание с другими, то от всего этого не оставалось и следа, если я только подозревала, что Владимир Ильич может меня видеть или слышать. Уже не говоря о том, чтобы я проявляла какую-нибудь тень непослушания по отношению к нему. А между тем он никогда не выказывал никакой строгости ко мне, даже наоборот, баловал меня, как младшую в семье.

Я думаю, что такой полный авторитет он завоевал себе благодаря высоте своего нравственного облика. Дети ведь очень чутки к тому, чтобы слово не расходилось с делом, чтобы взрослые не оперировали с двоякого рода моралью: одною, применяемую к детям, а другую — к себе. Брат всегда делал хорошо все, за что бы он ни брался, кроме того, он очень рано научился владеть собой. А между тем от природы он был вспыльчивым и нужно было немало воли, чтобы сдерживать себя. Повторяю: я не помню, за малыми исключениями, чтобы он был нервен в то время, чтобы он проявлял себя резко по отношению к кому бы то ни было.

Возможно, что моя привязанность к Владимиру Ильичу усугублялась еще тем, что я перенесла на него любовь к отцу, который умер, когда мне еще не было восьми лет. Отец очень любил возиться, бегать и играть с нами, детьми. Много возился он и со мной, как с младшей. У Владимира Ильича было такое же отношение к детям, как и у отца. В этом отношении было то, что особенно завоевывает детей. Он подходил к ним просто, ласково и, я бы сказала, как равный, как к всамделишным людям, хотя и маленьким. В его тоне и обращении с ними не было ни пренебрежительности, которая так часто чувствуется у взрослых по отношению к детям, ни особого подлаживания под детей и под детские интересы. Владимир Ильич сам слишком много детского, в лучшем смысле этого слова, сохранил до последних дней своей жизни, что выражалось в удивительной чистоте, искренности, жизнерадостности, способности увлекаться, скажем охотой, прогулкой, игрой и пр., как ребенок, а также в умении предаваться самой беззаботной веселости. Как же тут было не завоевать симпатии детей!

И всегда, когда Владимиру Ильичу приходилось встречаться с детьми, у него очень быстро устанавливались с ними самые дружеские отношения, с оттенком влюбленности со стороны детей. Зна-

комство завязывалось быстро, и через некоторое время слышались уже громкий хохот, возня и беготня.

Владимир Ильич стоял всегда за предоставление детям наибольшей свободы и в более поздние годы останавливал нас, когда замечал, что мы «обдергиваем» их: «сиди смирно», «не вертись», «не озоруй» и т. п. Это отношение его к детям проявилось и незадолго до его смерти. На рождество 1923 г. я устроила в большом зале горкинского дома елку, созвала человек десять ребят местных служащих и двух наших племянников¹. Владимир Ильич приехал (сверху) на своем кресле и с удовольствием смотрел на игры детей и слушал их хоровое пение. Но когда под конец я раздавала ребятам подарки и они на радостях слишком расшалились и разбегались, я стала их останавливать, боясь, как бы весь этот шум не утомил слишком Владимира Ильича. Но он тотчас же знаками попросил меня не останавливать детей в их играх.

Никакого «обдергивания» не было никогда со стороны Владимира Ильича и по отношению ко мне, когда я была ребенком, а он молодым человеком (он был старше меня на восемь лет).

Отношение его ко мне было всегда простое и ласковое и как-то поднимало меня всегда в собственных глазах.

В симбирский период нашей жизни разница лет между мною и Владимиром Ильичем, о которой я говорила выше, была особенно ощутительна.

Но я слишком забежала вперед.

Из жизни в Симбирске, до смерти отца, у меня сохранились такие воспоминания. Мы жили в большом, поместительном доме с антресолями, на которых помещались мы, дети. К дому примыкал большой, покрытый травой двор, на котором летом устраивались всегда разные игры, вроде жмурок, пятнашек и пр., а зимой сооружали ледяную гору. За двором тянулся большой фруктовый сад, который выходил на параллельную Московской, на которой был наш дом, Покровскую улицу. Этот сад был очень хорош. Вокруг него шли дорожки, обсаженные сиренью, акацией и пр. На них было очень много тени. Посредине тоже были дорожки, которые разделяли сад на четыре равные части. Эти четвертушки были засажены всевозможными ягодными кустами, яблонями и т. п. Без особого разрешения нам не позволялось рвать что-нибудь в саду. «Пастись» на грядках с клубникой, в малиннике и пр. разрешалось только после того, как были сделаны запасы варенья и когда набегу ребят на кусты и гряды не могли уже плачевно сказаться на последствиях. Запрещение это выполнялось нами, детьми, очень строго. И я помню, как поразили меня слова одной знакомой, которая в разговоре с мамой выразила удивление, что в саду все цело. «Мои, мол, ребята, все обрывают». Я не помню, чтобы запрет рвать ягоды и пр. был для нас особенно труден, мы всегда получали ягоды за столом, кроме того, запрета, например, на крыжовник, когда он созревал, не было совсем, да и на другие ягоды запрет скоро снимался, как я указала выше.

¹ О. Д. Ульянова, В. Д. Ульянов. *Ред.*

В этих ягодных кустах, помню я, мелькала иногда фигура Владимира Ильича. Помню и чаепития в беседке посреди сада, куда собиралась после обеда вся семья. Но в те годы разница лет между мною и Владимиром Ильичем (восемь лет) была особенно ощутительна: я была еще совсем маленькой, а брат — гимназистом старших классов. Но некоторые картинки у меня ярко запечатлелись в памяти. Вот я еще совсем маленькая. В доме у нас была собачка, по кличке *Garçon*¹, которую наша старушка няня², жившая у нас в доме и вынянчившая всех детей, начиная с Владимира Ильича, называла Кальсонкой. Раз вечером кто-то из мальчиков — у нас жили в то время дети Персианиновых — гимназисты — зовет меня наверх, в их комнату, чтобы посмотреть фокус. Я иду вместе с няней и, затаив дыхание, смотрю на ящик от маминой машинки, который сам двигается по полу то в одну, то в другую сторону. Изумлению моему нет конца, но изумление это переходит в отчаяние, когда ящик приподымают и под ним оказывается наша собачонка. Я заливаюсь горькими слезами, и даже обещание няни дать Кальсонке сейчас же говядинки плохо способствует моему успокоению. Но тут появляется Владимир Ильич, и его уверение, что с собакой ничего не произошло, оказывает свое действие.

А вот зима. И мы летим с Владимиром Ильичем на санках с высокой ледяной горы, устроенной на дворе. В те годы Ильич называл меня «пичужкой» и часто высоко поднимал меня над головой, взяв сзади за локти.

В 1886 г. (12 января) умер отец, а 8 мая 1887 г. был повешен в Петербурге старший брат, Александр.

Я уже рассказывала в своей речи на Московском Совете 7 февраля 1924 г.³ о том, какое впечатление произвела на Владимира Ильича казнь старшего брата, и приводила его слова: «Не таким путем надо идти, мы пойдем не таким путем». Выражение лица при этом у него было такое, точно он жалел, что брат слишком дешево отдал свою жизнь, не использовав ее так, как можно было это сделать на благо рабочего класса⁴.

Летом 1887 г. мы переехали в Казань, продав дом и распростившись совсем с Симбирском. Сестре Анне ссылка в Восточную Сибирь была заменена Казанской губернией, и она поселилась

¹ Мальчик. *Ред.*

² Она и умерла у нас в доме в 1890 г. *М. У.* (Речь идет о Варваре Григорьевне Сабатовой. *Ред.*)

³ См. настоящий том, с. 195—197. *Ред.*

⁴ В варианте рукописи имеется следующий текст: «К несчастьям, обрушившимся на нашу семью в конце нашего пребывания в Симбирске — в 1886 и 1887 годах (смерти отца и казни старшего брата), я не могла отнестись вполне сознательно, так как была слишком мала. Но ярко запечатлелся в памяти подавленный вид Владимира Ильича при получении известия о казни брата, его боль от этой трагической гибели, его неодобрение того пути, по которому пошел Александр Ильич. Мне казалось, что Владимир Ильич жалел, что старший любимый брат его так дешево отдал свою жизнь. «Не так надо было» или «не такими методами» показывали, что Владимир Ильич осуждал тот путь борьбы с самодержавием, который избрал Александр Ильич.

там в имении тетки — в Кокушкине. Младший брат был переведен в казанскую гимназию, а Владимир Ильич поступил в Казанский университет. Два месяца, что он пробыл в университете¹, я жила вместе с сестрой в деревне, а за несколько дней до его высылки из Казани приехала с кем-то в город. Помню зимний морозный вечер. Вместе с Ильичем мы в кибитке с бубенчиками едем в Кокушкино, а сзади на санках нас провожает какой-то полицейский чин. Это было мое первое знакомство с полицией. Город кончается, мы выезжаем в поле, и тогда наш провожатый поворачивает обратно. В Кокушкине Володя проводит все время за книгами в своей комнате за письменным столом, и я захожу в эту комнату с каким-то особенным чувством уважения. А когда он берется заниматься со мной — что, впрочем, в этот период случалось редко, — я испытываю глубокую радость и мне кажется, что все занятия идут у меня куда лучше. Гулять мы отправлялись обыкновенно на речку по льду. Владимир Ильич охотился за зайцами, но, должно быть, неудачно, и сестра часто поддразнивала его этими неудачами. Зимой в деревне жилось невесело, к тому же дом, в котором мы жили, был довольно холодный. Общества — никакого, и мне казалось, что брат тяготился жизнью там. За границу его не пускали².

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:

Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 33—37

Конечно, в голове Владимира Ильича — тогда мальчика 17 лет — не могло быть определенного и, главное, теоретически обоснованного плана революционной борьбы. Он сложился у Владимира Ильича, вероятно, позднее, когда он познакомился солидно и основательно с произведениями основоположников научного социализма.

Но у него, как мне кажется, была другая натура, чем у Александра Ильича, как ни близки они были друг другу. Не было у Владимира Ильича жертвенности, хотя всю свою жизнь он отдал безраздельно делу рабочего класса. Больше трезвости и холодного расчета было, мне кажется, заложено в его натуре. Эти качества давали ему возможность с максимальным положительным результатом использовать свои силы, направить их все без остатка, целеустремленно на достижение одной определенной цели. Другой у него в жизни не было, он не щадил себя в борьбе за нее, но он абстрагировался от всего привходящего, что могло бы ослабить действие оружия, что могло бы хоть сколько-нибудь задержать путь к намеченной цели». *Ред.*

¹ В Казанском университете В. И. Ленин учился более трех месяцев. *Ред.*

² В варианте рукописи читаем: «Весной 1887 года мы переехали в Казань, где Владимир Ильич с осени поступил в университет.

Сестра Анна Ильинична должна была отбывать гласный надзор полиции в деревне Кокушкино, в 40 верстах от Казани, меня оставили жить с ней. Наше скучное уединение в деревне зимой разнообразили лишь время от времени тайные поездки к родным, в Казань. Один из этих приездов совпал с высылкой Владимира Ильича из города. Известно, что он пробыл в университете лишь три месяца и после кратковременного ареста был направлен на жительство в Кокушкино.

Подробности этого вынужденного выезда из города — это был первый случай, когда я наблюдала репрессию полиции, — остались в памяти. С братом и матерью, которая поехала проводить Владимира Ильича до деревни, мы едем по городу в крестовой кибитке, а сзади нас на рысаке провожает — и это останавливает все мое внимание — полицейский чин. У городской черты он поворачивает обратно, а мы под звон колокольчиков и скрип полозьев по снегу продолжаем наш путь.

С приездом Владимира Ильича уединение в глухой деревушке, занесенной снегом, было уже не так ощутительно — брат вносил оживление, да и само его присутствие с нами озаряло для меня, как всегда, все каким-то особым светом.

Вы просите, ребята, рассказать вам о товарище Ленине? Вы говорите, что знаете о нем как о вожде рабочего класса, вожде мировой социальной революции, но вам так мало приходилось слышать о нем как о человеке и вы хотели бы больше знать о его жизни. Вы правы, когда задаете такие вопросы, потому что товарищ Ленин был большим человеком не только по своему уму, по той роли, которую он играл в нашей революции, по той огромной работе, которую он вел во имя освобождения и улучшения жизни всех обездоленных, угнетаемых капиталом людей во всем мире. Не только эту работу должны мы все изучать, мы должны хорошо знать товарища Ленина и как человека, потому что это поможет нам и самим стать лучше.

Я постараюсь рассказать вам поподробнее о нем, потому что знаю Владимира Ильича не только по книгам и рассказам других людей, но знаю его близко и по совместной жизни с ним. Слушайте же.

Наши детские годы прошли на Волге, в городе Симбирске, который теперь в честь Владимира Ильича, настоящая фамилия которого была Ульянов, переименован в Ульяновск. Это был (в значительной степени он остался таким и теперь) ¹ небольшой провинциальный город, тихий и спокойный. Там не было фабрик и заводов, не было трамваев и даже конок, к Симбирску не была в то время проведена еще железная дорога. Зимой сообщаться с другими городами было поэтому особенно трудно: можно было ездить только на лошадях, а это ведь такой неудобный и долгий способ передвижения! Но с весны, с открытием навигации, Симбирск несколько оживал. Он лежит на большой судоходной реке, и когда она сбрасывала с себя ледяные оковы, на пристани города закипала жизнь, раздавались свистки пассажирских и буксирных пароходов, оживала торговля и сообщение с другими городами становилось более удобным — на пароходах. Симбирск, теперешний

Сестра подготавливала меня тогда к экзамену во второй класс гимназии. Лишь недавно перенесшая жестокую травму трагической гибелью боготворимого ею брата, она была очень нервна. Это проявлялось иногда и во время ее занятий со мной, доставляя нам обоем немало мучений. Помню, как Владимир Ильич, слышавший одну из таких вспышек, потемнел лицом и сказал, как бы про себя: «Так нельзя».

Несколько раз, не знаю уже почему, со мной занимался по утрам Владимир Ильич. О нервности тогда не было и помину, занятия доставляли лишь удовольствие.

Удовольствие доставляли и прогулки с ним по льду маленькой речки. Сестра дразнила Владимира Ильича неудачными охотничьими попытками, говоря, что он промахивается по зайцам, которые перебегают ему потом дорогу. Охота была в то время действительно неудачна для Владимира Ильича, да он и мало занимался ею, проводя преимущественно время за книгами». *Ред.*

¹ Ульяновск в настоящее время является одним из крупных промышленных и культурных центров Поволжья. В связи со столетием со дня рождения В. И. Ленина 16 апреля 1970 г. в Ульяновске был открыт Ленинский мемориальный комплекс. 11 декабря 1970 г. за большие успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию промышленного производства, Указом Президиума Верховного Совета СССР город Ульяновск награжден орденом Ленина. *Ред.*

Ульяновск, расположен на высоком гористом берегу Волги, в нем много зелени и фруктовых садов, которые расположены по горе. Весной, особенно в ледоход, вид на Волгу с горы, Венца, как называется там бульвар над обрывом, был очень красивый. Река поднимается из своих берегов, делается шире, а льдины несутся вниз по воде, набегая одна на другую, треща и образуя местами заторы. И борются одна с другой, пробивая себе дорогу, отталкивая более мелкие или с грохотом разбивая их. Мы любили смотреть на эту картину, любили прогулки по Венцу, с которого ледоход, возрождающееся движение по реке, был особенно хорошо виден. Но в Ульяновске есть и другая река, Свияга, которая впадает в Волгу. Дом, в котором мы жили, был ближе к Свияге, и мы чаще ходили туда гулять, купаться и кататься на лодке. Можно было там и рыбачить, что особенно любил мой младший брат, Дмитрий Ильич.

Жили мы в довольно большом, поместительном доме, который отец наш, служивший директором народных училищ, купил в 1878 г. К дому примыкали большой, покрытый зеленой травой двор и сад, который выходил на другую, параллельную Московской улице, на которой был наш дом, Покровскую улицу. На Покровскую улицу выходила калитка, и этим выходом мы пользовались обыкновенно, когда ходили купаться и гулять на Свиягу: это был кратчайший путь до нее. Для купанья у нас был определенный час в купальне, принадлежавшей одним знакомым, и в этот час должно было успеть выкупаться как мужское, так и женское поколение нашего дома. Заранее уславливались, кто пойдет раньше, отец с братьями или мы с матерью. И нередко, придя к купальне, мы видели, как братья бултыхаются в воде. Ящик в купальне не удовлетворял их, они выплывали обыкновенно из купальни в реку и уплывали иногда довольно далеко от нее. Приходилось иногда и братьям поджидать, пока мы, сестры, выкупаемся. У купальни была скамеечка, на которой обычно и располагались ожидающие.

На дачу, за город, мы обычно не выезжали, когда жили в Симбирске, и только иногда уезжали на некоторое время в Казанскую губернию, в село Кокушкино, где жили две наши тетки со стороны матери. Часть этого имения, принадлежавшего отцу нашей матери, перешла по наследству к ней, но долго проводить там время было неудобно, ибо отец не мог на долгое время отлучаться со службы, но старшие дети жилали там иногда и одни. Это был очень живописный и хороший уголок, с речкой, на которой можно было рыбачить и кататься на лодке, со старым парком, в котором раздавались всегда голоса детей — их собиравлось в Кокушкине много по летам. Был недалеко и лес, куда мы ходили гулять. Поездку в Кокушкино мы, дети, очень любили, уже одна поездка на пароходе до Казани, чтобы потом пересест на лошадей, была для нас удовольствием. Пленяла, конечно, и компания двоюродных братьев и сестер, которые, как я уже говорила, собирались на летние каникулы в большом количестве в Кокушкине. Удовольствием этих поездок пользовались, впрочем, больше старшие братья и сестры, а мы, меньшие, чаще

оставались с матерью в Симбирске или ездили туда только на сравнительно короткий срок. Мать неохотно отпускала нас без себя, а сама она тоже не уезжала надолго, чтобы не оставлять отца одного.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 38—39

**РЕЧЬ НА ТРАУРНОМ ЗАСЕДАНИИ
МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)
7 ФЕВРАЛЯ 1924 ГОДА¹**

— Товарищи, я хочу поделиться с вами несколькими штрихами из жизни Владимира Ильича.

Вы знаете, товарищи, что Владимир Ильич был богато одарен от природы, но помимо этого он обладал необыкновенной способностью идти твердо и непреклонно к раз намеченной им цели. Еще совсем юным, в последних классах гимназии (Владимир Ильич кончил гимназию 17 лет), он проводил все вечера за книгами, за подготовкой к той революционной работе, которую он поставил целью своей жизни. Но особенно памятно мне осталось время после окончания им гимназии, годы, когда он жил с нами в Казани и Самаре, до отъезда в Петроград. Весной в 1887 году мы получили известие о казни старшего брата. Особенно запечатлелось мне выражение лица Владимира Ильича в эту минуту, когда он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». И вот с тех пор он стал готовить себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения России от ига царя и капитала.

Я помню, когда мы жили в деревне в Самарской губернии, Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетрадями, в укромный уголок сада, чтобы там заниматься. Там стояли стол и скамейка, и там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. Он умел не только читать книги, он умел изучать их, он штудировал их, составлял конспекты, делал выписки. Я приходила тогда в тот уголок, чтобы заниматься с ним языками, и, несмотря на то что я была совсем ребенком, меня даже тогда поражала та настойчивость и та аккуратность, с которой Владимир Ильич делал то дело, за которое он брался. И настолько был силен его нравственный облик, что тогда уже без всяких понуканий хотелось сделать все на свете, лишь бы он был доволен тобой, лишь бы заслужить

¹ Часть речи, относящаяся к юношеским годам В. И. Ленина в измененной редакции под заглавием «В гимназии» была включена автором в сборник: *Ульяновы Д. И. и М. И. О Ленине: Отрывки из воспоминаний.* М., 1934. С. 9—10. *Ред.*

его одобрение. Целые дни Владимир Ильич проводил за книгами, отрываясь только для прогулки и для разговоров и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые так же, как и он, подготавливали себя к революционной работе. И это умение работать, это упорство осталось за ним всю его жизнь. И в ссылке, и за границей он пользовался всяким свободным моментом, всяким свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку. У нас сохранилось много тетрадок и выписок, и по ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания успел за свою жизнь проработать Ильич.

Я думаю, товарищи, что, как во многом другом, нам всем надо учиться у Ильича уменью работать над своим образованием, уменью использовать для этого каждый час, каждую минуту, ибо, не подковав себя в теоретическом смысле, мы не будем во всеоружии для предстоящих новых боев, особенно теперь, когда ответственность каждого из нас возросла после кончины нашего вождя и учителя во много раз.

Еще один штрих. Отношение Ильича к товарищам и вообще к людям. Совершенно исключительную чуткость Ильича и заботливость к товарищам многие из вас, товарищи, испытали, вероятно, на себе. Устройство комнат, квартир, пособий, обуви и т. д. и т. д. Никогда не отказывал Ильич в таких просьбах. Но не только тогда, когда товарищи обращались к Владимиру Ильичу, исполнял он их просьбы, он и сам, по собственному почину, заботился о них. Сколько раз, замечая, что тот или иной товарищ утомился или плохо выглядит, он посылал к нему врача, звонил в ЦК, чтобы устроить товарищу отпуск, возможность отдохнуть и подлечиться. Сплошь да рядом обращался он ко мне с просьбой узнать, как живет тот или другой товарищ, не надо ли ему чего, просил послать продуктов, достать шубу и т. д.

Но не только к товарищам было у него такое внимательное отношение. Такое же отношение он проявлял к тем, которые были с ним незнакомы или даже ему чужды. Вы помните 1918 и 1919 гг., вы помните, какое количество врагов Советской власти было повсюду, какую непреклонную борьбу приходилось вести с ними. Владимир Ильич умел быть непреклонным к этим врагам, но он мог проявлять высшую справедливость, поскольку он видел ту или другую ошибку, допущенную к кому-либо из них. Я приведу один небольшой факт. Их можно было бы привести много, но я ограничусь пока одним. На днях мы получили письмо. Автор этого письма в 1919 году был приговорен к расстрелу. Его мать, обезумевшая от горя, побежала в Кремль в надежде, что она сможет повидать Ленина, но ей не удалось видеть его. Она возвращается домой и находит письмо Ленина, доставленное самокатчиком, в котором он пишет, чтобы она не волновалась, что можно подать кассационную жалобу и, наконец, просить ВЦИК о помиловании. Кассационная жалоба не была удовлетворена. Но когда мать автора этого письма пришла во ВЦИК просить о помиловании, то секретарь встретил ее словами: «Да, знаю, знаю, мне т. Ленин много раз звонил о вас».

В результате обвиненный был помилован и позднее был выбран членом Московского Совета.

Я думаю, товарищи, что и в этой области нам надо поучиться у Владимира Ильича внимательному и чуткому отношению к товарищам. Теперь, когда в напряженной борьбе из наших рядов выбывают один за другим товарищи, нам надо у Ильича поучиться заботливому и внимательному отношению к товарищам, окружающим нас, пока они еще живы.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 43-45*

КАК? БЕЛУЮ ТЕТРАДКУ ЧЕРНЫМИ НИТКАМИ?

У Владимира Ильича с самых детских лет была очень характерная черта: все, за что он ни брался, он выполнял очень хорошо. Сплошь и рядом, если ученику задано какое-нибудь сочинение, срок большой, он садится делать в последние дни, перед самой подачей письменной работы. Думает: «Времени много, успею». Когда Владимиру Ильичу задавали какое-нибудь сочинение на дом, он брался за него сразу — подготавливал материал. Подбирал себе книги, читал их, делал выписки.

У него было обыкновение писать карандашом. Он тонко чинил его, это был идеально очиненный карандаш. Выписки он делал и писал только на одной стороне перегнутого вдоль листа. Если приходило что-нибудь в голову, он брал нужную страницу и прибавлял запись на правой стороне. План сочинения он составлял предварительно. Это черта, которая русским людям не очень свойственна. У нас многие, если идут делать доклад какой-нибудь, знаю я таких товарищей, то говорят, что в голову тут же придет. А Владимир Ильич, какой бы доклад или брошюру ни писал, составлял всегда план. Даже мальчиком он составлял планы своих сочинений.

Когда я была во втором классе гимназии, он иногда мне помогал в занятиях, если я чего-нибудь не понимала. И всегда требовал большой аккуратности и точности. Помню, мне задали нарисовать карту Европы. Я, посмотрев на карту, нарисовала от руки. Он сказал, что для этого есть циркуль, нужно смерить точно расстояние, и заставил все переделать. Вот другой случай. Я занималась с ним языками. Нужно было выписывать незнакомые слова. Я взяла тетрадку, взяла первую попавшуюся нитку и сшиваю. Нитка попала черная. Он увидел и говорит: «Как? Белую тетрадку черными нитками? Нельзя!» И тут же заставил меня переделать. Вот такая точность была у него во всем. И это осталось на всю жизнь.

Мне приходилось с ним жить в тогдашней Самарской губернии, на хуторе Алакаевке, теперь там колхоз «Уголок Ленина», очень

хороший колхоз¹. Владимир Ильич жил там летом. Было ему лет 18—20. Время у него было разграничено. Аккуратно каждый день встанет, напьется чаю, заберет тетради, словари, книги, идет в уголок сада. Устроил там себе стол, скамеечку, трапецию. Сам устроил: вбил палки и сделал перекладину.

Регулярно, в определенный час, чтобы зря не пропадало время, садился он заниматься. С утра он брался за более трудные вещи: политэкономия, историю. И так обыкновенно часов до двух, до обеда, он проводил время в этом уголке. Я приходила туда заниматься иностранными языками.

Не было ни одного дня, чтобы он не занимался, чтобы он куда-нибудь ушел. Как бы ни были велики у человека способности, без такого упорного труда достигнуть чего-нибудь нельзя. После обеда он шел или гулять или туда же читать беллетристику, новые журналы. Эта точность в распределении времени у него так и осталась с юных лет. Поэтому он очень многое успел сделать.

Он очень любил языки: немецкий, французский, очень большое внимание уделял их изучению. Словари у него были все подобраны. Его таблицы неправильных французских глаголов так аккуратно разграфлены и написаны — точно напечатаны.

Особо близких товарищей в школе у него не было, но школьные товарищи к нему хорошо относились. Он, бывало, раньше уходил в школу, чтобы помочь кому-нибудь в задачах и древних языках, которые он очень хорошо знал, да и в новых языках.

У него очень рано сказалась способность к журнальной литературной работе. В симбирской гимназии учитель словесности, бывало, поставит Владимиру Ильичу пять с плюсом да еще хвалит изо всех сил. Он всегда говорил нашей матери, что ее сын будет литератором, — такой у него был хороший слог. Математикой и естественными науками Владимир Ильич меньше занимался. Склонность к естественным наукам была у старшего брата, Александра Ильича. Он постоянно ездил на лодке, червей всяких собирал, делал коллекции яиц. А Владимир Ильич этого не любил. Он больше любил языки, словесность, историю, литературу.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:*

*Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 46—47*

СТАРШИЙ БРАТ

Брата старшего он очень любил. Александр был старше Владимира Ильича года на четыре. Владимир Ильич обыкновенно все делал, «как Саша», как он говорил. Бывало, кашу подадут на стол,

¹ Алакаевка в настоящее время представляет собой большое благоустроенное село, а колхоз «Уголок Ленина» преобразован в крупный, хорошо оснащенный сельскохозяйственной техникой многоотраслевой совхоз «Ленинский». Почти около самой Алакаевки выросли нефтяные вышки. *Ред.*

его первого нарочно спрашивают: «Володя, как кашу хочешь: с молоком или с маслом?» Он всегда отвечал: «Как Саша».

Старший брат был очень выдержанный, уравновешенный, мягкий, а Владимир Ильич в детстве был шумливый, вспыльчивый, не очень дисциплинированный. Старший брат имел на него огромное влияние. Потом он выровнялся совершенно. Дружил он больше всего со средней сестрой¹: они по возрасту подходили, читали много вместе. А в играх всегда их была троица: Володя, Ольга и Дмитрий. Все эти игры происходили во дворе.

На Владимира Ильича очень сильное впечатление произвела казнь старшего брата. В этом году он как раз окончил гимназию. Поехал в университет в Казань. Порядки тогда в университете были очень тяжелые: запрещалось собираться студентам, которые хотели заниматься саморазвитием. Были надзиратели, они назывались «педелями», которые доносили начальству о политических разговорах студентов.

В Казани студенты как-то хотели проучить одного надзирателя, вообще потребовали большей свободы в университете. Они написали петицию, и Владимир Ильич принимал в этом очень активное участие. Петицию эту у студентов не приняли. Была вызвана полиция. Многие студенты тогда демонстративно бросили свои студенческие билеты. И Владимир Ильич бросил свой билет. Несколько десятков студентов было арестовано. Владимир Ильич тоже.

И вот когда пристав вез его в тюрьму, то сказал: «Что вы бьетесь, молодой человек, ведь стена перед вами».

А Владимир Ильич очень решительный был и отвечает: «Да, стена, да гнилая, ткни и рассыплется».

Выслали его в Казанскую губернию. Там за ним был негласный надзор. Старшая сестра тоже там жила. Она была под гласным надзором, пристав приезжал узнавать, как, что, не приезжает ли кто-нибудь. Тут только и можно было делать, что сидеть и заниматься. И Владимир Ильич много занимался, читал.

Когда Владимир Ильич был в Казани, он познакомился кое с кем из революционеров. Было там несколько человек старых народовольцев. С их тактикой, с их методами он был несогласен, но всегда старался взять у них все, что можно было использовать для революционной работы. Он всегда расспрашивал их:

«А как вы прятались от шпиков, как в тюрьме знакомства заводили?»

Во время подполья очень важно было, чтобы революционер был конспиративен, чтобы он умел одурачивать жандармов и шпиков. Сколько раз Владимир Ильич мог попасть на каторгу, если бы попался жандармам, но благодаря находчивости и умению он от них уходил.

Подпольную работу Владимир Ильич начал в 90-х годах, когда приехал в Петербург (теперешний Ленинград). Условия были очень

¹ Ольгой Ильиничной Ульяновой (1871—1891). *Ред.*

трудные. Техники, как мы ее тогда называли, т. е. возможности печатать листки в типографии, не было. Первый листок Владимир Ильич выпустил от руки. Он написал его печатными буквами, четыре-пять экземпляров. Шпики, филеры — полицейские агенты — держали себя очень умело. Сплошь и рядом бывало так: пойдет за тобой один, а чтобы не догадался, что за тобой следят, передаст другому, потом снова появится. Владимиру Ильичу приходилось изучать проходные дворы и все время зорко следить, а не идет ли кто-нибудь? У него было особое умение от них бегать.

Как-то раз, в 1895 г., он рассказывал: нужно было ему куда-то идти, видит: шпион. Владимир Ильич хотел отделаться от него. Он взял и незаметно шмыгнул в какой-то подъезд. Там была комната швейцара. Того как раз не было. Владимир Ильич зашел в комнату, сел в кресло и видит в окошко, как шпик мечется — пропал человек, как в воду канул. А Владимир Ильич сидит в кресле и хохочет. Кто-то спускается с лестницы и видит, что сидит в комнате швейцара неизвестный человек и покатывается со смеху.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 48—49*

ИЗ САМАРСКОГО (АЛАКАЕВСКОГО) ПЕРИОДА (1889—1893 гг.)

В ДЕРЕВНЕ И В ГОРОДЕ

В мае 1889 г. мы переехали из Казани в Самару. На деньги, вырученные от продажи симбирского дома, мать надумала купить небольшой хутор. При содействии М. Т. Елизарова, жениха, а позднее мужа старшей сестры, хутор был куплен в 50 верстах от Самары у некоего К. М. Сибирякова. Это был богатый сибирский золотопромышленник, скупивший в середине 70-х годов у обедневших самарских помещиков большое количество земли с целью организации крупного, технически рационального хозяйства. Человек левых либеральных убеждений, — может быть, даже левее, — Сибиряков, по видимому, имел в виду и революционную пропаганду в народе. Во всяком случае, та или иная связь с политическими у него была.

Он широко помогал народникам, которые еще с конца 70-х годов вели в округе Алакаевки (так называли наш хутор по имени прилегавшей к нему деревни) непрерывную революционную работу. Во второй половине 70-х годов в одной из деревень Сибирякова — Сколкове, его резиденции, жил Глеб Успенский вместе со своей женой, которая занимала место учительницы в построенной Сибиряковым начальной школе. Здесь Успенский написал свой известный рассказ «Три деревни», описав в нем деревни Сколково, Заглядино и Гвардейцы и подлинных жителей этих деревень. В этой же округе было, одна за другой, несколько попыток со стороны народников

организовать сельскохозяйственные колонии (кавказцы¹ группа Орлова, позднее ставшего эсером, организовавшего такую же колонию на Кавказе, тоже на земле Сибирякова, и колония А. А. Преображенского, которая была организована на хуторе Шарнеля, в трех верстах от Алакаевки, и существовала еще при нас).

Задуманное в широком масштабе сельскохозяйственное предприятие не пошло у Сибирякова, хотя на организацию его и были затрачены большие суммы. За границей он закупил усовершенствованные сельскохозяйственные орудия — были куплены даже два паровых плуга, — соорудил громадные кирпичные и саманные постройки при хуторах для скота и сельскохозяйственных орудий и т. п. Хозяйство приносило, однако, лишь убыток, и Сибирякову пришлось отказаться от своей затеи. Сельскохозяйственные орудия были проданы за бесценок какому-то немцу, имевшему в Самаре торговлю мелким слесарным инструментом и сельскохозяйственными орудиями. Начал распродавать Сибиряков и земли, оставив лишь некоторое количество земли, достаточное для содержания сельскохозяйственной школы, которую он решил организовать. На Константиновском хуторе, в двух верстах от Алакаевки, было построено здание для этой школы, подбирались уже и кадры учителей. Среди них был толстовец Алексеев, живший ранее в Ясной Поляне у Льва Толстого, Зубрилин, окончивший Петровско-Разумовскую академию, и др., но открыть школу не разрешили. В этом запрещении сыграла, несомненно, определенную роль связь Сибирякова с политическими, хотя и вообще-то Свербеев, бывший тогда самарским губернатором, не был сторонником такого рода культурных начинаний. Как бы то ни было, а после этого Сибиряков стал ликвидировать все и переехал в Петербург (впрочем, и раньше он бывал в Самарской губернии лишь наездами).

В эти-то края и забросила нас судьба.

Покупая это имение, мать надеялась², что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством. Но склонности у Владимира Ильича к последнему не было. Позднее, по словам Надежды Константиновны, он говорил ей как-то: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся».

Но если хозяйство не пошло и от него скоро отказались, то как дача Алакаевка была очень хороша, и мы проводили в ней каждое лето. Особенно хороши там были степной прозрачный воздух и тишина в кругу.

¹ Колония эта описана Карониным (Петропавловским) в его рассказе «Борская колония». М. У. (см.: Каронин С. (Петропавловский Н. Е.). Сочинения: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 269—358. *Ред.*).

² В рукописи далее следует: «...мать надеялась, между прочим, предохранить Владимира Ильича от нового ареста. Из университета его исключили, на него и на всю нашу семью после казни старшего брата полиция смотрела косо, и мать боялась, что, живя в Казани, он опять попадет в какую-нибудь «историю», и, действительно, он, по всей вероятности, влетел бы летом 1889 года, как говорил и сам, при аресте в Казани кружка т. Н. Е. Федосеева. Надеюсь мать немного и на то, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством». *Ред.*

В нескольких десятках саженей от старого одноэтажного дома был старый запущенный сад, обрывом спускавшийся к ручью. У каждого из нас был там свой любимый уголок. «Олин клен», — говорили мы. И действительно, вторую мою сестру чаще всего можно было застать за книгой около высокого старого клена. Анна Ильинична больше любила березовую аллею. В старой липовой аллее, лучше всего сохранившейся, было слишком много тени: верхушки деревьев почти сходились, образуя точно купол. На этой аллее сидели и гуляли больше по вечерам. Минутах в десяти ходьбы от дома был пруд, куда мы ходили купаться. А кругом раздолье: доли, холмы, леса! Невдалеке был так называемый Муравельный лес, в котором было много лесной малины, и мы нередко отправлялись за ней. Ходил туда с нами и Владимир Ильич. Природу он очень любил, и всегда самым лучшим удовольствием и отдыхом для него являлось хождение по глухим, нелюдимым местам с «настоящей природой»¹, как он выражался, описывая свои прогулки за границей.

Террасы в доме не было, ее заменяло крылечко с крышей, достаточно, впрочем, большое для того, чтобы наша семья могла разместиться на нем за самоваром. По вечерам на этом крылечке, чтобы в комнаты не налетели комары, зажигалась лампа, и вся молодежь усаживалась за стол с книгами.

Старшая сестра, Анна Ильинична, так описывает это в одном своем стихотворном опыте:

Ночь давно уж, все-то дремлет,
Все кругом молчит.
Мрак ночной поля объемлет,
И деревня спит.
Под покровом темной тучки
Спряталась луна.
Нет и звездочек, порой лишь
Чуть блеснет одна.
В хуторке лишь, на крылечке,
Светит огонек,
И за чтением серьезный
Собрался кружок.
Все сидят, уткнувшись в книги,
Строго все молчат,
Хоть Манюшины глазенки
Больно спать хотят.
Хоть кружится, развлекая,
Неустанный рой —
Бабочек, букашек стая,
Что из тьмы ночной
Жадно так стремятся к свету,
Пляшут вокруг него.
Теплотой его согреты
Мнят, что вновь вернулось лето,
Что идет тепло.

. * * * * *

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 223.

На этом же крылечке мы ужинали по вечерам молоком, балакирь (горшок) которого приносился нам из погреба, и серым пшеничным хлебом.

Направо от маленькой прихожей, к которой примыкало крылечко, была комнатка Владимира Ильича. В этой комнате, впрочем, он проводил только ночь. Утром, напившись чаю, он забирал книги, тетради и словари и отправлялся заниматься в сад. А в комнате на это время все окна завешивались темными синими занавесками или одеялами «от мух», с которыми Владимир Ильич постоянно воевал.

В саду у Владимира Ильича был свой уголок. Там он устроил себе в тени лип деревянный стол, скамейку и в некотором отдалении трапезию. В этом уголке Владимир Ильич проводил все время до обеда за серьезной работой. Работать Владимир Ильич умел, работать систематически и усидчиво. Книги он не только читал, он изучал, прорабатывал их. Читал по определенному плану. Помню, уже в более поздние годы он говорил, что просто читать разные книги — мало толку. В одном из своих писем из Сибири, спрашивая, работает ли брат Дмитрий, который сидел в то время в тюрьме, Владимир Ильич писал:

«Ему бы заняться чем-нибудь регулярным, а то ведь так «читать» вообще — мало проку»¹.

Владимир Ильич считал, что надо выбрать какой-нибудь один вопрос и работать по нему систематически. Такой систематической его работа была всегда. С утра, на свежую голову, он штудировал более серьезные вещи. Не только читал, но и конспектировал прочитанное, делал заметки и выписки. Иногда он оставлял книги и прохаживался взад и вперед по аллейке около стола, видимо обдумывая прочитанное. Потом садился и опять углублялся в чтение.

В этот уголок сада я прибегала к Владимиру Ильичу по утрам заниматься языками. Я читала и переводила ему французскую или немецкую книгу, причем Ильич всегда настаивал, чтобы я работала возможно более самостоятельно, сама додумывалась до смысла, прибегая к его помощи лишь в особо трудных местах. Слов незнакомых я не выписывала в особую тетрадь, как это обычно делается, но значение их брат спрашивал меня на другой день, обращая на них мое внимание и при дальнейшем чтении, когда они попадались в тексте.

После обеда Владимир Ильич иногда тоже сидел в своем любимом уголке, но читал уже более легкие книги. Иногда к нему присоединялась сестра Ольга², и они читали вместе (из книг, которые они читали вместе, мне запомнился Глеб Успенский). По возрасту Ольга более всего подходила к Владимиру Ильичу, и они жили в то время общими интересами.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 92.

² Далее в рукописи следует: «...которая жила вместе с нами до осени 1890 года, когда она поступила на Высшие Бестужевские курсы в Петербурге». *Ред.*

По вечерам в алакаевском домике раздавалось иногда пение, это Владимир Ильич пел под аккомпанемент Ольги Ильиничны. Он очень любил музыку и пение, охотно пел сам и слушал пение других: М. Т. Елизарова или хоровое пение. Помню обычный финал его пения, когда он принимался за романс «у тебя есть прелестные глазки». На высоких нотах — «от них я совсем погибаю» — он смеялся, махал рукой и говорил: «Погиб, погиб».

Прося выслать ноты для пения Г. М. Кржижановскому, Владимир Ильич писал из Сибири: «На вопросы Маняши: какой у Глеба голос?.. Гм, гм! Должно быть, баритон — что ли. Да он те же вещи поет, что и мы, бывало, с Марком «кричали» (как няня¹ выражалась)»².

Ольга Ильинична только два лета жила с нами в Алакаевке. Это была девушка с незаурядными способностями и огромной трудоспособностью. Кончив гимназию с золотой медалью, она много и усидчиво работала над своим самообразованием: изучала английский язык, серьезно занималась музыкой, много читала³. Стремясь изучать медицину, она решила ехать в Гельсингфорс, так как Женский медицинский институт в Петербурге был в то время закрыт, и принялась за изучение шведского языка. Усвоила она его основательно, делала и переводы со шведского, но в Гельсингфорсский университет все же не попала, так как выяснилось, что кроме шведского языка нужен был еще и финский. Чтобы не терять времени на его изучение, она поступила на физико-математическое отделение Высших (Бестужевских) курсов в Петербурге⁴. В напряженной работе прошла для нее там зима 1890/91 г., а весной Ольга Ильинич-

¹ В. Г. Сарбатова. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 73.

Далее в рукописи: «Настоящего голоса у нас в семье ни у кого не было, но музыку мы все любили и немного ей учились. В детские годы учился играть на рояле и Владимир Ильич, но рано бросил это занятие и потом жалел об этом.

По возрасту Ольга Ильинична больше всего подходила к Владимиру Ильичу, и жили они в то время общими интересами. Иногда они читали вместе. Помню это потому, что у нас с Олей была установлена очередь мыть посуду после обеденного чая: один день мыла я, другой — она. Случалось, что она просила меня заменить ее в этой не очень-то приятной для нас обязанности, чтобы идти читать вместе с Володей. Чаше, впрочем, он читал один.

По вечерам, обыкновенно, Владимир Ильич отправлялся гулять. Иногда к нему присоединялся кто-нибудь из нас. На этих прогулках, бывало, строились планы будущего, говорилось о прочитанном, иногда Владимир Ильич шел молча, точно обдумывал что-то. Он любил гулять и предпочитал ветреную погоду». *Ред.*

³ В рукописи: «По некоторым сохранившимся ее запискам видно, как много и систематически она работала. В одной тетрадке, например, она каждый день записывала все, что сделала за этот день, отмечая, сколько страниц прочла она в той или другой книге. Насколько двинула вперед занятия языками и пр.». *Ред.*

⁴ В рукописи далее следует: «Много работала она и там, и З. П. Кржижановская и А. А. Якубова, учившиеся вместе с ней, отзывались о ней как об очень выдающейся девушке». *Ред.*

на заболела брюшным тифом¹, осложнившимся к тому же рожей, и 8 мая ее не стало².

Как все в нашей семье, Владимир Ильич был застенчив, и когда — что случалось крайне редко — к нам приезжал кто-нибудь из малознакомых, он или оставался в своей комнате, или через окно удирал в сад. Так поступал он и при посещении малоинтересных для него людей. В Алакаевке мы жили уединенно. Знакомых было мало. Но кое с кем из местных жителей Владимир Ильич поддерживал знакомство.

В трех верстах от Алакаевки была, как я уже указывала, колония «капкацев», как звали их крестьяне. Несколько народников село на землю, купив ее на льготных условиях у Сибирякова, с целью создать образцовую земледельческую коммуну. Дело, впрочем, не шло у них на лад, и скоро, за исключением А. А. Преображенского, все разбежались. С Преображенским же Владимир Ильич видался и много спорил, прогуливаясь иногда до поздней ночи по дороге от нашего хутора до хутора Шарнеля.

Преображенский же познакомил Владимира Ильича с некоторыми интересными крестьянами-самородками.

Видался Владимир Ильич и с Д. А. Гончаровым, студентом-медиком, исключенным в 1887 г. из Казанского университета за участие в демонстрации. Он служил фельдшером в Тростянке, в 8—10 верстах от Алакаевки³. Гончаров не принадлежал в то время ни к какой политической партии, но настроен был очень радикально. К Владимиру Ильичу он относился с огромным уважением⁴.

На зиму мы переезжали в Самару, где жили вместе с замужней сестрой и ее мужем, М. Т. Елизаровым. Я училась тогда в гимназии, и Владимир Ильич часто помогал мне в уроках. Если ему нужно было уходить куда-нибудь вечером, он обыкновенно предупреждал меня об этом и предлагал прийти раньше, пока он дома. От этих занятий у меня осталась в памяти его необыкновенная добросовестность ко всякому делу, за которое он брался, к чему он старался

¹ В рукописи далее: «В моей памяти до сих пор сохранился текст телеграммы, которую Владимир Ильич, сдававший тогда экстерном государственные экзамены в Петербурге, прислал нам: «Олей брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход».

Помню беспокойство матери, ее колебания, ехать ли тотчас же или подождать следующих сообщений. Но скоро пришла другая телеграмма от Владимира Ильича: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра».

Мать тотчас же собралась и уехала. Но ей не удалось выходить сестру: тиф у нее оказался тяжелый...» *Ред.*

² В рукописи далее сказано: «Из моей совместной жизни с Ольгой Ильиничной у меня больше всего остались в памяти ее рассказы. Она часто рассказывала мне прочитанные ею рассказы и повести, и это было одним из любимых моих времяпрепровождений. Рассказывала она очень хорошо, и я с нетерпением ожидала очередного продолжения». *Ред.*

³ В рукописи далее следует: «...и лишь позднее, в 1892 году, сдал государственные экзамены на звание врача при Киевском университете». *Ред.*

⁴ В рукописи далее: «Гончаров умер от сыпного тифа в Самарской губернии в 1918 году, а Преображенский под влиянием Владимира Ильича стал позднее марксистом». *Ред.*

приучить и меня. Помню, как мне задали на дом по географии на-чертить карту Европы. Повозившись с этим, я принесла показать свой чертеж Владимиру Ильичу, но он забраковал мою работу и предложил мне переделать ее. При этом он подробно рассказал, как надо взять циркуль и наметить им на бумаге все расстояния, а не рисовать «на глаз», как было сделано в моей первой работе. С жаром принялась я за дело и была удовлетворена одобрением Владимира Ильича. Но гораздо важнее умения рисовать карты был полученный мной от этой совместной работы пример того, каков должен быть вообще подход ко всякому делу, за которое берешься. Не кое-как, лишь бы скорее с плеч долой, а по обдуманному, взвешенному плану, аккуратно и настойчиво, пока не выйдет действительно хорошо, пока сделанная работа не даст удовлетворения.

Пунктуальность и аккуратность Владимира Ильича проявлялись иногда даже в мелочах. Делая себе как-то тетрадку для занятий, я схватила первую попавшуюся мне катушку с нитками и стала сшивать свою тетрадку черной ниткой. Ильич, который был при этом, остановил меня, заметив, что это некрасиво и что надо найти белую нитку.

Из посещавших нашу квартиру в Самаре кроме А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянца, В. В. Водовозова, который приходил больше к старшей сестре — они читали вместе по-итальянски, — М. И. Лебедевой и М. П. Голубевой помню еще В. А. Ионова и А. И. Ерамасова. Последний был знаком с М. Т. Елизаровым и Ионовым по Сызрани, и они затащили его как-то к нам. Вот как описывает А. И. Ерамасов свое первое посещение нашей семьи:

«Я испытывал какое-то особенное чувство при первом посещении ульяновской семьи, перенесшей такое тяжелое горе... Жили тогда Елизаровы в районе Почтовой и Сокольничьей улиц, т. е. недалеко от района «выселенцев», по выражению одного губернатора, кажется Брянчанинова, т. е. недалеко от района, где селилась обычно революционная интеллигенция. Помню, пришли мы вечером и попали прямо к чаю. Вся семья собралась уже в столовой. Здесь я познакомился с Марией Александровной, Анной Ильиничной, Марией Ильиничной и Владимиром Ильичем. Кроме того, за столом был племянник Марка Тимофеевича, который жил у дяди и учился в гимназии.

Разговор шел на обычные в то время темы: о народничестве, о судьбах капитализма, о В. В. и Николае — оне¹ и пр. Владимир Ильич выделялся не только знанием литературы, но и какой-то особой способностью находить слабые места у народников, субъективистов толка Михайловского и пр. После чая мы перешли в комнату Владимира Ильича, где продолжали разговор. В этом разговоре принимал участие и мой приятель Ионов, который много работал над вопросом о развитии капитализма в России и дифференциации крестьянства, собирая материалы по этим вопросам и из статистических сборников и из личного изучения положения крестьянства.

¹ Имеются в виду В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон — идеологи либерального народничества 80—90-х годов XIX в. *Ред.*

Марк Тимофеевич делился своими постоянными наблюдениями из жизни крестьян в Самарской губернии, где тогда уже резко проявлялась дифференциация крестьянства. В разговоре, помню, принимала участие и Анна Ильинична.

Из всей обстановки комнаты мне до сих пор помнится комплект «Русских ведомостей», которые висели на стене перед столиком. Владимир Ильич хранил все прочитанные газеты и отмечал номера, чем-либо заинтересовавшие его».

После этого первого посещения А. И. Ерамасов заглядывал к нам и в другие свои приезды в Самару¹.

В своих воспоминаниях об этом периоде самарской жизни А. И. Ерамасов сообщает о переводе «Коммунистического манифеста», сделанном Владимиром Ильичем.

«В то время Владимир Ильич сделал прекрасный перевод «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса,— пишет он.— Перевод этот в рукописи ходил по рукам, завезли мы его и в Сызрань. Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу этого учителя вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском, и уничтожила тетрадь. Такова судьба этого перевода Ильича. Мне так совестно вспоминать об этом, так как был отчасти виновником гибели прекрасного перевода»².

Хотя А. И. Ерамасов был довольно редким нашим посетителем в Самаре — жил он постоянно в Сызрани,— но связь с ним установилась крепко, на всю жизнь. Не принимая сам непосредственного участия в революционной работе, он за все время подпольной борьбы снабжал партию средствами — он был тогда довольно богатым человеком,— и в трудные времена мы всегда обращались за помощью к «Монаху», как прозвал его Ильич.

После революции А. И. Ерамасов был некоторое время в партии, но вышел из нее по болезни (туберкулез легких и почек), короткое

¹ Затем в рукописи М. И. Ульяновой приводится выдержка из воспоминаний А. И. Ерамасова: «При дальнейших посещениях Самары я познакомился там с революционной интеллигенцией, особенно помнится мне А. П. Складенко, который все время оставался другом Ильича и всей семьи Ульяновых-Елизаровых. Алексей Павлович забавлял нас тогда рассказами о том, как он заставлял шпика купаться в пожарном чану, как вообще глумился над сопровождавшими его шпиками. Во время одного своего заключения Алексей Павлович увидел, как надзиратель бил уголовного. Алексей Павлович не выдержал и дал оплеуху надзирателю, за что был жестоко избит и посажен в карцер. Последствия этих побоев он чувствовал потом долгое время». *Ред.*

² В варианте рукописи М. И. Ульяновой рассказ А. И. Ерамасова об исчезновении в Сызрани ленинского перевода «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса приведен в следующей редакции: «Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства ненадежным и к нему придиралось первое время, впрочем только учебное, начальство. Взял у меня учитель тетрадь, а тут его внезапно вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать испугалась, что нагрянут с обыском, напала как-то на оставленную тетрадь и усмотрела в ней что-то опасное. Недолго думая, она взяла ее, расстирала в корыте и вылила у себя на дворе, закопав землей...» *Ред.*

время работал в Музее народного образования, но вынужден был оставить работу по той же причине. Не имея заработка, он находился в стесненных материальных условиях, но сам ни разу не написал об этом ни Владимиру Ильичу, ни кому-либо другому из членов нашей семьи — так велика была его скромность, — пока мы сами не разыскали его и не выхлопотали ему пенсию. После этого А. И. Ерамазов прожил недолго и весной 1927 г. умер в Сызрани.

В Самаре Владимир Ильич много работал над подготовкой к экзаменам, которые он сдал экстерном в Петербурге в 1891 г. По окончании их он возвратился в Самару и занимался немного юридической практикой (по назначению) в качестве помощника присяжного поверенного, работая у А. Н. Хардина¹.

В самарский период у нас в доме процветала игра в шахматы. Хорошо играл и Владимир Ильич, и младший брат Дмитрий Ильич, и Марк Тимофеевич. Сильного партнера нашли они в лице А. Н. Хардина, который был первоклассным шахматистом. У нас на квартире нередко устраивались шахматные вечера. Позднее Владимир Ильич играл в шахматы очень редко, а потом совсем бросил.

Осенью 1893 г. Владимир Ильич переехал в Петербург, остальные же члены нашей семьи — в Москву, где брат Дмитрий поступил в университет. Пришлось продать и Алакаевку, которая не могла уже служить нам дачей. Купил ее местный купец Данилин, которого интересовала только земля и мельница; от дома и сада осталось скоро одно воспоминание: дом был перенесен Данилиным в Неяловку, а сад вырублен. В 1905 или 1906 г. Данилин был убит крестьянами.

* * *

Мне пришлось побывать в Алакаевке в 1927 г., и я нашла там у местных крестьян самый сердечный прием. Наперебой расспрашивали они меня о Владимире Ильиче, повторяя: «Жаль, мы тогда не знали, кто с нами живет». Расспрашивали они и про Анну Ильиничну, которая в 1892 г., когда в Самарской губернии свирепствовала холера, положила немало трудов на помощь больным лекарствами и указаниями.

При деревне Алакаевке организован теперь² колхоз «Уголок Ленина», и в память Ильича надо принять все меры, чтобы превратить его в показательный. Во главе этого колхоза, председателем его состоит «дядя Костя» — Константин Димитриевич Филиппов, присутствовавший на первом съезде колхозников-ударников в Москве в

¹ Далее в рукописи: «Об этой своей работе он рассказывал нам как-то зимой 1921 года, когда мы после его речи на съезде Советов (23 декабря — на IX Всероссийском съезде. *Ред.*) зашли к т. Бухарину. Ильич в то время чувствовал себя уже нездоровым и перед своим выступлением на съезде очень волновался, как оно у него сойдет. Но сошло все прекрасно, и Владимир Ильич чувствовал себя в этот вечер особенно в ударе. Но, к сожалению, записать этот его рассказ не удалось — для этого была слишком неподходящая обстановка, — и восстановить его можно будет лишь общими усилиями всех присутствовавших». *Ред.*

² Воспоминания написаны в 1933 г., впервые напечатаны с сокращениями в 1934 г. в авторизованном издании: Ульяновы Д. И. и М. И. О Ленине. *Ред.*

1933 г. «Дядя Костя» уже не молод, но работает он подлинно по-ударному, и в значительной степени его усилиям обязан колхоз своими достижениями. По инициативе колхозников колхоза «Уголок Ленина» на месте деревянного домика, где Владимир Ильич жил по летам, подготавливаясь к революционной работе, построена теперь школа его имени.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 51—60

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА ОБЕДЕ У ЧАСТНОГО ПРИСТАВА

Во время одного своего приезда в Москву (по-видимому, это было до его ссылки) Владимир Ильич попросил одну свою старую знакомую (М. П. Голубеву) дать ему квартиру для свидания с двумя товарищами. Попробовав достать такую квартиру в одной знакомой радикальной семье и потерпев неудачу, Мария Петровна решила устроить свидание для Владимира Ильича на квартире своей сестры¹, которая была замужем за частным приставом. Сестра эта очень любила Марию Петровну и раньше оказывала ей всякие услуги — собирала деньги, не зная, впрочем, на что они идут, давала свою квартиру для свиданий Марии Петровне с товарищами. Свидания эти устраивались на ее квартире Марией Петровной, однако обычно в отсутствие пристава, которого служебные его дела вынуждали бывать в более или менее длительном отсутствии. Узнав от сестры, что муж ее в определенный день будет в каком-то наряде, она дала ее адрес Владимиру Ильичу для него и его знакомых, указав время, когда надо прийти. Владимир Ильич пришел раньше, и они с Марией Петровной уединились в маленьком кабинете и беседовали там в ожидании прихода других. Это было в первом часу дня. Вдруг неожиданно возвращается пристав, выяснивший, что дело, которое ему было поручено, откладывается и он имеет время, прежде чем идти в наряд, пообедать дома. Относившийся вообще с большим почтением к Марии Петровне и пытавшийся даже однажды хлопотать за нее (вопрос шел о том, чтобы ей было разрешено дольше остаться в Москве), за что он едва не вылетел с места (ему было заявлено, что если, мол, вы уж имеете таких родственников, то по крайней мере не хлопочите за них), пристав с большим гостеприимством пригласил обедать и Марию Петровну. Жена его сказала, что Мария Петровна не одна, а у нее сидит ее знакомый. Но пристав настоял, чтобы к обеду был приглашен и тот. И вот Владимир Ильич пошел с Марией Петровной обедать вместе с приставом. Хозяин, не зная, конечно, с кем он имеет дело, был воплощенной любезностью и, чтобы занять своих

¹ А. П. Ясневой-Халтуриной. *Ред.*

гостей, стал рассказывать о том, что он пишет мемуары, которые представляют большой интерес. Владимир Ильич поддакивал ему: «Да, это должно быть очень интересно» — несколько раз в течение обеда. Сказал то же самое и на приглашение пристава прийти как-нибудь к нему вечером, чтобы послушать чтение этих мемуаров. Мария Петровна едва удерживалась от смеха. Во время этой беседы пристав рассказал между прочим, что он сидел в тюрьме месяца три (он сидел за какую-то недостачу денег) и чуть ли не там занимался своими мемуарами. К счастью, два товарища, с которыми Владимир Ильич должен был иметь свидание, пришли позже, когда обед был уже окончен и пристав ушел к исполнению своих обязанностей. Неизвестно, сумели ли бы они держать себя соответствующим образом, как это делал Владимир Ильич. Когда они пришли, Мария Петровна провела их с Владимиром Ильичем в ту комнатку, где она раньше беседовала с ним, а сама вышла. Кто были эти товарищи — она не знала.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 61—62*

МЕНЯ ВЗЯТЬ НЕ МОГУТ — ВСЕ РАВНО СИЖУ

Тюрьма — дом предварительного заключения. В камере койка, столик, табуретка привинчены к стене. Владимир Ильич, и сидя в тюрьме, решил не прерывать своей революционной работы. Когда он попался, ему прежде всего надо было узнать, кто из кружка уцелел. Из тюрьмы можно было запросить для работы книги. Он и послал длинный список книг, которые ему нужно было достать. И так как у всех его товарищей были различные клички, то он в этом легальном письме, которое шло через жандармов, запросил о всех товарищах. И запросил очень оригинально.

Были два нижегородца — Ванеев и Сильвин, которых прозвали Минин и Пожарский. Он пишет: «Пришлите книгу «Герои смутного времени»». О Глебе Максимилиановиче Кржижановском, у которого была кличка Суслик, запросил: Брэма «О мелких грызунах». Надежду Константиновну прозвали Рыбой. Он и пишет: Майн Рида «The Mynoga».

Товарищи ему отвечали: «Минин взят, Пожарский остался» или: «Первый том есть, второго нет». Таким образом он узнал, кто из его кружка уцелел, кто попался.

Нужно было ему посылать из тюрьмы на свободу листки. Был целый ряд способов сообщаться через книги и через письма. Он писал молоком между строчками обычного письма. Молоко при нагревании проявлялось. Но, сидя в камере, очень трудно выбрать такой момент, чтобы никто не видел. Надзиратели подкрадывались незаметно. Подойдет надзиратель и глянет в «волчок». Нужно было быть начеку. Владимир Ильич делал маленькие чернильницы

из черного хлеба, наливал молоко и писал. Когда кто-нибудь заглядывал в глазок, ему оставалось только эту чернильницу отплатить в рот.

И вот, помню, как-то на свидании он говорил: «Неудачный день сегодня: шесть чернильниц пришлось съесть».

В тюрьме он писал программу партии. Над этой работой ему пришлось много думать, вносить много исправлений, переделывать отдельные пункты. В «предварилровке» условия были вольготнее: книг можно было иметь сколько угодно. У него в камере лежали кипы книг и различные его выписки. В эти листки он и сунул проект программы. И вдруг неожиданно к нему в камеру явились с обыском. Товарищ прокурора явился. Конечно, если бы нашли тут программу партии, Владимиру Ильичу бы не поздоровилось. Тут или заключение, или каторгу можно было заработать. У него была масса выписок. Прокурор посмотрел и сказал: «Слишком жарко сегодня, чтобы всю статистику эту просмотреть». Так и прохлопал.

Владимир Ильич говорил: «Я в лучших условиях, чем другие, меня взять не могут, все равно сижу».

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 63—64*

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ¹

От природы Владимир Ильич был крепким, здоровым, жизнерадостным человеком. До его поездки в Ленинград ², осенью 1893 года, он редко хворал и из серьезных болезней перенес только в 1892 году в Самаре брюшной тиф, да и то не в сильной форме. Весь этот период своей жизни он провел в семье, пользовался хорошим домашним столом, не был перегружен нервной работой, имел возможность проводить лето за городом (в казанский период в с. Кокушкино, в Самарский — на хуторе Алакаевка). Большое влияние на его здоровье в положительном смысле оказывал и правильный образ жизни. Всякое нарушение его (запоздание обеда, например, и пр.) сейчас же выводило его из нормы и в дальнейшем, особенно в заграничный период его жизни, распорядок со временем питания был введен самый строгий. Обедать и ужинать садились в точно назначенный час, не допуская в этом никакой оттяжки. На эту точность влияло, конечно, и то обстоятельство, что все время у Владимира Ильича было точно рассчитано, уложено в определенные рамки и всякое нарушение раз установленного порядка сказалось бы, несомненно, отрицательно не только на его здоровье, но и на его работе.

¹ Заголовок дан составителем. *Ред.*

² Петербург. *Ред.*

Переехав в Петербург осенью 1893 года, Владимир Ильич впервые был лишен семейных удобств: пришлось жить в комнатах, питаться в столовках. Сказалась на его здоровье и нервная работа революционера. Он нажил себе скоро катар желудка, от которого не скоро мог избавиться (небольшие приступы которого у него бывали, впрочем, и раньше). Эта болезнь особенно обострилась у него в 1895 году, и, поехав на несколько месяцев за границу, он принужден был несколько раз обращаться к докторам, проводить определенный курс лечения и пр. Так, в письме от 18 (6) июля 1895 года он пишет в письме к матери: «...попал теперь... в один швейцарский курорт: решил воспользоваться случаем, чтобы вплотную приняться за надоевшую болезнь (желудка), тем более, что врача-специалиста, который содержит этот курорт, мне очень рекомендовали как знатока своего дела. Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, пансион прекрасный и лечение видимо дельное, так что надеюсь дня через 4—5 выбраться отсюда»¹.

Очевидно, это пребывание действительно оказало хорошее действие на здоровье Владимира Ильича, и в письме к матери от 29 августа того же года он пишет: «Чувствую себя совсем хорошо,— должно быть, правильный образ жизни [переезды с места на место мне очень надоели, и притом при этих переездах не удавалось правильно и порядочно кормиться], купанье и все прочее, в связи с наблюдением докторских предписаний, оказывает свое действие»².

Но окончательно от своей желудочной болезни Владимир Ильич не излечился, и она долго еще давала чувствовать себя, так что ему не раз приходилось прибегать к минеральной воде, которую прописал ему за границей врач. Непорядки с желудком обострялись всегда от неправильного образа жизни, а также от всяческих нервных волнений, которых у него в жизни было так много. Но лишь удавалось наладить более правильный образ жизни и правильное питание, он чувствовал себя лучше. И как это ни странно может показаться, хорошо в смысле его желудочной болезни повлияло на него и заключение в Доме предварительного заключения, где он пробыл более года³. Правильный образ жизни и сравнительно удовлетворительное питание (за все время своего сидения он все время получал передачи из дома) оказали и здесь хорошее влияние на его здоровье. Конечно, недостаток воздуха и прогулок сказались на нем — он сильно побледнел и пожелтел, но желудочная болезнь давала меньше себя знать, чем на воле.

Из других болезней в петербургский период Владимир Ильич перенес еще воспаление легкого, но эта болезнь прошла бесследно, и в дальнейшем никаких неполадок со стороны легких у него не было.

Жизнь в ссылке оказала хорошее действие на Владимира Ильича — он значительно окреп и поправился, что явствует не только

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 9—10.

² Там же. С. 12.

³ В этой тюрьме В. И. Ленин находился с декабря 1895 по февраль 1897 г. Ред.

из его писем, но и из свидетельств Надежды Константиновны, которая через год приблизительно после его высылки перепросилась к нему в село Шушенское и вышла там за него замуж.

Но чем ближе был конец ссылки, тем Владимир Ильич стал нервнее: с одной стороны, он боялся, что срок ссылки ему будет продлен, с другой — волновали мысли о дальнейшей работе. Он похудел, стал страдать бессонницей и, помню, поразил и мать и всех нас своим видом, когда наконец выбрался из Сибири и попал к нам в Москву.

Неоднократно приходилось Владимиру Ильичу обращаться к врачам и в заграничный период его жизни. При этом на его желудочное заболевание влияло несомненно и состояние его нервов, и слишком напряженная работа. Помню, как он рассказывал, что, обратившись раз по поводу болезни желудка к одному крупному специалисту в Швейцарии, он был удивлен его словами: «C'est le cerveau»¹. Не знаю, какое лекарство прописал Владимиру Ильичу этот специалист. Он забыл его название и потерял рецепт, но говорил, что оно оказывало на него хорошее действие.

Жизнь в эмиграции с ее сутолокой, дразгами, нервностью и далеко не обеспеченным материальным положением не могла не отразиться на здоровье Владимира Ильича. Бессонница и головные боли становились все более частым явлением. Большая нервность сквозила постоянно и в его письмах. Утомление эмигрантской жизнью, отвращение к ней проскальзывали в них все чаще. Хорошо еще, что почти весь этот период эмигрантщины, как первый (с 1900 по 1905 г.), так и второй (с 1907 по 1917 г.), Владимир Ильич жил в семейной обстановке, пользовался домашним столом и пр. Много сил сохранила ему и его привычка к правильному образу жизни. От посещений товарищей по эмиграции, от продолжительных, утомительных и часто ничемных разговоров, от всей сутолоки эмигрантской жизни, которая так тягостно и так сильно действовала на нервы, Владимир Ильич убегал в библиотеку, где регулярно работал определенное число часов. В Женеве у него был излюбленный клуб (членом которого он записался, чтобы иметь право посещать библиотеку, которая была при этом клубе)², и, переехав в Париж зимой 1908 года, он нередко вспоминал его, так как парижская национальная библиотека менее удовлетворяла его и на переезды в нее (Владимир Ильич жил в Париже далеко от центра) приходилось тратить много времени и сил. Жалел он о ней и в Кракове, где вообще не было хороших библиотек. «В общем,— пишет он в своем письме к матери от 22/IV 1914 года,— как ни глух, как ни дик здешний наш город, а я все же больше доволен здесь, чем в Париже. Сутолока колониальной жизни была там неимоверна, нервы трепались отчаянно и зря, работать в Париже неудобно, Bibliothèque nationale³ налажена плохо,— не раз мы вспоминали

¹ Перевод по смыслу: «это связано не с желудком, а с головой». *Ред.*

² Имеется в виду «Société de lecture» («Общество любителей чтения»). *Ред.*

³ Национальная библиотека. *Ред.*

Женеву, где работалось лучше, удобная библиотека, менее нервна и бестолкова жизнь. Из всех мест моего скитания я бы выбрал Лондон или Женеву, если бы оба не были так далеко. Женева особенно хороша общей культурностью и чрезвычайными удобствами жизни. А здесь, конечно, о культуре уже говорить не приходится — почти как Россия,— библиотека плоха и архинеудобна, но мне почти и не доводится в ней бывать...»¹

Много помогали сохранению сил Владимиру Ильичу прогулки, которые он так любил и без которых совсем не мог обходиться. Он очень любил природу, и в его письмах в разные периоды его жизни всегда можно найти описание природы и различных уединенных красивых мест, которые он всегда умел находить, стараясь пробираться туда, где были более дикие места, где меньше было шансов встретить гуляющих, где была настоящая природа без искусственных дорожек и аллей с их сутолокой и пр.

Как никто, умел Владимир Ильич и отдыхать в те немногие месяцы, которые он мог использовать на отдых. На это время он выбирался обыкновенно куда-нибудь на лоно природы, стараясь опять-таки выбрать более уединенное место. В мою бытность за границей мне несколько раз приходилось проводить с ним этот отдых в Швейцарии и под Парижем. Устанавливался сразу совсем особый распорядок дня, ложились с петухами, особенно первое время, часто даже не зажигая огня, а перед сном сидели и лежали где-нибудь в поле под стогом сена или соломы, и обществом Ильича, милого, веселого, жизнерадостного, несмотря на переутомление, можно было наслаждаться вовсю. Предпринимались и длинные прогулки пешком и на велосипедах. Лазили по горам, оставляя велосипеды где-нибудь в ресторанчике у подножия горы. Возвращались домой обычно, особенно когда прогулка предпринималась из города, а не с места дачного отдыха, лишь поздно вечером в воскресенье и, таким образом, весь праздничный день проводили на воздухе. Пока велосипеды еще не вошли у нас в обиход, ходили пешком. В туристский мешок, который привешивался на спину, брали с собой бутерброды и бутылку красного швейцарского вина. Это вино по дороге разбавлялось обычно из всех встречавшихся ключей и колодцев и скоро представляло из себя лишь розовую водичку. На велосипедах прогулки делались более дальние, иногда за несколько десятков километров. Возвращались домой уже совершенно переутомленные, и я помню, как раз в одну из таких поездок Ильич лавировал между мной, которая лежала около велосипеда недалеко от дороги, и Надеждой Константиновной, которая очутилась в таком же положении, но сзади. Владимир Ильич был посередине и ходил от одной к другой, стараясь как-нибудь подбодрить нас, чтобы доделать оставшуюся дорогу до дома. Раз во время дальней прогулки на велосипедах у нас с Владимиром Ильичем лопнули на велосипедах шины. Мы зашли в какой-то ресторанчик и долго провозились там с заклежкой шин. Но так как дело это было нам внове, заклеить хорошенько не удалось, и нам

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 354—355.

пришлось пешком, ведя велосипеды, возвращаться домой. Ночь была прекрасная, и прогулка эта оставила самое светлое воспоминание.

На более продолжительный отдых устраивались обычно в каком-нибудь пансионе. Естественно, что, имея деньги всегда в обрез, пансион выбирался дешевый. При этом Владимир Ильич всегда настаивал, что во время обедов и ужинов в пансионе надо все съесть, а то, мол, решат, что дают слишком много, и убавят порции. Во время таких пребываний на даче он обыкновенно хорошо поправлялся, хотя повторяю, пансионы выбирались обычно самые дешевые. Раз как-то меня в то время не было за границей, они устроились с Надеждой Константиновной где-то в горах в пансионе за такую мизерную плату, что получали самое примитивное питание. Мяса почти никогда не видели, не получали даже сахара, а купить близко было негде, и за время своего пребывания в этом пансионе они питались главным образом молоком, а недостаток сахара восполняли ягодами, которые в изобилии росли на горах.

Обычно питание в городе было в семье Владимира Ильича очень упрощенное. Правда, все было вполне свежее, так как приготавлилось дома, но приготавлилось очень скромно и в обрез. Суп обычно был из магги (кубик с сухим вегетарианским супом, который опускался в кипяток) — преимущество его было скорое приготовление, а на второе кусочки мяса или котлеты, тоже в обрез. Принцип был такой, чтобы готовить только на один раз и чтобы ничего не оставалось. И действительно, каждый съедал свою порцию, и никаких остатков хранить не приходилось. Голодными, конечно, не бывали после этих двух блюд, но все же скудность такого обеда отмечали позже те товарищи, которым приходилось обедать в семье Ильича за границей. Говорил об этом, например, тов. Сталин. То же отмечает в своих воспоминаниях и Калмыкова. «Наступало время ужина,— пишет она,— состоял он неизменно из двух горячих сосисок и чая. Перед уходом за их покупкой Надежда Константиновна с матерью решала, сколько нужно будет купить лишних сосисок, так как Владимиру Ильичу и Потресову и еще кому-то надо было давать три сосиски»¹.

Ничего удивительного в такой строгой экономии, конечно, не было. Средства всегда были очень ограничены, и в семье Ильича был принцип жить возможно более скромно. Кроме того, готовить приходилось самим, так как, за малыми исключениями, когда у «Ильичей» бывала проходящая прислуга (как, например, в Поронине), все хозяйственные хлопоты лежали на Надежде Константиновне и ее матери. Надежда Константиновна была слишком занята общественными делами, чтобы тратить много времени на возню с хозяйством, а мать ее, Елизавета Васильевна, была плохого здоровья, часто прихварывала и очень не любила кухонную возню и тяготилась ею. Около Ильича не было, таким образом, человека, который бы специально следил за его диетой, стремился накормить его побольше и получше, да и условия, повторяю, были для этого совершенно неблагоприятны. А ему, несомненно, с его огромной умственной работой, нервной

¹ Огонек, 1926, № 17. С. 4.

трепкой и пр. было бы это крайне необходимо. Нужна была более легкая и разнообразная пища, может быть, даже более усиленное питание. Помню, что, когда Владимир Ильич приехал в Россию в апреле 1917 года и поселился на квартире Анны Ильиничны (я жила тогда вместе с Елизаровыми), мы отмечали с ней, с какой жадностью он набрасывался на пищу, которой за границей ему видеть не приходилось: кур, телятину и т. п. Никого не обвиняя, так как виноваты здесь в первую голову условия эмигрантской жизни, я считаю все же нужным отметить, что в его болезни головного мозга это слишком упрощенное, недостаточное при его колоссальной работе питание, которое он имел за все долгие годы своей эмигрантской жизни, оказало свое влияние на ее быстрое и катастрофическое развитие.

А положение с финансами за этот период жизни Владимира Ильича было действительно крайне неудовлетворительное: литературный заработок за границей, не имея нужных для этого связей, возможности лично переговорить, было очень трудно найти, партийные деньги брались на прожитие лишь при самой острой необходимости. В письмах Ильича, которые сохранились, эта постоянная материальная нужда, нехватка денег, полная необеспеченность и неизвестность, чем жить через несколько месяцев, сквозит очень часто. Стоит вспомнить только, что его книга об аграрном вопросе, написанная в 1907 году, пролежала в рукописи до октября 1917 года, так как не удалось найти издателя. Еще в 1911 году он пишет М. Горькому: «А что, не устроите ли Вы мне книги об аграрном вопросе в *«Знании»*? Поговорите с Пятницким. Не нахожу издателя, да и баста. Хоть караул кричи»¹. Но, как сообщила М. Ф. Андреева, Горький к этому времени ушел уже из *«Знания»* и не мог выполнить эту просьбу Ильича.

Ульянова М. И., О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 65—70

ОТДЫХ И ОХОТА

Когда Владимир Ильич отдыхал, он очень любил всякие игры на воздухе: городки, крокет. Когда Владимир Ильич был уже взрослым и собирался за границу ставить газету *«Искра»*, он попал к нам, в Подольск. И там такие сражения в крокет бывали — страстные, азартные. Игра в городки процветала в Горках. Он хорошо катался на коньках. В Сибири, когда был в ссылке, он устроил каток на реке. Когда Владимир Ильич жил в Германии — там ведь реки не замерзают, — он мне писал, что нашел где-то искусственный каток из искусственного льда и собирается кататься.

Очень он любил ездить на велосипеде. Эту возможность он получил только за границей. Там он выучился и делал огромные прогул-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 13.

ки. Раз чуть не пострадал: какой-то виконт ¹ налетел на него на своем автомобиле, Владимир Ильич успел отскочить, но велосипед совершенно сломался.

Охотиться Владимир Ильич тоже очень любил. Судя по его письмам из Сибири, он там очень много ходил с ружьем. Не скажу, чтобы он был тогда хорошим охотником, но любил отправляться в дальние прогулки с ружьем. Помню, все шла переписка с мужем старшей сестры, нельзя ли как-нибудь получить хорошую охотничью собаку. Потом кто-то ему достал собаку, он много с ней возился.

Владимир Ильич вообще очень любил кошек и собак. Когда он был уже больной, ему кто-то достал маленького щенка, ирландского сеттера. Одного достали — заболел чумой и погиб. Потом другого достали. В 1922 г., когда он был болен, он немало возился с ним. Охота для него была просто отдыхом. Уже при Советской власти он иногда отправлялся на охоту, ходил по лесам около Горок. Ему хотелось иногда отвлечься от постоянных мыслей о работе. Он очень любил такие вылазки на охоту.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 71

ЛЕНИН В ПИСЬМАХ К РОДНЫМ

Мы имеем полное собрание Сочинений Ленина и довольно большую литературу о ленинизме (и научно-исследовательскую и популярную); Ленин же как человек, с его яркой, разносторонней индивидуальностью, обрисован до сих пор ² крайне недостаточно или не обрисован почти совсем.

Письма Владимира Ильича к родным — матери его Марии Александровне Ульяновой и сестре, Марии Ильиничне ³, охватывающие собой период с 1894 по 1917 г., т. е. от первых лет революционной деятельности Владимира Ильича до возвращения его в Россию после Февральской революции, заполняют *отчасти* этот пробел. По ним можно судить *до некоторой степени* об образе жизни Владимира Ильича, его привычках, склонностях, об отношениях его к людям и т. п. До некоторой степени — оговариваемся мы. Ибо, прежде всего, это далеко не полное собрание его писем к родным за указанный период. При частых переездах из города в город, при многочисленных обысках и арестах, которым подвергался то один, то другой член нашей семьи и которые обычно сопровождалось изъятием переписки, очень многие письма Владимира Ильича погибли. Часты были также случаи утери писем в пути при почтовой пересылке, особенно

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 303, 307.

² Воспоминания написаны в 1929 г. Ред.

³ Письма предназначались обычно не только адресатам, но и всем другим членам семьи, по крайней мере жившим в то время вместе, «чтобы не повторяться». М. У

во время империалистической войны. Поэтому иногда один и тот же вопрос повторяется в нескольких письмах подряд. Помимо того, на этих письмах лежит печать полицейских условий царизма. Правда, вся деловая переписка (все сообщения о революционных событиях, жизни партии и т. п.) велась нами в те времена конспиративно, химией, обычно в книгах и журналах, и пересылалась на чужие «чистые» адреса¹. Но личная жизнь и революционная работа были настолько тесно связаны, что личная легальная переписка, несомненно, сильно страдала и урезывалась нами из-за полицейских условий. Недаром Владимир Ильич писал в одном из своих писем к сестре Марии Ильиничне в Вологду, где она была в то время в ссылке: «Очень уже трудно в нашем (и твоём и моем особенно) положении вести переписку, как хочется...»².

А это относилось не только к Марии Ильиничне, но ко всем членам нашей семьи, так как родство Владимира Ильича с нами было не только по крови, но и по взглядам, по убеждениям. Все они (и муж Анны Ильиничны — М. Т. Елизаров) были тогда социал-демократами, примыкая к революционному крылу партии, все в большей или меньшей степени принимали участие в революционной работе. И даже наша мать, которой в конце 90-х годов, когда обыски и аресты в нашей семье стали особенно часты, было уже более 60 лет, была идейно с нами.

Вся легальная переписка революционеров перлюстрировалась, и приходилось прибегать к разным намекам, условным обозначениям и т. п., чтобы коснуться так или иначе интересовавших нас вопросов, сообщить о получении того или иного нелегального письма, справиться о знакомых и пр.

Письма Владимира Ильича, которые направлялись непосредственно на адрес матери, сестры или брата, почти не содержат в себе имен и фамилий — это могло бы навлечь неприятности для лица, фамилия которого упоминалась бы в таком письме. А подводить кого-либо в лучшем случае под неприятность у нас не было, понятно, ни малейшего желания. В письмах Владимира Ильича встречаются имена и изредка фамилии только тех товарищей и знакомых, с которыми наше знакомство все равно было установлено полицией в силу разного рода обстоятельств (совместная ссылка по одному делу, учеба в одном и том же учебном заведении и т. п.) или основывалось на чисто деловых сношениях (фамилии издателей, книгопродавцов и пр.). Чтобы избежать упоминания фамилии кого-либо из более или менее легальных знакомых, о котором Владимир Ильич хотел сообщить что-либо, передать привет и пр., он сплошь и рядом прибегал в этих письмах к кличкам и указаниям, имеющим связь с тем или иным известным нам фактом или событием. Так, Владимир Ильич называет «историком»³ (имея в виду его исторические работы)

¹ Хранить их в России было, конечно, невозможно, и лишь часть из них уцелела в копиях, которые делались за границей. М. У.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 354.

³ Там же. С. 297, 298, 305, 311.

И. И. Скворцова-Степанова, с которым у него была одно время — через Анну Ильиничну и Марию Ильиничну — оживленная переписка¹. Сообщая о свидании своем за границей в 1895 г. с А. А. Шухт, дочка которого Ася была крестницей Владимира Ильича, Ильич пишет: «Видел крестницу и ее фамилию»².

Посылая привет В. В. Воровскому, который был в ссылке в Вологде одновременно с Марией Ильиничной, Владимир Ильич пишет: «Привет польским друзьям и пожелания, чтобы всячески подмогали...»³. Под «китайским путешественником»⁴ подразумевается А. П. Скляренко, служивший тогда на железной дороге в Маньчжурии; под «господином, с которым мы прошлый год катались в лодке»⁵, — В. А. Левицкий и т. д.

Иносказательно приходилось писать и о пересылке нелегальных изданий, конспиративных корреспонденций, книг, содержащих химические письма, и т. п.

В конце декабря 1900 г. пишущая эти строки переслала Владимиру Ильичу за границу с ехавшим туда Г. Б. Красиным «Манифест партии социалистов-революционеров», заделав его в альбом с какими-то фотографиями. Посылка эта очень обрадовала Владимира Ильича, и в письме от 16 января 1901 г. он пишет: «Очень благодарю за присланные книги и особенно за чрезвычайно красивые и интересные фотографии. посланные кузенom из Вены; очень желал бы почаще получать такие подарки»⁶.

«Искра» и другие нелегальные издания пересылались в Россию, между прочим, в конвертах на «чистые», легальные адреса. В письмах Владимира Ильича иногда сообщалось о такой посылке, чтобы мы имели возможность своевременно справиться у адресата. Очевидно, такое сообщение заключалось и в следующих словах Владимира Ильича (письмо от 6 декабря 1900 г.): «Послал тебе, помнится, девятого интересовавшую тебя вещичку»⁷. «Очень рад был Володя твоему большому письму, — пишет Надежда Константиновна в письме от 8 февраля 1916 г. — Может, еще как-нибудь напишешь»⁸. Так как наша легальная переписка большими размерами никогда не отличалась, а во время империалистической войны, когда было написано это письмо, мы переписывались главным образом открытками, и притом заказными, так как много писем пропадало, приведенные слова подразумевают, очевидно, нелегальное письмо через книгу.

¹ Из переписки этой сохранилось, к сожалению, только одно письмо от 16 декабря 1909 г., напечатанное в первой части XX (дополнительного) тома 1-го изд. Сочинений В. И. Ленина. М. У. (Речь идет о письме от 2 декабря 1909 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 223—225). *Ред.*)

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 8.

³ Там же. С. 340.

⁴ См. там же. С. 194.

⁵ Там же. С. 211.

⁶ Там же. С. 200.

⁷ Речь идет о письме от 14 декабря 1900 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 197). *Ред.*

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 456.

В первое время пребывания Владимира Ильича за границей в 1900 г., когда он не знал еще, насколько прочно обоснуется там, он в целях конспирации не давал нам для переписки своего личного адреса, и, когда он жил в Швейцарии или Мюнхене, мы писали ему на Париж или Прагу. Так, в письме от 2 марта 1901 г. он сообщает свой новый адрес, прибавляя, что «переехал вместе с своим хозяином квартирным»¹. Франц Модрачек, на адрес которого шли наши письма, действительно переехал тогда на новую квартиру, но Владимир Ильич продолжал жить в Мюнхене на старой.

* * *

Одной из характерных черт Владимира Ильича была большая аккуратность и пунктуальность, а также строгая экономия в расходовании средств, в частности лично на себя. Вероятно, эти качества передались Владимиру Ильичу по наследству от матери, на которую он походил многими чертами характера. А мать наша по материнской линии была немка, и указанные черты характера были ей свойственны в большой степени.

Насколько Владимир Ильич был бережлив и экономен в расходах на себя, видно из его письма от 5 декабря 1895 г.

«Нынче первый раз в С.-Петербурге вел приходо-расходную книгу, чтобы посмотреть, сколько я в действительности проживаю. Оказалось, что за месяц с 28/VIII по 27/IX израсходовал всего 54 р. 30 коп., не считая платы за вещи (около 10 р.) и расходов по одному судебному делу (тоже около 10 р.), которое, может быть, буду вести. Правда, из этих 54 р. часть расхода такого, который не каждый месяц повторяется (калоши, платье, книги, счета и т. п.), но и за вычетом его (16 р.) все-таки получается расход чрезмерный — 38 р. в месяц. Видимое дело, нерасчетливо жил: на одну конку, например, изстратил в месяц 1 р. 36 к. Вероятно, пообживусь, меньше расходовать буду»².

И он действительно экономил, особенно когда не было собственного заработка и приходилось прибегать к «вспомоществованию», как он называл помощь матери в деньгах. Экономил настолько, что не выписывал даже «Русских ведомостей»³, когда жил в Петербурге в 1895 г., а читал их в Публичной библиотеке «за 2 недели назад». «Может быть, выпишу их, когда получу работу здесь»⁴, — писал он сестре.

Эта черта осталась за Владимиром Ильичем на всю жизнь и ярко проявлялась у него не только в те времена, когда в эмиграции ему не удавалось найти издателя для своих литературных работ (стоит вспомнить хотя бы тот факт, что «Аграрный вопрос» пролежал це-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 205.

² Речь идет о письме от 5 октября 1893 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 2). *Ред.*

³ «Русские Ведомости» были в то время наиболее приличной и интересной газетой из всех буржуазных газет. М. У.

⁴ Речь идет о письме, написанном в октябре 1893 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 2). *Ред.*

лые 10 лет и только в 1917 г. увидел свет) и Владимир Ильич оказывался иногда прямо в критическом положении, но и тогда, когда его материальное положение было вполне обеспечено, т. е. после революции 1917 г.

На чем Владимиру Ильичу, однако, трудно было экономить, так это на книгах. Они были нужны ему для его работ, чтобы быть в курсе иностранной и русской политики и экономики и пр. и т. д.

«К великому моему ужасу,— пишет он в письме к матери от 29 августа 1895 г. из Берлина,— вижу, что с финансами опять у меня «затруднения»: «соблазн» на покупку книг и т. п. так велик, что деньги уходят черт их знает куда»¹. Но и в этом он старался урезывать себя и ходил работать в библиотеки; это давало ему и более спокойную обстановку для работы, без сутолоки и бесконечных утомительных разговоров, которые были так свойственны эмигрантам, скучавшим в непривычной, чуждой для них обстановке и любившим отводить душу за разговорами.

Библиотекой Владимир Ильич пользовался, впрочем, не только за границей, но и живя в России. В письме к матери из Петербурга он пишет, что доволен своей новой комнатой, которая находится «недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки)»². Проездом в ссылку он даже те немногие дни, что пробыл в Москве, использовал для работы в Румянцевском музее. А живя в Красноярске и ожидая открытия навигации, чтобы ехать в Минусинский уезд, он занимался в библиотеке Юдина³, хотя для этого ему приходилось делать ежедневно около пяти верст.

В ссылке, где о библиотеках не могло быть и речи, Владимир Ильич пытался восполнить этот пробел, прося нас устроить ему посылку библиотечных книг по почте. Несколько опытов таких было сделано, но на пересылку уходило слишком много времени (около месяца туда и обратно), а книги из библиотеки выдавались на определенный срок.

Иногда к такой мере Владимир Ильич прибегал и позднее. Так, в письме к Анне Ильиничне от 31 января 1914 г. он пишет: «Насчет свода статистических сведений по делам уголовным за 1905—1908 годы просил бы не покупать их (не к чему, дороги), а взять из библиотеки (либо Совета присяжных поверенных, либо Гос. думы) и прислать на месяц»⁴.

Живя за границей, Владимир Ильич постоянно пользовался библиотеками. В Берлине он занимался в Императорской библиотеке. В Женеве у него был излюбленный «клуб» (*Société de lecture*), в который надо было записаться и вносить определенный членский взнос, правда очень небольшой, для того чтобы иметь возможность

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 12.

² Там же. С. 1.

³ Имеется в виду библиотека красноярского купца Г. В. Юдина, насчитывавшая свыше 100 тысяч томов. *Ред.*

⁴ Письмо не сохранилось, и выписка эта взята нами из дела департамента полиции. М. У. (Речь идет о письме от 11 февраля 1914 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 349). *Ред.*)

работать в библиотеке этого «клуба». В Париже он работал в Национальной библиотеке, хотя и жаловался, что она «налажена плохо»¹; в Лондоне — в Британском музее и, только живя в Мюнхене, жалел, что «здесь библиотеки нет»², да и в Кракове он мало пользовался библиотекой. В письме к М. И. Ульяновой от 22 апреля 1914 г. он пишет, что «здесь (в Кракове.— М. У.)... библиотека плоха и архинепудобна, но мне почти и не доводится в ней бывать...»³. Работа в газете (в «Правде»), всевозможные сношения с товарищами, приезжавшими к Владимиру Ильичу в Краков в гораздо большем количестве, чем раньше во Францию или Швейцарию, руководство работой с.-д. фракции Государственной думы, партийные конференции и совещания и т. д. не давали возможности уделять много времени научной работе. «Не раз мы вспоминали,— пишет Владимир Ильич,— Женеву, где работалось лучше, удобная библиотека, менее нервна и бестолкова жизнь»⁴.

И когда после ареста в Галиции в начале империалистической войны Владимир Ильич снова попал в Швейцарию, он пишет: «Хороши здесь библиотеки, и я устроился недурно в смысле пользования книгами. Приятно даже почитать — после периода ежедневной газетной работы»⁵. А затем он едет с Надеждой Константиновной из Берна в Цюрих, чтобы, между прочим, «позаниматься в здешних библиотеках»⁶ (продолжая, однако, также интенсивно политическую партийную работу, что ярко иллюстрируется, между прочим, опубликованной в XI Ленинском сборнике⁷ перепиской его с тт. Карпинским и Равич, относящейся к этому периоду), которые, по его словам, «много лучше бернских»⁸.

Но если в смысле возможности читать иностранные книги, просматривать иностранные газеты и журналы Владимир Ильич был поставлен за границей в хорошие условия, посещая для этой цели библиотеки, то недостаток в русских книгах сказывался всегда остро. «Немецкие книги здесь я легко достану,— пишет он в письме от 2 апреля 1902 г.,— в них недостатка нет. А вот в русских здесь недостаток»⁹.

И несомненно, отсутствие под рукой той или другой нужной русской книги часто тормозило работу Владимира Ильича, когда он жил за границей. Поэтому в его письмах к родным постоянно встречаются просьбы прислать те или иные книги, нужные ему для работы (статистика, книги по аграрному вопросу, по философии и пр.), а также новинки, журналы, беллетристику. Таким образом, по этим письмам можно до некоторой степени судить о том, литературой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 354.

² Там же. С. 210.

³ Там же. С. 355.

⁴ Там же. С. 354.

⁵ Там же. С. 357.

⁶ Там же. С. 364.

⁷ См. там же. Т. 49.

⁸ Там же. Т. 55. С. 364.

⁹ Там же. С. 219.

по каким отраслям знаний интересовался Владимир Ильич в тот или иной отрезок времени и для каких своих работ он ее использовал.

Среди этой литературы большое внимание уделяется различным статистическим сборникам.

Какое большое значение Владимир Ильич придавал статистике, «точным фактам, бесспорным фактам», наглядно видно из его работ, из тех черновиков, выписок и подсчетов, которые этим работам предшествовали. Характерна в этом отношении и его незаконченная и не опубликованная еще работа «Статистика и социология»¹ — П. Пирючев (новый псевдоним, который Владимир Ильич взял себе в целях облегчения издания этой работы), посвященная вопросу «о значении и роли национальных движений, о соотношении национального и интернационального»².

И в этой работе мы находим следующее место:

«В области явлений общественных, — пишет Владимир Ильич, — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже.

...Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется»³.

В 1902 г. Владимир Ильич попросил выслать ему за границу из книг, бывших с ним в Сибири, «*всю статистику*»⁴, по которой (как пишет в письме от 2 апреля 1902 г.) «я немного начинаю тосковать»⁵ ...Позднее, чтобы получать из различных городов, и притом

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 349—356.

² Там же. С. 349.

³ Там же. С. 350—351.

⁴ Статистика эта, которую Владимир Ильич использовал для своей книги «Развитие капитализма в России», получена в 1929 г. вместе с другими книгами Владимира Ильича из-за границы Институтом Ленина, и по выпискам и заметкам, которые имеются на этих книгах, можно будет сделать еще ряд ценных выводов о работе Ильича. М. У.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 219.

более регулярно, статистический материал, Владимир Ильич написал даже специальное заявление-просьбу¹ к статистикам заседавшего в Москве зимой 1908/09 г. съезда врачей и естествоиспытателей (на этом съезде была подсекция статистиков). На заявление это откликнулся целый ряд провинциальных статистиков, и в письме от 2 января 1909 г. Владимир Ильич пишет: «Получил еще письмо о статистике из Рязани — это великолепно, что помощь мне, видимо, будет от многих»².

В 1908 г., когда Владимир Ильич работал над «Материализмом и эмпириокритицизмом», он выписывает для себя книжку проф. Челпанова об Авенариусе и его школе, книжку об «Имманентной философии» и др. Об этой своей работе он пишет сестре: «Поработал я много над махистами и думаю, что все их (и «эмпириомонизма» тоже) невыразимые пошлости разобрал»³.

Справляясь, получена ли рукопись о новейшем капитализме («Империализм, как высшая стадия капитализма»), Владимир Ильич пишет: «Я придаю этой экономической работе особенно большое значение и особенно хотел бы поскорее видеть ее в печати в полном виде»⁴ (письмо от 22 октября 1916 г.). Как известно, последнее его желание не было выполнено (хотя Владимир Ильич «изо всех сил применялся к «строгостям»»⁵, как он пишет в письме к М. Н. Покровскому от 17 июля 1916 г.): работа Владимира Ильича подверглась целому ряду изменений и урезок и лишь через десять лет увидела свет в своем первоначальном виде.

Из писем Владимира Ильича к родным мы узнаем, в какой связи предпринята была Владимиром Ильичем (еще не опубликованная) работа «Капиталистический строй современного земледелия»⁶. В письме от 22 октября 1916 г. он пишет сестре: «Ты пишешь, что «Аграрный вопрос» издатель хотел бы выпустить книгой, а не брошюрой». Я понимаю это так, что я должен прислать продолжение (т. е. в дополнение к написанному об Америке написать обещанное о Германии). Засяду за эту работу, как только покончу с тем, что я должен написать в оплату аванса у старого издателя»⁷. Рукопись указанной работы, хранящаяся в Институте, не закончена, окончить ее «помешала» Владимиру Ильичу, очевидно, революция.

Предлагаемые читателям письма Владимира Ильича дают некоторую картину и условий его литературной работы и тех мытарств, с которыми было связано опубликование результатов этой работы.

¹ Возможность опубликования его мы обязаны московской жандармерии, сохранившей его в своих делах. М. У.

² Речь идет о письме от 2 января 1910 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 303). *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 252.

⁴ Там же. С. 365.

⁵ Речь идет о письме от 2 июля 1916 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 259). *Ред.*

⁶ Статья В. И. Ленина «Капиталистический строй современного земледелия» впервые была опубликована в 1932 г. в журнале «Большевик» № 9 и в Ленинском сборнике XIX по хранящейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС части рукописи (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 319—344). *Ред.*

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 365.

Илья Николаевич Ульянов —
отец В. И. Ленина.
1882—1883 гг. Симбирск

Мария Александровна
Ульянова —
мать В. И. Ленина.
1887—1888 гг. Симбирск

Володя Ульянов
в четырехлетнем возрасте
с сестрой Ольгой.
1874 г. Симбирск

Саша и Аня Ульяновы.
1874 г. Симбирск

Семья Ульяновых: Мария Александровна Ульянова,
Илья Николаевич и их дети — Ольга, Мария,
Александр, Дмитрий, Анна, Владимир.
1879 г. Симбирск

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова.
1897 г. Берлин

Александр Ильич Ульянов.
1887 г. Петербург

Владимир Ульянов
в гимназические годы.
1887 г. Симбирск

Ольга Ильинична Ульянова.
1887 г. Симбирск

Владимир Ильич Ульянов.
1891 г. Самара

Дмитрий Ильич Ульянов.
1893 г.

Мария Ильинична Ульянова.
1933 г.

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ульянов

Ленин

Владимир

Учред. Делу Дел.
А/211111.

124 А/228344.

- 17540-301.

- 3502-911.

Чел. № 585

1) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
2) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
3) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
4) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
5) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
6) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
7) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
8) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
9) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
10) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
11) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
12) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
13) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
14) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
15) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
16) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
17) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
18) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
19) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов
20) Имя: Иван	Фамилия: Иванов	Имя: Иван	Фамилия: Иванов

Владимир Ильич Ульянов в период ареста по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Декабрь 1895 г. Петербург. Фотография сделана в охранном отделении

Группа руководителей петербургского
«Союза борьбы за освобождение рабочего класса».
Слева направо сидят: В. В. Старков,
Г. М. Кржижановский, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов;
стоят: А. Л. Малченко, П. К. Запорожец,
А. А. Вансеев. 1897 г. Петербург

Владимир Ильич Ульянов.
1900 г. Москва

Марк Тимофеевич Елизаров,
Мария Александровна Ульянова,
Дмитрий Ильич Ульянов,
Мария Ильинична Ульянова.
1902 г. Самара

Н. К. Крупская. 1895 г.
С.-Петербург

В. И. Ленин за рабочим столом
в своем кабинете в Кремле.
16 октября 1918 г. Москва

В. И. Ленин произносит речь с трибуны на Красной площади в день празднования 1-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции после открытия мемориальной доски, установленной в память павших за мир и братство народов. 7 ноября 1918 г. Москва

В. И. Ленин во дворе Кремля на прогулке
по выздоровлении после покушения.
16 октября 1918 г.

В. И. Ленин в президиуме I конгресса Коминтерна
в Кремле. Март 1919 г. Москва

В. И. Ленин среди родных в кремлевской квартире.
Сидят: В. И. Ленин, Н. К. Крупская,
А. И. Ульянова-Елизарова. Стоят: М. И. Ульянова,
Д. И. Ульянов, Гора Лозгачев —
воспитанник А. И. Ульяновой-Елизаровой
и М. Т. Елизарова. Осень 1920 г.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская
у Кремлевской стены
на Красной площади во время
первомайской демонстрации
трудящихся. 1 мая 1919 г. Москва

М. И. Ульянова,
Д. И. Ульянов,
А. И. Ульянова-Елизарова.
1930—1932 гг. Москва

В. И. Ленин во время работы IV сессии ВЦИК
9-го созыва в Кремле. 31 октября
1922 г. Москва

Мы имеем в виду его легальные работы. В этом смысле Владимир Ильич находился за весь предреволюционный период (за исключением периода первой революции и эпохи «Звезды» и «Правды» — 1912—1914 гг., когда он имел возможность работать для легальных газет, когда у партии имелись, хотя кратковременно, и свои легальные издательства) в неблагоприятных условиях не только потому, что за границей, например, он ощущал сплошь и рядом недостаток в нужных для работы русских книгах и других материалах.

Большие трудности представляли и цензурные условия: статьи Владимира Ильича урезывались и искажались (как, например, статья «Некритическая критика»¹), книги конфисковывались («Аграрный вопрос», II том²) и пр. и т. п. Но, помимо того, большие трудности представляла и оторванность от России, и часто невозможность в силу этого завязать непосредственные связи с издательствами и т. п. Характерны, например, его многократные попытки устроиться с работой для Энциклопедического словаря Граната. «Хорошо бы иметь работу для Энциклопедического словаря,— пишет он в письме к сестре от 22 декабря 1914 г.,— но это, верно, устроить нелегко, если не иметь случая познакомиться с секретарем редакции»³. Знакомства этого не было, и когда Владимир Ильич непосредственно обращался в редакцию Граната, то порой не получал даже ответа на свои письма. «Нельзя ли там иметь еще работу для Энциклопедического словаря,— пишет он сестре в феврале 1915 г.— Я писал об этом секретарю, но он не отвечает»⁴. «Я здесь, к сожалению, совсем теперь оторван от издательских связей»⁵,— пишет он в 1912 г.

И если бы не большая помощь, которую оказывали Владимиру Ильичу в поисках издателей, в редактировании его работ и пр. товарищи и родные, то выпуск их в свет был бы затруднен еще больше. Но сестры и брат не всегда были в состоянии помочь Владимиру Ильичу, особенно когда они бывали в тюрьме или ссылке. И в 1904 г., например, он просит у матери дать ему адрес Марка Тимофеевича,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 611—636.

² Сборник «Аграрный вопрос» представляет собой второй том предполагавшегося трехтомного собрания статей В. И. Ленина, которое выпускалось книгоиздательством «Зерно». Во главе этого издательства стоял видный большевик М. С. Кедров. Первый том собрания статей вышел под названием «За 12 лет» в конце 1907 г. На книгу сразу же был наложен арест. Чтобы обезопасить второй том от конфискации, было решено разбить его на две части и назвать «Аграрный вопрос». Первая часть этого тома была издана в 1908 г. Вторая же часть в свет не вышла: она была конфискована еще в типографии. Вследствие этого первое трехтомное издание собрания статей В. И. Ленина не было завершено (см. об этом воспоминания М. С. Кедрова «Из красной тетради об Ильиче». М., 1957. С. 4—8). *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 357.

⁴ Там же. С. 361. *Ред.* Не лучше обстояло дело с ответами на письма Владимира Ильича в те времена и со стороны других издателей. См. по этому поводу письмо 3 (от 27 сентября 1901 г.) Ленина Л. И. Аксельрод. Ленинский сборник XI, с. 326. М. У. (Речь идет о письме от 27 ноября 1901 г. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 158). *Ред.*)

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 332.

к которому у него есть «литературное дело»¹ (письмо от 20 января 1904 г.).

Владимир Ильич умел не только систематично, усидчиво и крайне плодотворно работать, он умел и отдыхать, когда для этого представлялась возможность. Лучшим отдыхом для него была близость к природе и безлюдье. «Здесь (в Стирсуддене в Финляндии, где он отдыхал, вернувшись «страшно усталым» с V партийного съезда.— М. У.) отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего»². Отдых там, где Лидия Михайловна Книпович окружила его исключительным вниманием и заботами, был действительно отличный, и позднее он вспоминал о нем, когда в письме к Марии Ильиничне, только что перенесшей тяжелый брюшной тиф, писал: «Вот когда бы в Стирсудден тебя отправить!»³

Владимир Ильич очень любил природу, и в его письмах постоянно встречаются описания ее красот, куда бы ни забрасывала его судьба. «Природа здесь роскошная,— пишет он матери по пути в Швейцарию в 1895 г.— Я люблюсь ею все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона»⁴. «Гуляю — теперь недурно гулять здесь,— пишет он Марии Александровне,— и в Пскове (а также в его окрестностях) есть, видимо, не мало красивых мест»⁵. «На днях... катался... по одному очень красивому озеру и наслаждался прелестными видами при хорошей погоде...»⁶,— сообщает он из-за границы. «На днях мы предприняли здесь с Надей и с одним приятелем прекраснейшую прогулку на Салэв. Внизу везде в Женеве туман, сумрачно, а на горе (около 1200 метров над уровнем моря) — роскошное солнце, снег, салазки, совсем русский хороший зимний денек. А внизу под горой — la mer du brouillard, настоящее море тумана, облаков, за которыми не видно ничего, только горы высовываются, да и то только очень высокие. Даже малый Салэв (900 метров) весь в тумане»⁷. «Мы с Надей изъездили и исходили уже порядочное количество окрестностей, нашли и прехорошие места»⁸,— читаем мы в письме от 27 сентября 1902 г. Прав был, вероятно, Владимир Ильич, когда писал: «Единственные из всех здешних товарищей, изучающие *все* окрестности города, это мы. Находим разные «деревенские» тропинки, знаем ближние места, собираемся и подальше прокатиться»⁹.

Если не удавалось выбраться летом на время за город, где устанавливалась сразу «деревенская жизнь» (рано вставали и чуть не с

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 234.

² Там же. С. 238.

³ Там же. С. 250.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Там же. С. 189.

⁷ Там же. С. 233.

⁸ Там же. С. 224.

⁹ Там же. С. 231—232.

петухами ложились¹), Владимир Ильич и Надежда Константиновна отправлялись иногда, когда жили в Швейцарии, пешком в горы. Описание одного такого путешествия мы находим в письме Надежды Константиновны к Марии Александровне от 2 июля 1904 г. «Уже с неделю, как выбрались из Женевы,— читаем мы там,— и отдыхаем в полном смысле этого слова. Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся, гуляем — Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем нечитанными завтра в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на 2 в горы. Пройдем к Интерлакену, а оттуда к Люцерну, читаем Бедекера и тщательно обдумываем свое путешествие... Мы с Володей заключили условие — ни о каких делах не говорить, дело, мол, не медведь, в лес не убежит, не говорить и, по возможности, не думать»².

Но такие путешествия бывали очень редки и предпринимались только тогда, когда работа и фракционная трепка слишком уже плохо отражались на здоровье и на нервах, как это было после зимы 1903/04 г., следовавшей за II съездом партии и ее расколом. Обычно же, если Владимир Ильич выезжал на лето в деревню, он после нескольких дней полного отдыха, когда это удавалось, продолжал работу и там. Если же уехать за город было невозможно или эта поездка бывала непродолжительна, предпринимались прогулки за город, иногда в горы, пешком или на велосипедах, обычно по воскресным дням. «Как-то невольно выходит все по-заграничному, что именно в воскресенье гуляем, хотя это неудобно, ибо везде полным-полно»³, — пишет Владимир Ильич в письме к матери от 29 марта 1903 г. Предпринимая такую прогулку, брали обычно с собой бутерброды вместо обеда и отправлялись на целый день. Немудрено, что и Владимир Ильич, и Надежда Константиновна попали в партию «прогулистов» (любителей прогулок), тогда как другие товарищи были в партии «синемистов» (любителей ходить в «синема»⁴), как шутили они между собой⁵.

Владимир Ильич мало любил различные увеселения, в которых другие товарищи находили себе отдых от напряженной работы. Он никогда, кажется, не ходил в кинематограф, когда жил за границей, редко бывал и в театрах. Был он в Берлине на «Ткачах»⁶ в первый свой приезд за границу, ходил в театр и когда жил в эмиграции «довольно одиноко»⁷ (т. е. без семьи) или когда после усиленной работы ему удавалось попадать по какому-нибудь делу в большой город и он использовал эту поездку для того, чтобы немного «встряхнуться». Но заграничные театры мало удовлетворяли Владимира Ильича своими постановками (иногда они с Надеждой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 339.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 231.

⁴ «Синема» — кинематограф. М. У.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 346.

⁶ «Ткачи» — драма Г. Гауптмана. *Ред.*

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 198.

Константиновой уходили из театра с первого действия, подвергаясь за это шуточным упрекам товарищей за напрасную трату денег), и из позднейших его посещений театра, кажется, только постановка «Живого трупа»¹ произвела на него впечатление. Но ему очень понравился Художественный театр, в котором он был еще в бытность свою в Москве, до эмиграции, вместе с Лалаянцем («Колумбом»), и в письме к матери в феврале 1901 г. он пишет, что «до сих пор вспоминаю с удовольствием»² это свое посещение. «Хотелось бы в русский Художественный, посмотреть «На дне»...»³, — читаем мы в его письме от 4 февраля 1903 г. Посмотреть «На дне» ему удалось уже много лет спустя, когда он жил в Москве после революции.

Сравнительно редко бывал Владимир Ильич и в концертах, хотя любил музыку. «Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте, — читаем мы в том же письме, — и остались очень довольны, — особенно последней симфонией Чайковского (*Symphonie pathétique*)»⁴. «Был на днях в опере, слушал с великим наслаждением «Жидовку»: я слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский) лет, должно быть, 13 тому назад, — пишет он матери 9 февраля 1901 г., — но некоторые мотивы остались в памяти»⁵. И нередко потом он насвистывал эти мотивы (со своей особой манерой насвистывать сквозь зубы). Позднее, за границей, Владимир Ильич редко бывал в опере и на концертах. Музыка слишком сильно действовала на его нервы, и, когда они бывали не в порядке — а это бывало так часто при трепке и сутолоке эмигрантской жизни, — он плохо выносил ее. Немало влияли на уединенный (в смысле развлечений) образ жизни Владимира Ильича его большая занятость и скромный бюджет.

Мало сравнительно внимания уделял Владимир Ильич и различным достопримечательностям: «Я вообще к ним довольно равнодушен, — пишет он в письме из Берлина в 1895 г., — и большей частью попадаю случайно. Да мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п.»⁶. Для этого «шлянья» по разным местам Владимир Ильич использовал обычно вечера, когда жил в Берлине в 1895 г., и это давало ему возможность изучать «берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи»⁷. Однако не только будучи в Берлине, в первый раз за границей, занимался он этим изучением нравов — в его письмах к родным есть немало мест, которые показывают, что, и живя в Париже или попадая туда наездом, он с удовольствием присматривается к тамошней жизни, отмечая ту непринужденность, с которой парижская публика держит

¹ «Живой труп» — драма Л. Н. Толстого. *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 204.

³ Там же. С. 229. «На дне» — пьеса М. Горького. *Ред.*

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 229.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Там же.

себя на улицах и бульварах. «Париж — город очень неудобный для жизни при скромных средствах и очень утомительный,— писал Владимир Ильич после поездки туда на несколько дней.— Но побывать ненадолго, навестить, прокатиться — нет лучше и веселее города»¹. Присматривается Владимир Ильич и к чешской жизни, будучи проездом в Чехословакии, и жалеет, что не изучил чешского языка; красочно описывает жизнь и нравы галицийских крестьян, которые он имел возможность наблюдать, живя в Галиции; карнавал на улицах с борьбой конфетти и серпантина в Мюнхене и т. д. Жизнь он любил во всех ее проявлениях и умел, как редко кто, широко наблюдать и изучать ее.

По письмам Владимира Ильича можно судить и об отношении его к родным и до некоторой степени к людям вообще. Сколько внимания к ним и заботливости проявляется в этих письмах: Владимир Ильич был очень привязан к своим родным, особенно к матери, и заботы о том, чтобы ей лучше, покойнее и удобнее жилось, сквозят во всех письмах как непосредственно к ней, так и к другим членам нашей семьи. Его письма полны вопросами о здоровье, о том, как устроились с квартирой, не холодна ли она². «Беспокоит меня,— пишет он в письме к матери в 1909 г.,— что у вас холодная квартира... Не простудиться бы тебе... Нельзя ли принять каких-нибудь мер, может быть, поставить маленькую железную печку?...»³ В этих письмах много советов «хорошенько отдохнуть летом»⁴, «поменьше бегать, побольше отдыхать и быть здоровой»⁵ и т. п.

Особенно сильно проявлялось внимание Владимира Ильича к матери, когда ее постигала какая-нибудь гроза, а этих гроз было так много в ее жизни. То один, то другой член нашей семьи подвергался аресту или высылке, иногда же несколько сразу, и ей, бывшей уже в пожилых годах, приходилось снова и снова ходить в тюрьмы на свидания и с передачами, просиживать часами в приемных жандармов и охранников, болеть душой, порой в полном одиночестве, за своих детей, лишенных свободы. Как беспокоился Владимир Ильич за нее в эти периоды ее жизни и как тяготился оторванностью от нее, особенно ярко видно по письму его к матери от 1 сентября 1901 г.⁶ Мария Ильинична и Марк Тимофеевич сидели тогда в тюрьме. Анна Ильинична была за границей и не могла вернуться в Россию, так как это повлекло бы ее арест по тому же делу, а Дмитрий Ильич также не мог оставаться с матерью, потому что должен был кончать университет в Юрьеве. В таком же одиночестве осталась она в чужом городе, когда в 1904 г. были арестованы в Киеве по делу Центрального и Киевского комитетов партии Дмитрий Ильич, Анна Ильинична и Мария Ильинична.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 351.

² См. там же. С. 361.

³ Там же. С. 299.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 303.

⁶ См. там же. С. 213—215.

Владимиру Ильичу всегда хотелось, чтобы мать жила с ним, и он не раз звал ее к себе. Но это трудно было осуществить, между прочим, потому, что мать бывала всегда с теми из своих детей, кому особенно бывала нужна ее помощь, а в России эта помощь бывала почти всегда нужна тому, на кого сыпались полицейские кары. Поэтому (в первую и во вторую эмиграцию Владимира Ильича) ей только по одному разу удалось на короткий срок побывать за границей и повидаться с ним. В 1902 г. она пожила с месяц с Владимиром Ильичем и Анной Ильиничной в Loguivу на севере Франции. Во второй раз, и уже последний, ей удалось видеть Владимира Ильича в Стокгольме, куда она вместе с Марией Ильиничной ездила в 1910 г., чтобы повидаться с ним. При этих поездках Владимир Ильич всегда давал ей точные маршруты, советовал останавливаться на ночь в гостиницах, чтобы не очень утомила дорога¹. В Стокгольме же М. А. Ульяновой довелось в первый и последний раз слышать выступление Владимира Ильича на собрании рабочих-эмигрантов. Когда мы уезжали, Владимир Ильич проводил нас до пристани — на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании и Владимира Ильича могли там арестовать,— и я до сих пор помню выражение его лица, когда он, стоя там, смотрел на мать. Сколько боли было тогда в его лице! Точно он предчувствовал, что это было его последнее свидание с матерью. Так оно и вышло на деле. Больше повидаться с родными до приезда в Россию, после Февральской революции, Владимиру Ильичу не удалось, а мать умерла незадолго до нее, в июле 1916 г. До нас совсем не дошло первое письмо Владимира Ильича, отправленное после того, как он получил известие об этой смерти. Не сохранилось и следующее письмо, но я хорошо его помню: тяжелая это была для него утрата, больно он ее переживал и много нежности проявлял к нам, тоже подавленным этой кончиной.

Много внимания уделял всегда Владимир Ильич своим сестрам и брату, а также М. Т. Елизарову, интересуясь постоянно тем, как они живут, как чувствуют себя, имеют ли заработок, хорошо ли отдыхают и т. п. Он старался устроить переводы для нас, посылая для этого иногда иностранные книги, интересовался нашим чтением и занятиями, звал пожить к себе и пр. Много внимания проявлял Владимир Ильич и к товарищам, расспрашивал о том, как им живется, всячески помогал им. Так, он брался писать предисловия к переводам товарищей, чтобы облегчить им издание этих переводов и, следовательно, возможность иметь заработок.

Товарищам, не знакомым с условиями эмигрантской жизни и легальной переписки во времена царизма, могут показаться странными и непонятными нередко встречающиеся в письмах Владимира Ильича упоминания о том, что он живет «очень тихо», «помаленьку», «тихо, мирно»² и т. п. в такие периоды, как, например,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 221, 311—312.

² Там же. С. 368, 335, 350, 357.

во время империалистической войны, когда по литературе и нелегальной переписке видно, что им проявлялась бешеная энергия в борьбе с шовинизмом, влиянию которого подпало и большинство с.-д. партий. Но не надо забывать, что Владимир Ильич мог выступать тогда лишь в печати — в органе, который выходил один раз в несколько недель, а то и в несколько месяцев и пересылка которого, как и брошюр, была крайне затруднена, да на небольших собраниях эмигрантов или в кружках иностранных рабочих. Понятно, что возможности эти были для Владимира Ильича крайне мизерны, и если, по рассказу Н. К. Крупской, он в начале революции в России производил впечатление льва, который рвался из своей клетки, то не была ли для него эмигрантщина и отрыв от России и раньше, особенно в период империалистической войны, клеткой, которая не давала развернуться ему как вождю, как народному трибуну? Он рвался к настоящей работе, к рабочим массам, а вместо того принужден был обрабатывать двух-трех товарищей, чтобы через них воздействовать на более широкие круги. И разве для Владимира Ильича такая деятельность, как и общая обстановка «в сонном Берне», не была действительно слишком «тихой», идущей слишком «помаленьку»?..

В легальной переписке лишь изредка проскальзывает его бешенство против «скверных оппортунистов вреднейшего типа», против архипошлостей по поводу вотиrowания кредитов¹ и т. п. Здесь он был скован цензурными рамками, и стоит только посмотреть, какие фразы его писем «обращали на себя внимание» охранников и жандармов и попадали в «вещественные доказательства», чтобы понять, что как он, так и его родные были в то время в таком положении, когда «очень уже трудно... вести переписку, как хочется...»².

Как сказано вначале, письма Владимира Ильича к его родным имеют главным образом значение и интерес для характеристики его как человека (конечно, характеристики далеко не полной и, по условиям переписки, несколько односторонней). В этом смысле они вносят, на наш взгляд, ценный вклад в литературу о Владимире Ильиче, и остается лишь пожалеть, что так много из его писем как к родным, так и к товарищам погибло. О Ленине же как вожде, политическом деятеле и ученом говорят другие документы, и в первую голову его богатое литературное наследие.

Особенно тяжела была для Владимира Ильича вторая эмиграция. Попад в Женеву после жизни в Петербурге и под Петербургом, он особенно тяжело воспринял возвращение на старое пепелище. «Мы уже несколько дней торчим в этой проклятой Женеве...— пишет он в письме к Марии Ильиничне от 14 января 1908 г.— Гнусная дыра, но ничего не поделаешь. Приспособимся»³. И со всегдашним своим упорством и энергией Владимир Ильич берется за работу,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 358.

² Там же. С. 354.

³ Там же. С. 242.

ибо «приспособиться» он умеет при всяких условиях. «Неприятен был только самый момент переезда, как переход от лучшего к худшему. Но это было неизбежно»¹, — пишет он в следующем письме к матери. И опять-таки, как переход от лучшего к худшему, отсутствие нужных ему для работы литературных материалов, новинок и газет особенно чувствительно для него в это время, так как в Петербурге он имел возможность читать все газеты и журналы, следить за всеми новинками. И он просит «раздобыть... протоколы III Думы (официальное издание стенографических отчетов, а также заявления, запросы и законопроекты, вносимые в Думу)» и выслать ему «все, без пропусков»². Его интересуют также «программы, анонсы и листки октябристов, правых, казачьей группы и т. д.»³. Он лишен этих нужных ему материалов, тогда как «в Думе-то все сии «бумаги», наверное, по полу валяются и их никто не берет»⁴. Просит он также высылать ему «все новинки издания меньшевиков»⁵, профессиональные журналы, уцелевшие от разгрома, и т. п.

Однако не только в книгах был у Владимира Ильича недостаток во время его эмигрантской жизни, как ни старались мы снабжать его хотя бы самым интересным, что появлялось на книжном рынке, — но и в русских газетах. Особенно плохо в этом отношении было во время империалистической войны, когда временами Владимир Ильич сидел совсем без русских газет. «Посылайте раз в неделю прочитанные русские газеты, а то я не имею *никаких*»⁶, — пишет он в письме от 20 сентября 1916 г.

Была большая нужда и в заработке, особенно в последние годы эмиграции Владимира Ильича. «У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о заработке встает довольно остро» (14 декабря 1915 г.). А этот вопрос «его порядком беспокоит»⁷, — пишет Надежда Константиновна, ибо Владимир Ильич был очень щепетилен в денежных делах, избегая помощи с чьей бы то ни было стороны. «Засяду писать что бы то ни было, — пишет он 10 сентября 1916 г., — ибо дороговизна дьявольская, жить стало чертовски трудно»⁸.

Всего за несколько месяцев до Февральской революции, осенью 1916 г., Владимиру Ильичу приходится отыскивать книги для перевода, списываться с издателем об издании их. Как непроизводительно были бы использованы его силы, если бы ему действительно пришлось тратить свое время на переводы, но и этому «помешала» революция.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 244.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 243.

⁶ Там же. С. 365.

⁷ Там же. С. 454.

⁸ Речь идет о письме от 20 сентября 1916 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 365). *Ред.*

Таковы были условия его жизни в эмиграции незадолго перед революцией. Оторванность от России, от рабочих масс, к непосредственному общению с которыми он всегда стремился, тяжелые условия эмигрантского существования — хотя энергия и настойчивость не оставляли Владимира Ильича никогда, — и не мудрено, что нервы стали болезненными¹, что весь организм был значительно подорван.

Горько звучит в письме его от 15 февраля 1917 г. передача шутки Надежды Константиновны при получении денег из России «пенсию» стал-де ты (Владимир Ильич.— М. У.) получать»².

А после этого письма, где за шутками так ясно сквозят тяжелые условия, в которых приходилось Владимиру Ильичу жить перед революцией, короткое радостное сообщение по телеграфу: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите «Правде»»³.

Конец его эмигрантскому сидению. Конец и переписке с родными.

Только еще две маленькие записочки получила я от Владимира Ильича, коротенькие, как коротко было его подпольное пребывание в Финляндии во времена керенщины и корниловщины, накануне великой Октябрьской победы.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 72—89*

В «ПРАВДЕ» ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

БАРЫШНИ

Первый номер «Правды» вышел 5 марта 1917 г.⁴ Небольшая группа работников во главе с К. С. Еремеевым составляла этот номер. Составляла наспех: материал еще не успели собрать, не успели наладить и связи с фабриками, заводами, полками. Это делалось уже потом, в последующие дни, когда петербургские рабочие увидели возродившуюся «Правду» и потянулись в убогое помещение ее редакции на Мойке со своими резолюциями, запросами, с подпиской.

Вечером 4-го пишушая эти строки и А. И. Елизарова спешно набрасывали свои впечатления — хронику уличной борьбы первых дней революции, Константин Степанович попыхивал трубкой, трудясь над передовицей. Кроме указанных лиц с первых дней деятельное участие в составлении газеты приняли М. С. Ольминский, В. М. Молотов, т. Андрей (Егор Пылаев) и Захар (Бреслав),

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 368.

² Там же.

³ Там же. Т. 49. С. 434.

⁴ 8 (21) июля 1914 г. «Правда» была запрещена царским правительством. Она возобновила выход после Февральской революции 5 (18) марта 1917 г. *Ред.*

который ведал хроникой. А несколько позднее — вернувшиеся из ссылки Каменев, а затем Сталин.

Вся контора «Правды» состояла из К. М. Шведчикова и стола, за которым он сидел в помещении редакции. Первый номер «Правды» 5 марта был распространен бесплатно, а в последующие дни в «контору» тянулась очередь рабочих, пришедших подписаться на «Правду».

— Ну-ка, на родную-то нашу, матушку,— слышались голоса.

Редакция помещалась в двух комнатах. Одна, маленькая, представляла собою кабинет редакторов, и позднее из нее через плохонькую переборку раздавался хохот Ильича и его ближайших товарищей по работе, которые ежедневно по несколько часов проводили в редакции.

В другой, немного большей, помещался секретариат, сидели товарищи, обрабатывавшие материал, машинистка и т. д.

Типография помещалась в том же доме, в другой квартире, а в редакции была еще лишь одна маленькая комната, совершенно пустая, в которую члены редколлегии уединялись обыкновенно для переговоров с приходившими и приезжавшими к ним товарищами. А приезжало их много, особенно с фронтов, и много вопросов, сомнений и недоумений надо было разрешить и давать указания для дальнейшей работы.

В этот период в редакцию приходило особенно много писем с фронта. Ни о каком подсчете их в то время, конечно, не могло быть и речи, потому что не было соответствующего аппарата — он был мал донельзя, но это преобладание солдатских писем в первые месяцы революции бросалось в глаза не только нам, работникам редакции, через руки которых проходила вся почта, но и всем читателям «Правды», так как многие из этих писем были напечатаны в ней.

В большинстве солдатских писем выражалось сочувствие «Правде» и большевикам. Не разбавившихся еще в политических партиях и их программах солдат влекло к большевикам главным образом горячее стремление выйти как можно скорее из войны, а путь к этому они видели только один — тот, что указывала «Правда». Но были, конечно, и ругательные письма. «Немецкие шпионы», «изменники» и пр. и т. д. — таких эпитетов было немало, и завершались они обыкновенно угрозой, что солдаты, «защищающие отечество», вернувшись с фронта, разделаются с «предателями». Но таких писем становилось все меньше по мере того, как фронтовики начинали судить о большевиках по их литературе и по «Правде», которая хотя и с трудом, но доходила до фронта.

Иногда в редакцию вваливалась запыленная, с обветренным и изможденным лицом фигура окопника, которого его товарищи делегировали в Петроград, чтобы запастись литературой, из первоисточника узнать, как нужно организовать, и пр.

В апреле, немедленно по возвращении из эмиграции, за редактирование «Правды» взялся Владимир Ильич. Это был один из наиболее блестящих периодов «Правды». Определенность, четкость по-

зиции, блестящие статьи наших лучших литераторов, в которых они откликались немедленно на все злободневные вопросы, делали ее крайне интересной. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что никогда ни одну газету не читали с таким захватывающим интересом, как маленькую нашу «Правду» апреля — июля 1917 г.

А кругом шло шипенье. Растущая злоба «порядочных» людей против большевиков проявлялась во всяких мелочах. Невероятного труда стоило, например, добиться станции по нашему редакционному телефону. Все заявления и жалобы по этому поводу оставались гласом вопиющего в пустыне. Зато нередко раздавался звонок, и, когда кто-нибудь из нас брал телефонную трубку, раздавался голос: «Это что? «Правда»?» — «Нет, это ложь, а не правда», — восклицала телефонная барышня, бросая трубку. С такой же злобой, я сказала бы, почти с яростью относились к приходившим в редакцию жильцы того дома, где помещалась «Правда». На просьбы указать, как пройти в редакцию, неизменно следовала самая грубая брань. На грех, «Правда» помещалась на Мойке, у самого Невского где жила такая публика, что на ее симпатии к большевикам нечего было рассчитывать. Когда страсти особенно разгорались, как это было, например, во время демонстраций 20—21 апреля, в редакцию и типографию «Правды» вызывалась охрана. Однажды вечером, когда Ильич был в редакции, прибежал кто-то из товарищей и убедил его уехать оттуда — враждебная манифестация была у самой редакции. На извозчике, в сопровождении солдата с винтовкой Владимир Ильич уехал из редакции на квартиру одного знакомого на Невском, 3. В этой квартире было несколько комнатных жильцов. Когда Владимир Ильич вошел в прихожую, ему навстречу выбежали две барышни и, не узнав его (в комнате был полумрак), направились к выходной двери с возгласом: «Идем бить Ленина».

В июльские дни «Правда» была разгромлена, а Владимир Ильич скрылся в подполье.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 90—92*

ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА В РОССИЮ В 1917 ГОДУ ¹

16 апреля исполняется 20 лет ² со дня приезда В. И. Ленина в Петроград после Февральской революции, положившей конец его долголетнему изгнанию. Почти пятнадцать лет (за вычетом пребывания его в Петербурге во время первой российской революции 1905 г.) — пятнадцать лучших лет своей жизни провел Владимир Ильич в эмиграции, в среде, где «много тяжелого», как писал он,

¹ Заголовок воспоминаний дается по рукописи. *Ред.*

² Воспоминания написаны в 1937 г. *Ред.*

где «невероятно, чудовищно велик процент людей, все существо которых — один больной комок нервов...»¹. Эмиграция была особенно тяжела, ибо приходилось жить вдали от русских рабочих масс, к непосредственной связи с которыми Ильич всегда так стремился...

Тем более непереносимо стало это бремя, когда в России вспыхнула Февральская революция:

«Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»², — писал Владимир Ильич т. Ганецкому.

Ленин стал неудержимо рваться в Россию, чтобы принять непосредственное участие в руководстве революционной борьбой пролетариата и трудового крестьянства, иметь возможность своевременно влиять на политические события. Однако проехать в Россию было делом нелегким. На помощь Антанты могли в этом смысле рассчитывать лишь социал-шовинисты. Плеханов и его сторонники беспрепятственно проехали на крейсере в сопровождении миноносцев. От деятельности оборонцев в России Антанта могла ждать лишь пользы для себя в своей империалистской политике. Не то было с интернационалистами, фигурировавшими в «черных списках»! Для них проезд через страны Антанты представлял риск интернирования, ареста или потопления парохода, как это и имело место с некоторыми, избравшими такой путь в Россию. Ильич прекрасно понимал это.

«Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще... — писал он Ганецкому 30 марта 1917 г. — Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К⁰) способны пойти *на все*, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму»³.

Но какой же другой путь избрать? Один фантастический план сменялся у Владимира Ильича другим, но все они были неосуществимы. В бессонные ночи, обдумывая возможности вырваться из Швейцарии, он решил как-то прикинуться глухонемым и с паспортом шведа пробраться в Швецию. Ганецкий должен был найти шведа, похожего на Ильича, и добыть у него паспорт. К письму с изложением этого плана была приложена и фотография Владимира Ильича. «Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, — рассказывает Ганецкий, — но, сознаюсь, очень хотел над этим фантастическим планом... Однако присланная фотография (Владимира Ильича. — М. У.) была сейчас же использована. Через два дня она красовалась в ежедневной газете левых

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 89—90.

² Там же. Т. 49. С. 419.

³ Там же. С. 418—419.

шведских социал-демократов «Политикен»¹, а под ней — передовица, написанная Воровским: «Вождь русской революции»...»²

Изверился скоро Владимир Ильич и в успехе попыток комитета по возвращению в Россию русских политических эмигрантов добиться через Совет рабочих депутатов содействия Милюкова на проезд через Германию в обмен на германских пленных. Милюков не мог одобрить такой план. Единственной реальной возможностью было добиться разрешения германского правительства проехать через Германию, которое было получено через нейтральных швейцарских социалистов.

Это был, конечно, рискованный шаг, так как ясно было, что русская буржуазия и социал-шовинисты попытаются использовать проезд большевиков через Германию для клеветы и инсинуаций против них. Ввиду этого переезд надо было обставить так, чтобы устранить всякую возможность обвинения в сделках с германским правительством и немецкими социал-шовинистами. Владимир Ильич поручил швейцарскому коммунисту Фрицу Платтену³ предъявить германским властям условия переезда. В основном они заключали в себе требование экстерриториальности вагона, паспорта едущих не должны были предъявляться, никто, помимо т. Платтена, который сопровождал Владимира Ильича и его товарищей до Стокгольма (в Петроград его не пустило русское правительство), не имел права ни выходить из вагона, ни вести с кем бы то ни было дорогой каких-либо переговоров. В силу этого их вагон получил впоследствии название «запломбированного».

9 апреля (н. ст.) Владимир Ильич выехал из Цюриха. С ним ехала небольшая часть эмигрантов, главным образом большевиков. Другие признали этот переезд «политической ошибкой» и устроили даже при отходе поезда враждебную демонстрацию нашим товарищам. Впоследствии, однако, они вынуждены были избрать тот же путь, изверившись в возможности проехать в Россию как-либо иначе.

Приезд Владимира Ильича в Петроград, как мы ни ждали его, был неожиданным. Лишь 16 апреля днем получены были из Торнео телеграммы от него с известием о приезде. Это был праздничный день⁴. Заводы не работали, газет не было, но из уст в уста разнеслась

¹ Politiken. 1917. 6 apr.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 375.

³ Фридрих (Фриц) Платтен (1883—1942) — швейцарский левый социал-демократ, затем коммунист. В 1917 г. он был организатором переезда В. И. Ленина из Швейцарии в Россию. В конце декабря 1917 г. Платтен приехал в Советскую Россию с последней группой русских эмигрантов в качестве сопровождающего группы. В 1919 г. принимал участие в организации Коминтерна, был членом Бюро Исполкома Коминтерна. В 1921—1923 гг. был секретарем Коммунистической партии Швейцарии, одним из организаторов которой он являлся. С 1923 г. Платтен возглавлял сельскохозяйственную коммуну швейцарских рабочих в Симбирской губернии. Затем работал в Международном аграрном институте и в Московском педагогическом институте иностранных языков. В марте 1938 г. по ложному обвинению Платтен был арестован и репрессирован. Умер в апреле 1942 г. Реабилитирован посмертно. *Ред.*

⁴ Пасха. *Ред.*

по рабочим районам радостная весть, что вечером должен приехать вождь большевиков. Рабочие стали готовиться к торжественной встрече своего признанного, любимого вождя и учителя.

Встреча началась с Белоострова. Кроме ближайших товарищей Владимира Ильича и его родных сюда приехали и сестрорецкие рабочие и работницы со своими знаменами. Ильича вынесли из вагона на руках, и на вокзале он обратился к рабочим с речью. Он говорил о значении Февральской революции, которая должна быть «ступенькой» к всемирной социалистической революции.

Эта встреча произвела на Владимира Ильича большое впечатление. Все лицо его светилось, он был очень возбужден. Засыпая товарищей вопросами о положении дел, он высказал в то же время опасение, что в Петрограде его, вероятно, арестуют. Но вместо ареста его ждала на Финляндском вокзале еще более торжественная встреча. У всех, кто присутствовал при ней, встреча оставила неизгладимое, незабываемое впечатление.

К моменту прихода поезда вся площадь и прилегавшие к ней улицы были заполнены народом. Тут были десятки тысяч рабочих и работниц, пришедших со своими знаменами. На перроне был выстроен почетный караул из матросов флотского экипажа, солдат пулеметной роты, Московского и Преображенского полков. При появлении Владимира Ильича солдаты и матросы взяли на караул, а военный оркестр заиграл «Марсельезу». Выслушав рапорт, Владимир Ильич обратился к почетному караулу с лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!» Затем его провели в «парадные покои», где ему пришлось выслушать кисло-сладкое приветствие Чхеидзе¹, приехавшего встретить его от исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. И опять в своей ответной речи Ильич употребил тот же, очевидно сильно огорошивший Чхеидзе, лозунг.

Выйдя на площадь, Владимир Ильич сел было в приготовленную для него легковую машину, но рабочие делегации, громко приветствовавшие его, потребовали, чтобы он вышел из машины и поднялся на броневик. Освещенный прожектором, броневик тронулся к дому Кшесинской², а Ильич, обращаясь то в одну, то в другую сторону, приветствовал окружавших его рабочих и солдат, освободивших Россию от самодержавия. «Да здравствует социалистическая революция!» — восклицал он. Медленно двигалась за броневиком рабочая толпа. Во главе ее шла заводская и районная вооруженная милиция, по краям рабочие образовали цепь из своих рядов.

Во дворце Кшесинской собрались партийные товарищи. Посыпа-

¹ Н. С. Чхеидзе — один из лидеров меньшевиков, был председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, активно поддерживал буржуазное Временное правительство. *Ред.*

² Дом (дворец) балерины М. Ф. Кшесинской (Кронверкский проспект в Петрограде, ныне проспект М. Горького в Ленинграде) во время Февральской буржуазно-демократической революции был захвачен броневым дивизионом. В нем помещались Центральный и Петербургский комитеты РСДРП(б), правления некоторых профессиональных союзов, читальня и солдатский клуб. *Ред.*

лись приветствия, но Владимир Ильич очень быстро перевел разговор на деловые темы. Он обратился к собравшимся с речью, в которой изложил свою точку зрения на ближайшие задачи, стоящие перед партией в связи с создавшимся положением. Он высказал те положения, которые были на следующий день изложены им на фракции Петроградского Совета рабочих депутатов и нашли свое выражение в его знаменитых Апрельских тезисах¹.

Они вызвали бешенство буржуазии, дикий вой меньшевиков и эсеров. «Запломбированный» вагон, проезд через Германию были широко использованы ими с целью оклеветать вождя партии В. И. Ленина, отвлечь от большевиков несознательные слои рабочих и солдат, находившихся в плену мелкобуржуазных иллюзий. Лишь меньшинство рабочих понимало тогда позицию Ленина, правильность которой была так блестяще подтверждена через несколько месяцев и обеспечила успех и победу Великой Октябрьской революции.

20 лет прошло со дня приезда Ленина из эмиграции в апреле 1917 г. Лозунг, брошенный им рабочим массам в этот знаменательный день, претворен в жизнь.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 93—96*

ПОДПОЛЬЕ В «СВОБОДНОЙ» РОССИИ

ПОИСКИ ИЛЬИЧА В ПЕРВЫЕ ДНИ ИЮЛЯ 1917 года

В ночь на 5 июля была разгромлена «Правда». Юнкера чуть не застали там Ильича, который всего за полчаса перед их набегом заезжал туда по какому-то редакционному делу. О разгроме мы не знали до следующего дня. Утром, когда мы только еще вставали, к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться. Было совершенно очевидно, что разгромом редакции дело не ограничится и что Ильичу грозит опасность попасть в лапы юнкеров. Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дому совершенно незамеченными. А мы стали готовиться к визиту непрошенных гостей, в котором нисколько не сомневались. К таким ночам посещениям мы достаточно привыкли при царизме, но как странно, как оскорбительно было подвергаться обыску в «свободной» России!

Поздно вечером на нашей тихой, безлюдной улице (мы жили в конце Широкой улицы, Петроградской стороны) раздался грохот огромного грузовика, который остановился около нашего дома. «Это к нам, это они!» — воскликнула я. И действительно, подойдя к окнам, мы увидели, что грузовик остановился около дома, в кото-

¹ Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113—118. *Ред.*

ром мы жили, и солдаты уже направляются к подъезду. Мы из окон слышали их громкие голоса, слышали, как они переговаривались с дворником или швейцаром, а через несколько минут раздался звонок и громкий стук в дверь.

Мы открыли тотчас же, так как скрывать было нечего, и вся наша квартира наполнилась свирепой толпой юнкеров и солдат с ружьями в руках. Они едва предъявили нам ордер на обыск и уже принялись спешно за разыскивание того, за кем приехали. Помощник начальника контрразведки с двумя или тремя офицерами и солдатами направились в комнату, где жил Ильич, остальные заняли все другие комнаты.

Хотя мы и сказали, что Ильича в квартире нет, они принялись все же искать его всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками окон и т. п. Потребовали ключи и, когда я открывала ту или иную корзину или сундук, набрасывались и прокалывали содержимое штыками. При этом, видимо, не соображали даже, что иной раз это была корзина таких размеров, в которой взрослому человеку никак не поместиться. После осмотра той или иной вещи я опять запирала ее на ключ, но скоро убедилась, что это еще больше разжигает страсти. «Если запирает, тут-то он и есть», — вероятно, думали они, и на корзину тотчас же налетали другие солдаты и снова заставляли отпирать ее, рылись, кололи штыками. Что лежало в корзине, их не интересовало, вещи они не осматривали: им надо было только убедиться, что там не спрятался тот «немецкий шпион», которого они пришли искать. Старший дворник сновал вместе с ними. Теперь язык у него развязался, и он не боялся уже говорить прямо. «Да если бы я знал раньше, я бы его такого собственного руками задушил!» — кричал он.

В комнате Владимира Ильча, где были помощник начальника контрразведки и двое-трое офицеров, обыскивавшие держались более сдержанно. Перерыв все и забрав часть бумаг, они делали все новые попытки что-нибудь выпытать от нас, а двое солдат сидели в это время у стола и перебирали некоторые письма Ильича. Там было немало писем с фронта от солдат, и большинство их было полно восторга и благодарности Владимиру Ильичу, который указывал им путь к окончанию проклятой войны. Я знала эти письма и, глядя теперь на читавших их солдат, видела на их лицах выражение удивления. Как! Немецкому шпиону, предателю интересов родины, которого они пришли арестовать как своего злейшего врага, их товарищи по оружию, солдаты, из окопов, пишут такие письма!

Один из офицеров тоже был точно в каком-то недоумении. Он все время засыпал нас вопросами, где Владимир Ильич жил раньше, что он делал, какие книги написал. «А нельзя ли эти книги посмотреть?» — спросил он наконец. «Конечно, можно, — ответила я, — да не хотите ли их почитать?» «А можно их взять?» — спросил наивный офицер, но его товарищи стали делать ему знаки и шептать что-то, очевидно, что, мол, неудобно это, и сконфуженный офицерик умолк.

Выведать, где находится Владимир Ильич, офицерам, конечно, не удалось. Один из них особенно настойчиво допрашивал об этом Надежду Константиновну. «Ведь и по старым царским законам жена не обязана была выдавать своего мужа», — прервала я его. Он умолк. Но все же ему удалось узнать, что незадолго перед тем Владимир Ильич был в Финляндии у Бонч-Бруевичей¹. Это имело свои последствия.

Не найдя ничего, офицеры и солдаты удалились, уведя с собой Надежду Константиновну, М. Т. Елизарова, у которого кто-то нашел сходство с Владимиром Ильичем, и нашу прислугу. Последняя не сумела сказать, как зовут «барина», у которого она служит, и контрразведка заподозрила, что она что-то скрывает. Но их продержали недолго и отпустили в ту же ночь, после того как переусердствовавшие контрразведчики получили от своего начальства нагоняй за то, что привели не того, кого искали.

Прошло несколько дней. Был пятый час вечера. И опять наша улица наполнилась солдатами, и скоро они опять рыскали по квартире. На этот раз визит их, так как дело было днем, привлёк большую толпу любопытных, которые окружили дом со всех сторон. Во главе отряда, пришедшего делать обыск, был молодой офицер. Он был и во время первого обыска, но тогда держался прилично. Теперь же, чувствуя себя старшим и будучи, вероятно, до последней степени обозлен, что поиски не приводят к желаемым результатам, он крайне резко напустился на нас, требуя указать, где Владимир Ильич. Контрразведке, мол, известно, что он приехал сюда. «Его здесь нет, поищите, и вы сами это увидите», — отвечали ему. Он принялся за поиски, побежал и в кухню. Прислуга наша была довольно несообразительная крестьянка. Она что-то буркнула сердито в ответ на вопрос о том, не приезжал ли кто-нибудь в квартиру, и скоро после этого выбежала по черному ходу на лестницу. Как выяснилось позднее, она вспомнила как раз в это время, что надо купить что-то и побежала в лавку. Ее очень быстро вернули, но верить, что она направляется в лавочку, офицер никак не хотел. Он был убежден, что ее направили в какую-нибудь другую квартиру этого же дома предупредить Владимира Ильича, который, очевидно, успел скрыться еще раньше. Накричав на прислугу, но получив от нее довольно решительный отпор — «что вы, мол, ко мне привязались, не знаю я ничего», — офицер заявил, что он будет вынужден обыскать весь дом. «А у вас есть разрешение на это?» — спросил его М. Т. Елизаров. Офицерик задумался на минуту и потом, признавая, очевидно, правильность указания, что без разрешения делать обыск во всем доме нельзя, побежал вниз звонить по телефону в контрразведку. В то же время он отдал распоряжение оцепить весь дом, не выпускать никого и обыскать прилегавший к дому пустырь. А на пустыре были свалены бревна, дрова и всякие обломки, и обшарить все это было дело нелегкое. Солдаты носились взад и впе-

¹ Далее в рукописи следует: «Надежда Константиновна рассказала об этом, не думая, что контрразведка пустится отыскивать Владимира Ильича там. Но это...» (далее по тексту). *Ред.*

ред, приподымая прикладами бревна, спускались в подвальные помещения дома, заглядывали во все щели, но поиски их не увенчались никаким результатом. А офицерик безумствовал. Он ведь был в Финляндии на даче Бонч-Бруевича и получил там от кого-то сведения, что Ленин должен быть в Петрограде у себя на квартире.

Из контрразведки получилось разрешение произвести обыск лишь в одной квартире, расположенной этажом ниже, в которой жил в то время товарищ Алексей (Пушас). Обыска там не производили, но осмотрели все комнаты, проверили документы у присутствовавших и убедились, что там Владимира Ильича нет.

Таким образом прошло несколько времени. В нашей квартире оставлены были двое солдат. Мы угощали их чаем с бутербродами и вели с ними разговоры. Бутерброды они ели охотно, жаловались, что вот, мол, землишки мало и война надоела, но к нашим словам относительно Владимира Ильича, кто он такой и за что борется, относились недоверчиво. Слишком крепко им вбили в голову, что это немецкий шпион, слишком поражал этих несознательных людей факт его проезда во время войны через Германию. А почему, мол, других не пускают, а его пропустили?

Во время обыска Надежда Константиновна, возвращавшаяся из Выборгского района, где она работала, подошла было уже совсем к дому, но, увидав, какой переполох там творится, повернула обратно.

И еще, в третий раз, навестила нас контрразведка. Мы жили тогда уже на другой квартире¹. К Марку Тимофеевичу приехал племянник², которого в доме не знали. Кто-то нашел в нем сходство с Владимиром Ильичем, сообщил об этих своих предположениях куда следует — и снова ночной визит и переворачивание всей квартиры вверх дном. И опять без результата.

Но скоро он (В. И. Ленин.— *Ред.*) был переправлен из Петербурга сначала в Сестрорецк, а затем и дальше в Финляндию, и на душе стало спокойнее.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 102—105*

ПЕРВОЕ ПОКУШЕНИЕ НА В. И. ЛЕНИНА

1(14) января 1918 г., под вечер, Владимир Ильич выступал в Михайловском манеже перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт.

На митинг его сопровождали: швейцарский товарищ Платтен

¹ Все три обыска были в квартире на Широкой улице, дом 48 (ныне ул. Ленина, д. 52), кв. 24. *Ред.*

² Имеется в виду Петр Павлович Елизаров, племянник М. Т. Елизарова, агроном из Симбирской губернии. *Ред.*

и пишушая эти строки. Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля как горох посыпались ружейные пули. «Стреляют», — сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер¹ ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился, и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все живы?» «Разве в самом деле стреляли?» — спросил его Ильич. «А то как же! — ответил шофер. — Я думал — никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень шибко нельзя было — туман, и то уже на риск ехали».

Все кругом было действительно бело от густого питерского тумана.

Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навывлет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука т. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову Владимира Ильича, и содрала на пальце кожу.

«Да, счастливо отделались», — говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ильича.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 106*

НА ОТДЫХЕ

В начале лета 1918 г., когда встал вопрос о том, где проводить дни отдыха, В. Д. Бонч-Бруевич предложил Владимиру Ильичу ездить к нему на дачу в Тарасовку. Там имелись две свободные комнаты во втором этаже дачки, находившейся рядом с домом, где жила семья Владимира Дмитриевича. Столоваться мы должны были у него.

В Институте Ленина сохранилась записка, написанная, очевидно, на каком-либо заседании, — Владимир Ильич обычно практиковал такой способ, не допуская никакого шума и переговоров на заседаниях, — следующего содержания:

- 1) Как дела на даче?
- 2) Можно поехать на следующее воскресенье?
- 3) Вдвоем или втроем?
- 4) Можно ли там заставить ждать авто?

Владимир Дмитриевич дал положительные ответы на эти вопросы, указав, что он уже отдал распоряжение об отправке постельного белья и пр.

¹ Т. М. Гороховик. Ред.

«Картошку купил,— прибавлял он.— Молоко и творог велико-лепны, есть и другой продукт».

Итак, дело с дачей было на мази. Но побывали мы на ней не более двух-трех раз, несмотря на гостеприимство В. Д. Бонч-Бруевича. Дело в том, что Владимир Ильич любил отдыхать в полном уединении.

«Здесь отдых чудесный,— писал он матери из Стирсуддена (Финляндия), где он жил летом 1907 г.,— купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего»¹.

А в Тарасовке было довольно многолюдно. Правда, мы обыкновенно уходили с утра одни на прогулку в лес, забираясь возможно дальше, чтобы избежать встреч со знакомыми и неизбежных разговоров, от которых Владимир Ильич уставал и в городе. Но избежать этих встреч все же было нельзя — на обедах, во время чаепитий и т. п. И настоящего отдыха для Владимира Ильича не получалось. Но самым большим злом на даче в Тарасовке были комары, которых Владимир Ильич совершенно не переносил. Сеток в окнах не было, и они беспрепятственно наполняли комнатки нашего «монрепо» своим жужжанием. И раз, безуспешно пытаясь заснуть ночью, Владимир Ильич сбежал с дачи на рассвете в город, и с тех пор поездки в Тарасовку были оставлены.

Другой дачи не было, и, чтобы подышать свежим воздухом в свободный день, мы с тех пор взяли себе за правило выезжать хотя бы на несколько часов за город, забирая с собой вместо обеда бутерброды. Ездили в разных направлениях, но скоро излюбленным местом Владимира Ильича стал лесок на берегу Москвы-реки, около Барвихи. Мы выбирали уединенное место на горке, откуда открывался широкий вид на реку и окрестные поля, и проводили там время до вечера. Товарищ Гиль, шофер Владимира Ильича, со своим авто располагался поблизости — охраны у Владимира Ильича тогда не было. Местечко это мы хорошо изучили и знали уже, какой мостик на проселке, ведущем к нашему «монрепо», выдержит машину.

Знали, правда, после некоторого плачевного опыта: один маленький мостик пострадал при переезде через него тяжелой машины. Но Владимир Ильич попросил тотчас же остановиться и привести его, насколько это было возможно, в надлежащий порядок.

Раз на дороге нам встретился понтонный мост. Мы остановились около него в нерешительности, но бывший поблизости крестьянин уверил нас, что ехать по нему на машине нельзя, указав, что его давно не ремонтировали.

— Ведь теперь, извините за выражение, Советская власть,— прибавил он.

Дело было в начале Советской власти, когда население не убедилось еще, что рабочий класс способен строить новое, а видело лишь, что он способен разрушать старое.

Иногда к нашей машине, когда мы проезжали по деревне, со всех

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 238.

ног бежала стая белоголовых крестьянских ребятишек с просьбой покатаь их. Владимир Ильич, который очень любил детей, просил Гиля остановиться, машина наполнялась до отказа шумной, ликующей толпой ребят. Проехав километр-полтора, ребята высаживались и с веселым криком бежали обратно по направлению к деревне.

Как ни примитивен был такого рода отдых — о другом в то время трудно было думать,— он оставлял у всех нас очень хорошее воспоминание, и мы возвращались домой освеженные и довольные.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 108—109*

РАНЕНИЕ

Пятница 30 августа 1918 г. Утром получилось сообщение об убийстве в Петрограде тов. Урицкого. Настроение было тревожное.

В то время по пятницам на фабриках и заводах устраивались митинги, и Ильич обыкновенно выступал на них. Собирался он ехать в районы и в этот день. Я попросила т. Бухарина заехать к нам обедать и помочь нам отговорить Ильича от выступлений в этот день. Ильич отшучивался и не давал определенного ответа: «Там, мол, посмотрю, как выйдет». Меня по случаю простуды засадили дома, и в редакцию я вечером не поехала. Около 5 часов Ильич пришел из своего кабинета уже в пальто и сказал мне, что все же поедет на митинг, и категорически отказался взять меня с собой. Проходит час, другой. С нетерпением караулю у окна возвращение знакомой машины. Вот наконец она несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающимися вверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. Сзади наш шофер Гиль. На мой вопрос Ильич успокаивающе отвечает, что ранен, только в руку, легко; бегу отворять двери, готовить постель, куда через несколько минут Ильича и укладывают. Товарищи, привезшие Ильича, помогают. Это тов. Гончарова, работающая сейчас в агитотделе МК, тов. Полуторный и рабочий Иванов¹.

¹ Далее в рукописи следует: «...и один из рабочих завода б. Михельсона. Я не знаю, к сожалению, его фамилии, а между тем он сделал немало, чтобы спасти жизнь Ильича. Сразу после ранения, не теряя присутствия духа, он перетянул Ильичу руку веревкой около плеча, благодаря чему удалось избежать большой потери крови. Этого товарища уж нет в живых, если не ошибаюсь, в 20-м году он умер от сыпного тифа. Но его фамилию надо узнать, надо расспросить его близких и товарищей о нем и записать их рассказы».

Вскоре после опубликования воспоминаний «Ранение» в «Правде» было напечатано следующее «Письмо в редакцию»:

Товарищ рабочий не теряется и тут.

— Скорее доктора, йоду, бинтов,— говорит он.

Кому звонить? Я соображаю, что в 8 часов должно быть заседание Совнаркома, на котором Ильич должен был председательствовать. Теперь уже около восьми. Товарищи, вероятно, собрались. Бегу в Совнаркоме и прошу скорее вызвать врачей: Ильич ранен. Тов. Винокуров, бывший там, бежит со мной: он ведь врач и может оказать первую помощь. Накладывает повязку. А в квартиру приходят все новые товарищи расспросить, узнать, что надо сделать. Звонит телефон — не сразу соображаем попросить кремлевских телефонисток не соединять. Несколько человек едут за врачами. Тут и шофер Гиль. Он наспех рассказывает, как было дело, а потом бежит звонить в аптеку, а также встретить и подготовить Надежду Константиновну, которая вот-вот должна вернуться. Но она и без подготовки догадывается, в чем дело, и спрашивает только: «Жив?»

Мало-помалу порядок несколько восстанавливается. Приезжают и другие врачи, и из них одной из первых — тов. Величина-Бруевич, которая вместе с другими дежурила около Ильича все первое трудное время. Вот Вейсброд, Обух, Минц, позднее Розанов, Мамонов. Они серьезные, бледные. На наши вопросы дают неопределенные ответы — случай серьезный, ничего пока нельзя сказать, но организм сильный. Тяжелая ночь. Ильич лежит и слабо стонет. Он бледен, ни кровинки в лице. Но когда в комнате появляюсь я или Надежда Константиновна, он старается бодриться; ему неприятно, что мы беспокоимся. И мы стараемся не показывать ему. А ближайшие товарищи из ЦК — Свердлов, Зиновьев и др. — расположились на ночь на креслах в кабинете Ильича, готовые по первому зову вскочить и прийти на помощь. Появляются санитары, готовят все нужное для вливания физиологического раствора. Вейсброд остается на ночь. Он укладывается на кушетке в проходной комнате. Но его поднимают чуть ли не ежеминутно. Кажется, что, если он не спит, а сидит или ходит тут, около нас, дело пойдет лучше. А на утро Ильич уже свежее, чуть-чуть улыбается, протягивает руку.

Улучшение продолжается медленно, постепенно. Первая опасность миновала. Но может быть еще заражение. Надо подождать четвертого, пятого дня. А потом, как трудно удержать Ильича в постели! Как он внушает в отсутствие врачей, что не надо уж очень-то их слушать, что надо подобрать газеты за время его болезни. Все — чтобы ни одного номера не пропало. Дать их ему или прочесть вслух.

«Спешу исправить ошибку, допущенную мной в моих «Отрывках из воспоминаний» («Правда» от 30 августа с. г.). Товарищ рабочий, о котором я писала там и который привез раненого Ильича на квартиру, к счастью, оказывается жив. На заводе имени Владимира Ильича (б. Михельсона) мне дали неверные сведения. Тов. Полуторный — так его фамилия — был действительно болен сыпным тифом в 1920 году, но выздоровел и перешел на работу в Мосторг, где в настоящее время и работает... М. Ульянова» (Правда. 1925. 12 сентября). *Ред.*

Первое время врачи, сестра и санитар дежурят круглые сутки. Но дело все больше идет на улучшение. Ильичу позволяют садиться. Скоро он решает, что уже достаточно силен, и начинает понемногу ходить. И лишь тотчас приехавшие врачи, припугнувшие его, что с сердцем может быть плохо, несколько сдерживают его путешествия. Сдерживает несколько и сло-манная рука. Наконец и ходить можно. Можно ехать и в Гор-ки на окончательную поправку. Ильич протестует, но Вейсбро-ду удается все же настоять, что он поедет проводить его туда. Машина трогается. Но вот на дворе ее останавливает издали тов. Свердлов. «Последнее напутственное слово»,— говорю я. Все смеются. Еще несколько минут — и мы за городом на лоне природы. А через час и в Горках, где поправка идет быстро.

В марте 1923 г. за несколько часов до потери Ильичем ре-чи мы сидели у его постели и перебирали минувшее: «В 1917 г.,— говорит Ильич,— я отдохнул в шалаше у Сестро-реца благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 г.— по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было...»

Случая не было, и напряженная работа сломила его.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 110—112*

НАПАДЕНИЕ БАНДИТОВ

Зимой 1918/19 г. разруха давала себя знать во всех об-ластях: застой в промышленности, недостаток продуктов и топлива, полутемные, почти не освещаемые улицы города, за-колоченные магазины, снежные сугробы на улицах, сильно за-труднявшие передвижение, и, как одно из следствий этой раз-рухи, воровство, грабежи, бандитизм, побороть которые было не так просто. Нередки бывали случаи, когда бандиты отни-мали у кого-нибудь автомобиль, чтобы потом на нем совер-шать налеты на различные учреждения и частные квартиры, причем иной раз они выдавали себя за агентов ЧК, приехав-ших произвести обыски.

Поэтому постовые милиционеры нередко останавливали автомобили и требовали у пассажиров предъявления пропус-ков. Было два или три случая, когда милиционеры останавли-вали и автомобиль Владимира Ильича. Раз это было, когда мы проезжали по Триумфальной-Садовой. С нами вместе ехали, кажется, т. Илья Цивцивадзе и еще кто-то из товарищей. Шофер не заметил знака милиционера и не остановил машину сразу по его требованию. Недолго думая (время было беспокойное), милиционер выстрелил, впрочем, кажется в воздух. Помню, что Владимир Ильич выговаривал милиционеру, что нельзя, мол, так

сразу палить, не выяснив, кто едет, а тот смущенно оправдывался, что время такое, что некогда выяснять и если его требование остановить машину и предъявить пропуск сразу не исполняется, то ему ничего другого не остается, как пускать в ход оружие.

В другой раз милиционеры открыли стрельбу, когда Владимир Ильич после подавления восстания левых эсеров ехал осматривать дом, где находился их штаб. Был и еще случай, когда автомобиль Владимира Ильича навлек на себя подозрение усердных охранителей московских улиц и был под охраной препровожден в отделение милиции. С вооруженными милиционерами на подножках автомобиля подкатили мы к милиции, нас высадили, провели в отделение, где Владимир Ильич с улыбкой показал свой пропуск и был отпущен. Задержавшие Владимира Ильича товарищи были немало смущены этим случаем, но Владимир Ильич просто и ласково успокоил их.

Но, несмотря на все меры борьбы с бандитизмом, случаи нападения на пешеходов и проезжих, грабежи и убийства происходили довольно часто. Жертвой одного из бандитских набегов стал в начале 1919 г. и Владимир Ильич.

Незадолго перед этим Надежда Константиновна, болезнь которой (базедова болезнь и болезнь сердца) значительно обострилась, была помещена по совету врачей в лесную школу в Сокольниках. Там ей была предоставлена во втором этаже отдельная комнатка, и персонал, обслуживавший школу, проявил к Надежде Константиновне много внимания и заботливости. Врачи надеялись, что хороший воздух, отстранение от работы и покой окажут на ее здоровье хорошее действие. Выбор пал на эту лесную школу и потому, что она была недалеко от Москвы, благодаря чему Владимир Ильич мог часто навещать Надежду Константиновну.

Итак, Надежда Константиновна была переселена в Сокольники, а мы с Владимиром Ильичем довольно часто навещали ее, отправляясь туда обычно по вечерам на автомобиле. Кроме шофера нас сопровождал в этих поездках товарищ Чебанов, состоявший в охране Владимира Ильича. Отправились мы в Сокольники и в воскресенье 19 января. В школе, при которой жила Надежда Константиновна, должен был состояться в этот вечер детский праздник и елка, и нас просили приехать к определенному сроку, чтобы принять участие в празднике, об устройстве которого, чтобы позабыть детишек, немало хлопотал В. Д. Бонч-Бруевич.

Поехали мы, помнится, около шести часов вечера. По случаю праздничного дня на улицах было довольно много народу. Много гуляющих было и на Сокольническом шоссе, по которому мы направлялись в Сокольники. На одном из поворотов вдали вдруг раздался свист, на который Владимир Ильич обратил внимание. Мы продолжали, однако, путь, не придав этому особого значения. Но когда мы были почти у железнодорожного моста, раздался вдруг крик: «Стой!» Кричали несколько человек, которые стояли у самой дороги.

Думая, что мы имеем дело с милиционерами, которые хотят проверить наши документы, и опасаясь, что, если не остановить сразу машину, можно подвергнуться опять обстрелу со стороны милиции, мы попросили шофера остановиться. Машина остановилась. Но каково же было наше изумление, когда остановившие наш автомобиль люди (помнится, их было трое) моментально высадили нас всех из автомобиля и, не удовлетворившись пропуском, который показал им Владимир Ильич, стали обыскивать его карманы, приставив к его вискам дула револьверов, забрали браунинг и кремлевский пропуск.

— Моя фамилия Ленин,— сказал им Владимир Ильич.

Но они не обратили на это внимания. Не понимая, что происходит и с кем мы имеем дело — формы у милиции тогда еще не было,— я бросилась к одному из остановивших нас, который продолжал держать дуло револьвера у виска Владимира Ильича. Это был высокий блондин в короткой теплой куртке, с серой меховой папашой на голове, с очень спокойным и невозмутимым лицом.

— Что вы делаете,— сказала я ему,— ведь это же товарищ Ленин! Вы-то кто? Покажите ваши мандаты.

— Уголовным никаких мандатов не надо,— спокойно ответил он мне с усмешкой.

Бандиты вскочили в автомобиль, направили на нас револьверы (особенно энергично действовал один из них, черный, с довольно-таки разбойничьей физиономией) и пустились во весь опор по направлению к Сокольникам.

Надо отдать им справедливость, что вся эта операция была проделана так артистически ловко и необыкновенно быстро, что даже не обратила на себя внимания прохожих. Думаю, что бандиты поняли, что перед ними Ленин, потому что на лице одного из них было заметно какое-то замешательство, когда он посмотрел пропуск Владимира Ильича. Они почувствовали, вероятно, что попали в серьезную историю и что вся Москва (как и произошло на самом деле) будет поставлена на ноги для их поимки. Но рассуждать было уже поздно, и они, повторяю, во весь опор пустились наутек. А мы остались на дороге, не сразу придя в себя от неожиданности и от быстроты, с которой вся эта история произошла, а потом громко расхохотались, увидав, что товарищ Чебанов стоит с бидоном молока (мы везли молоко Надежде Константиновне). Несмотря на трагичность положения, он не забыл вынуть этот бидон и теперь держал его в руке, как большую драгоценность. Посыпались рассказы, как все произошло, у кого отобрали револьвер (у меня он остался в кармане, так как на меня вообще бандиты не обратили внимания, шофер Гиль спрятал свой револьвер под подушку сиденья). Товарищ Гиль заявил, что он не решился стрелять, так как это привело бы лишь к выстрелам со стороны бандитов, и в этом он был, конечно, прав. Не мог стрелять и товарищ Чебанов, видя, что на Владимира Ильича наведены револьверы.

Но что же делать? Мы были на дороге около железнодорожно-

го моста. Кто-то из прохожих указал нам, где помещается Сокольнический Совет, и мы отправились туда, не переставая подтрунивать над Чебановым и его бидоном. В Совете, куда нас не сразу согласились пустить, было довольно пусто; там был, кажется, только один товарищ, отнесшийся к нам сначала с некоторым недоверием. Его попросили вызвать председателя Совета, а сами тем временем стали звонить по телефону. Вызвали машину для себя, сообщили о происшедшем в ВЧК и, кажется, лично Дзержинскому. Пришел и председатель Совета или его заместитель. Покачивая головой, Владимир Ильич сказал ему, что это, мол, уже ни на что не похоже, что у самого Совета грабят на улице людей, и спросил, часто ли это у них случается. Председатель ответил, что случается довольно часто, что они борются с бандитизмом, насколько могут, но это мало помогает. Владимир Ильич опять покачал головой и сказал, что терпеть такого безобразия нельзя и надо поэнергичнее взяться за борьбу с бандитизмом. Тем временем подошла машина, и скоро мы катили уже по направлению к лесной школе на елку. К елке мы, правда, опоздали, но на вечере ребят все же присутствовали, хотя настроение у нас (у меня особенно) было для этого не особенно подходящее.

Между тем в ВЧК и уголовном розыске происшествие это вызвало переполох, все было поставлено на ноги, и в тот же вечер автомобиль наш был найден в противоположной части города — на набережной около Крымского моста. Благодаря обилию снега на улицах он застрял там в сугробе, бандиты разбежались, а около автомобиля, как рассказывал товарищ Гиль, поехавший на розыски его, лежали убитые милиционер и красноармеец. Как выяснилось потом, в Москве были в этот вечер убиты бандитами 22 постовых милиционера.

Бандиты, совершившие налет на автомобиль Владимира Ильича, были арестованы (часть из них была расстреляна при вооруженном сопротивлении) лишь через довольно продолжительное время. Это оказались матерые бандиты, мастера своего дела, имевшие за собой «богатое» прошлое по части грабежей и убийств. Кто-то из них рассказывал потом на допросе, что они якобы не поняли сначала «спяна», что имеют дело с Лениным (им показалось, что была произнесена фамилия Левин) и что когда они рассмотрели хорошенько его документ, то повернули обратно, чтобы его убить. «Что мы сделали,— говорил якобы один из главарей этой шайки, Яков Кошельков,— ведь это ехал Ленин; если мы догоним и убьем его, то на нас не подумают, а подумают на контрреволюционеров, и может быть переворот».

Но едва ли они решились бы ехать обратно на поиски Ленина. Задачей их было в первую голову замести следы, а затем использовать автомобиль для налетов, что бандиты нередко тогда практиковали.

На следствии выяснилось, что эта шайка совершила огромное количество грабежей и убийств. Наглость их доходила до того, что с документами агентов МЧК они произвели однажды «обыск» на

Афинерном заводе. «Обыск» этот происходил в присутствии большого количества рабочих; бандиты вызвали даже представителей заводского комитета для присутствия на нем, а в результате забрали около 3 фунтов золота в слитках, около 3¹/₂ фунта платиновой проволоки и 25 000 рублей и скрылись. На этом же следствии выяснилось, что главарь этой шайки Яков Кошельков писал своей невесте (сохраняем орфографию письма): «За мной охотятся, как за зверем, не какого не пощадят. Что же они хотят от меня? Я дал жизнь Ленину». И как ни ловок он был, но чувствовал, что от ареста ему не уйти, и убивал последнее время на улице каждого встречного, если ему казалось только, что тот подозрительно на него смотрит.

Позднее в своей книжке «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Владимир Ильич использовал случай с нападением на него бандита.

«Представьте себе,— пишет он там,— что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подобра-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу»¹.

На этот раз Владимир Ильич дешево отделался от бандитов. «Компромисс» помог. А в Москве через несколько дней после нападения на его автомобиль было введено военное положение, борьба с бандитизмом значительно усилилась, и город пришел вскоре в более спокойное состояние.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 113—117*

ВСТРЕЧА НА ПРОГУЛКЕ

На отдыхе бывали весьма интересные встречи. Владимир Ильич одевался очень просто. При мне так бывало: идем, встречается какой-нибудь крестьянин или крестьянка. Владимир Ильич всегда пользовался случаем, чтобы расспросить их о разных мероприятиях Советской власти или просто поговорить. Бывало так, что какая-нибудь тетенька или старичок не знают его в лицо и начнут ругать Советскую власть и Ленина ему в глаза почему зря.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 19.

Помню, в 1918 г., чтобы немного отдохнуть в праздничные дни, мы брали с собой бутерброды и уезжали на машине за город. Чаще всего в Барвиху. Расположимся там и отдыхаем. Любили отыскивать новые пути. Едем раз, вдруг плашкоутный мост, неизвестно, можно по нему проехать на машине или нельзя. Остановились, решаем: выдержит или не выдержит? Стоит какой-то крестьянин.

Спрашиваем: «Как, проехать можно?»

«Да, нет, извините,— говорит,— за выражение, теперь Советская власть, давно не чинили».

И конечно, не чинили. А какой же тут ремонт, когда кругом фронты? Не до ремонта было.

Приедем в деревню — бегут ребята: «Прокати, прокати!». Владимир Ильич насажает полную машину ребятишек, и они с торжеством едут до другой деревни. Вообще детей он очень любил. Своих у него не было, но с племянниками, воспитанниками Анны Ильичны, в свое время кутерьму поднимал необычайную. За границей приходили к нему маленькие приятели. Он с ними беседовал, играл.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 118*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

В своих коротких воспоминаниях о Владимире Ильиче я останавлиюсь на некоторых чертах Владимира Ильича, наиболее характерных для него, как для человека и революционера.

Но прежде всего несколько слов о том, что способствовало у него выработке именно этих черт.

Помимо больших способностей, исключительной одаренности, которыми Владимир Ильич обладал от рождения, у него в детские и юношеские годы были очень благоприятные условия для развития.

Отец и мать наши были люди культурные и идейные, самый пример которых влиял развивающим и гуманизирующим образом. Отец, мещанин по происхождению, выбрался в люди (как тогда говорили) или получил среднее и высшее образование главным образом благодаря своему упорству и большой трудоспособности. Стипендии он не получал, хотя считался у педагогов «даровитым мальчиком», этому мешало его мещанское происхождение, ибо дети людей из податного сословия были лишены тогда стипендии; стипендии давались только детям чиновников и дворян. Работа по народному образованию была его любимым делом, делом всей его жизни, которому он отдавался с огромной энергией, беззаветной преданностью, не щадя своих сил. Одухотворенный лучшими идеями 60-х и начала 70-х годов, он пошел работать для простого народа, для тех, кому труднее всего было добиться образования, что он знал

по собственному опыту, пошел организовывать школы для детей вчерашних рабов. Это было трудное дело в то время. Отсутствие средств, всякие препоны, которые правительство ставило делу народного образования, темнота и невежество крестьян, которые боялись школ, относились к ним с недоверием, ибо не видели в них никакого толка, кроме лишних поборов и лишения семьи работников, настолько плохи были тогда школы. Метко писал об этом времени Щедрин, что «и просвещение, и продовольствие, и народная нравственность, и холера, и сибирская язва, и оспа — в одной горсти было». Надо было много сил и настойчивости, чтобы преодолевать эти препятствия, сохранить душу живую, веру в свое дело, несмотря ни на что. Надо было колесить по губернии и в метели, и в осеннюю и весеннюю слякоть и распутицу, обследуя школы, распинаясь на мирских сходах крестьян, следя за постройкой новых училищ, настаивая на ассигновании средств на школы у земств и т. п. И усилия его давали результаты, недоверие крестьян к школам уменьшалось, под его руководством воспитывались новые идейные учителя, которые вместо битья и бессмысленной зубрежки несли в деревню свои знания, горя тем же огнем, что их руководитель, готовностью отдать свои силы на благо народное. И время работы отца в Симбирской губернии так и осталось в памяти его современников, как «ульяновское» время, а учителя, выпестованные им, назывались «ульяновцами». Пример отца, вечно занятого, всегда горящего на работе, был очень велик, но, помимо того, он и детям уделял очень много внимания, отдавал им весь свой досуг. Он старался и им привить чувство долга, которое было у него так сильно, выработать у них характер и трудоспособность. Он следил за их занятиями, развивал их вкус к лучшим произведениям тогдашних писателей, принимал участие в их играх и прогулках и пользовался их большой любовью. Большой демократ по натуре, доступный всем, очень простой в обращении и в своих потребностях, он и тут влиял на детей благотворным образом. Большое влияние на воспитание детей в нашей семье имела и мать. Это был недюжинный человек, очень одаренный, обладавший, кроме того, большим педагогическим тактом, большой силой воли и горячим мужественным сердцем. Не прибегая почти к строгости и наказаниям, не стесняя без нужды свободы детей, она имела на них огромное влияние, пользовалась их неограниченным уважением и любовью.

Кроме родителей большое влияние оказывал на Владимира Ильича старший брат — Александр Ильич, тоже очень способный, сильный юноша, с большим характером, огромной трудоспособностью (14—16 часов в день), очень высоким нравственным обликом. Владимир Ильич очень любил старшего брата, во всем следовал его примеру, читал те книги, которые хвалил ему Александр, и пр. Гибель этого брата — он погиб на виселице за покушение на Александра III — глубоко поразила Владимира Ильича. И тогда-то стала складываться, вероятно, у Владимира Ильича одна из его наиболее характерных черт, которая отличает всю его жизнь, всю его деятельность во все ее этапы. Этой чертой была *целеустремленность*.

Поставив себе еще юношей цель жизни — революционную работу, он неуклонно шел к ней и ни разу в жизни не изменил этой цели, не отошел от нее ни на шаг. Помните, что он писал как-то, что *надо торопиться жить, чтобы все силы отдать революции*. Характерен в этом отношении и отзыв, который дал о Владимире Ильиче его заклятый враг, меньшевик Дан на Копенгагенском конгрессе в 1910 г. На этом конгрессе резко выявились все раздражение и вся злоба представителей различных течений в русской секции конгресса против Владимира Ильича. Он был страшно одинок, но не хотел сделать ни шагу по пути соглашения со своими противниками, выступавшими довольно сплоченным фронтом. И это особенно выводило их из себя. «Один против всех, ни на что не похоже...» «Он губит партию...» «Какое счастье было бы для партии, если бы он куда-нибудь исчез, испарился, умер...» Вот какие фразы раздавались на заседаниях русской секции во время дебатов с Владимиром Ильичем.

И когда одна старая партийка ¹ автору этих словечек Дану сказала: «Как же это так выходит, что один человек может погубить всю партию и что все они бессильны против одного и должны призывать смерть в сообщницы?» — он со злобой и раздражением ответил буквально следующее: «Да потому, что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним».

Дело было, конечно, не только в том, что был один человек, который все силы отдавал революционной работе, а в том, что его линия была правильной и за ним шли рабочие массы. Но как бы ни как, отзыв этот очень характерен для Владимира Ильича, для его целеустремленности.

Еще парочка штрихов. Когда Владимир Ильич был уже болен и врачи старались всячески ограничить его работу, а мы пытались убедить его в необходимости меньше работать, он как-то на мои уговоры сказал мне: «У меня ничего другого нет». *«Ничего другого нет»*, и это была сущая правда. Он был весь в революции, в революционной работе и без этой работы чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег. И еще позднее, когда Ильич не мог уже вставать, врачи, видя его тяжелое состояние духа, решили сделать ему некоторое послабление и предложили свидания с товарищами, но с условием, чтобы он не говорил с ними о политике. Но Владимир Ильич наотрез отказался. «Какие чудачки, — говорил он нам, когда врачи ушли, — они думают, что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики» ². И еще позднее, когда он захотел диктовать свои

¹ З. П. Невзорова-Кржижановская. *Ред.*

² В варианте рукописи М. И. Ульянова пишет: «В 22 году летом Владимиру Ильичу была запрещена всякая работа. «Если нельзя заниматься политикой, — сказал он, — буду заниматься сельским хозяйством». Много тут было планов в Горках, где он в это время жил, разговоров о выписке семян из Америки, всем он

записки, свои последние статьи и врачи было воспротивились этому, Владимир Ильич заявил, что, если ему откажут в этом, он вообще не будет лечиться.

Гибель старшего брата дала, несомненно, большой толчок Владимиру Ильичу в смысле его стремления заняться революционной работой. Но как ни любил и ни уважал он Александра Ильича, он рано понял, что не таким путем надо идти, что индивидуальным террором не достигнуть цели, что благодаря ему лучшие представители революционеров лишь отрываются от масс, от влияния на эти массы. Но глубокое уважение к народолюбцам за их героизм и самоотвержение он сохранил на всю жизнь, он впитывал в себя их опыт, их революционную закалку и уже позднее, живя за границей, говорил, что нам надо учиться у Халтурина, народолюбцев. Но путь их, повторяю, был не его путем. Он рано понял, что «идеи становятся силой, когда они овладевают массами»¹. Но он понимал также, что, для того чтобы идти к массам и звать их за собой, надо быть самому хорошо подкованным теоретически. И он упорно работал над своим самообразованием, работал систематически, по определенному плану. Он позднее писал как-то брату, который сидел в это время в тюрьме, что читать просто мало толку, надо выбрать один какой-нибудь вопрос и заниматься им систематически. Такой была его работа всегда. Он в совершенстве усвоил революционную сущность учения Маркса, он пропитал этим учением всю свою революционную практику. Задачу революционных марксистов он видел в том, чтобы не только объяснить мир, но его переделать.

Помню, с какой иронией рассказывал Владимир Ильич позднее о своем разговоре с одним из «легальных марксистов» в Петербурге о том, какую, мол, деятельность считать важнее — легальную или нелегальную. Для «легального марксиста»-профессора такой деятельностью была его легальная литературная деятельность, для Владимира Ильича и тени сомнения не было, что на первый план выдвигается нелегальная, подпольная работа.

Упорная теоретическая работа не делала Владимира Ильича сухим книжным человеком. Ту страсть, которую он вкладывал в работу, он вкладывал в отдых, прогулки и пр. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, любил людей. Болел душой за их страдания, за несправедливость по отношению к ним.

советовал читать книгу «Обновленная земля». Но это увлечение продолжалось недолго. Здоровье стало улучшаться, он получил возможность читать и писать и к октябрю уехал в Москву на работу. Увы, это улучшение было слишком кратковременным, и скоро он снова выбыл из строя. Но и когда он лежал парализованный, хотя и владел еще речью, он последним мощным усилием дал, может быть, лучшее из всего, что он писал во всю свою жизнь: свое политическое завещание, о котором говорил Бухарин в своем выступлении 21 января [1925 г.], он диктовал эти статьи стенографистке, потом заставлял прочитывать ее написанное и исправлял. Врачи не сразу разрешили ему эту работу, но скоро им пришлось уступить, так как Владимир Ильич категорически заявил, что, если ему не будет разрешена эта работа хотя бы в течение получаса в день, он отказывается от всякого лечения». *Ред.*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 332.

Прав был Горький, который писал, что он не встречал, не знает человека, «который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастиям, горю, страданию людей»¹.

И поэтому-то столько страсти вносил Владимир Ильич в свою работу, проявлял в ней такой горячий темперамент. Когда Владимир Ильич был еще юношей и его арестовали в первый раз за студенческие волнения, пристав сказал, обращаясь к нему: «И чего вы бунтуете, молодой человек, ведь перед вами стена». «Стена, да гнилая, ткни и рассыплется», — ответил ему Владимир Ильич.

Живя в казанской, самарской, а потом в сибирской деревне, Владимир Ильич присматривался к жизни крестьян, изучал ее и был хорошо с ней знаком. В то же время в казанский и самарский период своей жизни Владимир Ильич вошел в сношения с революционной молодежью, которой читал рефераты. Некоторые из них потом составили его первые произведения, и в том числе одно из наиболее замечательных его произведений — «Что такое «друзья народа»...». Несколько лет провел Владимир Ильич за этой теоретической работой, но скоро его потянуло из Самары в более живой промышленный центр, он почувствовал себя в Самаре, как в палате № 6 Чехова, как говорил он сестре². И он уехал в Петербург, чтобы принять непосредственное участие в революционном движении, войти в сношение с рабочими массами, вести среди них пропаганду и агитацию.

Это было осенью 1893 г. И с тех пор Владимир Ильич весь в революционной борьбе, куда бы ни забрасывала его судьба. Он заводил связи с рабочими, воюет с «легальными марксистами» и народниками на собраниях и в печати, едет за границу, чтобы связаться с группой «Освобождение труда», и привозит оттуда транспорт нелегальной литературы. И, попав в тюрьму, он не оставляет революционной работы. Помимо работы над книгой «Развитие капитализма в России», которая имела крупнейшее значение для победы марксистской идеологии в России, он пишет в тюрьме проект программы партии, пишет нелегальные листки для рабочих, которые передает на волю, и они издаются «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Сколько изобретательности вносит тут Владимир Ильич, чтобы надуть жандармов. И, попав в ссылку в глухое сибирское село, за четыре с лишним тысячи верст от культурных центров, он продолжает революционную работу. Не только его легальные произведения были направлены к продвижению идей марксизма, к борьбе с народниками и «легальными марксистами», он пишет в ссылке и нелегальные произведения: брошюру «Задачи русских социал-демократов», статьи для партийного органа «Рабочая газета», редактором которой он избирается заочно на I съезде партии. Так велик в то время был уже его авторитет в партии. Он пишет там и свое знаменитое «Антикре-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 251.

² Имеется в виду повесть А. П. Чехова «Палата № 6» (см. об этом воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой в настоящем томе, с. 36). *Ред.*

до»¹ против «экономистов», бернштейншанцев под русским соусом, проводит его на собрании близких товарищей, списывается по поводу него и с другими ссыльными.

Товарищи, близко наблюдавшие Владимира Ильича в ссылке, поражались, с каким упорством и энергией он работал и там. Целеустремленность была и здесь его основной чертой. А между тем сколько губила «проклятая тина ссыльной жизни». Мартов, который отбывал ссылку в Туруханском округе, написал тогда стихотворение об этом. Один куплет звучал так: «Там, в России, люди очень пылки, там к лицу геройский наш наряд, но со многих годы долгой ссылки живо позолоту соскоблят. И глядишь, плетется доблестный герой в виде мокрой курицы домой». Но под конец ссылки и Владимир Ильич стал выходить из равновесия: он боялся, как бы не надбавили срока, что иногда бывало, он полон был планов о дальнейшей работе, о постановке партийного органа, около которого, как леса около здания, создавалась бы партия, и он боялся новой отсрочки. Но срока ему не надбавили, и он получил возможность вернуться в Россию. Он списывается и сговаривается с товарищами, организует «псковское совещание»², едет в Питер, чтобы повидаться с товарищами, и лишь случайно отделяется там трехнедельным арестом³.

Отношение к людям, сближение с ними тоже определяется у Владимира Ильича его основной идеей — революционной борьбой, интересами дела. «Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение, в том числе и рабочее движение, невозможно»⁴, — писал Владимир Ильич. И в эти споры, как ни резок, как ни непримирим бывал Владимир Ильич к своим противникам, он не вносил ничего личного. В этом была его сила. Если посмотреть письма Владимира Ильича к товарищам, опубликованные и неопубликованные, то видно, как иной раз он за ту или иную ошибку или неверную линию ругает того или иного товарища почем зря, кажется, места сухого не остается. А там, глядишь, ошибка исправлена, линия выправлена, и идет опять дружная работа, и у товарищей нет ни обиды, ни неприязни, как будто бы ничего и не было. Интересы дела были на первом плане. Конечно, если дело шло не о скоропреходящей ошибке, а о глубоком принципиальном расхождении, Владимир Ильич относился иначе. Он рвал тогда с человеком, как бы близок он ни был ему раньше (Плеханов, Мартов). Редко к кому Владимир Ильич относился с большим уважением, редко кого он больше любил, чем Плеханова, мало к кому он питал такую нежную симпатию, как к Мартову, — но интересы дела были на первом плане. Но такого рода расхождения, всякого

¹ Имеется в виду написанный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов» (см.: Полн. собр. соч. Т. 4. С. 163—176). *Ред.*

² Имеется в виду совещание революционных марксистов с «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским) в конце марта — начале апреля 1900 г. по вопросу о содействии последним изданию газеты «Искра» и журнала «Заря». На этом совещании обсуждался написанный В. И. Лениным «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари»». *Ред.*

³ В. И. Ленин был в заключении с 21 по 31 мая (с 3 по 13 июня) 1900 г. *Ред.*

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 166.

рода расколы давались Владимиру Ильичу необычайно тяжело. После II съезда и его раскола он опасно заболел.

Он принимал меры для того, чтобы снова и снова перетащить на свою сторону Плеханова, Мартова, ибо это было в интересах революции.

Другой основной, наиболее характерной чертой Владимира Ильича было его *отношение к массам*...

У Владимира Ильича было какое-то особенное чутье масс, тяготение к ним, постоянная тесная связь. Изучать эти массы Владимир Ильич начал, как я говорила, еще будучи юношей. Он знакомился с крестьянской массой, когда жил в казанской, самарской деревнях, а позднее в Сибири. И в Питере, когда он вел работу среди рабочих, у него был совсем особенный подход к ним. Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт, жизнь рабочих, по отдельным черточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы лучше подойти к рабочему с революционной пропагандой. Увязка теории и практики — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках. И когда он говорил с рабочими или писал для них, он старался всегда говорить и писать так, чтобы рабочие его понимали. Когда члены группы «Освобождение труда» получили брошюру Ленина «Объяснение закона о штрафах...» и написали ему свой хвалебный отзыв о ней, Владимир Ильич отвечал им, что отзывы Плеханова и Аксельрода о его литературных попытках (для рабочих) его «чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы, — писал он, — ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»¹. Кларе Цеткин Владимир Ильич сказал как-то, что во время его речи он все время думает о рабочих и крестьянах как о своих слушателях. «Я хотел, чтобы они меня поняли. Где бы ни говорил коммунист, он должен думать о массах, он должен говорить для них»². За границей, в эмиграции, Владимир Ильич страшно тяготился отрывом от масс. В своих письмах к товарищам этого периода он постоянно просит товарищей, работающих в России, давать рабочим больше писать в заграничный орган³, писать не только для печати, а для того, чтобы оторванные от этих масс заграничные работники-литераторы не теряли связи с этими массами, чтобы они знали их запросы, их жизнь и борьбу от них самих. Он просит в этих письмах «...давать хоть иногда и прямые картинки бесед с рабочими (о чем говорят в кружке? какие жалобы? недоумения, запросы? темы бесед? и проч. и проч.)»⁴. А когда за границу приезжал кто-нибудь из местных работников, особенно из рабочих, Владимир Ильич буквально впивался в него, стараясь рядом наводящих вопросов разузнать о настроениях рабочих в России, и почерпал из таких расспросов очень многое. Безгранична была его вера в рабочие массы, в их творческие силы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 12.

² См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 31.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 107.

⁴ Там же. Т. 46. С. 254.

Огромные возможности в смысле непосредственного влияния на массы дала Владимиру Ильичу революция. Между Владимиром Ильичем и революционными массами установилось настолько близкое единство, что отделить их друг от друга было невозможно. Владимир Ильич был лабораторией революционной мысли для миллионов восставших рабочих и крестьян, он был гениальной головой, для которой были понятны как самые интимные мысли рабочих и крестьян, так и самые высокие вершины научных знаний. В разрешение каждой очередной проблемы Владимир Ильич уходил с головой, проверяя каждый шаг на опыте и личными разговорами с отдельными, часто рядовыми работниками. Особенное значение он придавал объяснению каждой меры широким народным массам и тому, как тот или другой закон или распоряжение правительства воспринимается рядовыми рабочими и крестьянами. По его предложению А. Д. Цюрупа, который был тогда наркомом продовольствия, вызвал к себе несколько рядовых крестьян поговорить с ними «по душам» и узнать без прикрас думы и чаяния крестьянских масс¹.

Сам Владимир Ильич постоянно беседовал со всеми приезжавшими к нему рабочими и крестьянами. Им к нему был доступ вне всякой очереди. «Чем велик Ленин?» — задает в своих воспоминаниях вопрос крестьянин Чернов, не раз бывавший у Ленина. «А вот чем. Он не меня, конечно, слушал как персону необыкновенную, а *через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах*»².

Я привела вам здесь, товарищи, только несколько примеров для иллюстрации того, как проявлялись у Владимира Ильича те наиболее характерные его черты, о которых я говорила в начале моего слова. Этих примеров можно было бы привести, конечно, гораздо больше, вы найдете их в том огромном литературном наследии Ленина, которое надо изучать и штудировать и которое еще на долгие годы будет путеводителем в нашей работе и борьбе. И дело тут, понятно, не в отдельных цитатах, а в том, чтобы понять и усвоить, проводить в жизнь суть, дух учения Ленина.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 119—127

¹ М. И. Ульянова имеет в виду следующий факт. В связи с подготовкой перехода от продразверстки к продналогу В. И. Ленин собирал и изучал мнения крестьян по вопросу о путях подъема сельского хозяйства. В начале марта 1921 г. по его приглашению в Москву приехали крестьяне села Бекетова Булгаковской волости Уфимского уезда А. Р. Шапошников, Т. Г. Кондров и И. Г. Кондров. Они беседовали с В. И. Лениным, М. И. Калининым, А. Д. Цюрупой, участвовали в заседании ВЦИК, на котором был утвержден закон о замене разверстки продналогом. По возвращении из Москвы они сделали сообщение о своей поездке и встрече с Лениным на губернской конференции беспартийных крестьян. Участники конференции послали на имя Цюрупы телеграмму, в которой заявили, что «с удовлетворением они отмечают издание новых законов о землепользовании». *Ред.*

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 308.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ¹

Характерными чертами Владимира Ильича были большая аккуратность, пунктуальность, четкость, прекрасное выполнение взятой им на себя работы. Он органически не мог относиться поверхностно, кое-как к любому, хотя бы к самому незначительному делу. Всякая его работа, начиная с юношеских лет, носила на себе отпечаток большой продуманности, четкого ее выполнения, всестороннего изучения вопроса. Это касалось не только содержания, но и формы, стиля и прочего.

Будучи крайне требовательным к себе, он требовал и от других хорошего, добросовестного, культурного выполнения задания. Ничто не выводило его так из себя, как разгильдяйство, халатность, бесцельная суетня и трескотня. Он бичевал эти черты обломовщины с присущим ему сарказмом, указывая, что главная трудность для социализма состоит в дисциплине труда.

За внедрение этой дисциплины предстояло долго и упорно бороться. Обеспечение ее обуславливалось наличием ряда предпосылок материального и культурного порядка, которых не было налицо в первые годы Советской власти, в то время, когда мы начали, как говорил Владимир Ильич, строить социализм с участием тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены.

И понятно, что тогда особенно часто приходилось встречаться с плохой, неряшливой, кое-как сделанной работой, с плохим качеством продукции.

В узком кругу Владимир Ильич называл обычно такую работу «советской работой».

Расползается ли по швам новый костюм, торчат ли гвозди там, где им совсем не надлежит быть, не заклеиваются ли конверты, несмотря на все прилагаемые к тому усилия, скрипит ли и трещит паркет так, что вскакивают ночью и с недоумением стараются понять, что произошло,— «советская работа», говорит со вздохом Ильич.

Однажды Владимир Ильич выразил желание иметь у себя в кабинете большую накатанную на палку, передвижную карту РСФСР, чтобы можно было видеть в большом масштабе любой ее уголок. Однако он очень сомневался, что такую карту смогут сделать как следует в Советской России. Но товарищи постарались, и карта вышла довольно удовлетворительной. Владимир Ильич был доволен, однако его скептицизм относительно качеств русского работника сказался и тут.

— Неужели у нас, в Советской России, сумели так хорошо сделать?— спросил он...

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 128—129*

¹ Воспоминания написаны в 1937 г. для газеты «Экономическая жизнь»; публикуются с сокращениями. *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

Вторую годовщину ¹ переживаем мы со дня смерти Владимира Ильича Ленина. Уже второй год приходится трудящимся СССР строить новое общество, где не будет бедных и богатых, где не будет угнетения одного класса другим, без своего признанного вождя и учителя.

Невольно вспоминается вся его жизнь.

Долгие годы пришлось Владимиру Ильичу провести в эмиграции за границей, в чужих странах, потому что царское правительство преследовало его в России и не давало вести ту революционную работу, которой он посвятил всю свою жизнь с раннего юношества.

Но и будучи оторванным от непосредственного общения с широкими рабочими и крестьянскими массами, он умел всегда правильно подмечать их настроения и запросы. Живя за тысячу верст от России, он поддерживал всегда самую деятельную переписку с работавшими в России товарищами, настаивал всегда, чтобы в нелегальную газету «Искра», издававшуюся тогда за границей, 25-летие которой мы справляем в этом году, писало как можно больше рабочих.

«Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе» ².

Интересовался он и жизнью и нуждами крестьянства, но связи с деревней тогда, в царские времена, были слабее и революционная работа поставлена хуже, чем в городах, на заводах.

Но, помимо переписки, он искал всегда случая порасспросить о настроениях трудовых масс в России всех приезжавших за границу товарищей. Приезд свежего человека, связанного с революционной работой в России, был для Владимира Ильича всегда праздником, и никто не умел так много узнать от приезжих о подлинной жизни в России, как тов. Ленин.

Когда в апреле 1917 г., после Февральской революции, Владимир Ильич приехал в Россию, он получил наконец возможность постоянного общения с трудящимися. В редакции «Правды» в Петрограде, где он тогда работал, он часами беседовал с представителями фабрик и заводов, с солдатами, приезжавшими с фронтов.

Он прислушивался к разговорам в трамваях, заводил разговоры с «простыми» людьми на прогулках, он не пропускал ни малейшего случая общения с ними, ибо он понимал, что для партии, которая ставит своей задачей освобождение всех трудящихся, необходимо хорошо знать повседневную жизнь этих трудящихся, их нужды и запросы.

И позднее, когда Владимир Ильич стоял во главе громадного государства и был занят с утра до поздней ночи важной работой на пользу всей страны, он также охотно и подолгу беседовал с делега-

¹ Воспоминания написаны в 1926 г. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 107.

циями от рабочих и крестьян, приезжавшими к нему, стараясь никому из них не отказать, распоряжаясь пропускать их к себе в первую очередь.

В редкие дни, когда ему удавалось уехать на отдых в Горки, он беседовал там с местными крестьянами и крестьянками, расспрашивая их об их жизни, помогая им всем, чем только мог.

Бывали случаи, что, гуляя где-нибудь в лесу около Горок или отправляясь на охоту за несколько десятков верст от Москвы, он заводил разговоры с встречавшимися ему крестьянами, расспрашивал их о том, как они относятся к тем или иным мероприятиям Советской власти, как работают у них Советы и пр. и т. д.

Эти разговоры давали ему возможность лично проверять, насколько правильны эти мероприятия, какие изменения нужно в них внести.

После покушения на Владимира Ильича товарищи охраняли его и противились, когда он один ходил по улицам Москвы, боясь за него, но эта охрана сильно тяготила его, и он нередко незаметно скрывался от нее, чтобы походить по улицам, поближе посмотреть на жизнь.

Чуткому, внимательному отношению к трудящимся и их нуждам учил Владимир Ильич и работавших с ним товарищей.

Владимира Ильича нет теперь с нами, но он оставил в наследство нам выпестованную им Коммунистическую партию, которая неуклонно выполняет его заветы.

Под руководством этой партии все большее и большее число рабочих и работников, крестьян и крестьянок берется за общественную работу, за налаживание нашей промышленности и сельского хозяйства, за улучшение работы Советов, учебы и тому подобное.

Все более широкие массы начинают понимать, что дело Коммунистической партии — их дело и что нужны дружные усилия всех трудящихся, чтобы добиться лучшей доли. Недаром Владимир Ильич говорил, что «социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹.

В этой общественной работе все большее и большее участие принимают и трудящиеся женщины — работницы и крестьянки. Им труднее это, чем мужчинам. Домашнее хозяйство, ребятишки — все это ведь на их руках. Но и они все сознательнее становятся, и они все больше начинают понимать, что прав был товарищ Ленин, когда говорил, что освобождение трудящихся женщин есть дело самих этих женщин.

Товарищи крестьянки! Помните этот завет тов. Ленина и принимайте шире участие в общественной работе. Никто не сможет большего сделать для улучшения вашей жизни, чем вы сами!

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 130—132*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

ИЗ ДОКЛАДА В «ТИМИРЯЗЕВКЕ» В ЯНВАРЕ 1925 года

Я останавлиюсь здесь на некоторых чертах, особенно характерных для Владимира Ильича.

Основной из них была целеустремленность, подчинение всего себя, всей своей деятельности одной определенной цели.

Он знал, что *идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами.*

Но прежде чем идти к массам, он решил подковать себя в теоретическом отношении.

«...«Читать» вообще — мало проку»¹, — писал он младшему брату, когда тот сидел в тюрьме. Владимир Ильич работал систематически, штудировал книги, делал выписки.

Он умел работать, не теряя попусту время. Характерно, например, что перед поездкой в Сибирь, в ссылку (ему разрешили ехать на свой счет и остановиться в Москве на несколько дней для свидания с матерью), он и эти немногие дни использовал для посещения Румянцевской библиотеки и просмотра нужных ему для работы книг.

Много работал он в библиотеках и за границей. Отчасти это вызывалось неимением средств, которые у Владимира Ильича были всегда очень ограничены, а главным образом тем, что в библиотеках он имел возможность работать спокойно, в более благоприятных условиях. Его не отрывали там визитеры и пр.

Но Владимир Ильич в то же время любил жизнь во всех ее проявлениях. Любимым его отдыхом были прогулки. Он старался отыскивать новые красивые места, по преимуществу более безлюдные, ездил на далекие прогулки на велосипеде, и это давало ему настоящий отдых от умственной работы, от трепки нервов, которой так много было в обстановке эмигрантской жизни, с ее дроблением на группы, течения и пр.

За исключением кратковременных поездок на отдых в деревню (за границей), во время которых он, конечно, тоже не порывал с политической работой, я не знаю ни одного месяца, больше того, ни одного дня, когда бы он не жил жизнью партии, не болел ее неудачами, не радовался ее успехам.

И когда Владимир Ильич заболел и врачи настаивали, чтобы он больше давал себе отдыха, и я напоминала ему об этом, видя, что он плохо исполняет их указания, Владимир Ильич говорил мне: «У меня ничего другого нет».

Позднее, когда Владимир Ильич был уже прикован к постели, врачи, видя, что моральное состояние его очень тяжелое, предложили ему повидаться с кем-либо из товарищей, с условием, однако, не говорить о политике. Владимир Ильич наотрез отказался. «Чудаки, — говорил он нам, когда врачи ушли. — Они представляют себе,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 92 (в письме, адресованном матери, М. А. Ульяновой, говорится о младшем брате, Д. И. Ульянове). Ред.

что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики».

Владимир Ильич жил революционной работой и всякие неудачи в ней переживал необычайно тяжело. Надо перечитать его письма к Шляпникову и Коллонтай в эпоху империалистской войны, чтобы понять весь его гнев, боль и возмущение шовинизмом, охватившим даже лучших представителей революционной интеллигенции. Он стремился хоть немного разорвать эту завесу, открыть рабочим глаза. А возможности для этого были так незначительны, связь с Россией так слаба. Своих немногих корреспондентов он забрасывает письмами, подталкивает, настаивает.

Так, т. Коллонтай он пишет 19/III. 1916 г.:

«Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!»¹

Стремление добиться исполнения, проверить выполнение проявляется Владимиром Ильичем и в дальнейшем, когда он становится во главе победившей республики Советов.

Другой отличительной чертой Владимира Ильича была его способность общаться с массами, узнавать постоянно их интересы и запросы, проверять мероприятия Советской власти и партии путем этого общения.

Еще лишь приступая к революционной деятельности, он ходил в Петербурге даже в трактиры, где имел возможность прислушиваться к разговорам рабочих, узнавать у них условия их жизни, их требования.

Такого же рода общение поддерживал он и в ссылке, где у него на почве юридических советов установилась связь с местным крестьянством.

За границей, живя долгие годы в эмиграции, Владимир Ильич буквально обсасывал со всех сторон всякого свежего, попадавшего за рубеж человека. Особенно любил он беседовать с рабочими, непосредственно сталкивавшимися с массами².

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 133—134*

ВОЖДЬ, ТОВАРИЩ, ЧЕЛОВЕК

Через несколько дней исполнится четыре года³ со дня смерти Владимира Ильича. То, чему он учил нас при своей жизни, его богатое литературное наследство становится год от года достоянием

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 201.

² Далее в рукописи: «Такой же интерес он проявил вначале к Гапону, который, прибыв за границу, выразил желание повидаться с Владимиром Ильичем. Брат проводил с ним долгие часы, расспрашивая о движении питерских рабочих, выясняя себе и физиономию этого «деятеля», так позорно затем кончившего свою карьеру». *Ред.*

³ Написано в 1928 г. *Ред.*

все большего количества пролетариев не только в СССР, но и далеко за его пределами. Это вполне понятно. Все большее количество трудящихся всех стран, самым ходом истории, на своей жизни, на своей борьбе убеждаются в правильности того пути, которым он учил идти и по которому он привел к победе над эксплуататорами, к возможности строительства социализма рабочими и трудящимися крестьянами нашей страны. И чтобы не свернуть с этого пути, чтобы на всех этапах борьбы применять правильную ленинскую тактику, которая одна только наиболее безболезненно и быстро может привести к победе, пролетарские коммунистические партии всех стран, все сознательные пролетарии учатся на его Сочинениях, проверяют себя и свои методы борьбы на его богатом революционном опыте. И все возрастает спрос на его Сочинения, и на все большее количество иностранных языков их переводят.

Никогда так много не читали Ленина при его жизни. Тогда он был с нами. Он сам руководил борьбой, определял линию партии и Коминтерна, давал сам указания на всех этапах революции. Во всех трудных случаях можно было обратиться непосредственно к нему и получить у него советы и указания. Не то теперь. Да и, помимо того, великие, гениальные люди только после своей смерти вырастают для своих современников, своих потомков во весь свой гигантский рост; после их смерти вполне и целиком оценивают оставшиеся в живых все их значение. Таким человеком был Владимир Ильич.

Но он велик не только своим учением, не только как вождь мировой пролетарской революции, он велик и как человек, в лучшем смысле этого слова; его должны знать все трудящиеся, чтобы на его примере учиться вырабатывать из себя настоящих коммунистов, у которых слово не расходится с делом, которые завоевывают авторитет и доверие всей своей жизнью.

Владимир Ильич принадлежал к тем немногим людям, которые, поставив себе раз и навсегда одну определенную цель в жизни, неуклонно идут к ней, не сворачивая с избранного пути, не смущаясь никакими трудностями и опасностями. Их дело становится для них высшей целью и интересом. Таким делом была для Владимира Ильича его революционная работа.

Еще юношей, только что покинув школьную скамью, он с необыкновенным упорством и настойчивостью берется за книгу, чтобы подготовить себя к этой революционной работе. Та же настойчивость проявлялась у него всегда — как в подпольные времена, так и после завоевания Советской власти.

Период империалистической войны был одним из наиболее тяжелых периодов для революционеров, находившихся в эмиграции, за границей. Связи с Россией были крайне затруднены, денег не было, работу было вести трудно; многие эмигранты шли на фронт защищать «свое отечество». Мало было людей, кто выступал открыто против войны, за интернационализм. И по письмам, которые сохранились с того времени, мы видим, с каким упорством и настойчивостью Владимир Ильич боролся против империалистической войны, с какой неослабной энергией вел он агитацию, старался восстановить

связи с Россией и пр. И, давая то или иное задание, он стремился к тому, чтобы оно было выполнено срочно, без промедления. Так, в одном письме к т. Коллонтай он пишет: «Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!»¹ Сколько в одних этих словах настойчивости, упорства, желания во что бы то ни стало добиться результатов.

Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен и не покидал постели, врачи, чтобы несколько развлечь его, предложили ему повидать кого-нибудь из близких товарищей, но с условием не говорить с ними о политике, боясь, что такой разговор взволнует больного. Владимир Ильич наотрез отказался от такого свидания и, когда врачи ушли, с усмешкой говорил: вот, мол, чудак; они думают, что политические деятели могут говорить между собою о чем-либо другом, кроме политики.

Но, отдавая жизнь революционной борьбе, Владимир Ильич не был ригористом, сухим человеком. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, любил людей, был чуток и внимателен к ним, бывал заразительно весел и остроумен в обществе. С детьми он становился точно сам ребенком, бегал и играл с ними, возбуждая их горячую привязанность к себе. Лучшим его отдыхом были прогулки. Природу он страстно любил и быстро знакомился обыкновенно со всеми красивыми уголками той местности, где ему приходилось жить. И, бродя где-нибудь с ружьем по лесам, он всегда пользовался случаем при встрече с крестьянином или крестьянкой поговорить с ними о их житье-бытье, расспросить их о том, как идет их хозяйство, о их нуждах и пр. Такие встречи он использовал для большего общения с массами.

Владимир Ильич был очень заботлив к товарищам, и, встречаясь с ними, он наряду с разговорами о делах никогда не забывал справиться о том, как товарищ живет, отдыхал ли он, не нуждается ли в чем-либо. И потом поручал их врачам, с просьбой осмотреть такого-то, заботился, чтобы нуждающимся товарищам помогли и комнатой, и одеждой и пр. Он находил время для этого, несмотря на перегруженность работой.

К себе Владимир Ильич был необычайно строг и от других требовал точного выполнения взятых на себя обязанностей, строго взыскивая за всякие упущения. Но в то же время он умел бывать и снисходительным к ошибкам товарищей, если их ошибки и промахи вызывались не злой их волей или нерадением, а особым несчастным стечением обстоятельств. И тогда потерпевший товарищ находил всегда поддержку Ильича и защиту от требовавших более суровых кар по отношению к виновному. Сколько раз, бывало, совершишь какую-нибудь ошибку (а кто застрахован от них?), кажется, что уже все на свете пропало, лучше уж не показываться на глаза Ильичу; его ведь особенно стыдно видеть в такие минуты. А он придет сам, и вместо строгости и недовольства видишь милую улыбку и желание успокоить и утешить. И при виде этого новые силы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 201.

находишь в себе и от ошибок исправляешься лучше, чем при применении строгостей и взысканий,— лучше потому, что такой метод не вызывает озлобления, не приводит к подавленности человека, который и сам сознает свою ошибку.

В краткой заметке не опишешь образа Ильича. Для этого потребуется много томов, участие в собирании материалов о нем всех знавших его, подробная его биография. И тогда трудящиеся всех стран не только будут изучать его Сочинения, будут знать его не только как вождя, но и просто как доброго, отзывчивого, прекрасного человека и товарища.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 135—137*

АККУРАТНОСТЬ, ПУНКТУАЛЬНОСТЬ, ЧЕТКОСТЬ

Одной из отличительных черт Владимира Ильича была большая аккуратность, пунктуальность, четкость во всякой взятой им на себя работе. Он органически не мог отнестись поверхностно, кое-как, нашармака к любому, хотя бы и незначительному, делу.

Эта черта была присуща Владимиру Ильичу с юных лет. Еще в гимназические годы он с необыкновенной тщательностью выполнял все школьные задания. Это относилось главным образом к письменным работам, так как при богатых способностях Ильича и прекрасной памяти устные задания усваивались им обычно на уроке, во время объяснения учителя, и дома ему оставалось лишь слегка проглядеть их по книге или восстановить в памяти по записям. Зато тщательность подготовки письменных работ тогда еще буквально била в глаза и очень импонировала нам, меньшим.

Дмитрий Ильич рассказывает, как ему, мальчику 12 — 13 лет, нравилось следить за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения¹, за которые он принимался сразу, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный. Тут же он составлял план сочинения, просматривал нужную литературу, делая выписки, которые могли ему пригодиться для сочинения. Черновик сочинения набрасывался Владимиром Ильичем на одной стороне согнутого вдоль листа. «Постепенно, день за днем, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д.» Времени было достаточно, и можно было не спеша, основательно разработать тему. Недаром сочинения Владимира Ильича отличались всегда продуманностью, логичностью, богатым использованием материала и получали высшую оценку со стороны учителя словесности, который нередко ставил Владимиру Ильичу за сочинения не просто пять, а пять с плюсом.

¹ См. настоящий том, с. 132—133. *Ред.*

Составленная им табличка спряжения неправильных французских глаголов наглядно показывает, как тщательно Владимир Ильич подходил к каждой работе, если даже она делалась им для себя, а не для того, чтобы подать преподавателю по его заданию.

Аккуратность и четкость в выполнении этой, казалось бы, незначительной таблички давала Ильичу возможность легче уложить ее в памяти, проще отыскать нужную форму при справках.

Мне нередко приходилось прибегать к помощи Владимира Ильича во время приготовления уроков в низших классах гимназии. И ярко осталось в памяти его неодобрение всякой наспех, кое-как сделанной работы. Приходилось переделявать, ибо это неодобрение Ильича было хуже всякого наказания.

Составление плана при писании статьи или книги сделалось привычкой Владимира Ильича. Опубликованные в Ленинских сборниках и Сочинениях Ленина материалы показывают, что и к своим устным докладам, которые он делал обычно без записей, он составлял всегда предварительно план. Мы знали обычно по его настроению и углубленности в себя, что Ильич обдумывает какую-либо работу или доклад. Он бывал в такие моменты неразговорчив, а иногда приговаривал что-то себе сквозь зубы — «шипел», как выражалась Надежда Константиновна, и мы старались не отвлекать его ничем посторонним.

Тщательное, всестороннее изучение предмета, выписки, пометки, просмотр целой груды литературы по тому или иному интересовавшему Владимира Ильича вопросу давали ему возможность выступать во всеоружии, быть подкованным в нем, что называется, на все четыре ноги. Недаром он считал, что ««читать» вообще — мало проку»¹.

Строгое требование тщательной, добросовестной работы, которое Владимир Ильич предъявлял прежде всего к себе самому, он предъявлял и к другим. В этом ему помогала проверка исполнения, в которой он наряду с подбором кадров видел гвоздь вопроса².

С какой горячей настойчивостью добивался Владимир Ильич выполнения данных им поручений, видно хотя бы из следующей фразы его письма т. Коллонтай: «Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!»³

Известно, что им же было введено обыкновение требовать расписки на конверте. Но Владимир Ильич не довольствовался этим, а еще запрашивал сам или поручал запросить секретаря по телефону, получено ли письмо, что предпринято по нему, требуя сплошь и рядом донесения ежедневно по ряду важных поручений, сводки об исполнении. Таким путем он приучал аппарат как Управления делами и секретариата Совнаркома, так и других учреждений к аккуратности и исполнительности.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 92.

² См. там же. Т. 45. С. 16.

³ Там же. Т. 49. С. 201.

Указанной выше привычке к размеренному труду, аккуратности и пунктуальности Владимир Ильич остался верен до последних дней своей жизни. Уже будучи тяжело больным, лишенным речи, он требовал, чтобы в строго определенное время велись с ним занятия по восстановлению речи, которые проводили врач¹ и Надежда Константиновна. Это относилось и к просмотру газеты, которую Владимиру Ильичу в то время приносили после обеда, когда он отдыхал в своем кресле, и к чтению вслух и пр. и т. д.

Своей прочно установившейся привычке он не изменял и тогда, когда всякий другой, больной такой тяжелой болезнью, лишенный возможности обмениваться с окружающими, высказать самые настоятельные свои нужды, человек предался бы унынию, апатии и перенес бы, как это бывает в большинстве случаев, все свои мысли на свое здоровье.

Но то, что свойственно обыкновенным людям, иначе выражается у таких гигантов ума и действия, каким был Ильич. Он глубоко затаил в себе боль за вынужденное бездействие, отстранение от любимой работы, которая давала ему цель жизни, и старался наперекор всему продолжать работать, хотя бы в той области, которая одна только осталась ему доступной.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 138—140*

ОДНА ИЗ САМЫХ СИЛЬНЫХ СТОРОН ЛЕНИНА

Простота и скромность, большой демократизм и доступность отличали Владимира Ильича и в личной жизни и в его отношении к людям. «Наша нравственность,— говорил он,— выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»²,— и применял это правило прежде всего к самому себе.

Приведу лишь несколько штрихов для иллюстрации.

Владимир Ильич относился к людям внимательно и приветливо, независимо от того, каково было положение человека, место, занимаемое им по служебной лестнице, в обществе. Рабочих, делегатов от крестьян, которые приходили к нему на прием,— с ними Владимир Ильич особенно любил поговорить — он встречал приветливо и извинялся перед ними, если ему приходилось заставить их немного подождать. Обычно же он строго соблюдал часы приема делегаций, поручая своему секретарю вести точный их учет, заранее давать им пропуски в Кремль, проверяя выполнение через некоторое время.

¹ Имеется в виду специалист по восстановлению речи профессор Б. В. Фельдберг.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309.

Без проверки выполнения своих поручений он вообще не мог работать.

Интересно было наблюдать выражение лиц некоторых бывавших на приеме крестьян до и после свидания с ним.

Вот в приемной Владимира Ильича ждут несколько крестьян. Они смущенно стоят, переминаясь с ноги на ногу, держат в руках шапки. На лицах у них радость от предстоящего свидания с главой Советского правительства, но в то же время заметна и некоторая тревога: как он их примет и что им скажет. Перед тем как войти к нему в кабинет, они стали в очередь, впереди самый старый; некоторые перекрестились... Товарищ, вошедший в кабинет к Ильичу через некоторое время, наблюдал такую картину: Владимир Ильич сидел в своем кресле, за столом, немного отодвинувшись, а полукругом около него сидели крестьяне. Владимир Ильич чему-то громко смеялся, вместе с ним смеялись все крестьяне. Вид у них был совершенно другой, чем тот, когда они ждали в приемной, точно дружеская, душевная беседа сняла с них те заботы и тревоги, с которыми они пришли к Владимиру Ильичу.

Весной 1920 г. т. Шотман встретился в Сибири со сгорбленным стариком, лет 75, с большой седой бородой. Оказалось, что это коммунист, едет из Омска, с партийных курсов, к себе в станицу.

— Мне скоро умирать,— говорил он,— но перед смертью хотелось бы видеть Владимира Ильича Ленина. Только бы увидеть его, родного, а потом можно и умереть.

— Я решил устроить ему свидание с Владимиром Ильичем,— рассказывает т. Шотман.— Ленин с удовольствием согласился.

Когда я ввел т. Путинцева в кабинет, т. Ленин встал из-за стола, подошел к растерявшемуся старику и, взяв его обеими руками за руку, сказал:

— Здравствуйте, Илья Данилович.

От неожиданности Илья Данилович совсем растерялся и от волнения едва произнес:

— Любезный деятель, поклон из Сибири.

Усадив старика против себя на стул у окна, Ленин стал подробно расспрашивать его о жизни сибирских казаков.

Илья Данилович отвечал на все вопросы очень обстоятельно, указывал без стеснения на недостатки советского механизма, за хорошие декреты хвалил без лести. Владимиру Ильичу т. Путинцев, видимо, очень понравился, говорил с ним, как со старым знакомым, вспоминал о своей жизни в Сибири и пр.

На прощание Владимир Ильич обнял старика и крепко, по-товарищески поцеловал его¹.

Характерен и такой случай. Заинтересовавшись как-то беседой с одним крестьянином, Владимир Ильич предложил ему написать статью в газету. Тот мотивировал отказ тем обстоятельством, что в дороге он потерял свои очки, а достать их очень трудно. Владимир Ильич взял перо и написал т. Семашко:

¹ В. И. Ленин принял И. Д. Путинцева 26 июня 1920 г. *Ред.*

«Николай Александрович!

У меня сидит тов. Иван Афанасьевич Чекунов, очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма.

Он потерял очки... Нельзя ли помочь ему достать хорошие очки?

Очень прошу помочь и попросить секретаря Вашего сообщить мне, удалось ли»¹.

Когда Владимир Ильич незадолго до своей роковой болезни поехал в Костино, он в один из последующих дней по приезде направился к скотному двору, чтобы осмотреть его. Служащие совхоза «Костино» еще не знали Владимира Ильича, и, так как вход на скотный двор для посторонних был запрещен, сторож не пропустил Ленина. Владимир Ильич спокойно повернул вспять, не сказав ни слова.

Дело доходило до того, что, приходя в кремлевскую парикмахерскую, Владимир Ильич садился, чтобы дожидаться своей очереди, но тут уже присутствовавшие восставали, они не могли допустить, чтобы он так непроизводительно тратил свое рабочее время.

В первые годы Советской власти, когда бывал нехваток продуктов, Владимиру Ильичу нередко направлялись лично для него мука, мясо и т. п. Но обычно Ильич направлял все эти продукты в детские дома или больницы или, если продукты поступали в небольшом количестве, предлагал разделить их между целым рядом товарищей, не забывая и лечивших его и Надежду Константиновну врачей, отказ которых от гонорара всегда очень смущал его.

Исключение, впрочем, делалось для посылок с продуктами, которые присылали ему близкие товарищи...

Очень характерны для скромности Владимира Ильича анкеты, заполнявшиеся им на съездах и конгрессах. На вопрос, говорит ли он свободно на каком-нибудь иностранном языке, Владимир Ильич

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 83—84.

В рукописи далее следует: «Несмотря на совершенно нечеловеческую перегруженность делами, Владимир Ильич находил время побеседовать, хотя бы несколько минут, с рабочими и крестьянами. А если не побеседовать, то прочесть десяток-другой крестьянских писем. Ленин высоко ценил эти письма. Он говорил т. В. Карпинскому:

«Ведь это же подлинные человеческие документы. Ведь этого я не услышу ни в одном докладе».

Новому типу бюрократов — советским бюрократам с партбилетом в кармане — некоторое число их имеется еще в нашем аппарате — не грех задуматься над примером отношения Ленина к личным обращениям и письмам трудящихся и проявлять к ним больше внимания...

В первые годы Советской власти широкие слои трудящихся не знали часто Владимира Ильича в лицо — не до фотографирования было в тот период разрухи, голода и холода. И бывало, что, когда Владимир Ильич входил в Кремль, здание правительства или даже в свою квартиру, часовые резко бросали: «Пропуск», подозрительно поглядывая на просто одетого человека. Владимир Ильич, который обычно делал им под козырек, спокойно вынимал пропуск из кармана и терпеливо ждал, пока часовой его рассматривал. Узнав, что он остановил Ленина, часовой смущался, но Владимир Ильич ласково успокаивал его и, откозырнув, проходил дальше». *Ред.*

в анкете III конгресса Коминтерна записал: «Ни на каком»¹. А между тем известно, какие громовые овации встречали его речи со стороны западноевропейских делегатов. Произносились эти речи Владимиром Ильичем на правильном немецком языке, разве только иногда он затруднялся в подыскании отдельного слова, да и то передавал свою мысль в таких случаях другими оборотами².

Образцом скромности Владимира Ильича является и его речь на праздновании его юбилея в день его 50-летия:

«Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избрали от выступления юбилейных речей». (Владимир Ильич приехал на собрание с запозданием.)

Закончил он пожеланием, «чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии»³...

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 141—144

¹ М. И. Ульянова, по-видимому, имеет в виду анкету, заполненную В. И. Лениным во время всероссийской переписи членов РКП(б) 13 февраля 1922 г., в которой на вопрос, на каких языках кроме русского он свободно говорит, В. И. Ленин ответил: «Свободно ни на одном» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 509). *Ред.*

² Далее в рукописи следует: «На XI съезде партии Владимир Ильич на вопрос: «Какую партийную работу исполняете в настоящее время?» — ответил: «Член ЦК РКП», а на вопрос: «Какое участие принимаете в настоящее время в кооперации и в профдвижении?» — ответил: «Никакого». Он подразумевал под этим, что не принимает непосредственного участия в первичной кооперативной ячейке и в первичной профорганизации. Это было верно, но верно также и то, что, будучи руководителем всей нашей страны, ее хозяйства и всех организаций, он неизбежно и очень пристально руководил и всей суммой вопросов профдвижения и кооперации». *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 325, 327.

Далее в рукописи: «Еще несколько примеров. Известно, что авторы особенно болезненно реагируют не только на браковку своих статей, но и на правку их редакцией. Не то было с Ильичем. Однажды, когда т. Карпинский просил его написать статью к четырехлетнему юбилею «Бедноты», Владимир Ильич ответил, указав на целый ряд серьезных помех: «поэтому написать что-либо путное не могу. Если подойдет прилагаемое, поместите, не подойдет, бросьте в корзину, это будет лучше».

Простота и скромность отличали Владимира Ильича, как я указывала, и в личной жизни. Нечего уже говорить о периоде эмиграции, когда он имел «existenz-minimum парижского рабочего», как он выражался, а на поверку и того меньше. Но и в советский период, когда материальные условия его резко изменились к лучшему, он оставался верен себе. Все должно было быть просто, скромно, никаких излишеств».

В варианте рукописи сказано: «Владимир Ильич был подлинным коммунистом, и большее знакомство с его жизнью, с его характером, чертами и обычаями принесет многим и многим из молодых членов партии большую непосредственную пользу, будет иметь для них воспитательное значение, показав им, как должен проявлять себя настоящий коммунист, предохранит от многих неправильностей, высокомерия и зазнайства».

Владимир Ильич прекрасно знал себе цену и понимал свое значение, и простота и скромность, отличавшие его, были не признаком недооценки им этого значения и не преуменьшением своей роли, а проявлением подлинно высокой, гениальной культуры». *Ред.*

ОТВОЕВАННЫЕ МИНУТЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬИЧЕ

В феврале (1923 г.), когда в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило некоторое улучшение и Ферстер¹ разрешил ему заниматься, диктовать более продолжительное время, занятия его длились иногда по два — два с половиною часа в день. Так сказать, официальные, зарегистрированные занятия. Но в это время не включалось, конечно, обдумывание статей. Они разрабатывались в голове Владимира Ильича в то время, когда он лежал, как могло показаться, в полном бездействии. Но работа мысли продолжалась и тогда.

Время для диктовки было ограничено, надо было торопиться и вследствие этого надо было заранее подготовиться, чтобы и без того короткая возможность зафиксировать свои мысли на бумаге не пропала понапрасну. И когда Владимир Ильич бывал в лучшем состоянии, он диктовал быстро, не останавливаясь. Производило впечатление, что он не диктует, а говорит быстро, сопровождая свою речь жестикующей.

Надо еще принять во внимание, что Владимир Ильич не привык диктовать свои статьи. Он никогда не пользовался услугами стенографа, когда был здоров, указывая, что ему трудно обходиться без рукописи, которая была бы перед ним. Кажется, только один раз в своей жизни он по совету одного товарища попробовал диктовать, но опыт был неудачен. Владимир Ильич стеснялся, торопился, и сделанная стенографом² запись совершенно не удовлетворила Ильича; он всю статью написал потом заново. Тем больше предварительной подготовки требовалось ему вследствие этого тогда, когда он был лишен возможности писать сам и поневоле должен был прибегать к помощи стенографа.

Расшифрованные статьи Владимир Ильич поручал читать ему, внося поправки и дополнения, работая над ними до тех пор, пока они не удовлетворяли его. И в те дни, когда работа клеилась лучше и Владимир Ильич видел результаты ее, он бывал в лучшем настроении, шутил и смеялся. Но и в это время Владимир Ильич был занят, конечно, не только записями, на которые, по формулировке врачей, «не должен был ожидать ответа». Он был занят и текущими делами, старался влиять и на них.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 145*

¹ Отфрид Ферстер, профессор-невропатолог. *Ред.*

² Речь идет о стенографисте Я. Хлебникове. *Ред.*

**СТЕНОГРАММА беседы с учащимися 364 школы
г. Москвы 23 ноября 1936 года**

Я хочу вам рассказать немного о вожде и основателе нашей партии В. И. Ленине. Владимир Ильич был от природы очень одаренным человеком, очень способным человеком, но если он стал тем, кем он был, если к его голосу прислушивались, как прислушиваются и сейчас пролетарии всего мира, угнетенные народы всех стран, то это произошло потому, что он умел упорно и настойчиво над собой работать. Для его воспитания, для того, чтобы он сложился таким, каким он был, были очень благоприятные условия. Наши родители были людьми культурными, идейными, уделяли детям очень много внимания. Отец был сначала учителем, затем инспектором и директором народных училищ в Симбирском, теперешнем Ульяновском районе. Тогда, в конце 60-х годов прошлого столетия, это было дело очень трудное. Он решил посвятить себя делу начального народного образования.

Царское правительство вообще не было на стороне того, чтобы просвещать народ, открывать ему глаза. Ему гораздо легче было расправляться с народом темным, несознательным, и борьба за школы, за большое количество их, за лучшую организацию их, встречала большие препятствия. Специальных средств правительство не ассигновывало на школы. Содержались они на средства крестьян, и, для того чтобы больше было взносов на содержание школ и их организацию, нужно было самих крестьян заинтересовывать в пользе обучения их детей.

В ту пору, это было в 1869 году, когда отец приехал в Симбирск, теперешний Ульяновск, там во многих школах дело обстояло очень плохо. Там применялись телесные наказания, зубрежка. Очень часто дети из этих школ мало выносили знаний. Крестьяне смотрели на эти школы как на обязанность, заинтересованы в них не были. Нужна была упорная работа для того, чтобы крестьян заинтересовать, чтобы лучше поставить школы, чтобы крестьяне видели толк в обучении детей. Отцу приходилось колесить по губернии во всякую погоду, и осенью, и зимой. В одном месте нужно было поговорить с крестьянами на сходе, в другом — найти попечителя, который оказывал бы материальную помощь, в третьем — посмотреть, как учитель преподает. Дело было очень трудное, но отец увлекся этим делом, это стало делом всей его жизни, он на нем горел, отдавая ему все свои силы.

Эта его работа давала большие результаты. Школы стали обслуживаться, удалось воспитать ряд учителей, их позднее называли «ульяновцами», а время, в которое отец работал, называлось «ульяновское время». Отец хотел, чтобы учителя смотрели на это дело не только как на заработок, но чтобы они идейно шли на это дело и чтобы они действительно были хорошими преподавателями. Отец организовал курсы, и выработались кадры новых учителей. Мы видели отца постоянно горевшим на работе, не щадившим себя,

мы привыкали видеть, что долг выше всего. Пример отца имел очень большое значение для детей, в том числе и для Владимира Ильича.

Мать наша была человек культурный, идейный, впоследствии она стала нашим товарищем в нашей нелегальной работе. Она помогала нам обходить жандармов, помогала писать письма, прятать литературу. Она уделяла детям очень много внимания, не стесняя их свободы, умела всегда поддержать дисциплину, и она, и отец уделяли много внимания развитию детей. Они приучали нас читать лучшие произведения классиков русских и иностранных. Старшая сестра и Владимир Ильич рассказывали, что эта привычка оказалась настолько сильной, что, когда их одноклассники предлагали им какой-нибудь бульварный роман, это не привлекало их.

Дети рано стали читать и классиков, и критические статьи, Писарева и Добролюбова, которые тогда еще не были разрешены. Владимир Ильич с ранних лет привык упорно и много работать. У него создалась большая трудоспособность и большая аккуратность в выполнении своих работ. Я редко помню, чтобы можно было видеть его незанятым. Обыкновенно бывало так: выходной день, а тогда воскресенье, либо в гости шли, либо в театр, либо гулять, а Владимир Ильич этот день тоже сидел, занимался, читал. Читать тоже можно по-разному. Иногда люди читают, но это недостаточно укладывается у них в голове. А у него была способность, если он за какой-нибудь вопрос возьмется, скажем историю, то он не ограничивается только теми книгами или заданным уроком, которые надо прочесть. Он подписывался в библиотеке, брал оттуда книги и очень много читал. Старший брат¹ мне рассказывал, когда задавали сочинение, он очень любил наблюдать за Владимиром Ильичем. Бывает у нас часто так: зададут сочинение, а мы ждем — не хочется браться, оставляем до последнего дня, когда уже нельзя откладывать. А он обыкновенно брался за эту работу сейчас же. Разделит бумагу, на одной стороне остается чистое поле. Затем набрасывает план работы, о чем бы сочинение ни было, он набрасывал план. Потом отправляется в библиотеку, подбирает литературу, читает, некоторые книги берет домой, выписывает то, что ему кажется подходящим. Собрав материал, он пишет на одной стороне сочинение, причем карандаш чинился страшно тонко и строчки ложились как нити на бумаге. Это он писал начерно. Затем перечитывает, вносит кое-что новое, заполняя правую сторону листа. Таким образом, оставалось только взять чистую тетрадь и переписать набело. Обыкновенно за свои сочинения он получал пятерки, пятерки с плюсом, даже с двумя плюсами.

Вот он привык так основательно все изучать, изучать не для того, чтобы только не провалиться, ответить учителю, а сам предмет его интересовал. Благодаря этому он предмет изучал хорошо.

У меня до сих пор сохранились его записи. Он изучал фран-

¹ Д. И. Ульянов. *Ред.*

цузский язык, неправильные глаголы, более трудные склонения и спряжения он выписывал аккуратнейшим образом.

Он со мной языками занимался зимой в городе, а летом в деревне. Я удивлялась его аккуратности. Он кончил курс с золотой медалью около 17 лет и принялся за самообразование. В это время он со мной занимался. Иногда я приходила к нему спрашивать то, что не понимала. Я до сих пор помню такой случай: когда я только поступила в школу, пришлось рисовать карту Европы. Я взяла и от руки нарисовала карту. Он меня заставил переделать и говорит мне: «Кто же так карту рисует. Возьми циркуль, смеярай все, чтобы все было точно». Мне пришлось покориться, но зато вторая карта, которую я ему показала, заслужила его одобрение.

Я занималась с ним языками. Как-то он заставил меня сшить тетрадь для записи слов. Я взяла бумагу, сложила пополам и черной ниткой ее сшила. Он посмотрел и говорит: «Как, белая тетрадь и черные нитки, это некрасиво, кто так делает?» Мы жили тогда в Самарской губернии, там есть сейчас колхоз «Уголок Ленина». Летом он устроил себе такой кабинет: врыл стол, поставил лавочку и с утра до самого обеда сидел и занимался, а ему было только еще 18—19 лет. Никто его не заставлял это делать, но человек сам хотел пополнить свое образование. Он изучал различные серьезные вопросы, всегда делал выписки, конспекты, чтобы лучше запомнить. Занимаясь со мной языками, он заставлял меня переводить саму: «Переводи, как умеешь, если неверно, я помогу, но работать нужно самой». Занятия у нас шли не так, что я долбила слова, а я читала, он останавливал мое внимание на каком-нибудь слове, а через несколько дней возвращался к нему.

Это упорство у него осталось на всю жизнь. Он брал пример с сестры Ольги, которая была очень трудоспособна. Большое влияние оказывал на него старший брат Александр Ильич, который, когда учился в университете, говорил: «Больше 16 часов в сутки я не могу работать». А бывает так: если человек очень способный, то упорство и настойчивость у него не вырабатываются. Он схватывает сверху, а вглубь не идет, и получается пустоцвет, потому что основательно предмет не изучен.

Все выписки, статьи и сочинения Владимира Ильича разрабатывались очень тщательно, упорно, на основе массы материалов.

Наш старший брат погиб в 1887 году за покушение на Александра III. Владимир Ильич брата очень любил, тот был для него высший авторитет, и на него это произвело сильное впечатление. Это был большой толчок к тому, что он сам пошел по революционной дороге. Владимира Ильича называли министром по уму, но ему совершенно не важна была его карьера, где он устроится, как будет служить, а важно было вести революционную работу. Он понимал, что старший брат пошел по неверному пути, чтобы изменить жизнь, нужно добиться освобождения рабочего класса, надо сами массы просветить и двинуть их на борьбу. Все свои молодые годы он упорно работал. Он понимал, что должен хорошо изучить осново-

положников марксизма и, чтобы вести за собой рабочих, нужно самому теоретически подковаться.

В университете он учился только три месяца. Его вообще неохотно приняли, как брата казненного революционера. Нашей матери посоветовали, чтобы он пошел в Казанский университет, а не в столичный. А там, в Казанском университете, получились беспорядки. У студентов условия были ужасные: кружкам собираться нельзя, везде бегали педея — надсмотрщики. И вот студенты устроили беспорядок, требовали больших прав себе. Владимир Ильич через три месяца после поступления был исключен и выслан из Казанской губернии¹. Тогда он принялся за чтение и учебу. Он хлопотал, чтобы его пустили за границу учиться — не пустили. Но через четыре года он подготовился и сдал экстерном, экзамен он сдал блестяще, и не потому, что хотел сделаться адвокатом, но какой-то заработок был нужен ему. Но все мысли его были полны борьбой за освобождение, революционной работой.

В 1893 году мы видим его в Петербурге, он там заводит кружки среди рабочих, подбирает подходящую публику, чтобы вести эту работу. Время это было очень трудное. Сейчас вам трудно себе представить, в каких условиях тогда приходилось собираться, чтобы говорить с рабочими. Нужно было отыскивать какую-нибудь квартиру почище, которая не была на заметке у полиции, собирались по несколько человек, приходилось караулить, нет ли шпиков. Техники, как мы тогда называли, не было никакой, и первый листок, который Владимир Ильич хотел распространить на одном заводе, он написал от руки в четырех экземплярах. Вы подумайте, в скольких экземплярах выходит теперь наша «Правда», и сравните. Два листка попали к рабочим, а два были подхвачены сторожами.

В таких тяжелых условиях начиналась революционная работа. Долго в те времена революционную работу нельзя было вести. Это обращало на себя внимание и кончалось арестом.

В 1895 году Владимир Ильич был арестован. Мы считали, что тюрьма — это санаторий. Не потому, что условия хорошие были, а просто потому, что можно было отдохнуть от беганья, замести следы... А Владимир Ильич пишет в тюрьме книгу «Развитие капитализма в России», а потом связывается с волей и из-за тюремной решетки продолжает вести революционную работу, пишет листки на волю. Тогда был такой порядок: один раз в неделю свидание личное, а второй раз — за решеткой. Все время нужно было быть начеку. Владимир Ильич давал много поручений, что кому передать, и ему нужно было многое передать с воли, а свидание при жандарме, и нужно было делать таким образом, чтобы не попасться. Владимир Ильич шел на всяческие ухищрения: одно слово говорил по-немецки, одно по-французски, одно по-английски. Как-то старшая сестра разговаривала с ним на таком интернациональном языке, подошел жандарм и говорит: «Только по-русски можно говорить». Владимир

¹ 7 (19) декабря 1887 г. В. И. Ленин был выслан в деревню Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии. *Ред.*

Ильич говорит: «Скажи этому золотому человеку то-то и то-то». А фамилия этого человека была Гольдман, что по-немецки значит: золотой человек. Он на всякие такие вещи был очень хитер. Со всеми сидящими товарищами он был в постоянных сношениях, поддерживал их и продолжал работать.

Он написал в тюрьме проект программы, листки. Для того чтобы писать конспиративными чернилами, он устроил маленькие чернильницы из черного хлеба. В тюрьме есть такой глазок, куда смотрит надзиратель за тем, что делает заключенный. Как-то раз на свидании Владимир Ильич смеется: «Какой день незадачливый выпал. Шесть чернильниц пришлось съесть». Каждый раз, как только он начинал писать, кто-нибудь заглядывал, и он отправлял чернильницу в рот.

В ссылке продолжалась такая же работа. У человека была единственная цель — добиться освобождения трудящихся, и к ней он шел очень упорно, очень настойчиво, продолжая работать и в тюрьме, и в ссылке, а позднее в эмиграции.

Несколько слов еще о том, какой человек был Владимир Ильич. Это был очень веселый и жизнерадостный человек. Крокетом и городками он увлекался, как ребенок, и с большим азартом и весельем предавался этим играм.

Он страшно любил ребят. Стоило попасть ему в общество ребят, как начиналась беготня, хохот, кутерьма, точно он век знаком с ними. Даже в 1923 году, когда он был болен, живя в Горках, мы устроили елку, созвали ребят, и, когда они немного расшалились, мы старались их остановить, сдержать, а Владимир Ильич знаком нас останавливал, говорить он тогда уже не мог, — пусть играют, пусть веселятся. Это доставляло ему большое удовольствие.

Владимир Ильич как-то говорил, что наша нравственность вытекает из интересов классовой борьбы пролетариата. Он был настоящий коммунист.

Какие наиболее характерные черты его — большая простота, доступность, демократизм, никакого зазнайства. Когда он был Председателем Совнаркома, он оставался таким же простым человеком. Всякие лишние траты он запрещал. В Музее Ленина висит на стене выговор управляющему делами¹ за то, что тот повысил ему жалование, не спросив у него. В квартире всегда очень просто, ничего лишнего, никакой роскоши. Это черты настоящего коммуниста — у него они были особенно ярко выражены. Очень много он оказывал внимания людям. Будете читать Ленинский сборник, увидите массу записок — устройте такого-то, помогите такому-то. У меня была всегда масса поручений от него: достань тому-то шубу, пригласи к тому-то врача, у врача он требовал всегда отчета, что нужно сделать, чтобы товарищ поправился. Очень чуткое и внимательное

¹ Речь идет о распоряжениях Совнаркома от 23 мая 1918 г., в которых В. И. Ленин объявил строгий выговор управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу и секретарю СНК Н. П. Горбунову за произведенное ими самочинно повышение ему жалованья с 500 до 800 рублей (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 78—79. Ред.*

отношение к товарищам, очень простое отношение¹. Иногда несдержанные товарищи критиковали его за новые идеи, которые были им непонятны. Он очень спокойно и обстоятельно разъяснял им их ошибки.

Я думаю, что наша красная смена должна учиться не только по большому литературному наследию, которое у нас осталось от Ленина, следуя которому наша партия во главе со Сталиным добилась больших успехов, но вы должны больше знакомиться с Лениным как человеком и коммунистом. В этом смысле вы можете очень многое для себя взять. Это будет для вас очень полезно, чтобы вырасти стойкими коммунистами, достойной красной сменой нам, старым бойцам. Бои предстоят немалые. Вы это можете видеть по Испании, как два класса неприкрыто противостоят один другому, какая идет упорная борьба. Для того чтобы подготовиться к этой борьбе, к новым боям и победам, нужно хорошо использовать ваши юные годы, когда у вас больше свободного времени, свежая голова и когда вы можете большего достигнуть в смысле подготовки себя к этой работе.

Я выражу пожелание, чтобы вы не только сочинения Ленина хорошо изучили, но больше познакомились с ним как с человеком.

Вопрос: Как Ленин относился к учителям?

Тов. Ульянов. Тут надо немного уйти в область прошлого, чтобы на этот вопрос ответить. Вы не забудьте, что учился он в гимназии в конце прошлого столетия. Гимназии были очень плохие. Учителя были старые реакционеры, которым важно было только одно: продвигаться по службе. Я помню по рассказам Владимира Ильича, что состав учителей был очень плохой. Некоторые выезжали на том, что заставляли зубрить, другие относились к преподаванию спустя рукава. Благодаря этому особого уважения к себе учителя не могли внушить.

Но характерно было для учебы Владимира Ильича то, что он всегда на уроках слушал очень внимательно то, что объясняли, и усваивал урок прекрасно. Иногда старшие сестры, другие члены семьи жаловались, что он крутится и мешает им заниматься. Отец позывает его к себе в кабинет, спросит урок — знает, начинает латинскую грамматику спрашивать — знает...

Хорошая память и внимание давали ему возможность хорошо запоминать объяснения на уроках, поэтому сидеть дома и зубрить

¹ Здесь уместно привести и следующий, дополняющий эту мысль отрывок из воспоминаний М. И. Ульяновой: «...Он любил жизнь во всех ее проявлениях, и ту страсть, которую он всегда вкладывал в свою работу (о чем ниже), он вкладывал и в отдых, в прогулки и пр. и пр. Он любил людей. Тов. Голубева, близко знавшая Владимира Ильича по Самаре, рассказывает, что он, как стратег, присматривался к каждому новому человеку, имея в виду использовать его. Это же давало ему возможность еще в молодые годы хорошо изучить жизнь. Изучение крестьянства. Необычайно развитое чувство товарищества у Владимира Ильича (поездка в ссылку, помощь товарищам всегда и во всем. Стоило ему, например, заметить, что у того или иного товарища болезненный вид, как он, не долго думая, распорядился послать к нему врача, посылал съестное, устраивал квартиры, случай в Кракове, когда он принес товарищу, едущему в Россию, подушку и одеяло)». *Ред.*

ему не приходилось, и у него была возможность много читать. Отметки были у него хорошие, и он многим товарищам помогал, раньше уходил в гимназию, чтобы объяснить товарищам то, что им непонятно.

Конечно, близкой связи с учителями в то время не могло быть. Он рано встал в оппозицию к старому укладу, к старому строю, а в школе учителя все были допотопные, которые больше своего предмета ничего дать не могли. Сколько-нибудь свободомыслящего человека в учителе не потерпели бы тогда.

В о п р о с: Во время работы в партии получались большие разногласия. Порывал ли Ленин личные связи с тем, с кем расходился во взглядах?

Т о в. У л ь я н о в а. К людям он относился хорошо, но мерило было такое: стоит человек на революционной точке зрения или свернул куда-нибудь. Для него это имело огромное значение. Если разногласия маленькие, их можно было уладить — он выступал с резкой критикой.

Плеханов, например. Ленин относился к нему с большим уважением. Мартов был видный меньшевик. Ленин был с ними очень дружен, а когда он увидел, что они изменили, пошли по другому пути, что для них дело революции не на первом месте, что они идут на соглашательство, для него идея была выше личных отношений, и с ними не могло быть никаких дружеских отношений.

Правда, он потом делал попытку перетящить их. Он ценил Плеханова, это был большой ум. Но быть дружным с человеком, с которым он идейно расходится, он никогда не мог и расходился с людьми, если они стояли на неверном пути и шли на поводу у буржуазии. Но сплошь и рядом для таких заблуждающихся, которых можно перетянуть, он пускал в ход все, чтобы на них воздействовать. Личного он не вносил в борьбу ничего, но принципиальность была большая, и поэтому, если не было никакой возможности столкнуться, он с этими людьми порывал.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 146—153*

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

Ушел из жизни большой человек, гигант художественного слова. И, как всегда бывает с людьми такого масштаба, после смерти их роль, их личность, их работа для человечества кажутся еще больше, еще значительнее. Это чувствуется очень остро с кончиной Алексея Максимовича.

Вспоминается роль, которую играл он, его произведения для каждого из нас. Вспоминаются глухие годы подполья. Значение Горького для молодежи того времени, лишенной свободного слова.

Как мы зачитывались его произведением «Мать», заучивали наизусть бессмертную «Песню о Буревестнике».

В конце 90-х годов я лишь мельком встречалась с Алексеем Максимовичем в Нижнем Новгороде, куда была выслана под надзор полиции. Ближе, как человека, я узнала его в Петрограде перед революцией. Наши свидания происходили у него на квартире на Петербургской стороне, куда я приходила к нему с письмами и поручениями от Ленина. Ильичу нужен был заработок, дороговизна в связи с империалистической войной нарастала с каждым днем, и как ни умел он ограничиваться лишь самым необходимым минимумом в своих потребностях, но одно время невозможность найти литературную работу и «пристроить» свои книги сказались особенно остро. Алексей Максимович выручал.

Если в то время многое из политической, особенно эмигрантской, жизни отталкивало Горького и ему было непонятно порой, как люди, «хорошие» люди могут расходиться, раскалываться из-за политических убеждений, то Ленина, ту роль, которую ему суждено сыграть для нашей страны и всего человечества, Горький понял сразу. И сразу полюбил его. Ильич отвечал ему тем же. Мало было людей, к которым Ленин относился бы с такой любовью, как к Горькому. Как-то оживлялось всегда его лицо при свиданиях с Алексеем Максимовичем. Он мог беседовать с ним часами, и видно было, что эти беседы доставляют ему истинное удовольствие. Горький был одного масштаба с Ильичем, он был таким же гигантом, хотя и в другой области. Кроме того, он был милым, простым, обаятельным человеком. И это сближало их обоих.

И встают в памяти: концерты у Горького на квартире, где играли любимые музыкальные вещи Ильича, Горький у нас на даче в Горках и его частые визиты в Кремль, на городскую квартиру Ленина.

У Горького всегда были про запас какие-либо дела к Ильичу, большое количество просьб за разных людей. И так чутко шел Ленин всегда навстречу этим ходатайствам Горького, если выполнить их представлялась хотя бы какая-либо возможность.

Необычайно велика роль Горького как воспитателя молодых начинающих литераторов. Надо было поражаться, как успевал он прочитывать то огромное количество писем, которое направлялось ему на Капри с просьбой помочь, посоветовать, прочесть ту или иную вещь и т. п. Некоторые из них проходили через меня, когда я работала в «Правде», и, вероятно, ни один из этих запросов не оставался без ответа.

А когда он получил возможность приехать, сначала на короткий срок, в Союз ССР, он лично посещал собрания и слеты рабселькоров, выступал на них, часами разговаривая с рабочими, работницами и крестьянками. Сколько из них он воодушевил своей поддержкой, советом, дружеским словом!

Теперь его нет. Но и после своей смерти он будет продолжать дело, которому отдал свою жизнь. По его бессмертным сочинениям

трудящиеся всего мира будут учиться ценить человека, бороться за лучшую, светлую жизнь во всем мире, за коммунизм.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 154—155

ЛЕНИН И МУЗЫКА ¹

Владимир Ильич очень любил «Замучен тяжелой неволей». Одним из любимых оперных мотивов Владимира Ильича, который он часто насвистывал, была ария из «Пиковой дамы»: «Я Вас люблю, люблю безмерно, без Вас не мыслю дня прожить...» ².

В последние годы своей жизни Владимир Ильич довольно редко слушал музыку — он был слишком занят и у него не оставалось времени для развлечений. Но несколько раз мне приходилось быть свидетельницей того, что он слушал музыку с удовольствием и она производила на него сильное впечатление. Однажды, это было после какого-то его выступления, откуда его, кажется, Алексей Максимыч затащил на симфонический концерт, Владимир Ильич был доволен концертом, часть которого ему пришлось услышать, и говорил, что надо бы иногда ходить слушать музыку. В другой раз он с удовольствием слушал игру Добровейна на квартире Алексея Максимовича ³. Между прочим, он попросил Добровейна сыграть сонату «Аппассионата» Бетховена, которую очень любил. Он был знаком с ней по исполнению ее И. Ф. Арманд, которая хорошо играла и исполняла ее в бытность свою за границей. Добровейн обещал повторить эту сонату и сыграть ее Владимиру Ильичу как-нибудь в другой раз, но, насколько помню, это новое свидание не состоялось...

Но «Appassionat'у» Владимиру Ильичу сыграла как-то т. М. И. Выговская-Стецкевич ⁴. Она играла ряд вещей, но Владимир Ильич попросил сыграть ее Бетховена и слушал ее с большим вниманием.

Когда в 1922 году переделывали нашу квартиру, Владимир Ильич попросил, чтобы одну комнату отделили глухой стеной, завесили портьерой и пр. Это желание вызывалось тем, что он хотел предоставить мне большую свободу приглашать к себе знакомых. Он знал, что среди них было несколько музыкантов, и имел основания предполагать, что я не приглашаю их, когда он дома, боясь, что его побеспокоит музыка.

¹ Заголовок дан составителем. *Ред.*

² Ария Германа из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». *Ред.*

³ Это было 20 октября 1920 г. на квартире Е. П. Пешковой (Машков пер. (ныне ул. Чаплыгина), д. 1а, кв. 16). *Ред.*

⁴ М. И. Выговская-Стецкевич в качестве курьера между Россией и заграницей оказывала большую помощь В. И. Ленину перед его возвращением в Россию в 1917 г. (см.: Ленинский сборник II. С. 448—450). *Ред.*

Но мне он объяснил это желание и тем, что при таком устройстве он сможет, когда захочет, ненадолго приходить послушать музыку с тем, чтобы потом [быть] изолированным от нее.

Такой домашний концерт состоялся осенью 1922 г., однако только раз...

Владимир Ильич пришел к нам, послушал немного игру на фортепиано и пение¹ и ушел к себе. Музыка, очевидно, слишком сильно действовала на его нервы и утомляла его.

И затем музыку он слушал уже в Горках, за несколько месяцев до своей смерти. Один из товарищей, ухаживавший за Владимиром Ильичем, врач Н. С. Попов, садился за рояль, когда Владимир Ильич бывал в своей комнате наверху или на террасе. Но он с видимым удовольствием прислушивался к звукам музыки, доносившимся до него, и теми немногими словами, которые мог произносить, поощрял Николая Семеновича продолжать игру.

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 156—157*

¹ Пела знакомая М. И. Ульяновой С. А. Крылова под аккомпанемент О. П. Тоом.
Ред.

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

«О ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА
В КАЗАНИ (1887—89 гг.)»

...Тов. Михаил Корбут, поместивший заметку «В. И. Ульянов в Казанском университете»¹, принимающий всерьез всю характеристику Керенского²... распинается об особой любви (до самой смерти) матери к Владимиру Ильичу. Но какая же мать не любит сына до смерти? И о любви к матери Ленина, который «отрывался от неотложной работы, чтобы съездить в Швецию повидаться с матерью»³. Как неестественно, как приторно звучат эти строки!

Последние взяты, впрочем, из биографии Ильича, написанной Зиновьевым. Тов. Зиновьев, живший в такой тесной связи с Ильичем долгие годы эмигрантской жизни, должен был бы знать о духовной близости между последним и его матерью с детства в продолжение всей жизни. А при такой близости взаимное желание повидаться так естественно, что дико как-то восхвалять за него с такой слащавостью, что это отдает фальшью. Вообще приходится сказать, что наиболее близкие как будто бы товарищи рисуют его часто неправильно. Из лучших намерений они возводят его на какие-то ходули, между тем как первое требование от всякой биографии должно быть ее соответствие истине.

Тов. Каменев, строки из брошюры которого «История Партии Коммунистов в России и Вл. Ленин» приводит тот же Михаил Корбут, излагает дело уже совсем театрально: что будто бы «Владимир Ильич, тогда еще молодой гимназист, из рук повешенного брата получил книгу Карла Маркса «Капитал». Откуда тов. Каменев взял это? Ведь это отзывает всеми творимыми в старину легендами о пророках и апостолах! Зачем нам, коммунистам, марксистам, прибегать к ним? Как ни велико было влияние старшего брата и уважение к нему со стороны младшего, несомненно, что марксистом Вл. Ильич стал бы без всякой театральной передачи, настолько не вяжущейся с прямыми, чуждыми всякой ходульности характерами

¹ См. Вестник рабочего факультета Казанского университета «Новое дело» 1922, № 1. *Ред.*

² Речь идет о в высшей степени «добронравной» характеристике на Владимира Ильича, направленной директором гимназии Ф. М. Керенским в Казанский университет. *Ред.*

³ И фактически это неверно. Владимир Ильич не отрывался от какой-нибудь неотложной работы, чтобы поехать в Швецию для свидания с матерью: он проехал осенью 1910 года в Стокгольм после международного социалистического конгресса в Копенгагене, куда приехала и мать с сестрой из Финляндии, где они проводили лето. Обычно после партсъездов брат брал на пару недель отпуск, для отдыха в данном случае: кроме того, он использовал его и для занятий в Стокгольмской библиотеке. А. У.

обоих братьев. И участие в студенческой сходке произошло, конечно, не вследствие бесед с братом. Совсем неверно рассказывает Каменев о поездках Вл. Ильича с братом к себе в Симбирскую губ. на перекладных. Никуда в Симбирскую губ. они никогда не ездили, ибо никакой собственности у них там не было. Отец их был разночинцем, приобрел он в Симбирске в 1878 году лишь деревянный дом, который, переезжая со всей семьей в 1887 году в Казань, мать и продала за 6 тысяч рублей¹. Поэтому Вл. Ильич по исключении из университета не мог уехать «к себе домой в Симбирск», как повествует М. Корбут. Никакого «дома» у него в Симбирске не осталось...

Пути революции. Казань. 1922 № 2

ОБРАЗЕЦ ТОГО, КАК НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ БИОГРАФИИ²

Наша молодежь живо интересуется жизнью вождей, их прошлым. И надо знакомить ее с тем, «как они жили», но только не так, как это делает «Юный пролетарий» в № 1 1922 г.

К подобного рода жизнеописаниям мы предъявляем прежде всего два требования: 1) их верность действительности и 2) связь с политической жизнью партии. Первое требование ясно без комментариев. Второе также очевидно: жизнь вождей так тесно связана с партией, для которой они живут, которая растет под их влиянием и при их непосредственном сотрудничестве, что она не может мыслиться вне партии.

Все сказанное относится, конечно, в полной мере к жизнеописанию Владимира Ильича.

И вот в наши дни³, когда Владимир Ильич живет и действует среди нас, когда столько товарищей знают его жизнь и работали бок о бок с ним в различных стадиях партийной работы, появляется его жизнеописание — очень неряшливое в биографическом отношении, с массой неверностей и неточностей, — и совершенно вне связи с его партийной работой и также с грубейшими ошибками в этой области. Появляется такое жизнеописание не в какой-нибудь Тмутаракани, а в таком центре, как Петроград, и дается оно в журнале «Юный пролетарий», журнале для нашей молодежи, который, как с гордостью отмечает в своем предисловии к № 1 — декабрь 1922 г. — редакция, вступает в шестую годовщину своего существования.

Неужели этот журнал, издаваемый в Питере, не мог позволить себе такой роскоши, как поручить составление биографии своего вождя партийному товарищу, хорошо знакомому и с Владимиром

¹ Через два года на эти деньги был куплен хутор в Самарской губернии. А. У.

² Статья А. И. Ульяновой-Елизаровой в № 3 «Молодой гвардии» за 1923 г. была откликном на публикацию И. Чеботарева в журнале «Юный пролетарий» № 1 за 1922 г. под названием «Владимир Ильич». *Ред.*

³ Написано в 1922 г. *Ред.*

Ильичем лично и с его работой и достижениями в области партийной? Зачем давать питерской молодежи неверные, политически безграмотные сведения? Думается нам, что и ПК должен бы был иметь общий надзор над партийною литературой для молодежи.

А ведь образцом такой политически безграмотной статьи является статья И. Чеботарева «Владимир Ильич».

Возможно и людям беспартийным или инакопартийным поручать писать воспоминания о наших деятелях, но надо ограничить эти воспоминания чисто личным, ибо бессмысленно, конечно, требовать, чтобы люди других партийных воззрений давали исчерпывающее описание жизни и деятельности наших вождей, — и это в поучение молодежи. А факты, касающиеся личной жизни, надо проверять.

Между тем лично Чеботарев знал Владимира Ильича очень мало — зимой 1894/95 г., — он одно время столовался в семье Чеботарева в Петербурге; до этого времени разве мельком несколько раз И. Н. Чеботарев видел его. Близко Чеботарев знал старшего брата Владимира Ильича, Александра Ильича, и сестру его Анну по Петрограду. Все же воспоминания о жизни семьи в Симбирске, особенно младших членов ее, основаны на слухах и кишат неверностями. Так, неверно, что четверо из семьи окончили курс с золотыми медалями, — Анна кончила с серебряной. Неверно, что директор Симбирской гимназии Керенский был в страшном затруднении, выдавать ли Владимиру Ильичу золотую медаль, ибо это пришлось в год казни его брата Александра Ильича. Керенский дал тогда Владимиру Ильичу не только золотую медаль, но и очень хорошую, местами грешившую даже против истины, характеристику.

Ничего не слыхала я также о легенде с Керенским-сыном («Шагай, шагай, Александр Македонский» и о словах Владимира Ильича товарищу, что ему не нравится сын Керенского). Сын этот был при окончании курса Владимиром Ильичем в младших классах и никоим образом интересоваться Владимиром Ильича не мог. Вся эта легенда приведена для того, чтобы сказать, что Керенский «не понравился Владимиру Ильичу и тридцать лет спустя».

Неверно, что Владимир Ильич был страстным охотником и рыболовом в молодости. Рыболовом он всю жизнь никогда не был, а охотой заинтересовался уже во время сибирской ссылки. Он не только не проводил вместе с братом Александром целые ночи на берегу реки или озера, но и вообще не сопровождал старшего брата на охоту, и не столько на рыбную ловлю, как в поездках на лодке с научными целями — собиравшие разных водяных животных для исследования. Да и про брата Александра неверно сказано, что он целые ночи проводил на берегу реки или озера. Брат Александр Ильич был страстным естественником; Владимир Ильич никогда в своей жизни — ни раньше, ни позднее — таковым не был.

Совершенно неверно, что они «не переставали работать и умственно» при таких странствиях. Брату Александру Ильичу в последние проведенные им дома каникулы было 20 лет; кроме массы

книг по своей специальности он читал тогда I том «Капитала» Маркса и другую литературу по историческому материализму. Владимиру Ильичу было 16 лет, разница в их развитии была, понятно, громадная. Научных марксистских книг Владимир Ильич тогда еще не читал, специальности своей еще не наметил. Помню, что читал и перечитывал по нескольку раз своего любимого Тургенева.

Совершенный вздор, чтобы Владимир Ильич играл во время этих путешествий со старшим братом в шахматы по памяти. Не может шестнадцатилетний мальчик играть по памяти в шахматы. Тут Чеботарев спутал Владимира Ильича с одним двоюродным братом, который был старше и Александра Ильича и с которым у последнего такая игра «вслепую» действительно велась.

А Чеботарев все, что слышал, валит в одну кучу и из этой кучи делает вывод: «Не отсюда ли научился Ленин находчивости при руководстве армией пролетариата?»

«Обыски и аресты на семью Ульяновых при всяком удобном и неудобном случае» Чеботарев совершенно неправильно приписывает предупреждению правительства вследствие участия в покушении Александра Ильича. Строже, чем на других, на них склонны были смотреть — это правильно, но преследования вызывались самостоятельной работой как Владимира Ильича, так и других членов семьи.

«Осенью 1895 и весной 1896 г. Владимир Ильич принял энергичное участие в организации забастовочного движения на петербургских фабриках и заводах».

Партийные товарищи, редактирующие «Юный пролетарий», могли бы внести хотя ту небольшую поправку, что Владимир Ильич не мог организовать забастовки в 1896 г., когда с декабря 1895 г. до отправки в Сибирь в феврале 1897 г. он сидел в тюрьме!

В Сибири Владимир Ильич пробыл не «около трех лет» — а три года — срок, на который был сослан.

Если три странички жизнеописания Владимира Ильича кишат такими неверностями в фактах личной жизни, то характеристика его как партийного работника ниже всякой критики.

«Всенародную популярность Ленин приобрел с 1917 г.»... Для кого? Для кадетов? Для социал-демократии он был давно известен, но не потому, конечно, что «работал в партии сначала вместе с Плехановым, а с 1913 (!!) (очевидно, с 1903 г.) один (!!), так как Плеханов разошелся с ним и встал во главе фракции меньшевиков».

Образец того, как нельзя писать о работе вождя партии. — «Сперва с Плехановым, потом один» (!!). А где была партия, где была масса, коллективное строительство? Как раз то, что и стремился вызвать, пробудить к жизни Владимир Ильич? Где было то главное, без которого ни сплоченного целого, ни победы бы не было? Для кадетов и беспартийных в их идеологии имеют значение, конечно, отдельные личности, вожди; значения за массами того, что революция сделана массами, они никогда не признают, они этому не верят. Для них 1905 год был вызван либеральными банке-

тами. С них и требовать большего нельзя. Но разве можно поручать им писать биографии наших вождей?

Ведь этак получается, что «Владимир Ильич выехал в Германию, где тогда социал-демократы достигли наибольшего развития» (!!).

Причем это было тогда, когда Владимир Ильич выехал в Швейцарию для постановки общерусской газеты.

— «Там он официально, вместе с основателем русской с.-д. партии Плехановым становится общепризнанным вождем партии». Кем «официально»? Германскими с.-д.? Для кого «общепризнанным»? Для них? Может ли быть большая безграмотность?!

Да всего не перечислить!

Оказывается, «на Владимире Ильиче лежала забота о проведении в жизнь утвержденных Съездом (?) (Советом? ВЦИК?) законов — декретов».

Оказывается, что ему «приходилось по каждому государственному предприятию писать множество (!) брошюр и книг...» А хотя одну из этого «множества» книг сможет автор указать в поучение молодежи? Или, по мнению автора, если не знает, что написано, лучше сказать множество, лучше пересолить, чем недосолить?

Как должен смеяться всякий мало-мальски понимающий человек, читая, что «Владимир Ильич проводит в жизнь утвержденные декреты» и что он пишет «множество брошюр и книг (и книг!) по каждому государственному предприятию»!!

И редакция коммунистического журнала для молодежи помещает в своем органе под видом жизнеописания своего вождя такую неряшливую белиберду!!

*Ульянова-Елизарова А. И.
В. И. Ульянов (Н. Ленин).
Краткий очерк жизни и деятельности
М., 1934. С. 169—173*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «У ВЕЛИКОЙ МОГИЛЫ»¹

В монументальном томе собрана ежедневная пресса с 22 по 30 января 1924 г., еженедельная пресса, посвященная памяти Владимира Ильича, а также речи, статьи и воспоминания, посвященные тов. Ленину за три месяца. Все это относится только к московской прессе,— Ленинград и провинция не представлены, кроме «Откликов на смерть Ленина по городам СССР и за границей» (последний отдел).

Помещены, кроме того, воззвания и постановления ЦК и МК в связи с ленинским набором, проекты увековечения памяти В. И. Ленина, о выставке стенных газет его памяти и т. п.

Издан сборник изящно и внимательно. Фотографические снимки и рисунки (в числе 160-ти) исполнены большей частью очень хорошо. Так, очень хорош юношеский портрет Ленина (в гимназич.

¹ У великой могилы. М.: Изд-во газеты «Красная звезда», 1924. 624 с.

мундирчике); интересен (много жизни) небольшой портрет его в «Экономической жизни» (стр. 161); хорош портрет В. Ильича и Марии Ильиничны на стр. 551, портреты Ленина в гробу и многие другие.

В первом отделе собрана ежедневная пресса за первые девять дней после смерти В. И. Ленина. Во втором — еженедельная. В них материал не подбирался: все касающееся Ленина печаталось целиком; рука редакции видна только в III отделе: «За три месяца; избранные статьи, речи, воспоминания». Из этого отдела следует выбросить во втором издании статью «Черточки для биографии Владимира Ильича» И. Леонова (стр. 495), как полную неверностей.

В. И. в Подольске не жил, а остановился на пару дней два раза: сначала в конце мая или начале июня перед поездкой в Уфу, к жене; а потом около половины июля¹, перед поездкой за границу, в доме бывшем Кедрова, где жили его мать, брат и сестры. В квартире Виноградова В. И. никогда не жил, не жил и в Бутове. Квартиру в доме Кедрова снимали вовсе не для него. О возможности спустить нелегальную литературу в реку или скрыться от преследования в лодке (кстати сказать, очень невозможной) никто, кроме автора заметки, не помышлял. Никакой революционной брошюры в доме Кедрова В. Ильич не написал, никакого отношения к развитию в Подольске подпольной организации не имел (а когда она основалась, из кого состояла?). Одним словом, автор показал незаурядный талант из трех слов: В. Ильич, Подольск и дом Кедрова — состряпать целый рассказ, в котором ни слова нет истинного, напомнив этим известную грамматическую задачу: как в слове *е щ е*, состоящем из трех букв, сделать 4 ошибки? (Написать: *ѣ с ч о.*) Повторяем, такое морочение читателя следует выкинуть.

Очень хороши по искренности и непосредственности некоторые заметки и стихотворения рабочих, молодежи. Невольно напрашивается мысль о желательности составить из них сборнички для широкого распространения.

Некоторые статьи, имеющие наибольшее значение, как: речь т. Сталина на вечере кремлевских курсантов, отличающаяся своей чеканностью, простотой и глубокой правдой: более сходного портрета в столь немногих словах, по нашему мнению, никому еще не удалось дать; Зиновьева «Шесть дней»; статьи и речь Н. К. Крупской и некоторые другие, издаются уже в отдельных изданиях.

Много, конечно, в сборнике повторений, много мелких черточек, но сейчас трудно сказать, какие из них понадобятся будущему биографу. И поэтому надо собирать эти черточки, сперва заносить их на бумагу, а потом объединять вместе.

И в этой работе собирания и объединения помогает сборник «У великой могилы», помогает уже тем, что будущему биографу не придется рыться, перебирая ворох газет. Но для полноты и для того, чтобы слышен был голос окраин, надо собрать также прессу провинций, в первую очередь первой провинции или, вернее, второй

¹ В. И. Ленин останавливался у родных в Подольске 1—7 (14—20) июня и 10(23) — не позднее 13(26) июля 1900 г. *Ред.*

нашей столицы, пионера всей революционной борьбы и Октября, — Петербурга — Ленинграда. Надо собрать полнее голоса инородцев и голоса представителей других стран.

Это составит, может быть, еще второй том, в котором просеять придется, вероятно, еще больше, чем в первом, так как материала малоценного, перепечаток или перефразировок сказанного уже центральными органами будет не мало.

Конечно, такие внушительные тома, как рецензируемый нами, не по карману отдельным товарищам и гражданам. Они должны иметься в библиотеках как для работ над биографией Ильича, так и для того, чтобы каждый товарищ, каждый работник мог без большой затраты времени отыскать изложение взглядов Ильича в той или другой отрасли работы, да и просто мог бы, читая о нем, почерпнуть новые силы для работы и пережить вновь те «Шесть дней, которые не забудет Россия» — как хорошо озаглавил свои впечатления и мысли за эти дни тов. Зиновьев.

*Пролетарская революция. 1924.
№ 11. С. 236—238*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «БИОГРАФИЯ ЛЕНИНА В ДАТАХ И ЧИСЛАХ»¹

Ленинградский Истпарт издал очень полезную книжечку, отвечающую большому спросу на такую работу, и очень хорошо издал ее, разработав целый ряд как печатного материала, так и архивных дел. При самом беглом перелистывании книжки видно, что на нее положена большая и внимательная работа. Это как раз то, что нам нужно от исторических работ: основательное изучение большого количества материала для суммирования его в небольшой, компактной, вполне доступной для публики и много дающей ей книжке.

Использован весь материал из «Основных вех жизни В. И. Ульянова», помещенных в Ленинском сборнике № 1, но кроме разбивки по годам жизнь Ленина разбита еще по периодам: самарский, петербургский, ссылка, первая эмиграция и т. д. Это очень облегчает ориентировку. Затем в брошюре имеется много дат, отсутствующих в Ленинском сборнике № 1, взятых из архивных документов, из воспоминаний, из истории партии. Так, под рубрикой 1894 г. помещено указание на выступление В. И. на вечеринке против народника В. В., на руководство им кружком рабочих в гавани. Под рубрикой 1903 г. указан выход брошюры «К деревенской бедноте». Под рубрикой 1904 г. указывается: В. И. выходит из состава ЦК. Под рубрикой 1905 г. не только отмечен III съезд партии, но в нескольких сжатых фразах перечислены самые существенные его постановления. Указано, что вышел 18-й, и последний, номер «Вперед», что В. И. встал во главе ЦК, редактором ЦО «Пролетарий»; что вышла брошюра «Две тактики»; что Лениным во главе

¹ Биография Ленина в датах и числах / Сост. В. Кикоин; Под ред. П. Ф. Куделли. Л.: раб. издательство «Прибой», 1924. 43 с. *Ред.*

большевиков велась агитация за бойкот Булыгинской думы, за вооруженное восстание; что резолюция бойкота была принята петербургской межпартийной конференцией; что на Таммерфорсской конференции был выброшен пункт об отрезках. Одним словом, если взять один 1905 год, то в противовес «Основным вехам» Института им. Ленина брошюрка ленинградского Истпарта дает нам не отдельные даты из жизни Ленина, а конспективную сводку сделанного за этот год Лениным во главе партии. Как и приличествует органу Истпарта, даты жизни Ленина не отрываются от дат жизни всей партии, и мы видим тот шаг вперед, который сделан за 1905 год партией во главе с Лениным. И такое отношение проводится через всю брошюру: не только ни один съезд, ни одна конференция, но ни одно видное письменное или устное выступление Ленина не упоминаются просто как дата: относительно каждого указано в двух-трех словах характерное для него. Это делает брошюру не сухим перечнем дат, важных только для историка, а кратким конспектом по ленинизму, по истории партии, полным содержания, интереса, являющимся полезным справочником для каждого члена партии и в то же время побуждающим молодежь познакомиться ближе с теми или иными тезисами, с тем или иным сочинением Ленина, с работами того или иного съезда или конференции. Если добавить к этому, что брошюрка издана чисто и изящно и стоит всего 20 коп., то неудивительно, что первое издание уже разошлось и выпускается второе. В нем, как мы слышали, сделаны исправления всех тех ошибок, которые пишущей эти строки были указаны в рецензии на Ленинский сборник № 1 в № 7 «Пролетарской революции» и которые попали оттуда и в брошюру ленинградского Истпарта. Поэтому мы теперь, повторно, не перечисляем их. Укажем только, что брошюрка выгодно отличается от «Основных вех» института тем, что многих крупных ошибок не повторяет. Так, отмечая поездку В. И. в Уфу и к Н. К. Крупской летом 1900 г., она не говорит, что поездка эта была предпринята «нелегально», как «Основные вехи». Она указывает правильно, что брошюра «Что делать?» вышла в феврале 1902 г., в то время как «Основные вехи» говорят, что Ленин писал ее в начале 1902 г., между тем как писалась она в 1901 г. Наконец, брошюра не считает датой в жизни Ленина приезд Гапона.

К последней главе «Болезнь и смерть В. И. Ульянова-Ленина», мы можем внести следующие две поправки. Относительно 1922 г. надо вставить: 25 мая произошел первый удар. Относительно 1923 г.— нельзя относить к маю статью В. И. «О кооперации»: она была только напечатана 26 мая, но написана раньше. После удара в марте 1923 г. В. И. ничего не писал и не диктовал.

За отсутствием же этих и указанных нами в вышеупомянутой рецензии ошибок брошюра «Биография Ленина в датах и числах» является очень ценной и отвечающей назревшей потребности.

*Пролетарская революция. 1925.
№ 1. С. 248—250*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «К ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА»¹

Цена сборника по размерам и количеству иллюстраций невелика, но очень невелика и его ценность. Большая часть перепечатки, а то, что впервые появляется в печати, чрезвычайно малоценно. Весьма сомнительно, что это «новое» стоило печатать, да сомнительно, стоило ли печатать и весь сборник, является ли он не только «лучшим», как говорится в предисловии от редакции, но даже каким-либо венком на могилу Ленина. И если вводная статья — «Год без Ленина» — говорит, что «нужно с любовью и заботливостью собирать все, что относится к Владимиру Ильичу, что помогает нам представить и уяснить себе его образ», то мы должны признать, что как раз автор ее, Александр Женеvский, поскольку он является редактором сборника, не только не проявил заботливости к этому делу, но выказал совершенно непростительную халатность и небрежность.

Недопустимой небрежностью является помещение первой статьи из отдела: Воспоминания о Ленине. — «Семейство Ульяновых» (Материалы для биографии тов. Ленина) Л. Ильинского. Статья эта является тоже перепечаткой из «Красной летописи», изданной бюро Истпарта сибирского (очевидно, опечатка, надо читать: симбирского) губкома. Но это не оправдывает составителя сборника ленинградского Истпарта, от него требуется критическое отношение к перепечатыванию.

Между тем без всякой критики перепечатываются страницы воспоминаний Назарьева, который говорит, что Илья Николаевич (отец Влад. Ильича) «совсем не занимался своими детьми», что он «не знал, как попадает носовой платок в карман»; сообщаются такие неверные сведения, как то, что Илья Николаевич часто дебатировал на революционные темы, что тон задавал Александр, а Владимир часто очень удачно принимал участие в спорах.

Владимиру Ильичу было всего 15 лет в последнее лето жизни Ильи Николаевича и пребывания на каникулах старшего брата, как он мог принимать, да еще удачно, участие в таких спорах? Да и вообще они в нашем доме не велись.

Об Илье Николаевиче имеется такая фальшивая фраза, как: «Вся его забота была о бедных». Что за филантроп такой?! Со слов няньки говорится о том, что сказал Владимир Ильич по получении сведения о казни брата. Пишущей эти строки было уже отмечено, что Мария Савенкова была не няней, а горничной в нашем доме, и то не в последнее время, когда она приходила только в гости к нашей няне. Но самым недопустимым являются сведения об Александре Ильиче. Так, утверждается, что жандармы предложили ему выдать сообщников, обещая тогда вместо казни ссылку. Начать с того,

¹ К годовщине смерти В. И. Ленина, 1924 г. — 21 января 1925 г.: Сборник статей, воспоминаний и документов под общей редакцией А. Ф. Ильина-Женеvского. Л. — М., 1925. 189 с. *Ред.*

что дело А. И. вели не жандармы, а оно обсуждалось в особом присутствии Сената. А затем нужно небольшое знакомство с делом А. И. и его ролью в нем, чтобы видеть, что такое предложение не могло быть обращено к нему. Жандармы знают, кого можно ловить на выдачу. И самым возмутительным по безграмотности является сведение: Марии Александровне удалось получить два фотографических снимка Александра Ильича на виселице (!!) — один в профиль (сбоку), другой анфас (спереди).

Кто же снимал на виселице?! И чтобы вообще снимки, сделанные в Шлиссельбургской крепости, могли попасть на волю?! Все это может сболтнуть какая-нибудь «слышавшая звон» провинциальная кумушка, но чтобы такие «материалы» могли попасть в сборник, который хотел в годовщину смерти возложить как венки на могилу Ленина отдел Истпарта — да еще ленинградского! — нам, по правде сказать, не снилось.

«Семье пришлось (!!) направиться в Казань, но там полиция не дала остановиться даже на день и заставила отправиться в деревню в 40 верстах от Казани».

Вот-то подлинно ужасы!! Таковыми должны они были рисоваться в глазах какой-нибудь симбирской помещицы того времени, редактор же Истпарта мог бы справиться хотя бы в воспоминаниях пишущей эти строки, помещенных в № 2 «Пути революции», журнала Истпартотдела Татобкома, и в прошлогоднем ленинском номере «Молодой гвардии», о том, как обстояло дело с высылкой и кем она была назначена. В таком же роде и другие воспоминания. Статья, собранная «на основании материалов», помещенных в сибирских газетах, дает целый ряд громких заглавий: «Грозное начало», «Ильич читает божественное», «Воспоминания старого полицейского» и т. п. Но ничего, кроме пустоты и убожества, под этими заглавиями нет. Полицейский рассказывает о том, чем не имели по закону права заниматься политические, — это можно прочесть в правилах о поднадзорных. Под рубрикой «Ильич читает божественное» говорится, что Ильич *не читал* божественного, а читал статистику и т. д. и т. п. Между прочим, конечно, имеется и чистая небывальщина: что Ильич бывал со своими хозяевами на пашне, варил там для них обед, чистил и жарил застреленную птицу; что на рыбной ловле крестьянин всунул Ильичу под рубашку налима, чтобы заставить его разговориться, и «средство подействовало»: Ильич закричал: «Змея, змея!»

Да всей ерунды не перечислить!

Статья Владимирова «Тов. Ленин в Женеве и Париже» тоже разбита на ряд подзаголовков крупным шрифтом, также под целым рядом из них очень легко насчет содержания. Концы с концами также не всегда сведены. Так, в главе «Приезд тов. Зиновьева» сначала подробно рассказано, каким ценным работником был этот товарищ, что он один иногда заполнял весь центральный орган, что В. И. мог спокойно просиживать все дни в библиотеке, зная, что тов. Зиновьев «все сам сделает». А заканчивается статья фразой, что и газеты и все остальное, созданное в Женеве, дело рук исключительно В. И.-ча.

Рассказывается, что Надежда Константиновна «артистически» шила жилетки для наполнения их литературой. А В. И., по утверждению автора, «никогда не выпил ни одной кружки пива». Должна разочаровать тов. Владимирова: я сама неоднократно выпивала с Владимиром Ильичем в мюнхенских кафе по кружке пива, которое он любил. Может быть, он не пил пива в Женеве или Париже, где оно было плохо, но зато там он спрашивал иногда виноградного вина.

Надежда Константиновна указывала уже в прошлом году (1924.— *Ред.*), что совсем напрасно стараются причесать Владимира Ильича под какую-то ходячую добродетель, рисуют его каким-то аскетом, чем отрицают у него подлинные черты живого человека. Не мешало бы редактору разбираемого сборника справиться и с этими словами Надежды Константиновны. Между тем в сборнике повсюду разбросано: «плохенькое пальто, из которого лезла вата», «бессменный рабочий костюм». Это же неверно: из пальто вата не лезла и костюм сменялся. Кому нужны такие преувеличения?!

В предисловии от редакции говорится, что в сборник вошли и новые воспоминания, впервые появляющиеся в печати, но, может быть, вследствие их незначительности, напр. «Ленин и киносъёмки», глаз не останавливается на них, и общее впечатление таково, что читаешь все знакомое.

Не понимаю, зачем было через год перепечатывать первые сообщения о смерти Ленина, зачем понадобилось перепечатывать в сборник биографию Ленина в датах и числах, очень хорошо составленную брошюрку, о которой мы в свое время давали отзыв, но которую совсем не для чего выпускать с буксиром разных перепечаток о Ленине, которая пойдет ходче и будет полезнее самостоятельной брошюрой.

Растрепав таким образом по лепесткам тот «веночек», который ленинградские составители возлагают через год на могилу Ленина, мы приходим к заключению, что истинные венки не так должны составляться, что для истинного памятника усопшему вождю нужно гораздо более внимательное и серьезное отношение к работе.

*Пролетарская революция. 1925.
№ 4. С. 247—249*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

«ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА — 1924—21-го ЯНВАРЯ —
1925 г. ЛЕНИН, О ЛЕНИНЕ, О ЛЕНИНИЗМЕ»¹

Толстый том, выпущенный к годовщине смерти Ленина, имеет очень внушительный вид. Первым бросающимся в глаза недостатком

¹ Первая годовщина — 1924 — 21-го января — 1925 г.: Ленин, о Ленине, о ленинизме. М.: Московский рабочий, 1925. 327 с. *Ред.*

является отсутствие предисловия. Ни пары строк от издательства, по которым читатель мог бы уяснить себе, что за материал собран в сборнике. Открывает его статья тов. Каменева «Год без Ильича» — доклад, прочитанный 10 января 1925 г. Таким образом, читатель склонен ожидать сборник нового материала — 1925 года, — и только внимательный просмотр оглавления остановит его взор на статье тов. Зиновьева «Шесть дней, которых не забудет Россия»; Бухарина — «Товарищ» и на нескольких других, менее общеизвестных заглавиях. Менее запомнившиеся оглавления, хотя и известных авторов, могут вызвать иллюзию, что дается новая статья — Лепешинского, Каюрова или пишущей эти строки — иллюзия, на которую так падки товарищи — ведь каждому так хочется прочесть нечто новое об Ильиче. А иллюзии эти облегчаются новыми заглавиями. Так, в нескольких статьях Лепешинского не обязательно видеть растрепанное по лепесткам «На повороте»; статья Каюрова «Рабочий и его вождь» заставляет предполагать совсем новую статью, а не произвольно выхваченную, под другим заглавием поставленную часть статьи этого автора, помещенную год назад, в № 3 (26), «Пролетарской революции» — «Мои встречи и работа с В. И. Лениным в годы революции». Столь же произвольно выхваченной частью из моей статьи в журнале «Путь революции» Истпарта Татобкома и в прошлогоднем ленинском номере «Молодой гвардии» является статья А. Елизаровой во II п/отделе «Бунтующий Ильич». Но ей придано уже совсем крикливое, чуждое мне, сразу остановившее мое внимание, заглавие. Полагаю, что партийному издательству ни в коем случае не следовало бы заимствовать беззастенчивой привычки некоторых составителей старого времени, стряпавших сборники, как им лучше покажется, укладывая без смущения статьи на прокрустово ложе своего редакторского произвола, варьировавших по капризу заглавия. Редакторскую инициативу можно употребить на лучшее. Не мешало бы, например, проверить некоторые перепечатаваемые воспоминания, снабдить их примечаниями. Так, статью П. Лепешинского «Детские годы Ильича» можно бы проверить по другим биографическим материалам, появившимся за этот год в печати. Тогда не осталась бы без возражения фраза из очерка тов. Зиновьева, что Ильич ездил в Швейцарию повидаться с матерью «в ущерб партийной работе». Это утверждение было уже опровергнуто, и в последнем издании очерка тов. Зиновьев изменил ее: «отрывался от самой неотложной работы». А в пересказе Лепешинского и в переиздании его статьи в сборнике фраза звучит все по-прежнему. Или после неоднократных указаний в печати, что мать В. И. провела в Кокушкино — имении своего отца, отроческие и юношеские годы, должна была бы бить в глаза слащавая фальшь утверждения, что «добрая и деловитая (!! А. Е.) Мария Александровна тотчас же завязывала связи с местными крестьянами (да они были завязаны с детства и не порывались никогда!). Отец ее, врач, давал врачебные советы, а она сперва по его указаниям, а потом самостоятельно продолжала применять его методы».

Вообще голая перепечатка через год имеет мало смысла. Новые воспоминания (из стенных газет) занимают всего 10 стр. объемистого тома. Издательство сообщает, что готовится отдельное издание воспоминаний из стенных газет. Такое издание имело бы больше смысла ко дню годовщины со дня смерти Ленина. Несмотря на мелкий по размерам и большей частью и по значению характер их, они, при умелом подборе и редактировании, именно тем, что давали бы преломление мысли о Ленине и ленинизме в новой среде, были бы интересны и могли бы дать некоторые новые, хотя и мелкие, может быть, черточки для портрета нашего вождя. В помещенных воспоминаниях такими черточками являются строки телефонистки тов. Каяк.

Конечно, редакция воспоминаний из стенных газет должна быть еще более внимательной, ибо преувеличений, легендарного в них еще больше. Так и здесь, в воспоминаниях Никитина, говорится, что «не раз можно было видеть Марию Ильиничну или Надежду Константиновну, стоящую в очереди и получающую продукты на членскую книжку тов. Ленина». Конечно, это совершенно не соответствует истине.

Вообще, содержание книги совсем не соответствует требованиям, которые предъявляются к таким сборникам. Озаглавлены некоторые отделы громогласно, так, период 1905—1907 гг. назван почему-то «Эпохой бури и натиска»; а по содержанию бедны,— так, «Эпоха старой «Искры» представлена только несколькими строчками Мартинова и статьей Лядова.

На всем следы страшной спешки. Полагаем, что лучше было бы не гнать книгу обязательно к годовщине, а выпустить нечто более новое и содержательное, что могло бы действительно явиться свежими ветвями в венок на могилу нашего вождя.

*Пролетарская революция. 1925.
№ 4. С. 250—251*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. ШЛИХТЕРА «ИЛЬИЧ, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ»¹

Автор — старый партийный работник. Он работает в нашей большевистской партии под руководством Ильича с начала 1900-х годов; с 1905 г. он познакомился лично с Ильичем. Таких товарищей немного; такие товарищи уходят от нас один за другим. Поэтому т. Шлихтер сделал очень хорошо, что собрал и издал свои воспоминания, не останавливаясь мыслью: «У меня их немного, они отрывочного характера, пусть пишут те, кто дольше и ближе жил с Ильичем».

Подобные соображения удерживают многих, и совершенно напрасно. Отдельные черточки, если они внимательно и вдумчиво

¹ Шлихтер А. Ильич, каким я его знал: Кое-что из встреч и воспоминаний. Киев: Госиздат Украины, 1925. 94 с. *Ред.*

собраны, дают гораздо больше, чем это может казаться до начала работы. Доказательством этого является книжечка т. Шлихтера, встречи которого с Ильичем были почти все, за исключением пары недель, проведенных последним в Выборге, и совместной работы по выпуску «Пролетария», довольно мимолетны. И, однако, личность Ильича, влияние его в партии выступают ясно и из них.

Положительной стороной книжки т. Шлихтера является умение выпукло рисовать образы и живой образный язык, вследствие чего она читается очень легко и должна быть рекомендована особенно в комсомольские библиотеки.

Большая часть этих воспоминаний была помещена уже раньше на стр. «Пролетарской революции»¹. Автор, с одной стороны, собрал их теперь, с другой, разбил на короткие главы, что содействует популярности книжки, и добавил нечто новое. Эти короткие главы сосредоточены больше на личности Ильича, чем общие воспоминания. Но и в них образ Ильича, его слова являются как бы блестящими металлами в больших кусках руды. Эта руда, то есть обстановка, события, тоже важна и интересна, ее тоже надо закрепить; в ней, как в рамке, понятнее слова и проявления Ильича; но в некоторых главах эта рамка превалирует настолько, что выходит из пределов темы книги. А в главе VIII «О тех, которые думали бороться с волей Ильича» (из портретной галереи саботажников) нет уже ни одного слова, ни одного жеста Ильича, ни малейшего блестящего металла в руде — если мы продолжим наше сравнение. Оно написано живо и интересно, но на таком же основании включено в книгу об Ильиче, как был бы включен рассказ о Керенском, Корнилове или Деникине: они ведь тоже думали и пробовали бороться с волей Ильича.

Равным образом и в главе XII «Ильич в вопросах продовольствия республики» приводится лишь пара записок Ильича. Вся же она с очень длинным — со всеми примечаниями — «проектом декрета о потребительских коммунах», составленным автором, проектом, который и вообще, как совершенно неподходящий к общему популярному характеру книжки, лучше было бы выпустить, имеет слишком отдаленное отношение к теме «Ильич, каким я его знал».

Вообще, книгу, особенно принимая во внимание указанные две главы, было бы правильнее озаглавить «Встречи и работа с Ильичем» или в этом роде.

Имеются и следы некоторой спешки, которые необходимо исправить в следующем издании. Так, во главе II говорится: «Это было, если не ошибаюсь, осенью 1907 г., когда Ильич, возвращаясь с партийной конференции, бывшей *не то* в Гельсингфорсе, *не то* в Таммерфорсе». Как известно, партконференция была в Таммерфорсе, и в исторической книжке такие «не то» неуместны. Равным образом нетрудно было бы установить фамилию т. «Пчелы» — «одного из старейших ветеранов нашей партии», по указанию самого А. Шлихтера; это — т. Рябков.

Эти две неточности указывают, что правильнее было бы, чтобы

¹ См.: Пролетарская революция. 1925. № 6 (29).

подобные исторического характера книги издавались отделами Истпарта, у которых под руками должны быть все справки, затруднительные иногда для перегруженных работой ответственных товарищей. Со стороны технической книжка издана хорошо и даже изящно. Только портрет Ильича на обложке — какого-то кубического характера — неудачен. Зато очень хорошо и жизненно его изображение идущим куда-то, помещенное на первой странице книги.

В общем, повторяем, книжка интересна и большее количество таких собраний, хотя бы мелких черточек, со стороны всех, по возможности, товарищей, встречавшихся с Ильичем, дало бы нам много для дорисовки его «недорисованного портрета».

*Пролетарская революция. 1925.
№ 11. С. 284—285*

ПРОТОКОЛ № 24 ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО РЕСТАВРАЦИИ ДОМА-МУЗЕЯ В. И. ЛЕНИНА (В УЛЬЯНОВСКЕ) ¹

15 июня 1929 г.

Присутствуют: А. И. Елизарова, В. В. Кашкадамова, Ф. Е. Вольсов, А. Т. Дворцов, П. Я. Гречкин, Д. М. Тайнов, М. М. Павлова, В. Л. Персиянинов, П. И. Краденов, А. Н. Остроградский, А. П. Захарова, В. П. Барчунов, А. Г. Медведева.

Председатель — Дворцов

Секретарь — Толмачева

СЛУШАЛИ: Осмотрев проведенные реставрационные работы, Анна Ильинична признала распланировку комнат, местонахождение печей, окон и дверей правильными.

Высказывает предположение, что после отъезда Ульяновых из Симбирска многое в доме было переделано, но что теперь дом приведен в тот вид, в каком он был при Ульяновых. На сообщение тов. Вольсова относительно сомнений, возникших при постройке кухни, расхождения проекта с натурой, — Анна Ильинична не

¹ Комиссия по реставрации Дома-музея В. И. Ленина была создана Ульяновским губисполкомом 3 марта 1928 г. в составе: председатель комиссии — заведующий Домом-музеем В. И. Ленина А. Т. Дворцов; члены: руководитель реставрационных работ инженер Ф. Е. Вольсов, заведующий окружным музеем П. Я. Гречкин, друг семьи Ульяновых В. В. Кашкадамова, заведующий окружным отделом народного образования П. И. Краденов, художник А. Н. Остроградский. В работе комиссии принимали участие работники музея А. Г. Медведева, Д. М. Тайнов, Н. В. Толмачева, бывшая няня Ульяновых М. М. Павлова, современники Ульяновых А. П. Захарова, Н. П. Охотин, В. Л. Персиянинов, ответственный секретарь Ульяновского окружкома ВКП(б) Л. Р. Милх, технический руководитель реставрационных работ техник городского коммунального отдела В. П. Барчунов, брандмейстер П. В. Вихирев.

Реставрационные работы начались 17 августа 1928 г. и велись под руководством архитектора Д. П. Сухова. 6 ноября 1929 г. Дом-музей В. И. Ленина был открыт для обозрения. *Ред.*

протестует относительно возможности несимметричного выступа кухни. По воспоминаниям Анны Ильиничны, между кухней и комнатой няни был холодный коридор, чего нет во второй половине дома, и вообще указывает на то, что та половина дома не совсем соответствует этой половине (со стороны ворот).

Относительно галерей Анна Ильинична говорит, что они были остеклены, так как на одной половине был проход в гостиную, на другой — в столовую, для чего в последней было венецианское окно. При мезонине был балкон, на который вела дверь из комнаты Анны Ильиничны. В комнате Александра Ильича двери на балкон не было: было окно, которое летом служило и дверью.

При обсуждении вопроса об обоях Анна Ильинична указывает, что точно припомнить рисунок она не может, что же касается цвета фасада дома, то указывает на дом № 44 по ул. Ленина, который по цвету похож на прежний дом Ульяновых. Отделка фасада была самая простая. С улицы вело ступенчатое крыльцо с площадкой. Окна были в шесть переплетов, с форточками, с вентиляторами в треугольниках. Переходя к воспоминаниям о кабинете отца, Анна Ильинична говорит, что [обои] были темно-коричневые; портретов не было, как и вообще во всем доме. На окнах суровые шторы на вздержках с фестонами, на стене была карта Симбирской губернии, на столе стоял письменный прибор серого мрамора (который Анна Ильинична обещает передать Дому Ленина).

В гостиной стояла мягкая мебель: два кресла, два мягких стула и диван угловой в три места, обитые красным ситцем с разводами. Тут же стоял круглый столик, покрытый скатертью [филе]. По стене, выходящей к галерее, стоял большой черный рояль с обрезанным хвостом. Над ним в простенке висело бронзовое бра. Резервуар лампы был белый с цветочками.

В простенке между окнами, выходящими на улицу, висело зеркало в раме, под ним стоял столик. В гостиной было много цветов, из больших: пальм [феникс реклина], фикус, филодендрон. Цветы эти стояли на тумбочках. В столовой были венские желтые стулья с плетеным сиденьем и круглыми без выступов спинками, стол, буфет, [ломберный] столик с машинкой для шитья.

В комнате Марии Александровны была суровая занавеска, за ней стояла кровать, затем был комод, гардероб, на стене около комода — портреты дедушки и бабушки.

По мнению Анны Ильиничны, печи в комнате Александра Ильича не было, но Анна Ильинична на этом не настаивает. Что же касается двери на улицу из комнаты Владимира Ильича, то ее не было; на этом месте было окно, а второго окна во двор из этой комнаты не было.

В комнате Анны Ильиничны была кровать по левой от двери стене, комод, на нем зеркало, простой столик для занятий и полочка для книг, обои были светленькие. В комнате младших детей стояли их кровати. Кроме того, у перил лестницы стоял столик Оли для занятий. В кухне было 4 окна: 2 выходили на дровяник и 2 — во

двор. Коридор в кухню был довольно широкий; около кухни была уборная. Чело русской печи было обращено во двор.

Председатель А. Дворцов
Секретарь Н. Толмачева

*Ленин и Симбирск:
Документы, материалы, воспоминания.
3-е изд., доп. Саратов, 1982.
С. 429—430*

ПРОТОКОЛ № 25 ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО РЕСТАВРАЦИИ ДОМА-МУЗЕЯ В. И. ЛЕНИНА

16 июня 1929 г.

Пр и с у т с т в у ю т: Анна Ильинична Елизарова, тт. Вольсов, Краденов, Гречкин, Дворцов, Персиянинов, Павлова, Кашкадамова, Остроградский, Охотин, Вихирев, Тайнов, Медведева, Барчунов, Милх.

Председатель Дворцов
Секретарь Толмачева

СЛУШАЛИ: 1. Тов. Дворцов открывает заседание сообщением, что Анна Ильинична сейчас поделится с комиссией своими впечатлениями о ходе реставрации.

2. В начале своей речи¹ ...Анна Ильинична с удовлетворением констатирует, что со времени отъезда из Симбирска семьи Ульяновых культура города очень выросла, а она так нужна нашему молодому поколению. Что же касается реставрационных работ по Дому Ленина — трудно восстановить детально ту эпоху. Много трудов положено комиссией, и расположение комнат напоминает те времена. Что касается обстановки, то, по мнению Анны Ильиничны, следует соблюдать общий стиль того времени. Обстановка была самая простая, какая вообще часто встречалась у разночинцев средней руки; многое покупалось по случаю, вообще определенного характера не было. Портретов и картин на стенах не было, вообще обстановка носила пуританский характер. Объясняется это отчасти вкусами и образом жизни Ильи Николаевича, отсутствием средств и отчасти и художественного образования, вообще в Симбирске того времени не имевшегося.

Так как Мария Александровна была хорошей музыкантшей, очень любившей и хорошо понимавшей музыку, то музыка в семье значила многое, но в других отраслях искусства подготовки не было.

Были географические карты — отец приобрел их для детей. Вообще главной его заботой было — дать детям образование. У него

¹ В оригинале А. И. Ульяновой-Елизаровой вычеркнута следующая запись: «Анна Ильинична указывает, что она теперь мало где выступает и говорит и к данному заседанию вовсе не готовилась». Далее дается по тексту, правленному А. И. Елизаровой, без оговорок. *Ред.*

было слабое здоровье, и он внушал детям любовь к наукам и образованию, а также старшим, что они должны будут, если сил его не хватит, дать образование младшим. Для детей выписывались журналы; была коллекция производства шелка, шерсти и т. п. Был еще зоологический атлас.

Надо стремиться передать дух семьи, простоту, серьезность обстановки.

В семье большое значение имели книги; их было много, и предполагается в комнате каждого члена семьи поместить полочку с книгами, но вопрос — какие взять книги. Состав их менялся в зависимости от моментов жизни семьи. Все книги, читавшиеся Александром Ильичем, уместить в его комнате трудно; книги не все, конечно, принадлежали семье, их брали и в библиотеке и у знакомых, читали в семье вообще много.

Александр Ильич и Анна Ильинична читали, например, Писарева, но брали книги у знакомых. Писарев имел большое влияние на обоих старших в ранней молодости. Под его влиянием Анна Ильинична бросила музыку, завела себе Гейне.

Общественными науками Александр Ильич начал заниматься во времена университета, когда он был на III—IV курсах, по летам у него были книги по общественным наукам — это было в 1885 г., до смерти отца. Был у него и К. Маркс. Александр Ильич вообще много читал — все, чем интересовалась передовая молодежь того времени. Может быть, было бы хорошо поставить шкаф в проходной комнате и в нем поместить все те книги, которые вообще читались в семье.

Александр Ильич привозил книги из Петербурга, некоторые брал у Водозова, позднее профессора.

При всем старании все припомнить и восстановить трудно. Был бы представлен общий дух семьи. Отец, математик, также имел много книг по специальным вопросам — математике, физике и педагогике, особенно последнее время у него было много книг, которые впоследствии были пожертвованы семьей в Самаре в городскую библиотеку (1893 г.).

Илья Николаевич не был чужд и общественным наукам, он был либералом, но революционером не был. Освобождение крестьян и все реформы царствования Александра II имели на него большое влияние. Одушевленный идеей идти служить народу, Илья Николаевич бросил относительно спокойную работу учителя и пошел в народные инспекторы. Работа эта была очень тяжелой. Илье Николаевичу приходилось много работать, а у него не было даже секретаря. Кроме того, работа эта требовала постоянных поездок по губернии, отлучек из дому.

Как-то Илья Николаевич научил старших детей революционным песням на слова Рылеева ¹, и Анна Ильинична во дворе запела такую песню. Мария Александровна остановила ее, позвала и указала на то, что делать этого не следует, так как это может повредить отцу. Он считался либералом в городе.

¹ А. Н. Плещеева. *Ред.*

Первым стремлением Анны Ильиничны было идти в сельские учительницы. В те времена в городе были революционные организации, но они не были крепки и основательны. Брат, Александр Ильич, не имел с ними общего, хотя Аверьянов говорит, что Александр Ильич брал у него книги.

Анна Ильинична припоминает, что, когда она, уезжая в Петербург, пришла проститься с отцом, он предупреждал ее, чтобы она удерживала брата Александра, чтобы он был осторожен, пожалел семью. Значит, отец знал о взглядах Александра Ильича.

Илья Николаевич любил Некрасова, и у Анны Ильиничны была тетрадка с рукописными запрещенными стихотворениями этого автора. Отец все же давал детям направление, а сыновья — оба с сильными характерами — пошли дальше.

Трудно все это отразить в нашем маленьком музее. Выставлять в каждой комнате портрет ее обитателя будет, пожалуй, неправильно; их в семье Ульяновых не было, вообще снимались в семье редко и карточки не выставлялись в рамках на стенах. У Ильи Николаевича в кабинете была карта Симбирской губернии, ему часто приходилось ею пользоваться.

Доктор Кадьян бывал у нас не как знакомый, а как врач. Мария Александровна ему очень доверяла, домами знакомства с ним не было. Отец был в этом отношении очень осторожен. Александр Ильич с Кадьяном ничего общего не имел. Стремление найти корни революционного влияния здесь неправильно, просто в то время вся жизнь была этим заражена, а в семье этому ничто не мешало — чувствовалось даже сочувствие отца.

Анна Ильинична в заключение выражает надежду, что желание и энергия членов комиссии дадут неплохой музей, который отразит жизнь и значение Владимира Ильича.

У Александра Ильича была своя лаборатория, было много колбочек, трубочек. Материалы для работы он выписывал из Казани, так как здесь их не было. Был здесь учитель гимназии, некто Чугунов, после его смерти Александр Ильич купил у его хозяйки Дрэпера. Еще до поездки в Петроград Александр Ильич прошел курс по неорганической химии Менделеева.

Путешествуя в лодке по Свияге, он собрал материал, по которому вел работу, за которую впоследствии получил золотую медаль. Сочинения Александра Ильича отличались своей простотой и деловитостью и не были так блестящи, как у Владимира Ильича.

Последний год, когда семья уплотнилась и жила теснее, Анна Ильинична с Александром Ильичем с удивлением наблюдали за тем, с каким увлечением Владимир Ильич перечитывал Тургенева. Вообще он много читал беллетристики.

В общем же, Владимир Ильич не обосновал так рано, как Александр Ильич, своего призвания, своей склонности. Вообще же многое наталкивало Владимира Ильича на то, чтобы он интересовался общественными науками.

По-моему, Маркса Владимир Ильич читал в Казани в 1888 г., говорит Анна Ильинична, с нею он говорил тогда по поводу прочитанного.

В своих воспоминаниях одноклассник Владимира Ильича Кузнецов говорит о нем, что они с Владимиром Ильичем пытались даже переводить К. Маркса с немецкого на русский язык, но это у них не вышло. Особенно дружен Владимир Ильич ни с кем в гимназии не был, он был хорош со всеми. Дать облик каждого члена семьи в этом домике трудно, почти невозможно. Предметы некоторые можно дать, и Анна Ильинична не отказывается в этом отношении пойти навстречу, передав музею: письменный прибор Ильи Николаевича, преподнесенный ему сослуживцами в день 25-летнего юбилея его службы; серебряные часы Ильи Николаевича, которые он постоянно носил с 1855 г.; книжечку Некрасова, принадлежащую Илье Николаевичу, дощечку для хлеба, которую выпилил Александр Ильич; книгу, которая была дана Владимиру Ильичу в награду за успехи; тетрадку с сочинениями Александра Ильича и 2 книги Дрэпера, полученные Анной Ильиничной от Александра Ильича; последние она завещает после своей смерти¹. Анна Ильинична не имеет ничего против получения материалов от музея при Институте Ленина.

3. Прения: а) Тов. Краденов полагает целесообразным обратиться в Самару, чтобы попытаться отыскать там книги, переданные семьей Ульяновых в городскую библиотеку. Выражает надежду, что Анна Ильинична и Дмитрий Ильич приедут по окончании всех реставрационных работ, чтобы посмотреть, насколько все правильно сделано.

б) Анна Ильинична считает нелишним обратиться в Казанский архив в целях поискать там тетради с экзаменационными сочинениями Владимира Ильича, которые отсылались попечителю округа.

в) Тов. Краденов предлагает перенести дом № 50 по ул. Ленина в другое место и этим избежать постановки брандмауэра, удалив от дома Ленина опасное в пожарном отношении здание. Считает необходимым настоять на получении из Казани отчетов Ильи Николаевича, тем более, что они должны быть написаны рукою последнего.

г) Тов. Милх предлагает поставить вопрос о переносе дома № 50 на специальном совещании.

П о с т а н о в и л и: 1. Просить Анну Ильиничну приехать еще раз в Ульяновск по окончании реставрации, чтобы осмотреть все в законченном виде, также просить Анну Ильиничну не оставлять работы своими советами и руководством.

2. Все данные Анной Ильиничной указания провести в жизнь.

3. К следующему заседанию комиссии установить окончательно срок окончания работ и приобретения обстановки.

4. Созвать следующее очередное заседание через недельный срок.

¹ Перечисленные предметы А. И. Ульяновой-Елизаровой, за исключением тетради с сочинениями Александра Ильича, музеем были получены и сейчас экспонируются. *Ред.*

5. Просить Анну Ильиничну, тт. Кашкадамову и Остроградского войти в состав подкомиссии для выбора обоев.

Председатель А. Дворцов

Член А. Елизарова

Секретарь Н. Толмачева

Ленин и Симбирск:

Документы, материалы, воспоминания.

3-е изд., доп. Саратов, 1982.

С. 431—436

ИЗ БЕСЕДЫ С АННОЙ ИЛЬИНИЧНОЙ УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ ¹

Ольга Ильинична очень любила в возрасте 5 лет напечатанное в одном детском журнале стихотворение о воробье, который делал все, что мог. Вересаев в своих воспоминаниях тоже упоминает об этом стихотворении, которое и на него в детстве произвело большое впечатление.

Ольге Ильиничне хотелось учиться на медицинских курсах. В России медицинских женских курсов тогда не было, поэтому Ольга Ильинична поступила на медицинский факультет в Гельсингфорсе, где ей учиться не пришлось, так как требовалось знание финского языка. Тогда она поступила на естественный факультет Бестужевских курсов в Петербурге, где в первый же год учения заболела тифом и скончалась в 1891 г., 19 лет.

Мария Александровна (мать) родилась в Петербурге в 1835 г. Умерла она тоже в Петербурге в 1916 году (вернее, под Петроградом на даче).

Анна Ильинична в настоящее время — научный сотрудник Истпарта. Истпарт соединен с Институтом Ленина. Ей можно писать на Институт Ленина.

Мария Ильинична — секретарь «Правды».

Дмитрий Ильич — врач при Свердловском ун-те.

Посещали Ульяновых во время их жизни в Симбирске следующие лица: Романовская — народная учительница, Кашкадамова — народная учительница, Назарьев с женой, инспектор народных училищ Стржалковский, Красев, Фармаковский, Ишерский, Зимницкий (без семьи), Аммосов (без семьи). Керенский бывал у Ульяновых редко, официально, но с семьей.

Учителя гимназии: Ежов, Моржов, Нехотяев, Теселкин.

Писарева Александр Ильич доставал у доктора Покровского, брал один том за другим и прочел все сочинение. Писарев оказал в то время на Анну Ильиничну сильное влияние. Так, она бросила учиться музыке, охладела к Пушкину, но стала читать и увлекаться Гейне (во время жизни в Симбирске).

¹ Записано со слов А. И. Ульяновой-Елизаровой во время ее пребывания в Ульяновске в июне 1929 г. научным работником музея А. Г. Медведевой. *Ред.*

Бывал у Ульяновых доктор Кадьян, но только как доктор (в Симбирский период жизни).

*Ленин и Симбирск:
Документы, материалы, воспоминания.
3-е изд., доп. Саратов, 1982.
С. 436—437*

ИЗ ОТВЕТОВ А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ НА ВОПРОСЫ ДОМА-МУЗЕЯ В. И. ЛЕНИНА В УЛЬЯНОВСКЕ ¹

Июнь 1929 г.

3. Чьей работы диванная подушка, которую Анна Ильинична прислала?

Ольги Ильиничны; вышивала ее в последнем классе гимназии, тогда требовалось, чтобы каждая ученица представила работу по рукоделию.

8) Картины и портреты на стенах комнат были ли и какие?

Не было.

9) О няне Варваре Григорьевне, о ее сказках, о ее влиянии на детей. Ее фамилия. Крестьянка ли она была? Как долго жила у Ульяновых? Где умерла?

Сказок не помню, чтобы рассказывала. Была очень привязана к детям и ко всей семье, но влияния на детей заметно не было. Они пользовались влиянием матери. Была крестьянка Пензенской губернии, незамужняя. Прожила в семье 20 лет, вынянчила 4; первого Володю — любимца. Умерла в семье Ульяновых в Самаре весной 1890 г.

16) Какую центральную газету выписывали или читали Ульяновы, когда жили в Симбирске?

Последние годы выписывали «Русские ведомости».

17) Чем был вызван у Владимира Ильича следующий акт: «сорвал с себя крест и затоптал его».

Об этом сообщала Надежда Константиновна. Мне не известно.

¹ Ответы на вопросы записаны собственноручно А. И. Ульяновой-Елизаровой во время ее пребывания в Ульяновске в июне 1929 г. Опушены вопросы, оставшиеся без ответа. *Ред.*

18) Почему Владимир Ильич взял себе фамилию «Ленин» и когда?

19) Когда вступили в партию Анна Ильинична, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич?

24) После казни Александра Ильича продолжали ли получать пенсию мать и дети и размер пенсии?

25) Не сохранился ли портрет няни Варвары Григорьевны?

26) Можно ли положить в кабинете Ильи Николаевича и в комнате Марии Александровны журнал «Современник»?

27) Как Илья Николаевич и Мария Александровна относились к религии?

28) Политические взгляды Ильи Николаевича?

29) Почему Владимир Ильич не был на военной службе?

30) Было ли у Ульяновых имение? Чье имение было Кокушкино Казанской губернии и какое отношение имели к нему Ульяновы?

В 1901 г. за границей. Почему, — не известно.

Анна Ильинична считает стаж с 1898 года, вступления в первую парторганизацию — Московского Комитета партии.

Что за вопрос? Даже некоторые вещи Александра Ильича, как серебряные часы и плед, которые мать желала получить на память, были, как ей было сообщено, проданы на расходы по производству казни.

Получала 50 руб. на себя и на детей. Сначала это составляло 100 руб. в месяц, потом с возрастом детей постепенно уменьшалась.

Нет.

Скорее подходит в книжный шкаф Александра Ильича.

Илья Николаевич был религиозен. Мария Александровна мало посещала церковь.

Либерал, или мирного направления народник.

Как старший сын при матери-вдове.

Кокушкино было благоприобретенным имением отца Марии Александровны, Александра Дмитриевича Бланк. После его смерти принадлежало 5 дочерям. Частью Марии Александровны управляла сестра ее — Любовь Александровна Пономарева. Она была оценена в 3000 руб.

31. Была ли замужем Мария Ильинична?

Нет.

*Ленин и Симбирск:
Документы, материалы, воспоминания.
2-е изд., доп. Саратов, 1970.
С. 437—438. Дополнено по рукописи.*

ИЗ ОТВЕТОВ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ НА ВОПРОСЫ, ВЫЯСНЯЕМЫЕ МУЗЕЕМ ¹

Март 1931 г.

2) Чем объяснить, что Владимир Ильич в гимназии и за поведение получал лучшую отметку, т. е. «5»?

2-а) Почему у Владимира Ильича в аттестате по логике поставлено «4»?

7) Мария Александровна была немецкого происхождения по материнской линии, но какой национальности был ее отец, которого фамилия Бланк, и кто он был по своему соц. положению?

8) Где место рождения Марии Александровны?

9) В какой деревне она провела свое детство и юность и где служил в это время ее отец? Как рано умерла ее мать и кто она была? Была ли Мария Александровна дворянского происхождения?

10) Каких писателей она более любила читать?

Анна Ильинична говорит, что тогда гимназия была заинтересована ставить ученикам лучшую отметку за поведение, так как иначе она сама себя компрометировала. Только в исключительных случаях эта отметка сбавлялась.

Был тогда такой учитель логики, который считал, что только он один хорошо знает логику и никто больше.

Отец был русский, мещанин.

Петербург.

Мать умерла, когда Марии Александровне было 3 года; она была купеческого происхождения из состоятельной семьи Грошофф. Когда Мария Александровна жила в деревне Кокушкино в 40 верстах от Казани, отец ее был в отставке.

Мария Александровна любила читать журнал «Исторический вестник».

¹ Ответы на вопросы записаны сотрудником Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске А. Г. Медведевой во время ее пребывания в Москве в марте 1931 г. Ответы давались главным образом А. И. Ульяновой-Елизаровой. *Ред.*

11) Какие музыкальные произведения ей более нравились, каких композиторов («Травиата», «Аскольдова могила», «Близ города Славянска») и где можно их достать?

14) Что читал Владимир Ильич в 15—17-летнем возрасте по общественно-политическим и другим вопросам? Каким путем это можно выяснить?

15) Можно ли в комнатах Александра Ильича и Владимира Ильича поместить гимназические мундиры, ранцы, а также и в других комнатах (у няни, у Марии Александровны, в детской и т. п.) поместить предметы одежды?

18) Какие произведения Гейне более нравились Анне Ильиничне и Александру Ильичу. Какой томик Гейне был принесен Александру Ильичу в Петропавловскую крепость и сохранился ли он? Какие произведения Гюго, Золя, Мопассана, П. Бурже, А. Доде читались?

20) Где встретились Мария Александровна и Илья Николаевич?

Ни «Травиата», ни «Аскольдова могила» не характерны для Марии Александровны, которая не имела музыкального образования: она ведь училась только дома, у тетки¹.

Институт Ленина отказался исследовать этот вопрос, говоря, что это забота Анны Ильиничны. Н. К. Крупская не знает, она сказала только, что он читал Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Тургенева, Писарева. А книги Рощина и Чистякова из его комнаты нужно убрать, т. к. они не характерны для него.

В комнате Владимира Ильича можно поместить гимназический мундир, гимназическую фуражку и ранец. В других комнатах предметы одежды помещать не нужно.

У Анны Ильиничны есть Гейне, но пока она его не передает музею. Это 4-томное издание в 2 книгах. Отдельных произведений Гюго, Золя и других она не помнит.

Мария Александровна встретила с Ильей Николаевичем в Пензе, где она жила у своей сестры Веретенниковой и занималась с ее детьми. Муж Веретенниковой был инспектором в Пензенском дворянском институте, где был старшим учителем математики и физики Илья Николаевич. Он бывал в доме у Веретенниковых и там встретил Марию Александровну.

¹ Е. И. Эссен (Грошопф). *Ред.*

22) Кто читал Тьера «История французской революции» на французском языке?

24) Был ли порядок в кабинете или же газеты и книги валялись и по стульям и по диванам?

33) Кому Ульяновы продали свой дом при отъезде из Симбирска?

35) Насколько правдоподобны воспоминания Яковлева, записанные Жиркевичем (рукопись)?

37) Болел ли Владимир Ильич в детстве и юные годы какими-либо тяжелыми болезнями? Каково было его здоровье? Когда он начал впервые ходить и говорить?

38) Были ли среди родственников Ульяновых по линии матери или отца какие-либо особо способные или даже гениальные люди?

Мария Александровна.

Порядок был, газеты и книги лежали на столах.

Полицмейстеру Минину.

В них много фантазии.

Болел корью. Комплекция его была вообще «рыхлая». Ходить он начал лет двух. Когда стал говорить, Анна Ильинична не помнит.

Отец Марии Александровны был очень умный и способный человек. Он был доктор медицины — хирург и гинеколог. 2 раза был за границей, специализируясь по медицине. Имел свой труд «Чем живешь, тем и лечись» и признавал естественные способы лечения. (По линии отца Анна Ильинична родственников не знает.) Несмотря на свои большие знания и способности, он не мог хорошо устроиться в жизни, был неудачник. В течение 8 лет он бесплатно работал в Петербурге, в Мариинской больнице. Наконец, получил платное место, кажется, в Пензенской губ., но там он работал недолго в силу каких-то осложнений по службе. Он тогда вышел в отставку, купил имение Кокушкино в 40 верстах от Казани. Купил его на деньги тетки (сестры

жены)¹ отчасти, а другую часть денег на имение он получил от заклада этого имения. Детей у него было 6 человек...

40) Где и кем был заснят Александр Ильич перед казнью (21 года) и как был получен затем этот снимок?

Был заснят в тюрьме охранкой. Мать получила 2 карточки анфас и в профиль от директора департамента полиции, к которому она обратилась с этой просьбой.

41) Училась ли Мария Ильинична на высших курсах?

Училась на Московских высших женских курсах.

*Ленин и Симбирск:
Документы, материалы, воспоминания.
2-е изд., доп. Саратов, 1970.
С. 438—441*

ПРОФЕССОР-ОППОРТУНИСТ О ЛЕНИНЕ²

Мы имеем перед собой воспоминания профессора Тахтарева о В. И. Ленине в трех ленинградских изданиях 1924 г. Автор работал одновременно с Владимиром Ильичем в Петербурге в 90-х годах, встречался с ним в эпоху «Искры» за границей, жил вместе в Лондоне в пору II съезда партии, присутствовал на съезде Лиги. Если добавить к этому, что автор был редактором «Рабочей мысли», с «экономизмом» которой горячо боролся Ленин, то понятно, что воспоминания его представляют большой интерес.

Обстановка, в которой начиналась и протекала работа социал-демократических кружков и интеллигентов-одиночек в эпоху расцвета марксистской мысли и яркой борьбы с народниками, давалась уже в ряде других воспоминаний (тт. Красина, Шелгунова, Сильвина, Норинского и др.). Для историка того периода более важны в воспоминаниях Тахтарева черты, рисующие личность Владимира Ильича, с которым он приходил неоднократно в своей жизни в тесное общение, а также обрисовка и мотивировка того направления социал-демократии, которое известно под наименованием «экономизма». Ведь автор был, как известно, одним из инициаторов

¹ Е. И. Эссен (Грошопф). *Ред.*

² Пролетарская революция, 1924. № 11. Статья посвящена разбору литературы: Тахтарев. В. И. Ленин и социал-демократическое движение (По личным воспоминаниям). 28 с. «Былое». 1924. № 24.

Тахтарев К. М. Воспоминания о Владимире Ильиче Ульянове — Ленине и о партийном расколе. — Приложение № 11 к книге того же автора «Рабочее движение в Петербурге» (1893—1901 гг.). Л.: Прибой, 1924. 167—194 с.

Тахтарев К. О Владимире Ильиче. Сборник «Об Ильиче». Ленинградский Истпарт. Прибой, 1924. 117—132 с. *Ред.*

и ярых защитников этого направления, — его рыцарем, остающимся и по сию пору верным ему.

Начнем с воспоминаний, помещенных в «Былом», так как там мотивировка «экономизма» изложена всего обстоятельнее. Базируясь очень неудачно на лозунге Маркса — «рабочее дело есть дело самих рабочих», автор пытается защищать большую правильность самостоятельных, «без интеллигентов», организаций рабочих. Он подчеркивает неоднократно, что считал своей задачей лишь «помогать рабочим организациям», Владимир же Ильич «видимо с самого начала поставил себе цель руководить рабочим движением». Автор стоял за организацию касс по предприятиям, — чисто профессиональную, — Владимир Ильич на первом же собрании, на котором встретил его Тахгарев, решительно отстаивал объединенную вокруг социал-демократического кружка кассу. Владимир Ильич был против введения в то время рабочих в центральный кружок; автор был ярым сторонником этого. Владимир Ильич считал необходимым скорейшее объединение социал-демократических организаций, и созыв партсъезда состоялся, как известно, в марте 1898 г. Автор полагает, что это было форсированной попыткой, не достигшей цели. Он ставит в вину организаторам I съезда, что это было делом нескольких интеллигентов, что целый ряд рабочих организаций не был посвящен в него, что манифест был написан Струве и т. п. Инициатором такого «форсирования» автор считает Владимира Ильича. «Его заветной идеей было объединение и руководство рабочим движением», — снова и снова повторяет автор.

Условия работы в то время, когда рабочие делали только первые шаги в организационно-политическом строительстве партии, и за исключением одиночек, которых можно было буквально по пальцам перечесать, были совсем незнакомы с подпольной работой, — повелительно требовали архиконспиративного созыва съезда. И при этой конспирации, которая так не по нутру пришлась Тахтареву (он и его организация не знали!), все почти участники его, как правильно отмечает автор, были арестованы. Несомненно, что при сколько-нибудь более широком осведомлении съезд не мог бы состояться вовсе. Утверждение Тахтарева, что образование партии таким образом, «не только не способствовало объединению социал-демократических организаций, но даже дискредитировало самую идею», совершенно не соответствует действительности. Уже одно то, что после съезда по всем городам стали организовываться комитеты партии, означало сознание необходимости объединения отдельных кружков, признания общей связи, общей программы. Уже одно это было сильным ударом по таким отсебятинным организациям, как «Рабочая мысль», по таким вредным уклонам, как «экономизм».

То, что манифест был написан Струве, не имело того значения, которое хочет приписать ему автор. Тахтарев сам ведь говорит, что в то время Владимир Ильич, Потресов и Струве, казалось, шли заодно. Ведь и Потресов позднее отошел далеко, но, тем не менее, до 1903 г. он шел заодно. Струве отошел раньше, основательнее. Конечно, будь Владимир Ильич ближе, манифест был бы написан

им. Но мне лично известно от организаторов съезда (С. И. Радченко), что ими были поставлены условия, которым должен был удовлетворять манифест, так что Струве писал, так сказать, по определенному заданию и под несомненным контролем.

И совершенно верно, Владимир Ильич был главным агитатором необходимости объединения.

Теперь, когда мы все знаем, какой заслугой было со стороны Владимира Ильича объединение и руководство рабочим движением, когда мы знаем, к каким блестящим результатам и в общероссийском и в мировом отношении это привело, — нам особенно жалкими кажутся стремления автора выгородить и оправдать теперь, через 25 лет, свою точку зрения. Поистине он ничего не забыл и ничему не научился. Он не забыл тех мелких личных обид (он и руководимые им кружки были не осведомлены о созыве I съезда), какие он перенес тогда, он не научился из ярко развернувшейся по идее Ленина борьбы рабочего класса различать, чья точка зрения была правильной.

Если в то время, по ограниченности кругозора, многие социал-демократы стояли на точке зрения автора, то теперь они давно работают с нами. Воспоминания Тахтарева — это какой-то анахронизм, точно автор был замурован от впечатлений революционных бурь, современником которых он был, в стенах Британского музея, в изучении социологии. В качестве какой-то редкой окаменелости выступает он на сцену теперь, через 25 лет, не признавая не только ошибочности своей тогдашней позиции, но и упорно отстаивая ее правильность. В своих нападках на «форсирование» событий, Тахтарев не замечает той «мелочи», что руководителями его «чисто рабочих организаций» — кружков, газеты — являлись неизменно интеллигенты¹.

Собственно, почти единоличным руководителем «Рабочей мысли», когда она была перенесена за границу, был он, Тахтарев. Эта «мелочь» в «чисто рабочих организациях» повторялась, как известно, и позже.

Не замечает Тахтарев и того, что, обвиняя Владимира Ильича в стремлении с самого начала «руководить» рабочим движением, он сам в рассказе о первом рабочем собрании, на котором он видел Ильича, говорит, что последний «очутился как бы в положении действительного председателя», которого на этом собрании избрано не было, и, «видя перед собой торнтоновских ткачей, конечно, вперые, он допрашивал их так, как будто был прекрасно знаком с их положением». Т. е. Тахтарев говорит, что само собой, благодаря «уменью делать дело», «ставить мастерски вопросы», знакомству с положением рабочих, Владимир Ильич очутился

¹ Ленин в статье: «Единство рабочих и «течения» интеллигентов» («Путь Правды» от 13 мая 1914 г.) говорит: «На базаре интеллигентской суеты часто бывает, что против командования над рабочими громче всего кричат как раз интеллигенты, командующие над рабочими, объявляющие великое множество антимарксистских и антипролетарских «течений»» (Соч., т. XVII, стр. 366). А. Е. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 153. *Ред.*)

в положении председателя, т. е. не он навязывал свое руководство рабочим, а они сами, молчаливым соглашением, признали его таковым. Одним словом так, как бывает во всяком деле: наиболее умелый и способный выдвигается неизменно руководителем; менее же способные лишь «помогают». Таким образом, опровергая свое же утверждение, что Ленин хотел руководить во что бы то ни стало, свок «беду» автор ставит себе в заслугу. Не замечая и этой «мелочи», автор на протяжении всей статьи постоянно и упорно подчеркивает, что Владимир Ильич «с самого начала стремился к руководству», «в руководстве рабочим движением видел главную цель Союза борьбы». Говоря о Владимире Ильиче и Плеханове, он указывает, что первый поставил себе, очевидно, ту же цель, что и «основоположник русского социал-демократического движения», но что «условия его деятельности были более благоприятны».

Заканчивая свою статью описанием перипетий II съезда, он подчеркивает, что «идейная борьба бывает одновременно и личной борьбой за власть», что «к этой власти, несомненно, стремились оба выдающихся представителя революционной социал-демократии», и что *«для русской социал-демократии все это было настоящей трагедией, которая началась Лондонским съездом и закончилась образованием РКП и смертью Плеханова. Единоличное, высшее руководство рабочим движением, хотя и с невознаградимыми потерями, было, наконец, осуществлено»* (курсив мой. А. Е.).

Таковы финальные строки статьи Тахтарева, таковы те стекла, через которые он видит историю рабочего движения за 25 лет. Но стекла эти обладают в данном случае всеми свойствами зеркальных и отражают того, кто смотрит в них, отражают настолько отчетливо и полно его истинную сущность, что делают излишними всякие комментарии. Поэтому, оставив в стороне освещение, которое придает событиям и личности Ленина автор, посмотрим на то, что, потушив это освещение, мы можем получить из его статьи. А получить мы можем очень много биографического материала о Ленине.

Мы видим его с самого начала работы в Петербурге ярким представителем политического направления социал-демократии, сознающим необходимость скорейшего объединения разрозненных кружков в единую политическую партию рабочего класса. Мы видим его непримиримым борцом со всякими, — в первую очередь экономическими, уклонами с этого пути, со всей свойственной ему прямолинейностью («не допускал различия между POSSИБИЛИЗМОМ и оппортунизмом; если человек ренегат, как Струве, ну так его «надо убить»»). Мы видим, как он «с наружным спокойствием, но с крайним напряжением нервов» переносил борьбу на II съезде. В качестве близкого свидетеля и до некоторой степени пользовавшегося его врача Тахтарев видел, как *«он был потрясен этой борьбой, которой он, по-видимому, никак не ожидал»*. (курсив А. Е.)¹.

¹ По поводу нервной болезни Владимира Ильича в 1902 г. Н. К. Крупская прислала нам следующее сообщение:

Мы видим его как товарища. «Он очень хорошо, по-товарищески, встретил меня» (пишет Тахтарев, считавший вполне возможной иную встречу, «как человек, которого Владимир Ильич не без основания мог считать одним из наиболее решительных своих противников»); как человека чрезвычайно прямого: «Я был ему в высшей степени благодарен за его прямоту, она мне очень понравилась, и мы простились по-товарищески».

Мы видим его живущим чрезвычайно скромно; напряженно работающим, но любящим и повеселиться, когда представляется случай к тому (рассказ о карнавале в Париже, в котором Владимир Ильич принимал участие).

«Владимир Ильич обладал, несомненно, очень живой натурой, и ничто человеческое не было ему чуждо».

Наконец, несмотря на обвинение в желании руководить, автор утверждает, что «в более близком кругу товарищей он не только избегал насилловать их решения, но даже старался не обнаруживать своего подавляющего влияния»... «относился к возражениям очень внимательно»... «Держал себя очень просто, как равный с другими. Влияя на других часто почти неотразимо, он нередко нарочно стремился это замаскировать».

Таким образом, концов с концами, как в личной характеристике, так и в попытке защиты представляемого им направления, автор — профессор и литератор — никак не сводит. Он силится показать Владимира Ильича личным карьеристом, стремящимся во что бы то ни стало к «единоличному, высшему руководству революционным движением», хотя бы «с неознаградимыми жертвами», не остановившимся перед «настоящей трагедией для русской революционной социал-демократии»,... «закончившейся смертью Плеханова» (так что как будто бы и в этой последней Ленин оказывается виноват!)...

А перо его, помимо его воли, рисует нам нашего вождя простым товарищем, «стремящимся замаскировать свое превосходство», «само собой оказывающимся фактическим председателем собрания», человеком, «потрясенным борьбой, которой он, по-видимому, никак не ожидал» (это борющийся-то за единоличную власть, во что бы то ни стало!!), товарищески относящимся и к противникам и т. п.

Он хочет утверждать, что рабочемысленское направление было единственно правильным, что противоположное ему было стремлением «насилловать волю рабочих», «форсировать события», а по опи-

«Тар (Тахтарев) все перепутал. У Владимира Ильича «feu sacré» (священный огонь) был в Лондоне до II съезда, перед переездом в Женеву, а не после II съезда. Никакие английские врачи Вл. И. не лечили; врач брал за визит гинею, так что к врачам мы ни разу не прибегали. Лечил Тар, сказал: «стригущий лишай» и посоветовал вымазать йодом. Это вызвало страшную боль, и Владимир Ильич всю дорогу метался, а когда приехали в Женеву, то потерял сознание. Пришла Розалия Марковна (Плеханова) и определила что за болезнь. Владимир Ильич пролежал тогда две недели в пансионе Борхардт».

Существенная поправка к утверждению Тахтарева, что он первый определил правильно «священный огонь»!! А. Е.

санию его выходит, что он, интеллигент, был «представителем «Рабочей мысли» и самостоятельной рабочей организации», что он, когда ему «показалось необходимым изменение прежнего направления «Рабочей мысли» в сторону политики, попытался превратить ее в политический орган, для редактирования которым наиболее подходящим лицом *мне* (курсив мой А. Е.) казался Плеханов».

А «руководители и главнейшие сотрудники» органа, «сами рабочие», были по этому случаю опрошены? Автор проговаривается и заявляет попросту: «мне показалось». Это «*мне*» — великолепно!

Тут, очевидно, не «насилование воли рабочих», не «форсирование событий». А то, что Владимир Ильич видел необходимость ставить политический орган для рабочих не в 1900 г., а раньше, не его прозорливость, а «стремление к руководству и к власти»?!!

Вообще много в воспоминаниях Тахтарева несвязанных концов. Так, в том же абзаце, где он указывает, что *ему* показалось необходимым изменение прежнего направления «Рабочей мысли», он говорит:

«Мы (т. е. Владимир Ильич и он. А. Е.) стояли на противоположных полюсах нашего движения и представляли собой совершенно различные его направления».

Владимир Ильич с самого начала своей работы считал необходимым давать рабочим политический орган. Почему же, когда Тахтарев несколькими годами позже его пришел к той же мысли, они продолжали стоять «на разных полюсах»? Ведь, значит, Тахтарев сдвинулся со своего полюса, скатился к противоположному настолько, что выбрал редактором Плеханова, человека, стоявшего тогда с Владимиром Ильичем на одном полюсе движения, работавшего с ним в одной редакции. Каким же образом он, «представляя с Владимиром Ильичем совершенно различные направления», пошел предлагать редакторство одному из его соредакторов? Ведь тут, следовательно, мог иметь место только личный выбор, а не различие направления. Что касается до того, что Тахтарев видел главную особенность «Рабочей мысли» не в ее экономизме, а в «стремлении обеспечить самостоятельное развитие организованного рабочего движения», то, во-первых, мы знаем, что стремление это является тем же тред-юнионизмом, замыканием рабочих в искусственно суженные рамки «литературы для рабочих», о котором говорит Ленин в «Что делать?»¹, пасованием перед стихийностью, а, во-вторых, мы указали уже (выше), что Тахтарев не стесняется полным игнорированием этой самостоятельности, предлагая от себя лично изменение направления и редакторство другому лицу, «ему показалось необходимым изменение направления».

Каким же образом, изменив так круто направление, он устоял на противоположном полюсе? Ну, и эквилибрист же этот профессор!!! Но, довольно. Чрезвычайно неприятное впечатление произ-

¹ «...Рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39). *Ред.*

водит еще, что в противовес приветствуемой автором прямого Владимира Ильича он сам далек от нее, он не восстает прямо и смело против того, что привело к «трагедии» русскую социал-демократию, а предпочитает более или менее завуалированные кивки и намеки.

Характерно указать, что в приложении к своей книге «Рабочее движение в Петербурге в 1893—1901 годах» («Прибой», 1924 г.) — «Воспоминания о Владимире Ильиче» эти кивки и намеки значительно бледнее, а в сборнике «Об Ильиче» Ленинградского Истпарта отдела почти совсем выпущены. Автор считался, очевидно, с направлением редакции и в «Былом» дал наиболее простора выявлению своей давнишней личной обиды неудачника и отошедшего от движения человека. В статье «Воспоминания о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине и о партийном расколе»¹ Тахтарев прямо начинает с утверждения:

«Владимир Ильич был несомненно прирожденным вождем и вдохновителем людей, его окружавших, и таковым он встает предомной в моих самых ранних воспоминаниях о нем. Таким показался он мне и при первой моей встрече с ним около тридцати лет тому назад на одном рабочем собрании».

«Я не знаю,— продолжает Тахтарев,— хотел ли с самого начала Владимир Ильич *непрерывно* (курсив мой. А. Е.) руководить его окружавшими, стремился ли *он непрерывно* (курсив мой. А. Е.) стать во главе движения. Некоторые факты как будто говорят за это. Впрочем, мне лично думается, что он *в большинстве случаев* (курсив мой. А. Е.) становился руководителем... не потому, что хотел быть среди них (товарищей) первым, а потому, что он шел всегда впереди них, показывая им дорогу... и *невольно* (курсив мой. А. Е.) ведя их за собой».

Так претворяются в воспоминаниях, сданных в издательство «Прибой», обвинения Владимира Ильича в стремлении к «единоличному руководству партией во что бы то ни стало». Так Тахтарев в одной статье, датированной 1924 г., опровергает самого себя в другой статье, относящейся к тому же году.

Отсутствие мужества открыто высказать свое мнение колет глаза. «Я не знаю, хотел ли руководить... некоторые факты как будто говорят за это... Мне лично думается, что *в большинстве случаев* не хотел, а невольно...».

Опять кивки, намеки, мелкие уколы из-за угла. И все же, вместо той «трагедии с незнагадаемыми жертвами», которой автор называет раскол на II съезде в «Былом», в приложении к его книге мы встречаем утверждение, что на II съезде «разлетелись мечты Владимира Ильича о создании единой и сплоченной революционной социал-демократии». Таким образом, из «злого гения» социал-демократии (общее меньшевистское воззрение), которое, стремясь к «единоличному руководству движением», не останавливается перед

¹ Тахтарев К. Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 гг. «Прибой», 1924. Ред.

«невознаграждаемыми жертвами» (должно быть, самой вознаграждаемой является автор рецензируемых воспоминаний?!), Владимир Ильич сам неожиданно обращается в жертву: «Разлетелись его мечты о создании единой и сплоченной революционной социал-демократии!» Единой и сплоченной с кем? С экономистами? С оппортунистами?!!

Конечно, Владимир Ильич, как всякий политический деятель, стремился сплотить и объединить вокруг того, что он считал истинным, всех заблуждающихся членов партии; конечно, он тяжело пережил раскол, которого не ожидал, но приписать ему, не останавливавшемуся ни перед каким расколом в борьбе за то, что он считал принципиально правильным, какие-то «мечты» о всеобщем сплочении, значит изобразить его мягкотелым интеллигентом, который сидел и «мечтал», а не удались мечты, сложил «на пустой груди ненужные руки», как поступают мягкотелые интеллигенты,— значит совершенно не знать его. Такой «с божьей помощью переворот» — из тирана, все ломающего на пути к личной власти, в жертву, «мечты которой разлетелись», показывает, что Тахтарев не может выйти из дилеммы: либо тиран, либо жертва; и раз он великодушно отказывается от обвинения в тирании, он может сделать его только жертвой, т. е. его стекла являются опять-таки зеркальными, отображающими всего лучше его собственное лицо интеллигента: либо тиран, либо жертва.

Что касается великодушия, то оно вызвано тем, что рукопись направлялась в партийное издательство, где автор понимал, что обвинение Ильича в карьеризме не прошло бы. А партийное издательство просмотрело «жертву». «Прибой» все же в общем предисловии указал, что автор «продолжает смотреть на описываемую им эпоху сквозь призму своего кружка» и на «известную долю субъективной окраски» в воспоминаниях Тахтарева о Ленине, а сборник «Об Ильиче» Ленинградского Истпарта не сделал и этого и поместил точно так же фразу о «разлетевшихся мечтах» без всякого примечания. А примечание сделать тут следовало бы: ведь имя Тахтарева для большинства молодых товарищей ничего не говорит, и они могут пока взять всерьез, что на II съезде разлетелись мечты Владимира Ильича о создании единой и сплоченной революционной социал-демократии. Характерно, что в статье, посланной в сборник «Об Ильиче», автор многое выбросил: так, он выбросил о расколе, о собрании «стариков» и «молодых» в 1897 г. по выходе Владимира Ильича и его товарищей из тюрьмы, о защите направления «Рабочей мысли», о разговорах с Владимиром Ильичем о тред-юнионизме, о Струве и т. п.,— одним словом, «сократился» еще больше.

Самым характерным из изменений, внесенных Тахтаревым в эту третью его статью об Ильиче, является заключительная фраза: «...ушел в область любимой науки».— В сборнике «Об Ильиче» тут стоит точка. В приложении же к своей книге профессор на этом не останавливается, а дополняет после запятой следующими словами: «которая была далека от подавлявшей меня борьбы за

высшее руководство российской социал-демократической партией».

Таким образом, в последней статье обвинения против Владимира Ильича выветрились еще больше.

Но довольно. Мы считаем, что для истории партии надо взять квинтэссенцию всех трех статей Тахтарева, не стесняясь всеми его уколами из-за угла и его позицией твердокаменного рабоче-мысленца. Статью эту следует, конечно, снабдить предисловием, выясняющим позицию автора и суть разногласий между ним и нашей партией во главе с Лениным; к ней надо дать достаточно исчерпывающие примечания, чтобы и для молодых товарищей, мало знакомых с историей тех давно минувших дней, не было места неясностям и недоразумениям. Тогда о «субъективной окраске» автора, по выражению редакции издательства «Прибой», можно будет особенно не заботиться. Между прочим, оригинальна характеристика редакции «Прибой»: «Воспоминания, тоже не лишённые известной доли субъективной окраски». Точно личные воспоминания могут быть без всякой доли субъективной окраски! Точно дело лишь в «некоторой доле субъективизма»?!!

С точки зрения материала для истории партии и биографии Владимира Ильича очень ценны указания на его нервную болезнь в результате расстройства расколом на II съезде, а также данные относительно проекта программы русских социал-демократов, написанного Владимиром Ильичем в тюрьме. Копия проекта, по словам Тахтарева, хранилась довольно долго у него за границей и, по его предположению, погибла при взрыве дома во время мировой войны. Эти данные бросают новый свет на историю нахождения части «объяснительной записки к проекту программы», напечатанной в № 3 «Пролетарской революции» за 1924 г., и подтверждают высказанное пишущей эти строки предположение, что с рукописи, погибшей, по словам Потресова, с архивом Союза борьбы, должна была быть снята в свое время копия.

*Ульянова-Елизарова А. И.
В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткий
очерк жизни и деятельности.
М., 1934. С. 154—165*

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В ответ на Ваше письмо от 22 марта с. г.¹ по поводу рукописи М. Шагинян «Володя Ульянов», которую она привезла мне в Горки с просьбой внести необходимые изменения и замечания, считаю долгом сообщить Вам, что названная рукопись меня совсем не удовлетворила, так как не дает правдивого образа Владимира Ильича в школьные годы. В описании семейной обстановки отсутствуют характерные особенности данной семьи.

Совершенно не указано, в чем и как сказалось влияние на Володю отца, матери и старшего брата Александра. Между тем это влияние было громадно. Просветительная деятельность отца в деревне совершенно обойдена. Взят очень неудачно только самый последний период его деятельности перед смертью, период пессимистический и совсем не характерный для него.

Илья Николаевич был оптимистом, страстно любил дело народного образования. Во всем и всегда чувствовалось его увлечение работой, его любовь к народу, его заботы о нем, о школах, об учителях. Всю семью, можно сказать, вдохновляло и воодушевляло создаваемое им дело. Заостряло внимание всех детей на мужике, крестьянине, на тяжелой доле его, на тяжелой доле вообще всех трудящихся.

Это — основное, самое главное в семье Ульяновых. Без учета этого влияния отца на детей нельзя вообще понять эту семью. Нельзя понять, почему за старшим сыном, сложившим двадцатилетним юношей свою голову на эшафоте, следующий сын Владимир с большей вдумчивостью и с большей обстоятельностью решительно встал на революционный путь, сделавшись впоследствии гением революции.

Вспоминаю себя мальчиком, когда отец, вернувшись из объезда губернии, часами рассказывает нам о школьниках — крестьянских ребятах, об их простых непосредственных ответах на экзаменах в присутствии его, как директора. Эти чисто школьные рассказы тесно переплетаются с общими условиями быта крестьянских детей, с извечной нуждой народа. Работа дальше в этом направлении, наши детские мысли настраивались определенно на гражданские, а потом и революционные мотивы.

Чрезвычайно ценно и характерно указание Анны Ильиничны, как папа сам указал Саше на стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда» и «Песня Еремушке». Нельзя допус-

¹ В каком году было написано письмо, установить не удалось. *Ред.*

тить, чтобы такие или аналогичные указания папа не давал другим детям, и в частности Володе.

С другой стороны, нельзя не коснуться влияния на Володю старшего брата Александра, с которым он прожил бок о бок ряд лет и которого очень любил.

Совершенно неверно также изображать Владимира Ильича в 1887 году в роли какого-то вожака студенческого движения. Уже и в те годы Ильич вовсе не придавал такого важного значения студенческому движению, по существу совершенно стихийному и неклассовому. Он уже тогда искал правильных путей в революционном движении, и студенческие беспорядки не могли заслонить перед ним этого самого главного дела. На это указывает совершенно определенно такой момент, как выбор Ильичем факультета. Он избрал юридический факультет, что удивило его сверстников Н. И. Веретенникова и одноклассника М. Ф. Кузнецова, потому что они считали, что на юридический факультет идут карьеристы. Они не поняли тогда, что на юридический факультет идут не только карьеристы, но и революционеры, люди, ставящие перед собой задачу изучения современного буржуазного общества, борьбу с которым они поставили целью своей жизни.

Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи
2-е изд., доп. М., 1984. С. 141-142

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «КРАСНАЯ НОВЬ»

(По поводу 1-й части романа М. Шагинян
«Билет по истории») ¹

Прежде всего я должен сугубо извиниться, что так долго задержал свой ответ на Ваше обращение от 16/X. Главной причиной этого является осложнение в моей болезни.

Рукопись в общем мне понравилась, и, что очень важно, серьезный подход товарища Шагинян к теме.

Но вообще меня немного коробит сама форма романа как таковая.

Основная задача, по моему мнению, состоит в том, чтобы дать вполне правдивый образ Владимира Ильича и той семейной обстановки, которая окружала его с раннего детства. Насколько подходит для этой цели форма романа? По-моему, такая форма наименее подходяща, если сам автор не был ни действующим лицом в ней, ни даже непосредственным наблюдателем ее ².

Отец и мать Владимира Ильича — живые исторические лица. Нельзя поэтому, не греша против истины, вкладывать им в уста сло-

¹ Рецензия на рукопись романа М. Шагинян «Билет по истории», первая часть которого была опубликована в 1938 г. *Ред.*

² Надежда Константиновна смотрит так же. *Д. У.*

ва, которые они не произносили. Нельзя поэтому говорить в категорической форме о тех или иных душевных их переживаниях — если это фактически неизвестно — на основании только допущений, предположений и т. д.

Как бы строго и чутко ни подходил автор к своей теме, форма романа в данном случае а priori не может не вести к искажению действительности. Едва ли кто-нибудь будет отрицать это. Поэтому следовало бы предпочесть описательную форму изложения и вместе с тем менее категорическую. Что-нибудь вроде семейной хроники, где не обязательно нужно ставить точки над всеми «і», где автор может более строго придерживаться фактов и меньше прибегать к своей фантазии.

Может ли форма романа сколько-нибудь искупить неизбежные при ней фактические неточности и элементы фантазии? Думается, что нет.

Семейная хроника, я бы сказал, не требует той категоричности утверждений, как роман. Там можно допустить условные, предположительные утверждения, благодаря чему, при недостатке фактов, истина только выиграет.

Например, на стр. 46—47 автор очень категоричен в вопросе о происхождении Ильи Николаевича: «Потомок степных калмыков», «древняя азиатская кровь монгола» — и готовит из этого уже вывод: «дикой лаской» (стр. 54). Думаю, что так безоговорочно утверждать нельзя; автор берет на себя слишком большую смелость. Конечно, мы живем не в III империи, и расовые вопросы не имеют для нас значения; нам неважно, был ли отец Ильича «чистокровным» калмыком или калмыком такой-то пробы, но справедливость требует сказать, что автор романа, несмотря на свои изыскания в Астрахани, имеет не больше права, чем всякий другой из нас, делать такие категорические выводы. Да и с какой целью он это делает? Что это по существу должно или может характеризовать?

В какую семью на Руси не попала монгольская кровь — если не в период татарского ига, то в последующие века, когда русские жили бок о бок с монгольскими племенами. Особенно в таком полутатарском городе, каким является Астрахань¹. Нет надобности особенно разбираться в семейных летописях, чтобы объяснить раскосые глаза или выдающиеся больше обычного скулы. Если бы характеристика предков касалась существа дела, например особого склада ума, каких-либо талантов или особых способностей и пристрастий, тогда бы это было важно. Но вопросы о чистокровности и кровности сами по себе не стоят ломаного гроша.

Или (стр. 49): «Он не был политиком», т. е. отец Ильича. Так категорично и общо сказать нельзя, тем более что через десять страниц автор вкладывает в его уста фразу: «И подумай, ведь этот народ был насильственно скован самодержавием... Сколько же та-

¹ Найдены новые документы, которые показывают, что родословная В. И. Ленина начинается не из Астрахани, как считалось раньше, а из Нижегородской губернии (см.: Владимир Ильич Ленин. Биография: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 1.). *Ред.*

лантов он даст освобожденный!» Что Илья Николаевич не был революционером — сказать можно, но не больше.

Стр. 74—75. «Тут вышла у нее с Ильей Николаевичем первая разминка» — вызвать ли из Астрахани мать Ильи Николаевича или из Кокушкина отца Марии Александровны. «Она сама не знала, почему в эту минуту в ней вдруг неразумно и несправедливо вспыхнула к астраханцам чуть не вражда, словно она заранее приревновала ребенка к той его половине, что идет не от крови и плоти Бланков, а от другой, чужой и неведомой ей плоти и крови». Откуда автору это известно? Это голое предположение, ни на чем не основанное. Если бы даже такой разговор был, то Мария Александровна могла бы совершенно сознательно отстаивать своего отца, так как он был в акушерстве специалистом (раньше на Урале он служил врачом-акушером). И непонятно, зачем автору предполагать и выдумывать такую штуку, как «чужая, неведомая ей плоть и кровь». Если «неразумные» мысли такого порядка бывают вообще, у кого-то, из этого вовсе не следует, что они обязательно появляются у всех и всяких родителей и теперь имели место у матери и отца Ильича.

Стр. 46. «Она забирала над ним постепенно власть». Опять ничем не обоснованное предположение и, главное, совсем ненужное для характеристики данной семейной обстановки.

Таких предположений в романе много — и в романе вообще без них не обойтись, — но на основании таких предположений у читателя составляет представление в большей или меньшей степени ложное.

Зачем нужны такие предположения, если неясно, что они должны собой характеризовать в данной семейной обстановке?

Описание отца Марии Александровны, нашего деда, доктора Александра Дмитриевича Бланка, меня совсем не удовлетворяет. Очевидно, здесь автор слишком доверился рассказам некоторых двоюродных родственников.

Доктор Бланк изображен в романе (стр. 21—22) каким-то чудачком и самодуром, гоняющим зимой своих девочек купаться в прорубь. Кроме того, убежденным вегетарианцем, который «никого не ест» и «девочки его тоже никого не едят». И далее рассказывается совсем несуразный анекдот с жареной собакой.

Между тем правильное описание деда я считал бы особенно важным в романе, потому что Мария Александровна была действительно «дочкой своего отца» и впоследствии оказала огромное влияние на своих детей, и в частности на Владимира Ильича.

Мать очень много рассказывала своим детям про «дедушку», как она его обычно называла. Лично я, будучи уже врачом, не раз расспрашивал мать о жизни дедушки, не удовлетворяясь только тем, что она сама говорила нам, и составил себе представление о нем, совершенно обратное описанному в романе.

Он был очень образованным врачом и пионером в области физиотерапии, в частности бальнеологии. Здесь он был поклонником, конечно, не знахаря Кнейппа, не доктора, как известно, а просто католического пастора, нашумевшего в свое время своими нелепыми

советами, например бегать босиком по сырым лугам, что, мол, особенно полезно в Вальпургиеву ночь (на 1 мая), по снегу и т. п.

Бланк был последователем видных немецких профессоров, применявших водолечение (обертывание в мокрые простыни, теплые ванны) при многих болезнях, в частности даже при брюшном тифе. Бланк был известен далеко за пределами Кокушкина своими новыми методами лечения, и к нему приезжали за советом больные из Казани и даже из других мест.

Мария Ильинична в своих воспоминаниях о матери (работа еще не напечатана¹) также характеризует дедушку как передового врача своего времени.

Мать рассказывала нам, что она в Пензе еще девушкой заболела брюшным тифом, дедушка примчался на почтовых, все время погоняя ямщиков. Он первым делом велел убрать все лекарства и стал лечить Марию Александровну своим способом, применяя и теплые ванны, и обертывание в мокрые простыни. «Так он вылечил меня от тифа, почти не употребляя лекарств», — говорила мать.

По рассказам матери, он воспитывал своих детей по-спартански, не позволял нежить их. Они должны были рано ложиться спать и рано вставать. В летнее время по утрам идти купаться или умываться к роднику. Им не давали в детстве ни чаю, ни кофе, а только молоко. Пища была простая, но мясо не было изъято. К столу обычно давали кашу, творог, молоко, но также котлеты и птицу. Вообще он вовсе не был вегетарианцем. Дедушка любил охоту, и, говорила мать, «нашей обязанностью было шить чучела тетеревов».

В спартанском режиме для детей преследовалась не только цель закалить и не изнежить организм, но также — и это очень важно — задача самообслуживания. «Мы должны были сами, — рассказывала мать, — делать все, что нам под силу, обходясь по возможности без посторонней помощи. Мы сами должны были прибирать за собой, мыть посуду и т. д.». Конечно, некоторым молоденьким барышням *именно это-то и не нравилось*, так как они знали, что у других на это существуют горничные, что убирать самим за собой как-то зазорно и даже, может быть, неприлично. Вероятно, что, в частности, так именно рассуждала и Аннушка, или, по-нашему детскому, тетя Аня, у которой ее дети воспитывались совсем в другом духе и им разрешалось спать до 12 часов.

Вот здесь-то и надо искать разгадки того, что дедушку считали чудакom, а крестьяне даже «тронутым» (стр. 21).

Дедушка — по словам матери — объяснял своим дочерям основы гигиены, говорил о значении чистого воздуха, влияния солнца, значении моциона, купания, обливаний и т. п.

По-моему, пензенский период очерчен значительно лучше нижегородского, в особенности в смысле характеристики внешней обстановки, и в том числе политической. Это и понятно, потому что о нижегородском периоде гораздо меньше фактического материала.

¹ См.: Ульяновы М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. 2-е изд., доп. М., 1989. С. 230—252.

В частности, не согласен с автором о нижегородском периоде, где она говорит о разнице: учитель и воспитатель (стр. 62). «Почему — он и сам не понимал, но это его раздражало и мучило, и к жене он приходил пасмурный, жалуясь на переутомление, а ей казалось, что ему скучно дома». Думаю, что отец не мог не понимать этого, и это понимание тем более его мучило и раздражало. Но мучило его в Нижнем и другое: то, что он не служит непосредственно народу, что он считал своей главной обязанностью, своим долгом¹. Поэтому-то он и рвался из Нижнего и воспользовался первой возможностью, чтобы подойти вплотную к крестьянам, хотя бы в виде правительственного чиновника — инспектора народных училищ.

Анна Ильинична как-то говорила мне, что мать, пустившая больше корни в Нижнем, сначала не могла понять, почему Илья Николаевич так рвется в Симбирск, и указывала ему, что там работа будет значительно труднее и беспокойнее. И насчет этого она была, конечно, права.

Что касается симбирского периода, который в рукописи только еще начинается весной 1870 года, то есть все основания предполагать, что последует улучшение в работе, поскольку автор несомненно использует полностью книгу Марии Ильиничны об отце, приводимые там материалы, а также и тот материал, который самостоятельно подготовила товарищ Шагинян во время своего пребывания в Ульяновске...

28 ноября 1937 г., Горки

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 143—148*

РОМАН О СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ

Исключительно ответственную и благодарную задачу поставила перед собой Мариэтта Шагинян. Она решила создать роман, нарисовать образ Владимира Ильича в его детские и юношеские годы и охарактеризовать ту семейную и социальную обстановку, в которой он вырос.

В романе при описании душевных переживаний и поступков действующих лиц, которые в данном случае являются реальными историческими людьми, необходимы предположения и допущения более или менее произвольные, и в романе их не может не быть. Между тем всякие такие предположения и допущения обязательно являются в той или иной степени вымышленными, а значит, в известной степени неточными в смысле исторической правды.

Поэтому, чтобы избежать этих неточностей, этих отклонений от исторической правды, казалось бы, следовало предпочесть

¹ Особенно в ту пору «раскрепощения крестьян», частичного освобождения их, как он действительно тогда верил. Д. У.

образной просто описательную форму изложения, где автору дается возможность строже придерживаться фактов и меньше прибегать к фантазии.

Так казалось бы. Но М. Шагинян не стала на этот путь. Она не просто фиксировала исторические факты о семье Ульяновых, а воплотила их в художественные образы. Тем не менее она не исказила исторических фактов. Этому значительно помогло и то, что товарищ Шагинян предоставила нам — мне и Надежде Константиновне — возможность познакомиться с первой книгой романа «Билет по истории»¹ в рукописи, до ее напечатания, и мы предварительно обменялись с ней мнениями, внося некоторые коррективы и фактические исправления. Это обстоятельство позволило автору романа внести соответствующие изменения в роман, благодаря чему изложение первой части значительно выиграло.

Первая книга романа М. Шагинян озаглавлена: «Семья Ульяновых». События в ней доведены до рождения Ильича. Перед читателем встают живые, исторически правдивые образы, книга вводит его в круг интересов и чаяний, какими жила семья Ульяновых. Автором очень хорошо обрисован пензенский период, общая политическая характеристика его, учительство Ильи Николаевича в дворянском институте и его первое знакомство и сближение с Марией Александровной.

«Заставить забыть все вокруг и слушать урок — было огромное, трудное искусство. Физику Илье Николаевичу оно удавалось не только потому, что он любил свой предмет и увлекался, когда говорил о нем. Не только потому, что говорил он очень просто и понятно... А удавалось оно физику из-за редчайшей его деликатности к человеку.

Деликатность и такт — свойства трудные и более редкие, чем талант. Их нельзя представить или разыграть, не сорвавшись. Их нужно иметь, и тогда они скажутся сами собой в тысяче пустяков... Илье Николаевичу было свойственно почти физически чувствовать чужое бытие — характер, натуру, настроение ученика, — чувствовать с подлинным внутренним равенством, главным условием деликатности... И в классе тотчас почувствовали, что в каждом из них он видит и уважает равного себе человека».

Глубоко правильно! *Это свойство было полностью унаследовано от отца Владимиром Ильичем и в значительной степени содействовало успеху его дела.*

В нижегородском периоде также вполне правильно обрисовано стремление Ильи Николаевича в Симбирск, тяга его в деревню, к крестьянству, для того чтобы «учить его, учить, вывести его из темноты к свету».

У Ильи Николаевича была глубокая вера в народ, в скрытые в нем силы. Это хорошо выявлено в романе, в рассказах Ильи Николаевича Марии Александровне о русских талантах-самородках (Мякишев, Кулибин).

¹ См. первую книжку журнала «Красная новь» за 1938 год. Д. У.

«И подумай, ведь этот народ был насильственно скован самодержавием... Сколько же талантов он даст освобожденный!» Он увлекается занятиями со взрослыми на землемерно-таксаторских курсах в Нижнем. «Маша, это прямо какая-то особенная порода людей пошла,— хватают теорему с полслова и сейчас же в практику; вот я теперь на опыте замечаю, какая разница детям преподавать и взрослым. А главное — работы, работы в деревне! Эх, надо бы нам с тобой тоже в деревню». «Но сейчас и на уроке в гимназии не тот Илья Николаевич. Он думает о таксаторах. Вспоминает бородастые лица, окующие волжские простонародные голоса, большие руки на партах, вопросы о самом жизненном,— запах земли, древний запах земли вдруг мерещится ему в пыльном классе, и опять странное необузданное желание уехать, сняться с места мучает Илью Николаевича».

Не боится Илья Николаевич трудностей в работе, его не смущает и то, что служба в Симбирске будет правительственная, ибо он готовился и на этой работе быть полезным народу. «Да ведь служба эта — министерская? Ты заранее не очень идеализируй. Все-таки сейчас ты педагог, а там будешь чиновником,— говорит Мария Александровна.— Я душу в нее вложу,— отвечает Илья Николаевич».

«Илья Николаевич страстно хотел ехать. Живой человек не мог не хотеть ехать, когда все двигалось и менялось вокруг,— за таксаторами пошли в деревню фельдшера, учителя, врачи; заработало земство. По всей стране поднималась волна интереса к народу... Молодежь тянулась в деревню. Учить народ, изъездить большие пространства, дышать воздухом деревенских просторов — от одной этой мысли он чувствовал, как молодеет в нем кровь...»

«Как только стало известно место его нового назначения — Симбирск, он стал прочитывать о Симбирске все, что под руку попадало...

И где ни встретит в обществе человека из тех мест, непременно подсядет к нему и прислушается... Попался ему и настоящий купец-симбиряк, его Илья Николаевич завел к себе в опустелую квартиру поить чаем и чуть не шесть часов выпрашивал подряд, что там и как».

Эта особенность Ильи Николаевича разузнать все досконально о том ближайшем новом, что его ждет, была свойственна в полной мере и Владимиру Ильичу. Что можно — прочитать, где можно — расспросить живых людей о тех местах, куда предстояло ехать. И это было весьма характерно для него.

Таким образом, можно сказать, что картина жизни родителей Владимира Ильича в Пензе и в Нижнем в общем нарисована в романе правильно. Будем надеяться, что и симбирский период, по-видимому основной в романе, будет нарисован не хуже.

Необходимо внести две фактические поправки: в романе старшая дочка Веретенниковых названа Катюшей, на самом деле ее звали Любочка. В другом месте читаем: «К ноябрю 1864 года Мария

Александровна почувствовала себя неважно... Она ждала через месяц ребенка». Фактически же Анна Ильинична родилась в середине августа 1864 года.

В целом же появление этого романа нужно приветствовать как попытку показать ту среду, в которой рос, воспитывался и формировался Владимир Ильич.

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 149—151*

КАК НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ ВОСПОМИНАНИЯ О ТОВАРИЩЕ ЛЕНИНЕ

Около месяца тому назад я совершенно случайно познакомился с книгой Н. Веретенникова «Володя Ульянов» (Изд-во ЦК ВЛКСМ, Москва, 1939 год).

В этой книге детские годы Володи в деревне Кокушкине бывшей Казанской губернии, где наша семья иногда проживала по лётам, описаны довольно правильно, но, с другой стороны, есть и грубые извращения истины.

Как ни странно, но Изд-во ЦК ВЛКСМ не нашло возможным познакомить меня с рукописью или даже посоветоваться со мной, выпуская эту книгу.

Например, на стр. 6 автор, описывая детскую игру в солдатики в г. Симбирске, утверждает, что у Володи была армия английская («он тогда увлекался англичанами»). Совершенно неверно, чтобы Володя когда-либо увлекался англичанами. Этого никогда не было. Англичане, как известно, в те годы (80-е годы XIX столетия) ни с кем открыто не воевали, разве только с поработенными ими колониальными народами, вроде Индии. Такая война, лишенная всякой идеи, всякого героизма, не могла ни в какой степени интересовать 10-летнего мальчика. Сам характер игры («за большим столом», «стреляли горохом») изображен совершенно ложно, как будто прямо выдуман.

В детские годы в Симбирске у нас была в большом ходу игра в солдатики, которой научил нас старший брат Саша. Разновременно играли Саша, Аня, Володя, Оля и я. Игра не требовала даже элементарных сведений по военной тактике, была очень проста, напоминая собою простые детские кегли. Каждый играющий представлял на полу в ряд десять — пятнадцать фигурок солдат (по условию). Играли поочередно, сбивая солдатиков маленьким резиновым мячом. Сбитые фигурки должны были заменяться новыми.

Помню, что у Саши были итальянские бойцы под командой свободолюбивого Гарибальди. У Ани и Оли — испанские стрелки. У Володи — армия североамериканская Авраама Линкольна из гражданской войны в США демократического Севера с рабовла-

дельческим Югом¹. Володя тогда очень увлекался идеей освобождения негров от рабства. Повесть Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» была у него и у Оли настольной книгой. Оба они зачитывались детским журналом «Детское чтение», который выписывал отец. Полная драматизма и героизма борьба негров увлекала их обоих так же, как теперешних ребят борьба Чапаева и других народных героев с белыми.

Прекрасный в то время журнал «Детское чтение» давал очень много материала о гражданской войне в Северной Америке² (см. статью Н. Крупской «Детство и ранняя юность Ильича». «Большевик», 1938, № 12, стр. 69)³. Товарищ Крупская утверждает, что эти воспоминания она слышала от самого Ильича за время их совместной жизни, и все в нашей семье в Симбирске, включая отца и мать, хорошо знали об этом увлечении Володи.

В Казани, в городской квартире Веретенниковых, жили нахлебники — гимназистки младших классов, которые также играли в бумажные солдатики. Там действительно пользовались не резиновым мячом, а горохом или чем-то в этом роде для сбивания фигурок. Там были в практике и всякие мошенства, вроде прикалывания солдат кнопками или гвоздиками. Н. Веретенников наблюдал эту игру, и в своем описании он перепутал их игру в Казани с игрой Володи. В Симбирске же никаких мошенств ни у кого в игре не было, тем более у Володи, который всегда играл честно до щепетильности и требовал этого от других.

В воспоминаниях его сверстников (М. Ф. Кузнецова, Нефедьева) определенно подчеркивается, что у Ульяновых жульничать в игре нельзя, играют честно. О том же пишет тот же Веретенников, описывая игру в крокет Володи с Олей: «Они ввели строгие правила этой игры, чтоб нельзя было мошенничать».

Так небрежно писать воспоминания о Ленине нельзя. Будущему биографу этого великого человека будет очень трудно отбрасывать этот мусор от действительно правдивых фактов.

Вся беда Веретенникова в том, что он совершенно не знает симбирского периода жизни Володи. Ему неизвестна та литература, которой увлекался Володя. В годы Кокушкина Володя увлекался Гоголем и Тургеневым, что правильно отображено у автора, а в Симбирске, в раннем детстве, Володя всецело увлекался литературой об освобождении негров от рабства, как о том говорилось выше.

К той же категории передержек и выдумок о Володе нужно отнести так называемую «колыбельную песенку», которую «тетя Маша» пела над колыбелью Володи (см. стр. 21). В самом деле,

¹ В игре не нужно было, чтобы противник обязательно соответствовал исторически, поэтому американцы могли драться с итальянцами, русскими и т. п. Д. У.

² В детских журналах того времени еще много писалось об Америке (как известно, с 1861 по 1865 год шла борьба северных штатов с южными за уничтожение рабства негров). Д. У.

³ См.: Н. К. Крупская. О Ленине: Сборник статей и выступлений. 5-е изд. М., 1983. С. 25—37.

автор утверждает, «что Анна Ильинична» вспомнила о ней, и «как-то мы» общими усилиями ее воспроизвели. Стихи этой песни очень вычурны и по форме и по содержанию. Считаю долгом протестовать против них как против факта, взятого из детства Ильича. Анна Ильинична сама в своих воспоминаниях нигде ни звуком не упоминает о них, несмотря на то что под старость она много декламировала разных стихотворений и что память на них у нее была действительно колоссальная, как совершенно правильно указывает Надежда Константиновна в цитированной выше статье из «Большевика» («Большевик», 1938, № 12, стр. 69).

Мария Ильинична в своей незаконченной работе о матери тоже ни звуком не обмолвилась об этой песенке и об этих стихах. Очевидно, все это надумано и воспроизведено *post factum*, потому что ребенок, которому они предназначались, был будущий Ленин.

Самое лучшее место в книжке Веретенникова — это глава под заглавием «Страшная сказка», в которой рассказывается, как двоюродные братья в Кокушкине дразнили некоего мальчика Петю и довели его чуть ли не до слез. Тогда Володя резко оборвал их, сказав: «Так шутить нельзя. Мы зря это выдумали. Эту издевательскую игру надо прекратить» (стр. 19). И, обратившись к Пете, он стал успокаивать его.

Вот это действительно очень характерно для Ильича. Я вспоминаю из своего детства по крайней мере целый ряд аналогичных фактов как по отношению лично к себе, так и к другим.

14 марта 1940 г., Горки

*Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 152—154*

О НЕКОТОРЫХ «ВОСПОМИНАНИЯХ»
ОБ ИЛЬИЧЕ

...В своих воспоминаниях о Ленине — «Страница из дневника о Ленине» («Прожектор» № 4)¹ — тов. В. Милютин очень верно замечает: «Воспоминания о таком гениальном человеке, как тов. Ленин, требуют особенно тщательной проверки всех фактов, той проверки, которой так часто учил тов. Ленин тех, кто с ним работал».

К сожалению, не все товарищи, пишущие теперь о Ленине, относятся с такой щепетильностью к своим воспоминаниям о нем. Благодаря этому получается много неверностей, неточностей и «Ленин, как человек» приобретает иной раз, в этих писаниях, черты, которые были ему совершенно несвойственны или даже чужды. Такого рода неверные сведения перепечатываются потом товарищами, составляющими характеристики Ленина, и приобретают тем самым характер уже чего-то установленного и достоверного.

Между прочим, ряд таких неверностей находим мы в № 2 журнала юных пионеров «Барабан»². Молодые товарищи нашли даже объяснение, «почему Ильич назывался Лениным». Оказывается, вопреки действительности, что мать Ленина звали Еленой, по имени ее назывался Лениным Александр Ильич, а потом эту кличку оставил за собой и В. И.

Но то, что простительно юным пионерам, которыми, несомненно, руководило желание составить свой журнал, посвященный Ленину, возможно более полно и разнообразно, — в значительной степени это им и удалось, — и у которых многие неточности объясняются, вероятно, большой спешкой с выпуском журнала, — то совсем непростительно людям, давно вышедшим из «барабанного» возраста.

В сборнике «На могилу Ильича», выпущенном в Ленинграде рабочим издательством «Прибой», помещена статья А. Меньшого «Ленин, как человек»³. Задача большая, но она не выполнена т. Меньшим главным образом потому, что факты, приводимые им для характеристики Ленина как человека, не отвечают в большинстве своем действительности.

Вот несколько примеров:

«Любил Ленин своих сестер... На столике письменном в Смольном — в октябрьские дни 1917 года, — на столике письменном в

¹ Прожектор. 1924. № 8. С. 8—13.

² Барабан. 1924. № 2. С. 41.

³ На могилу Ильича. Л., 1924. С. 72—77.

кабинете Ленина (бывшая комната классной дамы смольнинской) фотографические карточки стояли — простых добрых людей, к которым был привязан Ленин. Он был *привязчивый* человек».

Ни в Смольном, ни в каких других комнатах, в которых жил Ильич, не стояло *никогда* на «письменном столике» ни одной фотографии его близких или друзей.

«Он быстро научился косить — и не отставал от крестьян, работал всей душой, весь ушел в работу. Поработавши, с наслаждением курил махорку...»

Ильич никогда не косил и не курил, ни с «наслаждением», ни без наслаждения.

«Ленин никогда не смотрелся в зеркало. В течение последних десяти лет своей жизни не видел он лица своего. Осмотрите все комнаты, в которых жил Ленин в последние годы — ни в одной из них зеркала нет».

И опять неправда. Все это взято из головы.

«Жил Ленин с женой, сидел на стуле у стола, читал и писал. Жена готовила обед на «примусе», — такой они вели образ жизни — «примитивный». Иногда кто-нибудь к ним приходил, — тогда они сидели и тихо беседовали. Иногда сами они уходили — и потом возвращались...»

Такой «примитивный» образ жизни вел, по словам Меньшого, Ленин и в Цюрихе, и во дворце Кшесинской (где он, к слову сказать, никогда не жил), и в Смольном, и в Кремле, и в Горках.

Это не все. Можно было привести и еще выписки в таком духе. Но мы думаем, что достаточно и сказанного.

Человека, которому ничто человеческое не [было] чуждо, который любил жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя, как верно отметила Надежда Константиновна Крупская в своих воспоминаниях об Ильиче ¹, тов. Меньшой изобразил каким-то ханжой и филистером.

А вот № 36 «Долой неграмотность», журнала, предназначенного для чтения в школах и кружках малограмотных. В статье «Ленин и Октябрьская революция» читаем, что в июльские дни «было решено переправить т. Ленина в Кронштадт. Переезд из Петрограда в Кронштадт был обставлен всеми предосторожностями. Тов. Ленин был переодет в костюм простой женщины. В таком виде он прибыл к Неве, где ожидал его катер...»

Далее рассказывается, как Ильич переоделся матросом и

«глубоко в трюме, в жаре, у котлов, регулярно обрабатывал свою смену в качестве помощника кочегара».

Из предосторожности его перебрасывали с одного корабля на другой, и Ильич был в должности кочегара в течение двух недель на трех кораблях.

«Здесь около раскаленных котлов, обливаясь потом, обдаваемый угольной пылью, вождь революционного пролетариата обдумывал дальнейшие пути революции».

¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 689.

Сильно сказано и красиво, только... неверно с начала до конца.

Эта версия о том, где скрывался Ильич в июльские дни, фигурировала в 1917 году в «Петербургской газете», позднее она попала как-то на страницы «Известий ВЦИКа». Но ведь после этого появилась статья тов. Емельянова о «Таинственном шалаше»¹, которой вся эта басня опровергается. Зачем же нужно повторять ее?

Воспоминания о Ленине нужно писать. Каждый факт, каждый штрих из его жизни, описанный его современниками, будет иметь значение для будущего биографа Ленина. Но только факты строго проверенные, а не такие, какие приводятся в указанных выше «воспоминаниях».

Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 163—165

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ²

В нашей литературе, и вообще-то далеко не богатой хорошо написанными воспоминаниями о Владимире Ильиче, его жизнь и работа периода 1917 и начала 1918 гг. наименее освещены. И поэтому нельзя не приветствовать предлагаемую читателям книжку тов. М. Н. Скрыпник, работавшей в течение ряда месяцев в качестве второго секретаря Совнаркома. Эта работа давала ей возможность изо дня в день соприкасаться с Ильичем в этот напряженный период нашей революции, наблюдать его как вождя и как человека, его отношение к людям и т. д.

Одним из наиболее интересных мест воспоминаний М. Скрыпник является, на наш взгляд, то, где она говорит о делегациях от крестьян, в большом количестве приезжавших тогда к Владимиру Ильичу, и описывает его отношение к ним.

Крестьяне-ходоки ехали из различных губерний за разрешением самых разнообразных больных и злободневных для них вопросов. Они ехали к «главному большевику» и получали у него и совет и указания. «Все он растолковал нам, как есть справедливо», — говорили они. И тов. Скрыпник, на обязанности которой лежало принимать делегатов-ходоков и предварительно беседовать с ними, чутко и обстоятельно входила в их нужды, подробно ознакамливалась с делом каждого из них; и потому особенно интересен и ярок ее рассказ об этих делегатах, описание впечатления, которое производила на них беседа с Ильичем, его отношения к ним и пр.

«Мне выпало на долю, — пишет она, — быть свидетельницей того,

¹ См.: Красная летопись. 1922. № 4. С. 133—139.

² Этим предисловием М. И. Ульяновой открывается первое издание книги Марии Скрыпник «Воспоминания об Ильиче», выпущенной Госиздатом в 1927 г. *Ред.*

как счастливы были те из них, которым удалось видеть этого чудесного человека».

И очень верно отметила тов. Скрыпник тот особый подход — «обходительный», пишет она, который был у Ильича по отношению к крестьянам-ходокам. Это был подход более мягкий и осторожный, как к людям, которых надо еще завоевать, убедить, приблизить к своему миропониманию; он разнился поэтому от отношения к делегатам-рабочим, классовое сознание которых ставило их на гораздо более высокий уровень.

Интересны в воспоминаниях тов. Скрыпник и факты, приводимые ею для характеристики отношения Владимира Ильича к товарищам. Они лишний раз рисуют его необыкновенную чуткость, его умение, несмотря на перегруженность большой политической работой, подмечать, казалось бы, мелкие личные переживания и обиды окружавших его, относиться к ним заботливо и внимательно.

Из всех родов литературного творчества писание воспоминаний, пожалуй, одно из наиболее трудных. И при этом труднее всего возможно более отвлечься от своей собственной роли при описании другого лица, касаться возможно меньше своих личных переживаний и настроений, не являющихся часто необходимыми для полноты и яркости описываемого. Немногим авторам удастся соблюсти при этом должную пропорцию, хотя, может быть, у них совсем нет желания придать своей личности какой-либо особенный вес или значение. Не вполне удалось соблюсти эту пропорцию и тов. Скрыпник, что объясняется, вероятно, в ряде случаев ее желанием отметить такие проявления Ильича в отношении к людям, которые не были бы, по ее мнению, достаточно выявлены, если бы не были описаны более подробно переживания человека, являющегося объектом его внимания и заботливости.

Как бы то ни было, ее воспоминания еще более выиграли бы, если бы эта пропорция была больше соблюдена.

В книжке тов. Скрыпник есть и некоторые неточности, касающиеся как условий жизни Ильича в то время (питание, охрана и пр.), так и некоторых характеристик... Но неточности эти могут быть легко исправлены. А за всем тем книжка тов. Скрыпник, читающаяся с интересом, явится, несомненно, полезным вкладом для характеристики Владимира Ильича. Надо лишь пожелать, чтобы и другие товарищи, близко соприкасавшиеся с Владимиром Ильичем по работе, поделились в печати своими воспоминаниями о нем, что даст возможность более полно осветить его образ в различные периоды его жизни и работы...

*Ульянова М. И. О В. И. Ленине
и семье Ульяновых:
Воспоминания. Очерки. Письма.
2-е изд., доп. М., 1989. С. 166—167*

Д. И. УЛЬЯНОВ. М. И. УЛЬЯНОВА
РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ
«ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ ИЛЬИЧА»
(ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ)¹

Выпущенная в 1934 году Издательством ВЦСПС книга «Рассказы рабочих о Ленине» действительно представляет интересный опыт коллективного творчества образа Ленина, где отдельные штрихи с самых разных точек зрения и при различных обстоятельствах дают *цельную картину*, как бы интегрируя образ вождя из мельчайших частичек.

И совершенно правильно указание издательства, что каждый штрих, каждая черточка должны быть *правдивы*. Это должно быть в такой работе первым и необходимым условием.

К сожалению, в рукописи «Детские и юношеские годы Ильича» это условие не соблюдено в большей ее части. Конечно, немалую роль здесь играет давность событий — 40—50 лет. Многие совсем не удержалось в памяти, а то, что сохранилось, потускнело, неразборчиво, спутанно.

Вторая причина — это неправильный подход к делу, *непонимание серьезности и ответственности его*. Очень часто лица, которые берутся давать воспоминания об Ильиче мальчиком, гимназистом, студентом и т. д. на основании того, что рядом жили, вместе учились в гимназии, в университете и т. д., стараются эти потускневшие, неразборчивые, спутанные воспоминания расшифровать, прояснить, уточнить. Это очень трудный и скользкий путь и к тому же для очень многих легкомысленный и беззаботный. Уточнение и прояснение искажают истину, и люди невольно грешат в своих воспоминаниях. Но хорошо еще, если грешат против истины *невольно*. В названной рукописи немало и таких воспоминаний, где люди выдумывают и надумывают небылицы применительно, конечно, к Ленину, принаравливаясь и *подлаживаясь к общеизвестному*, так сказать, образу вождя, к образу большого, великого человека. А это уже никуда не годится.

Главы I—IV. Воспоминания Марии Михайловны Павловой. Очень много записано с ее слов, и очень много просто надумано старушкой. Ни одного яркого, правдивого воспоминания не найдешь, наоборот, фальши, неправды не оберешься. Взять, например, начало воспоминаний (стр. 2—4). Володе около года. «Все гордились им, а Мария Александровна в особенности: верно, он у меня умница большая». И няня его постоянно целует, и отец (Илья Николаевич) целует, и Саша с Аней то и дело приходят брать его на руки, хотя Саше только пять лет. Не иначе, что уже тогда все знали или чувствовали, что Володя будет Лениным. Нянька, мать Павловой, рассказывает, что «она была очень счастлива, что приспособилась к воспитанию маленького Ильича». Ясно, что все надумано на старости лет (стр. 23). Володя выпускает птичек весной: «Это я аре-

¹ Заголовок дан составителем. *Ред.*

стантов выпустил...» Отец ему: «Ты молодец, хороший мальчик». Это не Володя, а какой-то резонер-хвастунишка, и отец изображен как кукла... «Выпрашивает Володя у родителей денег, чтобы купить больше птичек. Конечно, трешницы не дадут, но рублевку Володя не берет, настаивая на 2 рублях». Что это такое, как не скверный вымысел?! «Мать Владимира Ильича очень интересовалась революцией, она много читала про французскую революцию. Она Владимира Ильича воспитала уважать революцию» (стр. 70). Совершенный вздор.

«Как Володя ловил рыбу на Свяге и как маленькие рыболовы любил его» (стр. 65—66—67). Симбирск 1882 года. В то время пишущему эти строки было восемь лет, и я, правда, страстно увлекался рыбной ловлей, удочки мне помогал делать Саша, а не Володя, который терпеть не мог удить и у которого не было совсем удочек, так что этот рассказ — сплошной вымысел. Также и следующий, со слов сапожника Пивоварова: «У него (Володи) было чудесное поведение и приветливый характер». Он знал, что рассказывает про Ленина, как же может быть иначе... Кроме того, Павлова в 1882 году не жила у нас (стр. 59). Оля выучилась читать четырех лет (см. А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. Изд-во «Молодая гвардия», 1930, стр. 8). Неверно также, что Володя учился в школе. Совершенно неверно у Павловой описана смерть отца Ленина (стр. 97—98). Она не жила тогда (1886. I) у нас.

Воспоминания Николая Григорьевича Нефедьева. Также почти все надуманно и представляет искажение истины. Общеизвестно, например, что сестра Владимира Ильича Ольга была почти неразлучным его спутником и участником всех детских игр (см. А. И. Ульянова. Воспоминания об Ильиче. Изд-во «Молодая гвардия», 1930, стр. 12). А Нефедьев нигде даже не вспоминает о ней, как будто ее не существовало совсем. По моим личным воспоминаниям, Володя с Олей в детские годы были неразлучны, а впоследствии, когда я подросток, принимали меня в свои игры.

«Володя слушает заунывные песни крестьян и каторжан» (стр. 25—26). Выдуманно все от начала до конца, и это искажает образ Владимира Ильича. «Володя охотится в окрестностях Симбирска», 1882 год (стр. 67—68—69—70). «Очень любил Володя читать книги о приключениях... а еще больше любил приключения испытывать сам». Неправда, именно о приключениях не любил читать Володя, это утверждает и Анна Ильинична, об этом же говорит сверстник Володи, его двоюродный брат Н. И. Веретенников. И уж совсем неправда, что он любил испытывать приключения сам. Вот как искажается истина. Взял и написал как будто невинный рассказ о Владимире Ильиче. «Маленькое детское ружье приобрел Володя... а свинцовые пули переливал в дробь для своего ружья». Я уже был тогда восьми лет и, конечно, знал бы о таком ружье в первую очередь. Затем Мария Александровна никогда бы не позволила это Володе. Рассказ Нефедьева — какой-то злостный вымысел (хотя он этого и не сознает) на Володю и на его мать. Она

скрывала от отца, няня тоже скрывала... Все обманывают друг друга. Между тем в 1882 году, да собственно и в 1881 и в 1880-м я совершенно не помню этого Нефедьева, и он к нам совсем не ходил, после того как в 1879 году (стр. 12) они с матерью сменили квартиру.

Воспоминания Вячеслава Персиянинова (стр. 71—78). В 1883 году, когда я поступил в гимназию, моего отца упросил какой-то помещик Персиянинов взять двух его сыновей на пансион. Они действительно прожили у нас 3—4 месяца, после чего отец вынужден был отказать им, так как старший, Вячеслав, скверно влиял на Володю, по мнению отца: хулиганские выходки, обманывание старших и т. п.

Воспоминания Михаила Федоровича Кузнецова. На стр. 78—85 в общем описано правильно, но на стр. 86—91 все неверно. Не мог давать Владимир Ильич Кузнецову «Капитал» Маркса на немецком языке, так как сам начал читать его в 1888—1889 годах и к тому же у Кузнецова, как видно из его же воспоминаний, совсем не было «общественной» жилки. Также не может быть, чтобы Владимир Ильич (стр. 90—91) подавал директору гимназии Ф. М. Керенскому сочинение, в котором якобы писал, что «монархический строй угнетает трудящихся». Это, конечно, неверно. Далее до стр. 121 может быть использовано, за исключением мест, вычеркнутых красным карандашом.

Глава V. Университет (стр. 125—192). Воспоминания об этом периоде жизни Ильича, хотя они и занимают 67 страниц и записаны со слов многих лиц, *совершенно не дают образа Ленина студентом.* Это и понятно, так как большинство воспоминаний записано со слов лиц, совершенно не знавших его в то время. Поэтому есть подробное описание зданий университета, есть описание студенческих беспорядков 1887 года, кстати сказать очень многословное и безалаберное. *Но об Ильиче как живом человеке ровным счетом нет ничего реального,* кроме всевозможных предположений, догадок и просто выдумок (см., например, стр. 128, 132, 133, 134, 141 и проч.).

«Владимир Ильич... оказался в числе активнейших революционеров Казанского университета» (стр. 142). Откуда следует такое утверждение? Неизвестно. «В такой обстановке начиналась революционная деятельность студента Владимира Ильича» (стр. 144). Какая революционная деятельность, в чем она состояла? Неужели участие в землячестве — революционная деятельность? Участие в кружке Лазаря Богораза? (стр. 143). Об этом говорится в воспоминаниях студента Скворцова, хранящихся в Казанском истпарте. Но ничего абсолютно *не сказано о характере этого кружка.* Что в нем делали, что читали, о чем говорили — нет ни одного слова об этом. *И главное, как и чем в этом кружке проявил себя Владимир Ильич?* (Если он вообще там бывал). Тоже ни звука нет. Из воспоминаний Скворцова только видно, что «туда был приглашен и Владимир Ильич» (143), но бывал ли он там, как часто? Нет ни звука. Описано довольно подробно помещение комнаты на чердаке

в Собащем переулке, где жили Скворцов и Богораз. И больше ровно ничего не сказано. Разве только что «Ильич в то время бывал всегда очень просто одет... на голове у него были густые каштанового цвета волосы» (143), что совершенно неверно, ибо волосы были рыжеватые и редкие. Другой студент, Фосс, который, по его словам (142—143), «частенько встречался с Владимиром Ильичем на земляческих собраниях», рассказывает, что у Ильича «были длинные, почти до плеч, вьющиеся на концах, слегка рыжеватые волосы», что тоже неверно, так как Владимир Ильич всегда подстригал волосы. Но из этой главы это хоть намек на описание Ильича, а больше ничего нет, кроме различных предположений и догадок.

Глава VI. Ссылка в Кокушкино (стр. 193—243).

(Стр. 195—196). В Кокушкине хозяйничала не Анна Ильинична, а мама, которая приехала туда вместе со мной следом за Владимиром Ильичем, дней через десять, отказавшись от городской квартиры (д. Соловьевой на Н.-Комиссариатской улице). Мария Александровна жила там с Ильичем до осени 1888 года.

(Стр. 202—206). Тайные поездки Владимира Ильича в Казань — досужие выдумки. Он не ездил в Казань. Иногда ездила в Казань только мать Владимира Ильича. Я жил тогда в одной комнате с Владимиром Ильичем и не помню ни разу отлучек из Кокушкина ни Владимира Ильича, ни Анны Ильиничны после переезда туда матери. Поэтому запись корреспондента «Красной Татарии» (стр. 202) — «ездили исключительно по ночам...» и т. д. — считаю вздором, основанным на выдумке ямщика Факлина и других.

(Стр. 207—209). Из какой именно библиотеки в Казани пользовался Ильич книгами и журналами, неизвестно (стр. 207—208). «Краеведы старались установить... но не установили», и точка (лишнее описывать, как они это старались сделать и всякие догадки: может быть, вероятно и т. п.). Такие догадки и предположения хуже всего.

Глава VIII. Алакаевка (стр. 253—303). Петр Асанин был богатый крестьянин (стр. 258—259), что подтверждает также А. А. Преображенский («Кавказский») (см. стр. 268). Если Владимир Ильич и дружил с Асаниным, то, во всяком случае, тот не был ему «первым товарищем» (стр. 258) и Владимир Ильич не мог быть с ним очень откровенным. Владимир Ильич несомненно расспрашивал крестьян и алакаевских и других деревень (Наелово, Водино, Кривая Лука и т. п.) о наделах, о количестве скота, посева, об аренде земли и т. п. для своих целей: степень расслоения крестьянства, характер ростовщического капитала, отношение с помещиками и т. д., *но, конечно, никакой пропаганды не вел среди них и книжек не раздавал.*

На стр. 266—267 рассказ «Как Владимир Ильич спасся от полиции в лесу» — совершенно невероятная и нелепая сказка. То же на стр. 270—271, будто Ильич читал крестьянам «Камо грядеши». Совершенная нелепость! А. А. Преображенский так же категорически отрицает это. Кроме того, *зимой* Владимир Ильич никогда не бывал в Алакаевке.

В общем, кроме зачеркнутого красным карандашом, может быть использовано. Хорошо записано у Маринина Д. И. (стр. 263), и также очень хороши страницы 288—301, 302—303. На стр. 301 запись о Никаноре Осипове — сплошная выдумка и вздор.

Казань 1888/89 года (стр. 244—252). *Е. А. Жакова* (стр. 244—245—247). «Именно здесь (в д. Орлова) Владимир Ильич наиболее глубоко изучал Маркса. Но, к сожалению, период пребывания Владимира Ильича в Казани... осень и зима 1888/89 г. поддаются воспоминаниям... еще меньше... (чем раньше)... но не могу припомнить ни одной детали из жизни Ильича в период после кокушкинской ссылки. Мы этот период почти не встречались, потому что Владимира Ильича уже преследовала полиция».

В те времена вообще двоюродные братья и сестры были далеки вследствие неодинакового мировоззрения от Владимира Ильича, так как они мало интересовались общественными вопросами. То же, в еще большей степени, надо сказать о воспоминаниях О. А. Вяткиной.

Тем более странно (стр. 244, 246, 247), что Жакова берется рассуждать о подпольной работе Ильича: «У него была развернута большая работа учебная и *подпольная* (?)... В этом маленьком домике на краю Казани, над глубоким оврагом, начал свою революционную деятельность молодой Владимир Ильич» (стр. 247).

Глава IX. Самара (стр. 304—342). Запись со слов Степаниды Ушаковой — *сплошная выдумка и невероятный вздор* (стр. 304, 305 и дальше с 308 до 317).

(Стр. 318—321). Владимир Ильич в Жигулях — Чирикова. Все неверно и напутано. Во-первых, мать Ильича с Анной и Марией Ильиничной жили летом в Марквашах *не в 90-х годах*, а в 1903 году, когда они жили в Самаре зиму. Во-вторых, Владимир Ильич был тогда в эмиграции и вообще в Марквашах никогда не бывал. Туда приезжал я летом перед поездкой за границу, на II съезд партии, а также бывали знакомые из Самары. С кем-нибудь Чирикова перепутала.

Продолжение главы IX (Самара). (Стр. 326—333). Запись со слов Степанова — сплошная чепуха и неправда. *Степанов с кем-то перепутал Владимира Ильича.* Связал его имя с либеральным доктором Португаловым, с каким-то Юрашевым и Глушковым, с которыми Владимир Ильич никогда не был знаком.

Ульянов Д. И. Очерки разных лет:
Воспоминания, переписка, статьи.
2-е изд., доп. М., 1984. С. 155—160

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА АННА ИЛЬИНИЧНА (13(25) августа 1864—20 октября 1935) — старшая сестра В. И. Ленина, видный деятель Коммунистической партии, профессиональный революционер (партийные клички: Джемс, Андрей Николаевич). В революционном движении с 1886 г., участница политической демонстрации в Петербурге, организованной в ноябре того же года в связи с 25-летием со дня смерти Н. А. Добролюбова. 1 марта 1887 г. арестована по делу о подготовке покушения на жизнь царя Александра III, приговорена к высылке в Сибирь на пять лет, которая потом была заменена пятилетней высылкой в деревню Кокушкино Казанской губернии под гласный надзор полиции. С 1893 г. принимала участие в социал-демократическом движении: будучи в Москве, установила связь с рабочим кружком Мицкевича и деятельно в нем работала. Перевела с немецкого на русский язык произведение Гауптмана «Ткачи», которое было издано на гектографе и распространено среди рабочих Москвы и близких к ней провинций, составила краткую популярную брошюру по книге Дементьева «Фабрика», которая также распространялась среди рабочих.

Член КПСС с 1898 г. В том же году вошла в первый Московский комитет РСДРП. В 1900—1905 гг. работала в организации «Искры» и большевистских нелегальных газетах, была членом редакции газеты «Вперед». В 1904—1905 гг. поддерживала связь с ЦК большевистской партии, находившимся за границей, и ведала финансовыми делами Петербургского комитета. В 1908—1910 гг. вела революционную работу в Москве и Саратове. В 1912—1914 гг. сотрудничала в большевистских органах «Правда», «Просвещение», член редколлегии журнала «Работница». Неоднократно подвергалась арестам и ссылке.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия и вплоть до 1917 г. оказывала большую помощь В. И. Ленину в издании его работ.

В 1917 г. — секретарь редакции газеты «Правда» и редактор журнала «Ткач». В 1918—1921 гг. работала в Наркомсобесе и Наркомпросе, с 1921 г. — в Истпарте, член редколлегии журнала «Пролетарская революция». Принимала активное участие в организации Института Ленина и была его научным сотрудником. Подготовила «Письма к родным» В. И. Ленина.

Автор ряда историко-революционных работ и воспоминаний о В. И. Ленине.

УЛЬЯНОВ ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ (4(16) августа 1874—16 июля 1943) — младший брат В. И. Ленина, профессиональный революционер (партийные клички: Андреевский, Герц, Юноша), член КПСС с 1903 г., по образованию врач. Познакомился с учением Маркса и начал революционную деятельность в 1894 г. в студенческих кружках Москвы, за что был в 1897 г. исключен из Московского университета, арестован и посажен в тюрьму, где просидел до осени 1898 г., после чего в течение года находился под гласным надзором полиции в Подольске. В 1900 г. вошел в организацию «Искры». Вел революционную работу в Туле, Киеве, Симбирске, Одессе, Крыму. В 1903 г. работал в Туле врачом, был членом Тульского комитета, от которого избран делегатом на II съезд РСДРП. Большевик. После II съезда — агент ЦК. За революционную деятельность неоднократно подвергался арестам и сидел в тюрьмах.

В 1905—1907 гг. — член Симбирского комитета большевиков, затем работал врачом в Серпухове и Феодосии, поддерживая постоянную связь с центральными организациями большевиков. В 1914 г., после начала первой мировой войны, был мобилизован в армию и служил врачом в Севастополе, вел революционную работу среди солдат.

В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, находясь в Крыму, вел революционную работу среди рабочих и моряков Черноморского флота, принимал активное участие в борьбе за установление Советской власти в Крыму. В конце 1917 г. — член Таврического областного комитета партии и член редколлегии газеты «Таврическая правда».

В апреле 1918 г., после захвата Крыма белыми, создал в Евпатории подпольный центр и налаждал связь с подпольными организациями Крыма. Во временном рабоче-крестьянском правительстве Крыма — заместитель председателя Совнаркома и нарком здравоохранения. В 1920—1921 гг. — член ревкома и обкома партии.

С 1921 г. работал в Народном комиссариате здравоохранения в Москве; в 1925—1930 гг. — в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова; с 1933 г. — в Лечебно-санитарном управлении Кремля.

Принимал активное участие в работе Центрального музея В. И. Ленина, автор ряда воспоминаний, статей, очерков о В. И. Ленине.

УЛЬЯНОВА МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА (6(18) февраля 1878—12 июня 1937) — младшая сестра В. И. Ленина, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, профессиональный революционер (партийные клички: Медведь, Медвежонок, Мимоза), член КПСС с 1898 г. В революционном движении участвовала с семнадцати лет. Вела партийную работу в Петербурге, Москве, Саратове и других городах России, а также за границей. С 1900 г. активно участвовала в работе «Искры». С осени 1903 г. работала в секретариате ЦК партии. В 1904 г. — в петербургской организации большевиков. За революционную деятельность неоднократно подвергалась арестам и ссылкам.

С марта 1917 г. до весны 1929 г. — член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда». На этой работе отдала много сил сплочению вокруг газеты рабочих корреспондентов, была одним из организаторов и руководителей рабселькоровского движения, по ее инициативе был создан и под ее руководством издавался журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент», сыгравший большую роль в развитии рабселькоровского движения. Заведовала в «Правде» отделами «Рабочая жизнь» и «Страничка работницы».

Перейдя на работу в Институт Ленина, собрала и подготовила к печати письма В. И. Ленина к родным, представляющие большую ценность для изучения биографии В. И. Ленина. Написала книгу о своем отце — Илье Николаевиче Ульянове и биографический очерк о матери — Марии Александровне Ульяновой.

На XIV, XV и XVI съездах партии избиралась членом ЦКК ВКП(б), была членом президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б), членом коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР.

С февраля 1932 г. заведовала объединенным бюро жалоб Наркомата РКИ СССР и Наркомата РКИ РСФСР. На XVII съезде партии избрана в Комиссию советского контроля при Совнаркоме СССР, возглавляла бюро жалоб. В 1935 г. была избрана членом ЦИК СССР. Награждена орденом Ленина (1933 г.).

Автор ряда работ о партийной и советской печати, воспоминаний и статей о В. И. Ленине.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

А. М., Антонина Максимилиановна — см. Старкова (Розенберг) А. М. (Schwester) .
 Авенариус Рихард — 224
 Аверьянов — 302
 Авилов Б. В.— 114, 115, 116
 Адлер Виктор — 170
 Адоратский В. В.— 26
 Аксельрод Л. И.— 225
 Аксельрод П. Б.— 44, 57, 94, 95, 157, 258
 Александр — см. Шляпников А. Г.
 Александр II (Романов А. Н.) — 16, 17, 138, 301
 Александр III (Романов А. А.) — 23, 137, 253, 276
 Алексеев В. И.— 201
 Алексей (Пушас) — см. Пушас (Алексей)
 Аммосов — 304
 Андрей (Егор Пылаев) — см. Пылаев Г. Н.
 Антонов-Овсенко В. А.— 6
 Андреева М. Ф.— 216
 Ардашев А. А.— 27, 142, 287
 Ардашева-Пономарева Л. А.— 26, 27, 135, 306
 Арефьев А. Н.— 145, 146, 147
 Арманд И. Ф.— 282
 Асанин П.— 85, 337

Б

Бабушкин И. В.— 39
 Багряновский — 129
 Бажанов — 156
 Базаров (Руднев) В. А.— 105
 Балакирев М. А.— 153
 Барчунов В. П.— 298, 300
 Бельский А. Я.— 172, 173, 175
 Бернштейн Эдуард — 65, 104, 159, 167
 Бетховен Людвиг ван — 282
 Бичер-Стоу Гарриет — 128, 328
 Бланк А. Д.— 18, 26, 158, 194, 295, 299, 306, 307, 309, 322, 323, 324
 Бланк (Грошопф) А. И.— 299, 307
 Блюм А. А.— 116
 Богданов А. (Малиновский А. А.) — 104, 105
 Богораз Лазарь — 336, 337
 Бонч — см. Бонч-Бруевич В. Д.
 Бонч-Бруевич В. Д. (Бонч) — 102, 103, 109, 112, 241, 242, 243, 244, 248, 278

Бонч-Бруевич В. М.— см. Бонч-Бруевич (Величина) В. М.
 Бонч-Бруевич (Величина) В. М.— 112, 241, 246
 Бонч-Бруевичи — см. Бонч-Бруевич В. Д. и Бонч-Бруевич (Величина) В. М.
 Борхардт — 314
 Бош Е. Б.— 117
 Брем Альфред Эдмунд — 48, 210
 Бреслав Б. А. (Захар) — 233
 Бруснев М. И.— 53
 Брянчанинов А. С.— 206
 Бубнов А. С.— 6
 Буланже П. А.— 155, 156
 Булгаков С. Н.— 97
 Бурже Поль Шарль Жозеф — 308
 Бухарин Н. И.— 6, 8, 9, 208, 245, 255, 295

В

В. В.— см. Воронцов В. П.
 Валентинов Н. (Вольский Н. В.) — 105
 Вансеев А. А. (Минин) — 46, 47, 48, 53, 210
 Вебб Беатриса — 57, 97, 98
 Вебб Сидней — 57, 97, 98
 Веве — см. Воронцов В. П.
 Вейсброд Б. С.— 246, 247
 Величина-Бруевич — см. Бонч-Бруевич (Величина) В. М.
 Верди Джузеппе — 308
 Вересаев В. В.— 304
 Веретенников И. Д.— 308, 326, 328
 Веретенников Н. И.— 320, 327—329, 335
 Веретенникова А. А.— 308, 323, 326
 Веретенникова Л. И.— 326
 Верстовский А. Н.— 149, 308
 Вильямс Альберт Рис — 9
 Виноградов — 289
 Винокуров А. Н.— 246
 Вихирев П. В.— 298, 300
 Владимиров И. М.— 293, 294
 Владимирский М. Ф.— 108
 Водовозов В. В.— 137, 206, 301
 Водовозова М. И.— 98, 137
 Володина А. И.— 80, 241
 Вольсов Ф. Е.— 298, 300
 Воронский В. В. (Орловский) — 116, 219, 237
 Воронцов (В. В.) — см. Воронцов В. П.
 Воронцов В. П. (В. В., Веве) — 31, 32, 33, 38, 39, 68, 155, 206, 290
 Ворошилов К. Е.— 181
 Выговская-Стецкевич М. И.— 282
 Вяткина О. А.— 338

- Галеви Фроманталь — 148
 Галенкин — 174
 Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С. — 236
 Ганшин А. А. — 41
 Гапон Г. А. — 264, 291
 Гарвуд А. — 255
 Гарибальди Джузеппе — 327
 Гейне Генрих — 150, 301, 304, 308
 Гизо Франсуа Пьер Гийом — 137
 Гиль С. К. — 178, 179, 181, 244, 245, 246, 247, 249, 250
 Глушков — 338
 Говорухин О. М. — 68
 Гоголь Н. В. — 21, 328
 Голубева (Яснева) М. П. — 39, 137, 140, 206, 209, 210, 279
 Гончаров Д. А. — 205
 Гончарова Д. К. — 245
 Горбунов Н. П. — 6, 278
 Гороховик Т. М. — 243
 Горький Максим (Пешков А. М.) — 8, 102, 109, 111, 116, 216, 256, 280—282
 Гранат А. Н. — 6, 7, 102, 225
 Гранат И. Н. — 6, 7, 102, 225
 Грант Улисс Симпсон — 127, 128
 Гречкин П. Я. — 298, 300
 Гужон — 62
 Гуно Шарль — 150
 Гюго Виктор — 308

Д

- Давыдов — 39
 Дан Ф. И. — 254
 Даниельсон Н. Ф. (Николай-он) — 206
 Данилин — 208
 Данский Б. Г. — 115
 Даргомыжский А. С. — 149
 Дворцов А. Т. — 298, 300, 304
 Двоюродные братья и сестры детей Ульяновых — 27, 142, 194, 287, 329, 338
 Двоюродный брат — см. Ардашев А. А.
 Деникин А. И. — 297
 Джемс Уильям — 106
 Дзержинский Ф. Э. — 82, 172, 250
 Добровейн И. А. — 282
 Добролюбов Н. А. — 135, 275
 Доде Альфонс — 308
 Дорожный — 181
 Дочери А. Д. Бланка — Анна, Любовь, Екатерина, Мария, Софья — 18, 158, 306, 322—323
 Дрэпер Джон Вильям — 302, 303
 Дунаев Е. А. — 116
 Дюфрен — 142

- Ежов И. А. — 304
 Елизаров М. Т. (М. Т., Марк Тимофеевич) — 30, 32, 33, 34, 55, 75, 76, 80, 81, 82, 83, 87, 92, 97, 100, 108, 109, 110, 112, 137, 142, 145, 147, 155, 156, 157, 158, 160, 200, 204, 205, 206, 207, 208, 216, 217, 218, 225, 229, 230, 241, 242
 Елизаров П. П. — 206, 242
 Елизаров П. Т. — 33, 145
 Елизарова А. И. — см. Ульянова-Елизарова А. И.
 Емельянов Н. А. — 332
 Енукидзе А. С. — 85
 Ерамасов А. И. (Монах) — 206, 207, 208
 Еремеев К. С. — 233

Ж

- Жакова Е. А. — 338
 Жена Каммерера Т. — см. Каммерер Л.
 Жена Назарьева В. Н. — 304
 Жиркевич А. В. — 309
 Жуковский В. А. — 24

З

- Закржевский Ю. Ф. — 228
 Запорожец П. К. (Гуцул) — 48, 53, 74, 94
 Засулич В. И. — 94, 95, 157, 258
 Захар — см. Бреслав Б. А.
 Захарова А. П. — 298
 Зволянский С. Э. — 37, 53, 54, 64
 Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. — 6, 8, 9, 116, 246, 284, 289, 290, 293, 295
 Золотопромышленник — см. Маслов П. П.
 Золя Эмиль — 308
 Зубатов С. В. — 158
 Зубрилин — 201

И

- Иванов Н. Я. — 245, 246
 Ильин, Ильин Владимир (Ленин В. И.) — 55, 97, 102
 Ильин П. Д. — 141
 Ильин-Женевский А. Ф. — 292
 Ильинский Л. — 292
 Ионов В. А. (Чикагинец) — 32, 92, 137, 138, 139, 140, 206
 Иорданский Н. И. — 112, 113, 114

К

Кадыан А. А.— 302, 304
 Калашников В. А.— 19
 Калинин М. И.— 181, 259
 Калмыкова А. М.— 74, 75, 77, 215
 Каменев (Розенфельд) Л. Б.— 6, 8, 9, 85, 114, 234, 284, 285, 295
 Каменский Н.— см. Плеханов Г. В.
 Каммерер Луиза — 8
 Каммерер Титус — 8
 Каплан Ф. Е.— 170, 178, 247
 Кареев Н. И.— 32
 Каронин С. (Петропавловский Н. Е.) — 201
 Карпинский В. А.— 222, 271, 272
 Кархинен Мария — 117
 Катков — 139, 143
 Каутский Карл — 65, 156
 Кашкадамова В. В.— 298, 300, 304
 Каюров В. Н.— 6, 295
 Каяк — 296
 Кедров М. С.— 6, 225
 Кедрова — 64, 162, 163, 289
 Керенский А. Ф.— 21, 80, 132, 236, 286, 297
 Керенский Ф. М.— 21, 24, 25, 132, 133, 198, 284, 286, 304, 336
 Кикоин В.— 290
 Кнейпп — 322
 Книпович Л. М.— 77, 226
 Коллонтай А. М.— 264, 266
 Кондров И. Г.— 259
 Кондров Т. Г.— 259
 Корбут М.— 284—285
 Корнилов Л. Г.— 297
 Косиор С. В.— 6
 Косич А. И.— 137
 Костомаров Н. И.— 47
 Кох — 126
 Кошельков Я.— 250, 251
 Краденов П. И.— 298, 300, 303
 Красев — 304
 Красин Г. Б.— 39, 219
 Красин Л. Б. (Никитич) — 39, 310
 Краснов П. Н.— 81
 Крестинский Н. Н.— 6
 Кржижановская (Невзорова) З. П.— 36, 77, 93, 204, 254
 Кржижановский Г. М. (Клэр, Суслик) — 48, 53, 61, 74, 90, 91, 92, 93, 99, 100, 144, 169, 204, 210
 Кривенко С. Н.— 31
 Крохмаль В. Н.— 65
 Крумбюгель Л.— 103, 111
 Крупская Е. В.— 52, 57, 75, 96, 164, 165, 215
 Кругская Н. К. (Минога, Н. К., Надя, Надежда Константиновна, Рыба) — 7, 8, 29, 46, 48, 51, 52, 57, 58, 60, 64, 70, 71, 72, 73, 75, 77, 80, 96, 97, 98, 99,

100, 101, 108, 109, 111, 112, 113, 133, 159, 162, 164, 165, 170, 171, 172, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 186, 201, 210, 213, 214, 215, 219, 222, 226, 227, 231, 232, 233, 241, 242, 246, 248, 249, 268, 269, 271, 289, 291, 294, 296, 305, 308, 313, 320, 325, 328, 329, 331
 Крутовский В. М.— 89
 Крыленко Н. В.— 81
 Крылова С. А.— 283
 Куделли П. Ф.— 290
 Кузнецов М. Ф.— 68, 303, 320, 328, 336
 Кулибин — 325
 Курнатовский В. К.— 100
 Кускова Е. Д.— 57, 77, 78
 Кшесинская М. Ф.— 238, 331

Л

Лабриола (Labriola) Антонио — 94
 Лалаяц И. Х. (Колумб) — 34, 62, 65, 68, 137, 138, 140, 156, 206, 228
 Лебедева М. И.— 206
 Левицкий В. А.— 103, 219
 * Ленин В. И. (Владимир Ильин, Ильин, Ленин, Н. Ленин, Петербуржец, Пиручев П., Тулин) — 7, 35, 39, 40, 55, 97, 102, 223, 306
 Ленин Н. (Ленин В. И.) — 35
 Ленгник Ф. В. (Приятель) — 169, 226
 Лепешинская О. П.— 58
 Лепешинский П. Н.— 55, 58, 64, 144, 295
 Лермонтов М. Ю.— 153, 308
 Либкнехт Вильгельм — 143
 Либкнехт Карл — 143
 Ливанов А. И.— 32
 Линкольн Авраам — 127, 327
 Лозгачев Г. Я.— 79
 Лозинский М. А.— 100
 Ломов-Оппоков Г. И.— 6
 Лоськов — 157
 Луначарский А. В.— 104, 167
 Луначарский П. В.— 167
 Львович Г. Ф.— 109
 Людовик-Филипп — 144
 Лядов — см. Лядов (Мандельштам) М. Н.— 296
 Лядов (Мандельштам) М. Н.— 296
 Ляховский Я. М.— 91, 101

М

Майн Рид — см. Рид Томас Майн
 Малченко А. Л.— 63
 Малченко Е. В.— 63

* Здесь указаны страницы, где упоминаются псевдонимы или партийные клички В. И. Ленина. *Ред.*

Мамонов М. А.— 246
 Маринин Д. И.— 338
 Маркс Карл — 23, 28, 31, 35, 37, 38, 40, 43, 67, 68, 91, 94, 134, 143, 149, 156, 157, 159, 207, 255, 284, 287, 301, 302, 303, 311, 336, 338
 Мартов Л.— см. Цедербаум Ю. О.
 Мартынов — см. Мартынов (Пикер) А. С.
 Мартынов (Пикер) А. С.— 296
 Масленников А. Н.— 41, 156
 Масленников В. Н.— 41
 Маслов П. П. (Золотопромышленник) — 89, 93, 102
 Мать Г. М. Кржижановского — см. Розенберг Э. Э.
 Маяковский В. В.— 5
 Медведева А. Г.— 298, 300, 304, 307
 Менделеев Д. И.— 302
 Меньшой А.— 330—331
 Меркулов — 183
 Мехоношин К. А.— 6
 Милх Л. Р.— 298, 300, 303
 Милоков П. Н.— 236, 237
 Милютин В. П.— 330
 Минин — 309
 Минога (Крупская Н. К.) — 48
 Миц В. М.— 246
 Михайлов Н. Н.— 45
 Михайловский Н. К.— 31, 32, 33, 37, 41, 135, 206
 Михельсон Ю.— 245
 Мицкевич С. И.— 41
 Мишке — 157
 Модрачек Франтишек (Франц) — 220
 Молотов (Скрябин) В. М.— 233
 Мопассан Ги де — 308
 Моржов Н. П.— 304
 Морозова — 170, 178
 Муранов М. К.— 114
 Мякишев — 325

Н

Назарьев В. Н.— 292, 304
 Наполеон I (Бонапарт) — 127
 Невзорова-Кржижановская З. П.— см. Кржижановская-Невзорова З. П.
 Невский В. И.— 6
 Некрасов Н. А.— 17, 24, 38, 302, 303, 308, 319
 Нефедьев Н. Г.— 328, 335—336
 Нехотяев Н. М.— 304
 Николаев И. Н.— 20
 Николай I (Романов Н. П.) — 15, 16
 Николай II (Романов Н. А.) — 50, 71
 Норинский К. М.— 310
 Носков В. А.— 169

О

Обух В. А.— 176, 183, 184, 246
 Ольминский М. С.— 114, 116, 233
 Орлов — 338
 Орлова — 28, 142
 Орловский — см. Воровский В. В.
 Осинский Н. (Оболенский В. В.) — 6, 9
 Осипов Никанор — 338
 Остроградский А. Н.— 298, 300, 304
 Охотин Н. П.— 298, 300
 Охотников Н. М.— 21, 23

П

Павлова (мать М. М. Павловой) — 334, 336
 Павлова М. М.— 298, 300, 334—335
 Пакалн П. П.— 179
 Персиянинов Б. Л.— 191, 336
 Персиянинов В. Л.— 191, 298, 300, 336
 Персиянинов Л.— 336
 Персиянины — см. Персиянинов Б. Л. и Персиянинов В. Л.
 Перфильев — 161
 Петербуржец (Ленин В. И.) — 39
 Петрашевский М. В.— 16
 Петя — 329
 Пешкова Е. П.— 282
 Пивоваров — 335
 Пирючев П. (В. И. Ленин) — 223
 Писарев Д. И.— 137, 275, 301, 304
 Пилсудский Юзеф — 68
 Писарев Д. И.— 308
 Платтен Фридрих (Фриц) — 6, 237, 242, 243
 Плеханов Г. В. (Бельтов, Н. Бельтов, Каменский Н.) — 37, 40, 42, 43, 44, 63, 65, 94, 95, 112, 156, 157, 166, 168, 236, 257, 258, 280, 287, 288, 313, 314, 315
 Плеханова Р. М.— 314
 Плешаков М.— 184, 185, 186
 Плещеев А. Н.— 16, 301
 Покровский М. Н.— 224, 304
 Полуторный И. В.— 245, 246
 Пономарев А. П.— 27, 135
 Пономарева Л. А.— см. Ардашева-Пономарева Л. А.
 Попов Н. С.— 283
 Попова К. Г.— 89
 Пор А. И.— 25
 Португалов В. О.— 338
 Постников В. Е.— 31, 32
 Потресов А. Н.— 40, 51, 53, 60, 61, 62, 75, 102, 215, 311, 318
 Преображенский А. А. (Кавказский) — 108, 201, 205, 337
 Прислуга — см. Володина А. И.
 Приятель — см. Ленгник Ф. В.
 Прокопович С. Н.— 57, 77

Проминский И. Л.— 55, 100
 Прушакевич В. П.— 20
 Пуришкевич В. М.— 105
 Путинцев И. Д.— 270
 Пушас (Алексей) — 242
 Пушкин А. С.— 304, 308
 Пылаев Г. Н. (Андрей, Егор Пылаев) — 233
 Пятаков Г. Л. (П. Киевский) — 117
 Пятницкий И. А.— 6, 10
 Пятницкий К. П. (Хозяин) — 102, 109, 216

Р

Равич С. Н.— 222
 Радек К. Б.— 6
 Радченко С. И. (Директор) — 54, 77, 93, 311, 312
 Райчин С. Г.— 94, 101
 Раскольников Ф. Ф.— 6
 Рейнбот А. А.— 170, 173, 178, 180
 Рид Джон — 9
 Рид Томас Майн — 48, 210
 Рикардо Давид — 137
 Розанов А. С. (нижегородский) — 154
 Розанов В. Н. (Хирург) — 154, 246
 Розанов В. Н. (из «Южного рабочего») — 154
 Розенберг Э. Э.— 91
 Розмирович Е. Ф.— 81
 Романов С. А. (князь Сергей) — 54
 Романовская С. Е.— 304
 Романовский — 158
 Ростова — 25
 Рошин — 308
 Рузский — 126
 Рыков А. И.— 6
 Рылеев К. Ф.— 16, 301
 Рытиков — 139
 Рябинин А. Н.— 116
 Рябков (Пчела) — 297

С

Савельев М. А.— 116
 Савенкова М.— 292
 Салтыков-Щедрин М. Е.— 253
 Самойлов А. И.— 33
 Сарбатова В. Г.— 19, 124, 134, 191, 204, 292, 305, 306, 308
 Свербеев А. Д.— 201
 Свердлов Я. М.— 83, 239, 246, 247
 Семашко Н. А.— 270
 Семенов — 140
 Сергей (князь) — см. Романов С. А.
 Сибиряков К. М.— 200, 201, 205
 Сильвин М. А. (Бродяга, Пожарский) — 47, 48, 70, 72, 210, 310

Симонов И. Г.— 115
 Сисмонди Жан-Шарль-Леонар Сисмонд де — 97
 Скворцов — 336—337
 Скворцов-Степанов И. И. (Писатель) — 10, 104, 105, 106, 107, 218—219
 Ссляренко А. П. (Попов — китайский путешественник, северный манчжурец) — 32, 33, 34, 108, 137, 138, 140, 206, 207, 219
 Скребицкий А. И.— 138
 Скрыпник М. Н.— 332—333
 Смилович С. Н.— 108
 Смилга И. Т.— 6
 Смирнов А. П.— 108
 Соколов Н. Д.— 114
 Соловьева — 25, 337
 Сорин В. Г.— 171
 Стакис Карл — 178
 Сталин (Джугашвили) И. В.— 5, 10, 215, 234, 279, 289
 Старков В. В. (Веде) — 47, 61, 90, 91, 93, 144
 Старкова (Розенберг) А. М. (Schwester) — 90, 91
 Стеклов Ю. М.— 116
 Степанов — 338
 Степанов С. И.— 167
 Стржалковский — 304
 Струве П. Б. (Писатель) — 7, 40, 77, 93, 94, 97, 100, 257, 311, 312, 313, 317
 Суханов Н. (Гиммер Н. Н.) — 11
 Сухов Д. П.— 298
 Сысоева А. М.— 182

Т

Тайнов Д. М.— 298, 300
 Тахтарев К. М.— 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318
 Теодорович И. А.— 6—7
 Теселкин — 304
 Тихомирнов В. А.— 86, 87, 89, 116
 Толмачева Н. В.— 298, 300, 304
 Толстой Л. Н.— 155, 201, 228
 Тоом О. П.— 283
 Торгонская — 36
 Туган-Барановский М. И.— 93, 257
 Тулин К. (Ленин В. И.) — 40
 Турганев И. С.— 21, 67, 287, 302, 308, 328
 Тьер Адольф — 309
 Тынянов Ю. Н.— 23

У

Ульянов А. И.— 5, 7, 19, 20, 21, 23, 24, 26, 28, 29, 30, 35, 37, 39, 40, 45, 66, 67, 68, 69, 70, 92, 107, 121, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 137, 140, 141, 144, 148, 191, 192, 193, 194, 195, 198, 199, 201,

253, 255, 276, 284—285, 286, 287, 292, 293, 299, 301, 302, 303, 306, 308, 310, 319, 320, 327, 330, 334, 335

Ульянов В. И.— см. Ленин В. И.

Ульянов В. Д.— 190, 252

Ульянов В. Н.— 15

Ульянов Д. И. (Дмитрий, Дмитрий Ильич, Мистер Дим, Митя) — 12, 19, 26, 27, 28, 36, 41, 60, 62, 63, 87, 92, 94, 100, 111, 120—186, 192, 194, 199, 203, 208, 218, 225, 229, 230, 263, 267, 275, 289, 301, 303, 304, 306, 319—329, 334—338

Ульянов И. Н.— 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 35, 37, 66, 67, 68, 69, 95, 107, 121, 124, 126, 127, 128, 129, 140, 141, 148, 165, 177, 189, 190, 191, 194, 195, 252, 253, 274, 275, 279, 285, 292, 299, 300, 301, 302, 303, 306, 308, 309, 319, 320, 321—322, 324, 325—326, 328, 334, 335, 336

Ульянов Н. В.— 15

Ульянова (Смирнова) А. А.— 15, 313

Ульянова А. Ф.— 175

Ульянова (Бланк) М. А.— 18, 19, 20, 26, 27, 28, 29, 35, 36, 37, 45, 49, 53, 54, 55, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 98, 99, 100, 101, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 121, 122, 124, 127, 128, 129, 133, 134, 135, 137, 147, 148, 149, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 165, 190, 192, 194, 195, 198, 200, 201, 205, 206, 212, 213, 217, 218, 220, 221, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 232, 244, 252, 253, 263, 274, 275, 277, 284, 285, 289, 293, 295, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 307, 308, 309, 310, 319, 320, 322, 323, 324, 325, 326—327, 328, 329, 330, 334, 335—336, 337, 338

Ульянова М. И. (Маня, Маняша, Мария Ильинична) — 12, 19, 26, 27, 41, 55, 62—63, 71, 76, 80, 87, 89, 91, 92, 108, 110, 111, 125, 127, 130, 134, 135, 137, 145, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 170, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 181—182, 187—283, 284, 289, 296, 304, 306, 307, 310, 323, 324, 329, 330—338

Ульянова М. Н.— 15

Ульянова О. Д.— 149, 151, 190, 252

Ульянова О. И.— 19, 21, 24, 25, 29, 35, 36, 67, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 134, 135, 137, 140, 148, 149, 150, 151, 177, 194, 199, 202, 203, 204—205, 276, 279, 286, 299, 301, 304, 305, 327, 328, 330, 335

Ульянова Ф. Н.— 15

Ульянова-Елизарова А. И. (Андрей Николаевич, Анюта, Аня, Джемс) — 13—117, 121, 123, 126, 127, 129, 130, 135, 137, 145, 147, 154, 155, 156, 157, 158,

160, 173, 174, 177, 178, 182, 191, 192, 193, 194, 199, 200, 202, 205, 206, 207, 208, 216, 217, 218, 219, 221, 225, 229, 230, 233, 252, 256, 275, 277, 279, 284—318, 319, 324, 327, 328, 329, 330, 334, 335, 337, 338

Уншлихт И. С.— 6, 8

Урицкий М. С.— 245

Успенская А. И.— 200

Успенский Г. И.— 200, 203

Ушакова Степанида — 338

Ф

Фабержевич Збигнев — 115, 116

Факлин — 337

Фармаковский — 304

Федосеев Н. Е.— 29, 30, 57, 93, 101, 138, 139, 201

Фельдберг Б. В.— 269

Ферстер Отфрид — 273

Филиппов — 85

Филиппов К. Д. (дядя Костя) — 208, 209

Фосс Е. Н.— 337

Фролов — 154

Фролов С.— 85

Фролов К.— 85

Х

Халтурин С. Н.— 255

Хардин А. Н.— 142, 143, 166, 208

Хлебников Я.— 273

Ц

Цедербаум Ю. О. (Мартов Л.) — 11, 53, 54, 55, 60, 61, 63, 93, 102, 152, 160, 161, 168, 169, 257, 258, 280

Цезарь Гай Юлий — 22

Цеткин Клара — 258

Цивцивадзе И. В.— 247

Цицерон Марк Туллий — 22

Цюрупа А. Д.— 259

Ч

Чайковский П. И.— 228, 282

Чапаев В. И.— 328

Чебанов И. В.— 248, 249, 250

Чеботарев И. Н.— 68, 70, 285—288

Чеботарева А. К.— 47, 70, 286

Чекунов И. А.— 270

Челпанов Г. И.— 224

Чернов — 64

Черномазов М. Е.— 115

Чернышевский Н. Г.— 17, 105, 135, 137

Четвергова М. П.— 28

Чехов А. П.— 36, 256
Чигорин М. И.— 142, 143
Чириков Е. Н.— 29
Чирикова — 338
Чистяков М.— 308
Чубарь В. Я.— 6
Чугунов С. М.— 302
Чхеидзе Н. С.— 238

Ш

Шагинян М. С.— 319, 320—324, 324—327
Шаляпин Ф. И.— 153
Шапошников А. Р.— 259
Шарнель — 201, 205
Шведчиков К. М. (Костя, Олег) — 116, 117, 234
Schwester — см. Старкова (Розенберг) А. М.
Шелгунов В. А.— 39, 45, 70, 310
Шенбрунер — 183
Шерман Вильям — 127, 128
Шестернин С. П.— 64, 65
Шестернина С. П.— 64
Шлихтер А. Г.— 296—298
Шляпников А. Г. (Александр) — 6, 113, 116, 117, 118, 264
Шотман А. В.— 6, 270
Штейнгауер Я. М.— 126
Шумяцкий Б. З.— 6
Шухт А. А.— 219
Шухт А. А. (Ася, дочь А. А. Шухта) — 219

Щ

Щедрин — см. Салтыков-Щедрин М. Е.

Э

Эйхенбаум Б. М.— 23
Энгберг О. А.— 55, 100
Энгельс Фридрих — 30, 31, 207
Эссен (Грошопф) Е. И.— 18, 308, 309—310

Ю

Юдин Г. В.— 56, 89, 158, 221
Южаков С. Н.— 31, 32, 33, 38, 100
Юрашев — 338
Юшкевич П. С.— 105

Я

Яковлев А. И.— 56, 88
Яковлев И. Я.— 309
Якубова А. А.— 36, 53, 72, 74, 77, 204
Якубовский Г. В.— 23
«Японцы» — см. Бош Е. Б. и Пятаков Г. Л. (П. Киевский)
Яснева-Голубева М. П.— см. Голубева (Яснева) М. П.
Яснева-Халтурина А. П.— 209

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
От редколлегии	12

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

Воспоминания об Ильиче	15
I. Семейная обстановка (Родители В. И. Ульянова-Ленина и их время)	—
II. Детские и юношеские годы Владимира Ильича	19
III. Жизнь в Казани	28
IV. Жизнь в Самаре	30
V. Начало революционной работы Владимира Ильича Ульянова (Н. Ле- нина)	35
1. Из Самары в Петербург	—
2. Новые знакомства и связи	37
3. Борьба с «экономистами»	41
4. Слежка и арест	44
VI. Владимир Ильич в тюрьме	46
VII. Ссылка	55
VIII. Возвращение Ильича из ссылки и идея «Искры»	59
IX. Третий арест Ильича. Поездка в Уфу и отъезд за границу	62
Братья	66
Из статьи «Владимир Ильич в тюрьме. (Декабрь 1895— февраль 1897 го- да)»	69
Тайна шахматного столика	75
По поводу посылки «Credo» Владимиру Ильичу в Сибирь	77
Речь на вечере воспоминаний «Ленин и Октябрь» в Институте Ленина 29 ок- тября 1927 года	78
Страничка воспоминаний о Владимире Ильиче в Совнаркоме	81
В. И. Ленин и самарская деревня	84
Владимир Ильич в ссылке (1897 г.)	86
Владимир Ильич в ссылке (1898 г.)	96
К истории появления в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпи- риокритицизм».	101
Письма В. И. Ленина к родным (1910—1916 гг.)	107
Из переписки Русского бюро ЦК с заграницей в годы войны (1915—1916 гг.)	113

Д. И. УЛЬЯНОВ

Детские годы Владимира Ильича	121
Дом, двор и сад	—
Игры	123

Игра в солдатики	127
О доме Ульяновых в Симбирске	128
О золотых медалях	—
Дубовые стулья	—
Диван в кабинете отца	—
Мамина комната после смерти отца	129
Слово к школьникам	—
Как работал Ленин в молодые годы	131
О выборе Владимиром Ильичем факультета :	133
Воспоминания о Кокушкине (Запись беседы с Д. И. Ульяновым)	134
В Алакаевке	135
В Самаре	139
Шахматы	140
Случай с купцом Арефьевым	145
Любовь к музыке	147
Воспоминания о жизни семьи Ульяновых в Москве. (Стенограмма беседы с Д. И. Ульяновым)	154
Возвращение из ссылки	159
Гимнастика в тюрьме	163
Из воспоминаний о II съезде РСДРП	164
Поездка за границу	—
Встреча в Женеве	165
На съезде	166
После съезда	169
Освобождение Владимира Ильича из тюрьмы	—
Владимир Ильич в Горках	170
«Побег» из Кремля	182
Поездка Владимира Ильича на Сенежское озеро	183
По тетеревиным выводкам	184
Последние дни Ильича	186

М. И. УЛЬЯНОВА

Из воспоминаний	189
В Симбирске	193
Речь на траурном заседании Московского Совета, посвященном памяти Владимира Ильича Ульянова (Ленина) 7 февраля 1924 года	195
Как? Белую тетрадку черными нитками?	197
Старший брат	198
Из самарского (алакаевского) периода (1889—1893 гг.)	200
В деревне и в городе	—
Владимир Ильич на обеде у частного пристава	209
Меня взять не могут — все равно сижу	210
О Владимире Ильиче	211
Отдых и охота	216
Ленин в письмах к родным	217
В «Правде» после Февраля	233
Барышни	—
Приезд В. И. Ленина в Россию в 1917 году	235
Подполье в «свободной» России	239

Поиски Ильича в первые дни июля 1917 года	239
Первое покушение на В. И. Ленина	242
На отдыхе	243
Ранение	245
Нападение бандитов	247
Встреча на прогулке	251
Воспоминания о Владимире Ильиче	252
Характерные черты Владимира Ильича	260
Из воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине	261
Из доклада в «Тимирязевке» в январе 1925 года	263
Вождь, товарищ, человек	264
Аккуратность, пунктуальность, четкость	267
Одна из самых сильных сторон Ленина	269
Отвоєванные минуты. Из воспоминаний об Ильиче	273
Стенограмма беседы с учащимися 364 школы г. Москвы 23 ноября 1936 года	274
Ленин и Горький	280
Ленин и музыка	282

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

Из воспоминаний «О жизни Владимира Ильича Ульянова-Ленина в Казани (1887—89 гг.)».	284
Образец того, как нельзя писать биографии	285
Рецензия на книгу «У великой могилы»	288
Рецензия на книгу «Биография Ленина в датах и числах»	290
Рецензия на книгу «К годовщине смерти В. И. Ленина»	292
Рецензия на книгу «Первая годовщина — 1924—21-го января — 1925 г. Ленин, о Ленине, о ленинизме»	294
Рецензия на книгу А. Шлихтера «Ильич, каким я его знал»	296
Протокол № 24 заседания комиссии по реставрации Дома-музея В. И. Ленина (в Ульяновске)	298
Протокол № 25 заседания комиссии по реставрации Дома-музея В. И. Ленина	300
Из беседы с Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой	304
Из ответов А. И. Ульяновой-Елизаровой на вопросы Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске	305
Из ответов членов семьи Ульяновых на вопросы, выясняемые музеем	307
Профессор-оппортунист о Ленине	310

Д. И. УЛЬЯНОВ

В редакцию журнала «Молодая гвардия»	319
В редакцию журнала «Красная новь» (По поводу 1-й части романа М. Шагинян «Билет по истории»)	320
Роман о семье Ульяновых	324
Как нельзя писать воспоминаний о товарище Ленине	327

М. И. УЛЬЯНОВА

О некоторых «воспоминаниях» об Ильиче	330
Предисловие к книге	332
Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова. Рецензия на рукопись «Детские и юношеские годы Ильича» (Воспоминания о В. И. Ленине)	334
Биографические сведения об авторах воспоминаний	339
Указатель имен	341

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ**

В 10 томах

Т. 1

Воспоминания родных

Заведующий редакцией В. М. Подугольников

Редактор Т. Д. Дажина

Младший редактор Н. В. Квашук

Художники О. А. Карелина, О. Г. Черных

Художественный редактор А. Я. Гладышев

Технический редактор Г. М. Новакова

ИБ № 8345

Сдано в набор 08.02.89. Подписано в печать 29.05.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,0. Усл. кр.-отт. 24,0, в супер-обложке 25,13. Уч.-изд. л. 25,45. Тираж 175 тыс. экз. Заказ № 4533. Цена 1 р. 40 к., в супер-обложке 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

